

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ГЛЯДЕНОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ-КОСТИЩЕ
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУР
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
И ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
НАРОДОВ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ЕВРАЗИИ**

Сборник научных статей

Пермь 2021

УДК 902
ББК 63.4
Г558

Гляденовское городище-костище в контексте культур раннего железного века и эпохи великого переселения народов лесной полосы Евразии : сборник научных статей / отв. редакторы С. Н. Коренюк, М. Л. Перескоков ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2021. – 208 с.

ISBN 978-5-7944-3699-0

В сборнике представлены материалы исследований, посвященные эпохе существования Гляденовского городища-костища – одного из интереснейших памятников раннего железного века и эпохи Великого переселения народов Прикамья.

Первая часть сборника содержит материалы научного полевого симпозиума «Традиции и инновации в изучении святилищ и культовых комплексов», посвященного 120-летию изучения Гляденовского костища и 100-летию Пермского государственного университета, проходившего 24–28 августа 2016 г. на Гляденовском костище. Вторая часть сборника посвящена исследованиям памятников, которые отражают культурный и хронологический контекст эпохи.

Издание будет интересно не только археологам, студентам-историкам, работникам музейной сферы, но и всем, кто интересуется древней историей Прикамья.

УДК 902
ББК 63.4

*Печатается по решению ученого совета историко-политологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Редакционная коллегия:

А.В. Васильева, к.и.н. Г.П. Головчанский; С.Н. Коренюк – ответственный редактор, к.и.н.
М.Л. Перескоков – ответственный редактор, к.и.н. А.Ф. Мельничук, М.К. Мингалева,
Д.А. Якимова

Рецензенты: **Красноперов Александр Анатольевич**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального научного центра Уральского отделения РАН

Изосимов Денис Анатольевич, кандидат исторических наук, заместитель начальника Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края

ISBN 978-5-7944-3699-0

© ПГНИУ, 2021

---

*Исследователям
Гляденовского костница
посвящается...*

Новокрещенных Николай Никифорович
1842-1902

Генинг Владимир Фёдорович
1924-1993

Вечтомов Анатолий Данилович
1923-1991

Лепихин Анатолий Николаевич
1963-2002

Мельничук Андрей Фёдорович
1954-2019

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО ПОЛЕВОГО СИМПОЗИУМА, ПОСВЯЩЕННОГО 120-ЛЕТИЮ ИЗУЧЕНИЯ ГЛЯДЕНОВСКОГО КОСТИЩА И 100-ЛЕТИЮ ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

7

Васильева А.В., Кореньюк С.Н., Перескоков М.Л. (Пермь, Россия)

Основные итоги 120-летнего изучения Гляденовского

городища-костища..... 8

Васильева А.В., Кореньюк С.Н., Перескоков М.Л. (Пермь, Россия)

Изучение второй линии фортификационных сооружений (вал II)

Гляденовского городища (по материалам раскопок 2014 г.)..... 58

Lavento M. (Helsinki, Finland)

Textile ceramics in Finland and on the Karelian isthmus and its relation to the

contemporary ceramics types in this area – preliminary views on the problematics..... 78

Павлова А.Н. (Йошкар-Ола, Россия)

Пермские параллели в украшениях костюма финно-угров Поволжья..... 90

Патрушев В.С. (Йошкар-Ола, Россия)

Зооморфные изображения финно-угров Волго-Камья эпохи раннего железа..... 95

Сериков Ю.Б. (Нижний Тагил, Россия)

К вопросу о семантике некоторых находок на культовых памятниках

Западного и Восточного склона Среднего Урала..... 101

Челякин Ю.П. (Екатеринбург, Россия)

Сакральные места кулайской культуры таежного Приобья (опыт типологии)..... 107

Ширин Ю.В. (Новокузнецк, Россия)

О некотором сходстве культовых изображений эпохи раннего железного века

из Приуралья и Западной Сибири..... 113

Доткин К.В. (Самара, Россия)

Практика использования рентгенофлуоресцентного метода изучения химического

состава металла в археологических исследованиях..... 119

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИУРАЛЬЯ

126

Васильева А.В., Кореньюк С.Н., Перескоков М.Л. (Пермь, Россия)

Керамика памятников позднеананьинского времени в районе д. Болгары

в окружающем культурном контексте..... 127

Перескоков М.Л. (Пермь, Россия)

Группа предметов позднего этапа ананьинской культуры с комплекса памятников

Кала-Урын (по материалам раскопок 2013-2017 гг.)..... 143

Кореньюк С.Н., Мингалева М.К., Перескоков М.Л., Чайковский И.И. (Пермь, Россия)

Бусы могильника Верхний Ирьяк. Работа над ошибками и новые данные..... 153

Васильева А.В., Перескоков М.Л., Якимова Д.А. (Пермь, Россия)

Керамика Гляденовского костища (по материалам раскопок 2017-2018 гг.)..... 170

Чуйкина Е.В. (Пермь, Россия)

Комплекс находок с Гремячанского VII селища..... 184

ADMEMORIAM

187

Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф., Кореньюк С.Н., Чуйкина Е.В. (Пермь, Россия)

В.П. Денисов в археологии Прикамья..... 187

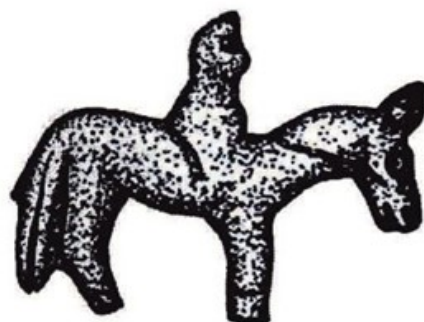
ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

У настоящего издания сложная судьба. Первоначально планировался сборник работ по результатам научного полевого симпозиума «Традиции и инновации в изучении святилищ и культовых комплексов», посвященного 120-летию изучения Гляденовского костыща и 100-летию Пермского государственного национального исследовательского университета, проходившего 24–28 августа 2016 г. на Гляденовском костыще. Но, к сожалению, по ряду обстоятельств издание сборника откладывалось. В связи с задержкой часть заявленных работ была опубликована в других изданиях. Также с течением времени актуализировались данные исследований самого Гляденовского городища и костыща, что делало необходимым корректировку ряда выводов, озвученных на симпозиуме. Помимо этого, за время подготовки сборника собрался ряд материалов по памятникам близким хронологически и географически, что подтолкнуло к появлению новой концепции издания. Сам же выход сборника по стечению обстоятельств совпал уже со следующей знаменательной датой – 125-летием исследования Гляденовского костыща.

Таким образом, в сборнике сформировались блоки, раскрывающие различные аспекты функционирования Гляденовского городища и костыща. Первый блок – материалы полевого симпозиума – раскрывает контекст, связанный с изучением культовых мест, сакральной сферы, методики и практики исследования святилищ. Второй блок, включающий публикации материалов исследований памятников раннего железного века Приуралья, – отражает культурный и хронологический контекст. Во втором блоке представлены как новые исследования, так и сильно переработанные и дополненные работы, ранее уже публиковавшиеся в виде кратких тезисов. Завершает сборник статья, посвященная памяти видного пермского археолога, исследователя эпохи палеометалла и раннего железного века Приуралья, Владимира Петровича Денисова, который внес значительный вклад в исследование памятников ананьинской и гляденовской культур.

Представляется, что предлагаемое издание позволит по-новому взглянуть на проблемы, связанные с археологией раннего железного века Приуралья.

Ответственные редакторы С.Н. Коренюк и М.Л. Перескоков

«ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ СВЯТИЛИЩ И КУЛЬТОВЫХ КОМПЛЕКСОВ»

**Материалы международного научного полевого симпозиума,
посвященного 120-летию изучения Гляденовского костыща
и 100-летию Пермского университета,
г. Пермь, 24–28 августа 2016 г.**

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ БОЛЕЕ ЧЕМ 120-ЛЕТНЕГО ИЗУЧЕНИЯ ГЛЯДЕНОВСКОГО КОСТИЩА

А.В. Васильева, С.Н. Кореньюк, М.Л. Перескоков

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Anastasia-perm@mail.ru

Korenyuk_sn@mail.ru

Pereskokoff@yandex.ru

В статье подводятся итоги более чем 120-летнего исследования Гляденовского городища и костыща. Анализируется развитие фортификации городища, его планиграфия и структура, типы исследованных объектов и построек. Рассматривается планиграфия костыща. На сегодняшний день, очевидно, что на памятнике существовало две культовых площадки. «Центральная» была исследована Н.Н. Новокрещенных в 1896-1897 гг. «Малая» площадка исследуется с 1981 г. по настоящее время Камской археологической экспедицией ПГНИУ. Изучены жертвенники, зольники, скопления костей, выкладки из черепов диких и домашних животных. Представлена характеристика культовой металлопластики и основных типов археологического материала, предложена уточненная хронология и периодизация памятника. Рассмотрены основные этапы его функционирования в историко-культурном контексте.

Ключевые слова: ананьинская культура, гляденовская культура, металлопластика, звериный стиль, святилище, костыще, фортификация, оборонительная башня, керамика, постройка, погребение.

В 2016 г. исполнилось 120 лет с одного из наиболее знаменательных событий в археологии Пермского Прикамья – начала исследования памятника, изменившего понимание раннего железного века региона – Гляденовского костыща, которое не перестает преподносить приятные сюрпризы.

Изучение, проблемы и проблемы изучения

Гляденовское костыще, расположенное на одноименном городище, было найдено в начале 90-х гг. XIX в. Сельским учителем Курочкиным. Ф.А. Теплоухов обратил внимание на Гляденовское костыще члена Пермской ученой архивной комиссии С.И. Сергеева. В 1896 г. С.И. Сергеев, совместно с И.Н. Глушковым провели на этом жертвенном месте разведочные работы, которые, вероятно, дали яркие вещественные материалы. В этом же году масштабные стационарные работы на Гляденовском костыще были начаты председателем Пермской ученой архивной комиссии Н.Н. Новокрещенных, которые были продолжены в 1897 г. (Рис. 1-3). Как пишет Н.Н. Новокрещенных: «В это время прошел слух, что после археологов-французов будут в Пермь какие-то шведы, специально для раскопок Гляденовского костыща – в виду чего не представлялось возможным оставить готовое место на расхищение людям неведомым. Тогда я рискнул начать разработку на свои средства. Когда было затрачено уже до 700 р., Императорская Археологическая Комиссия телеграммой уведомила меня, что бы работы не прекращались и что все расходы Комиссия принимает на свой счет» [Новокрещенных, 1901, с. 109]. Всего была вскрыта площадь в 170 кв. саженей (771 кв.м.). 12 июля 1898 г. Н.Н. Новокрещенных совместно с А.А. Спицыным был сделан окончательный осмотр произведенных работ на Гляденовском костыще [Новокрещенных, 1901, с. 110]. Материалы раскопок были оперативно систематизированы и опубликованы А.А. Спицыным [Спицын, 1901]. Отчет Н.Н.Новокрещенных о раскопках Гляденовского костыща был опубликован уже после смерти исследователя [Новокрещенных, 1914].

Н.Н. Новокрещенных исследовал на средней площадке городища крупную культовую площадку, включавшую зольник, диаметром около 32 м, скопления сырых и пережженных костей. Мощность костеносного слоя (зола и костей) в центре площадки достигала 2,25 аршина (1,6 м) [Новокрещенных, 1914, с. 31] (Рис. 4–5). В ходе раскопок было найдено значительное количество предметов (до 24000 экз.), среди которых предметы культовой металло-

пластики, наконечники стрел, бусы, фрагменты керамических сосудов и прочие предметы, связанные с культовыми практиками [Новокрещенных, 1901, с. 110].

При этом Н.Н. Новокрещенных дал первое описание городища, на котором располагается гляденовское костыще, и нарисовал его глазомерный топографический план (рис. 6). «Гляденовское городище представляет длинную полосу земли, суживающуюся от крайнего внешнего вала к остряку. Вал вышиной в 4 аршина (2,84 м) и в 12 аршин (8,53 м) шириной с наружным, совершенно почти засоренным рвом... От вала площадка городища идет прямо на запад с разными уклонами, т.е. с более или менее большим углом падения... Площадка восточной части городища около вала покрыта не толстым слоем культурной земли (от 2 до 4 вершков (от 8,9 до 17,7 см), потом идет выемка, где добывается хрящ на поправку тракторных дорог. За выемкой идет покатость сажен на сто от вала, покрытая мелким хвойным лесом. С северной стороны городище по всей его длине представляет крутой обрыв к р. Нижней Мулянке, проложившей дорогу около обрыва. Южная сторона представляет менее крутой обрыв в лог. В расстоянии 100 саж. (приблизительно) от вала, идет пологая площадка на пятьдесят сажен, с падением от 2 до 7 на запад. На этой площадке (средней – примечание Авт.) и находилось костыще. Площадку с западной стороны замыкает вал, перегораживающий городище по всей его ширине с севера на юг. Вал этот до $2\frac{1}{2}$ сажен ширины и $1\frac{1}{2}$ аршина вышины. По обе стороны вала идут рвы, уже засоренные и теперь не более $\frac{3}{4}$ аршина глубиной [Новокрещенных, 1914, с. 23–24]. Краткое описание городища приводится и у А.А. Спицына: «Площадка ограждена валом до 4 арш. (2,84 м), высоты и до 55 саж. (117,35 м) протяжения. Длину всей площадки городища можно считать до 205 саж. (437,47 м). Конец ее, сажен в 85 (181,39 м) длиною, огражден другим валом, прямым, нижняя часть этого второго городища, длиною до 20 саж. (42,68 м), обработана в виде уступа правильной формы, заканчивающегося на самой стрелке полукругом» [Спицин, 1901, с. 3]

Но собственно городище не заинтересовало исследователя, и раскопки были прекращены. Кости, же, извлеченные из раскопа, вероятно были вывезены крестьянами на фосфорный завод, что было распространенной практикой того времени и способствовало уничтожению святилищ такого типа [Теплоухов, 1880], и, вероятно, является ключевой причиной того, что ряд костыщ, известных в том числе и по сведениям Н.Н. Новокрещенных [Новокрещенных, 1901, с. 123–124, 135; 1914, с. 25–26], такие как Гаревское, Топосихинское, Пьянковское, до настоящего времени достоверно не локализованы.

Долгое время памятник считался исследованным и не привлекал внимание ученых. В.Ф. Генинг в 1950-е гг. провел шурфовку как площадки костыща, так и площадки городища, но значительного материала не получил и посчитал костыще полностью раскопанным. В одной из последних своих работ, посвященных археологии Прикамья, В.Ф. Генинг предложил свой вариант реконструкции святилища, так же подтверждая точку зрения, что костыще исследовано полностью [Генинг, 1988] (рис. 7–8).

Активные работы на памятнике возобновились в 1980 г. под руководством А.Д. Вечтомова, когда на верхней площадке городища начали разрабатывать гравийный карьер [Вечтомов, 1981, с. 128]. Им впервые была исследована верхняя площадка городища и фортификационные сооружения. Он разрезал внешний вал городища, заложил небольшой раскоп на верхней площадке (рис. 9). Материалы исследований 1980 г. на сегодня единственные сведения о фортификации с напольной стороны городища и характере верхней площадки, так как на сегодняшний день они полностью уничтожены карьером. Небольшой, сильно снивелированный участок вала, сохранился под опорой триангуляционной вышки (рис. 14).

В 1981–1984 гг. А.Д. Вечтомов проводил исследования на средней площадке (рис. 10–11), где располагается костыще [Вечтомов, 1983; 1984; 1985]. Раскопы были заложены в центре площадки, где присутствует значительный склон в южном направлении, в то время как раскоп Н.Н. Новокрещенных был приурочен к северному склону, и даже частично на него заходил. Раскопки А.Д. Вечтомова дали весьма небольшой материал [Лепихин, Мельничук, 1997], в связи, с чем исследователь решил, что исследовал не изученные Н.Н. Новокрещенных участки и дальнейшее исследование памятника бесперспективно. [Вечтомов, 1985]. По

мнению А.Н. Лепихина и А.Ф. Мельничука, «относительно небольшое количество находок культовых предметов, сильно фрагментированная посуда, отсутствие целых жертвенных чаш, каких либо крупных скоплений костей, открытых жертвенников или жертвенных ям позволяет утверждать обратное – исследовались перекопы 1896–1897 гг. *Методика раскопок XIX в. была далека от совершенства, и, при траншейном методе полевых исследований, рабочие естественно могли пропускать часть находок, оставляя иногда не раскопанные участки (курсив наш – Авт.)*. Лишь в северо-западной части раскопа А.Д. Вечтомова, где было выявлено жертвенное захоронение жеребенка с бронзовым втульчатым наконечником стрелы гляденовского типа, культурный слой явно не был затронут работами Н.Н. Новокрещенных» [Лепихин, Мельничук, 2006, с. 8]. Важным результатом исследований А.Д. Вечтомова по мнению А.Н. Лепихина и А.Ф. Мельничука является то, что им «под основным слоем костища гляденовского времени был выявлен слой с керамикой поздней стадии ананьинской культуры (V–III вв. до н.э.), который в ходе работ 1896–1897 гг. *совершенно не исследовался*» (курсив наш – Авт.). А.Д. Вечтомов считал, что нижний культурный слой, располагавшийся повсеместно, был ошибочно сочтен Н.Н. Новокрещенных полстиляющим [Вечтомов, 1983, с. 140]

А.Ф. Мельничук в 1991 г. возобновил исследование памятника, и на северном склоне площадки костища обнаружил не разрушенный костеносный слой. Раскопки были продолжены А.Н. Лепихиным в 1995–1997, 2001 гг. которые дали значительный материал [Лепихин, Мельничук, 1999; Лепихин, 2007]. В 2003–2006 гг. раскопки памятника продолжил С.Н. Коренюк, который исследовал северо-западную часть площадки костища, а также впервые исследовал нижнюю площадку памятника, где были изучены металлургические объекты, культовая и хозяйственная постройки [Коренюк, Мельничук, 2016; Коренюк, Перескоков, 2017].

С 2014 г. в связи с активностью черных копателей, раскопки памятника возобновились под руководством А.В. Васильевой (2014–2015, 2017–2019 г.) и М.Л. Перескокова (2016, 2020 г.)¹. В 2014 г. был исследован второй вал городища, отделяющий среднюю площадку с костищем от нижней площадки. Раскопки 2017 г. выявили систему укреплений со стороны стрелки мыса, которая состояла из третьего и четвертого валов. При этом было изучено сооружение в виде башни, которое было встроено в насыпь вала. В 2019 г. был изучен боковой вал, зарывающий нижнюю площадку со стороны оврага, а также продолжены исследования нижней площадки городища. Ежегодно с 2015 г. вновь исследуется и площадка костища. Раскоп 2016 гг. позволил соединить всю исследованную с 1981 г. площадку костища в единой сетке координат, что позволяет совершенно по-новому взглянуть на структуру и планиграфию памятника (рис. 12).

Детали мозаики

Открытым, тем не менее, оставался вопрос локализации раскопа Н.Н. Новокрещенных. Сильные изменения в топографии верхней площадки памятника, вызванные разрушением при разработке карьера, сильно усложнили задачу. Позиции исследователей относительно данной проблемы выстраивались в противоположные мнения. Если А.Д. Вечтомов считал, что исследовал неисследованные участки, примыкающие к раскопу Н.Н. Новокрещенных с юга, то А.Ф. Мельничук и А.Н. Лепихин считали, что А.Д. Вечтомов перекапывал его раскоп (см. курсив выше). При этом, раскопанные А.Ф. Мельничуком и А.Н. Лепихиным неразрушенные участки, исследователи считали просто недоисследованные Н.Н. Новокрещенных.

---

¹В 2014–2020 гг. на Гляденовском городище-костище производились спасательные археологические исследования в рамках программы «Пермский край – территория культуры» и финансировались Государственной инспекцией по охране объектов культурного наследия Пермского края. В 2019–2020 гг. работы на раскопах II и VII на нижней площадке Гляденовского городища-костища, а также часть радиоуглеродного датирования и аналитической работы проводились за счет гранта РНФ №19-78-10050 «Ранний железный век и эпоха Великого переселения народов в Приуралье: адаптация, миграция и культурная трансформация в изменяющейся природной среде».

Такая версия имеет ряд серьезнейших несостыковок. Н.Н. Новокрещенных в своем отчете о раскопках Гляденовского костыща, изданном посмертно, подробнейшим образом описывает методику исследований [Новокрещенных, 1914, с. 26-30]. Весь культурный слой тщательным образом перебирался вручную, у каждого рабочего имелась тара под находки, наиболее выдающиеся тут же отмечались на плане. Имелся отдельный план каждого участка. В ряде случаев, участки, где были подозрения, что могут быть пропущенные предметы, перебирались повторно, а иногда и в третий раз. Тщательность работы, которая подкреплялась премиальными за найденные вещи, косвенно подтверждается и тем фактом, что, в ходе раскопок Н.Н. Новокрещенных собрана наибольшая за всё время раскопок коллекция бус, более 13500 экз., «...не считая ломы и горелых, а от части и растащенных рабочими» [Новокрещенных, 1914, с. 91], большинство из которых достаточно мелкие бусы и бисер с внутренней позолотой, которые в современных раскопках в большом количестве находятся только при просеивании культурного слоя. Тезис же о том, что Н.Н. Новокрещенных не доисследовал культурный слой, вызывает удивление, так как геолог по основной профессии, Н.Н. Новокрещенных, уж точно не мог перепутать коричневый суглинок – слой ананьинского времени и красную материковую глину, что хорошо документировано самим автором, как в отчете, так и в публикации, где представлены чертежи профилей стратиграфических разрезов раскопа с подробным, свойственным геологическим отчетам, описанием слоев, заметки по планиграфии и расположению объектов (Рис. 5) [Новокрещенных, 1914, с. 30-42]. Причем, расположение в этой части площадки раскопа Н.Н. Новокрещенных, который исследовал северный край площадки и склон, исключало бы нахождения здесь нетронутого костеносного слоя в дальнейшем. Нахождение на северном склоне неразрушенных участков не только в раскопках А.Ф. Мельничука и А.Н. Лепихина, но и в раскопках С.Н. Коренюка (2003-2006 гг.), которые так же располагаются по северному краю площадки, исключают вероятность локализации здесь раскопов 1896-1897 гг. Это полностью подтвердилось в 2016 г. когда были зафиксированы углы раскопов А.Ф. Мельничука (1991 г.), А.Н. Лепихина (1996 г.), С.Н. Коренюка (2005 г.), А.Д. Вечтомова (1981 г.).

Исследование центральной площадки позволило сделать несколько важных выводов²:

1. Все раскопы на средней площадке городища 1981-2016 гг. (а также вплоть до настоящего времени) исследовали неразрушенные участки костыща.

2. Изучение планиграфии исследованных объектов говорит о том, что раскапывалась самостоятельная отдельная («малая») площадка костыща, расположенная на небольшой возвышенности в сторону северо-западного направления средней площадки, и ограниченная вторым валом городища.

3. Участки в центре площадки, исследованные А.Д. Вечтомовым, а также частично в раскопах 2016-2017 гг. содержали мощные прослойки пепельно-золистого слоя, очень однородного слоя в верхней части профилей. Слой сильно отличался от костеносного слоя в раскопах на северном склоне, который на южных участках так же присутствует, но располагается под пепельно-золистым слоем и имеет очень незначительную мощность. Пепельно-золистый слой крайне беден находками, которые за исключением отдельных костей и мелких фрагментов керамики в нем практически отсутствуют. Такое различие в стратиграфии северного и южного склонов площадки костыща может быть объяснено следующим образом. На южных участках раскопанной площадки (раскопы 1981-1984, 2016-2017 гг.) располагается ложбина, которая делит площадку на две части, при этом, эта ложбина является естественной границей «малой» культовой площадки. «Основная» площадка костыща, исследованная Н.Н. Новокрещенных, располагалась выше по склону, к востоку, в сторону внешнего оборонительного вала, в две трети расстояния от первого до второго вала (*подробнее см. ниже – курсив Авт.*) [Спицын, 1901, с. 4]. Судя по всему, после завершения раскопок, отвалы, состоящие из костей животных, имеющие значительную

² В предварительном виде данные выводы были озвучены на симпозиуме 2016 г. и были раскритикованы А.Ф. Мельничуком. К сожалению, никаких новых аргументов, к подтверждению своей точки зрения он представить не успел.

высоту (Рис. 1-3), были вывезены крестьянами на фосфорный завод, а на месте раскопок остался рыхлый и текучий отвал большого зольника³. Площадка была открытой, и отвал постепенно смыло вниз по склону, где он заполнил ложбину к югу от малой площадки, сильно снивелировав её. Таким образом, «основная» площадка костища, раскопанная Н.Н. Новокрещенных, располагалась к востоку от «малой», выше по склону, полностью обнажилась до материка в результате естественных процессов, а выросший затем на ней лес и сформировавшаяся лесная почва составили современный рельеф, вдобавок, разрушенный карьером.

4. Культурный слой ананьинского времени, предшествующий костищу или синхронный началу его функционирования, присутствует в большей степени на южном и северном склонах «малой» площадки, что, вероятно, связано с расчисткой и нивелировкой площадки святилища. На северном склоне, под костеносным заслоем, так же фиксируются остатки разрушенной фортификационной системы предшествующего городища – позднего этапа ананьинской культуры.

Таким образом, современные данные о Гляденовском городище-костище позволяют рассматривать его как сложный многоуровневый фортификационный и культовый объект, являющийся уникальным как для территории Прикамья, так и для лесной полосы Евразии в целом. Современные исследования памятника позволяют сделать предварительные выводы о характере изученных объектов, планиграфии, стратиграфии памятника, предложить некоторые интерпретации и реконструкции.

Топография, особенности расположения, географический и историко-культурный контекст

Гляденовское городище находится в 2 км к западу от д. Малое Савино Пермского района Пермского края. Городище занимает длинный мыс левого коренного берега р. Камы. У подножия мыса протекает р. Нижняя Мулянка, впадающая в Каму в 3,5 км южнее городища. С севера и юга мыс ограничен глубокими древними логами, поросшими хвойным лесом, главным образом, еловым. Площадка мыса имеет в длину около 500 м и ширину от 15 до 120 м. Наибольшая высота над уровнем р. Нижняя Мулянка достигает 106 м и зафиксирована у почти разрушенного карьером наружного вала, на котором ранее располагалась триангуляционная вышка. Городище занимает господствующую высоту как над широкой поймой Камы (Красавой), так и над поймой р. Нижняя Мулянка – центральной территорией распространения памятников гляденовской культуры.

Рассмотрение процессов, реконструируемых по археологическим данным для раннего железного века Прикамья в контексте изменения окружающей среды, дает возможность несколько по-иному взглянуть на проблемы культурогенеза и выстроить иную модель (гипотезу) развития культур [Перескоков, 2016; Перескоков, 2019]. Ареал расселения носителей ананьинской культуры (культурно-исторической общности/области) в Пермском Прикамье ограничивался широкой долиной Камы и долинами нижнего течения крупных притоков. В период похолодания, которое исследователи относят к границе суббореального и субатлантического периодов (2500 л. н.) и которое соответствовало среднему и позднему этапам ананьинской культуры (VI-IV вв. до н.э.), проходит существенная милитаризация, что проявляется в появлении значительного числа укрепленных поселений (городищ), в том числе и Гляденовского. За похолоданием следовало смягчение климата и потепление (Римский климатический оптимум) [Behringer, 2007, р. 86–90, 258], который соответствует раннему и среднему этапам гляденовской культуры – периоду наивысшего расцвета Гляденовского костища. В этот период развитие скотоводства переживало значительный подъем, что привело к появлению прибавочного продукта, в виде массово приносимых в жертву животных на костищах. Развитие производящей экономики, судя по всему, вызвало демографический взрыв,

³ Н.Н. Новокрещенных обозначал его как слой пепла, и отмечал его текучесть. Так же он указывал на то, что это являлось серьезной проблемой, так как высокие отвалы после дождей стекали в раскоп [Новокрещенных, 1914, с.30–39]

что отразилось в резком увеличении количества поселений в начале I тыс. н.э. Очевидно, это привело к переизбытку населения в широкой пойме р. Кама, дефициту ресурсов и, как следствие, локальные миграции гляденовцев. Эти миграции, в сущности, являлись «колонизацией» сопредельных территорий, которые отвечали заданным критериям – широкопойменные речные долины – и к IV в. н.э. были сформированы все локальные варианты гляденовской культуры [Перескоков, 2013; Перескоков, 2018, с. 111–113]. В этот период появляются немногочисленные инокультурные воинские группы (ранние комплексы Мокинского могильника), которые включаются в местную культурную среду и проживают совместно с гляденовским населением. Климатический оптимум сменяется существенным похолоданием, которое сопровождалось и увеличением количества осадков, пик которого пришелся на конец IV–VI в. н.э. (раннесредневековый климатический пессимум) [Аськеев и др., 2009, с. 66; Баккин, 2009; Голдина, 2004, с. 253; Клименко и др., 2001, с. 680–681; Петренко, 2001, с. 17; Shumilovskikh et al., 2020; Bütgenetal., 2016, p. 231–236].

Вероятно, широкую долину р. Камы, которая оставалась основным ресурсом для ведения хозяйства, стало постепенно подтапливать и заболачивать, что снова вызвало дефицит ресурсов. В конце IV в., вероятно, вследствие начавшегося упадка хозяйства костяща постепенно перестают функционировать, и начинается борьба за пригодную для выпаса скота территорию между различными гляденовскими группировками. Начинается постепенная деградация системы гляденовских костящ, вызванная кризисом производящей экономики. Этот период характеризуется резким появлением значительного количества городищ на территории всех локальных вариантов культуры. Во второй половине IV в. в Прикамье появляются группы пришлого населения, связанные с культурно-хронологическим горизонтом Тураево-Кудаш [Перескоков, 2014; Перескоков, 2018, с. 104], связанные с которым погребения присутствуют в могильниках всех локальных вариантах гляденовской культуры. Пришлые воинские отряды, так же, как и предыдущие, были малочисленны. Они влились в структуру местного населения, вероятно, захватив власть в воевавших между собой гляденовских группировках.

В V в. гляденовское население более плотно осваивает бассейн р. Сылва (где становится основой для формирования неволинской культуры), бассейны р. Обва, р. Чусовая, и территорию Верхней Камы (где становится основой для формирования ломоватовской культуры) [Перескоков, 2018, с. 119]. Пик похолодания пришелся на V в., что, вероятно, привело широкую пойму р. Камы в начале VI в. к полной непригодности для ведения хозяйства (т.е. в данном случае для жизни на данной территории), так к началу VI в. вся территория Среднего Прикамья вдоль р. Кама, забрасывается гляденовским населением и ядро гляденовской культуры перестает существовать. Еще раньше, в V в. полностью исчезают памятники на территории Тулвинско-Частинского локального варианта.

В геологическом плане, терраса, на которой располагается городище, сложена из медистых песчанников уфимского ярусаприуральского отдела (нижняя пермь – P₁) [Харитонов, 2016, с. 31], которые являются основным сырьем для медеплавильного производства в Прикамье. Выше по течению р. Мулянка в 300 м от городища, располагается Святой источник преподобного Трифона Вятского и «пещера» где по легенде тот жил⁴. В реальности, эта «пещера» является засыпанной штольной, где уже в Новое время была попытка добычи медистых песчанников для медеплавильных заводов в г. Перми. По данным Н.Н. Новокрещенных: «Гляденовская гора представляет собой мощный выступ гравия – разрушенных конгломератов Пермской формации. Здесь же есть обнажения медистосланцевых песчаников, в которых лет шестьдесят назад производились разведки на менные руды, причем было пробито несколько шурфов на горе и небольшая штольня в гору у подошвы горы, которая теперь

⁴ Н.Н. Новокрещенных считал, что нет оснований связывать Гляденовское костяще с остояцким святилищем – «кладбище остояцкое или жертвище идольское», которое фигурирует в житии преп. Трифона Вятского. «... и место остояцкого жертвища надобно искать где-нибудь в другом месте, а не у Гляденовского костяща» [Новокрещенных, 1914, с. 22]. Этого же мнения придерживаются Г.П. Головчанский, А.Ф. Мельничук, Д.В. Третьяков, и их аргументация представляется нам убедительной [Головчанский, Мельничук, Третьяков, 2017].

обвалилась и осыпалась. Чуть ли не в виду предположений, что здесь есть хорошие запасы руды, местность эта отчуждена была в распоряжение Пермских казенных заводов, в частности к Мотовилихинскому медноплавильному заводу, но по ненахождению руд поступила в надел так наз. «Николаевским солдатам» [Новокрепленных, 1914, с. 23]. По всему краю террасы имеются хорошие обнажения и выходы песчаника. Вряд ли можно предполагать случайным совпадением тот факт, что население раннего железного века устроило крупнейшее городище смошной металлургической базой на естественных выходах основного сырья, и не использовало их. То собственно не исключает возможности разработки их и в Новое время. Аналогичный пример расположения городища на рудных выходах с исследованной штольней присутствует на городище Ермаша⁵ неподалеку от Гляденовского городища.

Гляденовское городище – ранний этап функционирования памятника

Первый план городища был составлен еще Н.Н. Новокрепленных, где было нанесено два вала, расположенных поперек площадки. Второй вал отделял верхнюю и среднюю площадки от нижней – мысовой. План был очень условный, и основным его назначением было обозначить расположение Гляденовского костыща. Изучение поселенческих и фортификационных объектов, расположенных на памятнике началось в 1980 г., когда А.Д. Вечтомовым были проведены разрезы внешнего вала (Вал I). К сожалению, в тот период в среде исследователей (за исключением тех, кто специально занимался фортификацией) было принято ограничиваться либо разрезами вала при помощи узкой траншеи, либо зачисткой обнажений разрушенных участков. При этом полевая документация не сопровождалась планиграфией, что еще больше сокращает информативность данных материалов. Вечтомовым были сделаны два разреза (рис. 9, 11, 13). Первый – в центральной части вала; второй – в северной части, ближе к краю террасы. Стратиграфия в разрезах сильно отличается. В центральном разрезе (рис. 13-А), фиксируется достаточно стандартная земляная насыпь вала, характерная для ананьинского времени, состоящая из глиняного ядра и «панциря» из глины, сильно насыщенной гравием, при этом, видно расползание насыпи, вероятно, после разложения деревянных опорных конструкций. Северный разрез имеет в центральной части насыпи провал, которому соответствует углубление в форме небольшого котлована под насыпью, в заполнении которого встречаются фрагменты обугленных деревянных конструкций (рис. 13-Б).

Ограничившись зачистками вала, шурфовкой и небольшим раскопом на верхней площадке на краю котлована, который не выявил каких-либо конструкций, А.Д. Вечтомов сосредоточился на изучении средней площадки – площадки костыща. При этом, топографический план уточнен не был. Более того, исследователь ограничился частью общего плана, которая включала среднюю и верхнюю площадки. После этого верхняя площадка и внешняя фортификация (Вал I) была полностью уничтожена карьером.

Примечательно, что в процессе снятия инструментального топографического плана В.П. Мокрушиным в 2001 г., так же значиться только два оборонительных вала. При этом оборонительное назначение вала, отделяющего площадку костыща от площадки городища (Вал II), вызывали сомнения у исследователей. Так А.Ф. Мельничук, указывал на его бессмысленность, с точки зрения обороны нижней площадки, так как склон к средней площадке очень значительный, и оборонявшиеся были бы ниже, чем наступающие. Исследователь считал, что вал имел культовое значение, являясь границей сакрального пространства костыща. Данную точку зрения поддерживал и один из авторов настоящей статьи [Изосимов, Перескоков, 2010], пока не были выявлены все элементы фортификационной системы Гляденовского городища.

Системное изучение городища – сохранившейся нижней площадки, начатое С.Н. Кореньюком в 2003 г. продолжается до настоящего времени авторами данной статьи. Исследование фортификации было продолжено в 2014 г. раскопками II вала. В ходе раскопок 2017 г.,

---

⁵ Исследователь городища Ермаша В.П. Мокрушин, считает, что штольня относится к Новому времени, а для металлургического производства раннего железного века, которое присутствует на городище, использовалась привозная руда [Мокрушин, 2008, с.119].

с целью доисследовать постройку, частично раскопанную С.Н. Коренюком в 2006 г. на стрелке мыса нижней площадки была выявлена третья система укреплений, пересекавшая площадку городища поперек (Вал III), в которой была исследована конструкция в виде оборонительной «башни». После данной находки М.Л. Перескоковым был уточнен топоплан памятника, и в ходе детального осмотра наиболее труднодоступных участков, заваленных упавшими деревьями, были выявлены участки сохранившихся насыпей еще трех оборонительных систем [Коренюк, Перескоков, 2017]. Вал IV, располагается вблизи вала III, параллельно ему на самой кромке мыса и несколько ниже. Так же были выявлены два боковых вала, которые ограждают городище с юга, со стороны оврага. Вал V обороняет нижнюю площадку городища. Вал VI закрывает среднюю площадку городища, где располагается костыще. Раскоп VII (2019–2020 гг.) выявил остатки фортификации на северном склоне нижней площадки городища. Так же, осмотр сохранившихся участков вала показал наличие впадин в насыпи, которые могут так же являться остатками оборонительных башен. На сегодняшний день таких выявлено шесть. Исследования в 2019 г. бокового вала нижней площадки (V), не только уточнили конструктивные особенности фортификационных сооружений, но и выявили остатки сгоревшей наиболее ранней оборонительной конструкции, которая строилась без грунтовой насыпи. Таким образом, работы 2014–2020 гг. на нижней площадке городища позволили выявить принципиальную схему его фортификации (рис. 15–18).

Ранняя фортификация (конец VI–V вв. до н.э.)

Остатки наиболее ранней системы укреплений, относящиеся к рубежу VI–V вв. до н.э., исследованы в двух раскопах – IV и VI. В раскопе IV в 2006 г. была исследована часть объекта, который тогда был интерпретирован как постройка с входом-выступом, характерным для ананьинского домостроительства (рис. 15). В 2017 г. было принято решение доисследовать эту постройку, которая уходила в стенку вблизи края площадки, в результате чего была обнаружена система укреплений, а исследованная частично «постройка» является сожженной оборонительной башней ранней фортификации.

На данном участке ранняя система сохранилась плохо. После её сожжения (вероятно, в результате военных действий), площадка была расчищена перед возведением новой фортификации. От нижнего яруса сохранились два ряда столбовых ямок, опорных столбов стены и очертания сгоревшей башни, прямоугольной в плане (рис. 16).

В раскопе VI ранняя фортификация сохранилась лучше (рис. 18). После ее сожжения, стена целиком упала вовнутрь площадки, при этом не выгорела дотла, сохранив обугленные бревна и плахи конструкции. После этого, площадку не стали расчищать, а отступив книз по склону, построили новую систему укреплений, законсервировав раннюю конструкцию под насыпью вала.

Стена состояла из двух бревенчатых стен, внешняя из круглых бревен, внутренняя из плах, крепившихся на опорных столбах, между которыми была засыпана красная глина. Вал при этом не возводился (рис. 17). Возможно, на различных участках укреплений, где естественные преграды были различными, сложность строившихся систем также могла отличаться.

Можно достоверно утверждать, что ранняя система фортификации включала укрепления с напольной стороны, со стороны стрелки мыса и с южного края площадки, вдоль оврага. Судя по материалам раскопок третьей и боковой фортификаций, укрепления были разрушены и сожжены. Керамический материал, происходящий из слоя ранней фортификации в раскопе IV/06 может быть датирован второй половиной VI – началом V вв. до н.э. (рис. 23, 1-2)

Поздняя фортификация (V–IV вв. до н.э.)

После этого, укрепления были снова возведены в V–IV вв. до н.э. на более высоком технологическом уровне. На этом этапе городище имело уже четыре вала поперечных и два вала вдоль оврага, на южном крае нижней и средней площадок. Вероятно, стоит предполагать наличие такого вала и вдоль края верхней площадки, что выяснить в настоящее время невозможно, так как она полностью разрушена карьером. Так же, остатки небольшого вала и оборонительных стен без земляной насыпи, фиксируются вдоль северного края нижней пло-

щадки (раскоп VII), примерно до ее середины, где фиксируется впадина (башня?). Далее, вдоль северного склона, вероятно можно предполагать более легкую фортификацию, без насыпных валов, которые визуальнo не фиксируются. Тем не менее, часть объектов в нижних горизонтах раскопов на площадке костыща (2005-2006 гг.), где на склоне фиксировались аморфные пятна прокала, золы и угля, могут быть связаны с остатками поздней фортификационной системы, которая также была сожжена и разрушена.

Поздняя фортификация конструктивно продолжала многие приемы предыдущего периода, но на более совершенном технологическом уровне. В ходе исследований третьей фортификации было выявлено, что после сожжения ранней системы, площадка была снивелирована. Была произведена отсыпка участка будущей стены в горизонтальный уровень. Отсыпка осуществлялась чистым гравием, средней и крупной фракции. Гравийные выходы присутствуют по склонам городища, но везде, ближе к поверхности, они перемешаны с глиной, такие перемешанные глинисто-гравийные прослойки являются подстилающими для красной материковой глины. На глубине 2-3 м, начинается слой песчанно-гравийной смеси, далее, на глубину, осадки уплотняются и залегают песчанники, в том числе и медистые. Геологическую стратиграфию верхних слоев можно проследить в стенках карьера на верхней площадке. Гравий же для подсыпки был принесен на городище специально. Такая подсыпка, помимо достижения нужного уровня имела еще и функцию дренажа, для уменьшения размывания насыпи вала, так как склон нижней площадки здесь весьма значительный. Конструкция стены осталась прежней, включала две параллельные бревенчатые стены, опирающиеся на столбы, засыпанные внутри чистой красной глиной. Снаружи и внутри стены был насыпан вал. Ядро вала насыпано из глины, верхние слои насыпи, преимущественно из глины с галькой, которые добавляли жесткость конструкции, образуя «панцирь». Внешняя поверхность вала была дополнительно укреплена – обмазана красной глиной.

Таблица 1. Итоги радиоуглеродного датирования угля из фортификационных сооружений Гляденовского городища.

№ образца/год	Материал	Место отбора образца	Индекс лаборатории	Радио-углеродная дата, л.н.	Калиброванный возраст
4/2017	уголь	Раскоп IV/2017 Уч. XX/64, Горизонт 4, Вал III Поздняя фортификация, бревно стены	Ле-11336 ⁶	2230±40	1σ (68,2 %) 380–350 BC (15,0 %) 300–200 BC (53,2 %) 2σ (95,4 %) 390–200 BC
9/2017	уголь	Раскоп IV/2017 Уч. XXII/64, Горизонт 7, Вал III Ранняя фортификация, конструкции башни	Ле-11337	2450±60	1σ (68,2 %) 750–680 BC (17,9 %) 670–640 BC (6,4 %) 590–570 BC (2,6 %) 560–410 BC (41,3 %) 2σ (95,4 %) 770–400 BC
6/2017	уголь	Раскоп IV/2017 Уч. XX/64, Горизонт 5, Вал III Поздняя фортификация, опорный столб	Ле-11338	2570±45	1σ (68,2 %) 810–750 BC (44,1 %) 690–660 BC (11,2 %) 640–590 BC (12,9 %) 2σ (95,4 %) 830–720 BC (50,7 %) 700–530 BC (44,7 %)
10/2017	уголь	Раскоп IV/2017 Уч. XXIII/64, Горизонт 7, Вал III Ранняя (?) фортификация,	IGAN 8015 ⁷	2260±90	1σ (68,3 %) 402–197 BC (99,0 %) 182–179 BC (1,0 %) 2σ (95,4 %)

⁶ Радиоуглеродное датирование выполнено в лаборатории ИИМК РАН.

⁷ Радиоуглеродное датирование проведено в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН.

		конструкции башни			720- 708 BC (0,6 %) 662- 652 BC (0,5 %) 544- 49 BC (98,9 %) Median Probability: -295
11/2017	уголь	Раскоп IV/2017 Уч. XXIII/64, Горизонт 7, Вал III Ранняя (?) фортификация, конструкции стены перед башней	IGAN 8016	1880±80	1σ (68,3 %) 34- 37 AD (0,3 %) 61- 244 AD (99,7 %) 2σ (95,4 %) 44 BC–263 AD (89,4 %) 274–348AD (10,6 %) Median Probability: 155
5/2019	уголь	Раскоп VI/2019 Уч. XLII-XLIII/47 Горизонт 3, -1,62 м Боковой вал, глиняная насыпь	IGA- N _{AMS} 7979 ⁸	2500±20	1σ (68,3 %) 761- 747 BC (11,8 %) 689- 676 BC (10,7 %) 674- 665 BC (7,2 %) 644- 565 AD (70,2 %) 2σ (95,4 %) 772- 730 BC (18,9 %) 727- 725 BC (00,2 %) 706- 702 BC (00,6 %) 698- 662 BC (18,5 %) 651- 544 BC (61,8 %)

В раскопе IV/17 фиксируются следы многократного (не менее трех раз) ремонта внутренней поверхности вала. Он досыпался и обмазывался. Аналогичную конструкцию имеют внешний вал (I), (профиль 1980 г. в центральной части (рис. 13А) и вал II (раскопки 2014 г.)⁹.

В вал были врезаны башни, представляющие собой бревенчатую прямоугольную конструкцию с выходом вовнутрь городища. Стены башни так же, как и оборонительные, строились из плах, крепившихся на опорных столбах (рис. 18В).

Следы аналогичной конструкции были зафиксированы А.Д. Вечтомовым в профиле внешнего вала (I) в северной его части (рис. 13Б).

Эта система укреплений была также сожжена и разрушена. Исследованная фортификация является очень развитой для раннего железного века и отличается от других ананьинских городищ своей сложностью и технологичностью, что может говорить о городище как о производственном и культовом центре прикамского населения в ананьинское время, и не удивительно, что именно здесь возникло крупнейшее из костищ.

Радиоуглеродное датирование угля из остатков фортификационных сооружений дает интересные результаты. Основной массив полученных дат делится на две группы. Одна группа, соответствующая ранней фортификации, укладывается в хронологический промежуток среднего этапа ананьинской культуры. Несколько ранние, по сравнению с датировками археологического материала, нижние пределы калиброванных дат могут быть связаны с возрастом самиз деревьев из которых делали крепостные стены. Вторая группа, соответствующая поздней фортификации, соотносится с поздним этапом ананьинской культуры. Неожиданно ранняя дата получена из образца 6/2017, который был взят из опорного столба стены поздней фортификации, что так же может быть объяснено большим возрастом самого дерева, так как опорное бревно имело значительный диаметр. К ранней фортификации относится, судя по всему, и образец угля 5/2019, после сожжения которой, попавший в заполнение насыпи вала поздней фортификации.

Все три полученные даты, отобранные из конструкций башни, или стены рядом с ней (образцы 9-11/2017) дали разные результаты. Это может подтвердить предложенную гипоте-

⁸ Радиоуглеродное датирование (AMS) проведено в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН и Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (США).

⁹ Подробнее см. статью Васильева А.В., С.Н. Коренюк, М.Л. Перескоков «Изучение второй линии фортификационных сооружений (вал II) Гляденовского городища (По материалам раскопок 2014 г.)» в настоящем сборнике.

зу о том, что башня появилась еще в ранней фортификации, была восстановлена и перестроена в поздней, уже с насыпным валом.

Наибольший интерес представляет дата, полученная из образца 11/2017, который был отобран из сожженного бревна на 7 горизонте, который предполагался относящимся полностью ко времени создания ранней фортификационной системы. Образец дал дату, значительно более позднюю, чем образцы, отобранные из расположенных рядом конструкций ранней и поздней башни. Дата образца 11/2017 относится к среднему – позднему этапам гляденовской культуры.

Если эта дата не является случайной, то это повод говорить о функционировании еще одной линии фортификации, которую возвели в гляденовское, используя уже существующие насыпи. Тогда логично, что стена была построена с внешней стороны насыпи, подрезая её с запада. Эти вопросы еще далеки от решения.

Гляденовское костыще

Наиболее ранние комплексы, относящиеся к Гляденовскому костыщу, датируются позднеананьинским временем, но расцвет святилища относится к рубежу эр и первым векам н.э. В этот период стабилизировалась климатическая обстановка, благодаря чему исчезла внутренняя напряженность в обществе, связанная с борьбой за ресурсы (пойменные луга) и произошел рывок в развитии скотоводства, что сделало возможным развитие культов с массовым жертвоприношением животных. В этот период городище утратило свою оборонительную функцию, как и большинство укрепленных поселений ананьинского времени в Пермском Прикамье. Население переселилось с террасы р. Камы на пойменные дюны и береговые террасы мелких рек, и Гляденовское городище функционирует уже как святилище [Коренюк, Перескоков, 2017, с.79].

Основная площадка Гляденовского костыща

Центром святилища, несомненно, являлась площадка, расположенная в двух третях расстояния между первым и вторым валом, с западного края средней площадки городища, исследованная Н.Н. Новокрещенных.

Комплекс имел следующую структуру, подробно описанную первыми исследователями.

«Костыще лежит на самом берегу р. Камы¹⁰, ближе к нижнему валу городища, на трети расстояния между обоими валами. В нетронутом виде оно представляло площадку, имеющую уклон к Ю в 1,5° и на З в 4–7°. Как нам представляется, костыще уже изменило свое положение; часть его скатилось на береговой скат, часть сползла вниз по площади городища¹¹. При передвижении, слои костыща неизбежно должны были перемешаться, образовались новые слои, каких в начале не было... Черта mn¹² представляет линию берега, и вместе перелом площадки костыща. К северу от этой линии идет довольно крутой спуск, куда и сползла часть костыща, главным образом та, на которую выбрасывали сырые кости приносимых в жертву животных. Зольного слоя здесь нет. Предметов найдено немного, но в то же время, площадка, обозначенная буквой В, весьма богата находками. Весьма возможно, что на ней помещался один из тех пунктов костыща, на которых обильнее складывались металлические поделки, но возможно и то, что найденные здесь вещи постепенно оползали сюда сверху и с боков и подвергались в этом месте усиленной промывке. В А найдена одна из монет (Кадфи-за). От линии mn в южную сторону сажени на три идет, слегка подымаясь вверх, полоса земли, лишенная зольного слоя и находок, вслед затем в двух местах (Е, Н) обнаружены отдельные скопления сырых костей, составлявших некогда, надо думать, одно целое со слоем косте

¹⁰ В данном случае А.А. Спицын ошибся. Гляденовское городище-костыще действительно находится на коренном берегу р. Камы, но непосредственно под городищем протекает р. Нижняя Мулянка.

¹¹ Сползание культурного слоя вниз по северному слою фиксировалось и в более поздних раскопках. Признаки передвижения же слоя в южном и западном направлениях не были замечены ни в раскопках 1980-х гг., ни при раскопках 2015-2018 гг.

¹² Обозначения прописными и строчными латинскими буквами соответствует плану А.А. Спицына [Спицын, 1901], представленному на рис. 4.

по ту сторону линии, а в G слой пережженных костей. Далее по площади городища раскидывается широкий слой золы, обозначенный на чертеже линией из черточек, имевший форму неправильного круга до 15 саж. (32 м¹³) в диаметре. Толщина слоя была очень неравномерна; всего массивнее залегал он в площадке D. Западный край указанной площадки вместе с тем служит бортом, от которого идет более значительный наклон площадки городища вниз. С южной стороны костяца проходит легкое углубление, как бы ложок; восточная грань костяца представляет наиболее высокую его часть» [Спицын, 1901, с. 4] (Рис. 4).

«Слой костяного пепла достигал до 2 арш. 2 верш. (1,51 м) толщины, но по краям выклинивался всего до 4 верш. (17 см), затем сходил на нет. Большей частью он залегал отдельными слоями, до 2 и более сажень шириной (более 4,2 м), толщиной 2-8 верш. (8-35 см), но были слои пепла и не шире одного аршина. Пепел при вскрытии представлял буровато-серую массу и имел вил мелкого мусора, образовавшегося как бы от смешения раздробленных пережженных костей с золой; примеси угля в нем нет. Пепел плотно слежался, так что казался утрамбованным. В нем попадались обожженные кости крупных животных, а также кости птиц; как исключение, в пепле были находимы небольшие прослойки и крупных сырых костей. Замечено что в особенно значительном количестве здесь попадались копыта жеребят. Глиняные сосуды и черепки встречены исключительно в пепельном слое, особенно же в нижнем, юго-западном углу костяца. Чашки находимы были на вершине 4-8 верш. (17-35 см) от почвы и не ниже 8 верш. (35 см) от дерна. Выше пепельного пласта D, восточнее, пепельный слой тоньше, посуды в нем меньше, но вещей больше; еще далее на 2 саж. (4,2 м) чашек вовсе не попадалось. По другую сторону пласта D слой пепла тонкий, вещи залегают в нижней половине его. На южном конце этого пласта найдены в сравнительно большем количестве кости птиц и животных, в сопровождении бус и других вещей, главным образом стрелок и ножиц (F). Образец расположения слоев костяца дает разрез почвы в квадрате №71¹⁴. Здесь на глубине 2 ¼ арш. (1,6 м) оказались следующие слои: 1) дерновая земля, глубиной 4 верш. (17 см), 2) пустой темный пепельный слой толщиной в 8 верш. (35 см), 3) такой же слой с белыми костями, богатый находками, протяжением на несколько квадратных сажень, толщиной 6 верш. (26 см) 4) такой же слой, бедный, с мелкими частицами обожженных костей, толщиной 4 верш. (17 см), 5) тонкий беловатый слой, толщиной всего 2 верш. (8 см), богатый находками и простирающийся на 3-4 сажени (6,40-8,53 м), 6) серо-белый слой, толщиной всего 6 верш. (26 см), содержащий лишь стрелки, 7) слой такой же толщины серый, того же содержания. Подобное расположение слоев наблюдалось и в других пунктах этой южной половины костяца; изменялось только расположение слоев и их толщина.

В промежутке между скатом и пепельным пластом находился тонкий слой земли бурого цвета, состоящий из смеси красной глины с черноземом; в нем попадались лишь сырые кости. Местами слой этот имел лишь до четверти аршина толщиной (17 см). Местами слой этот имел всего до четверти аршина толщины. Такая же земля спускалась на скат. Здесь, как и везде на городище, чем толще слой, тем ниже относительное количество находок в нем. В пласте бурой земли В глубина надпочвенного слоя ничтожна, между тем здесь оказалось множество предметов (между прочим, железная фигурка барана, золотой дрот, много железных поделок). Казалось в этом месте вещи как бы перемешанны были искусственно с бурой землей. В пласте С слой пепла имел в толщину всего до 4 верш. (17 см); в этом месте площадка начинает опускаться сравнительно круто (до 8° вместо прежних 4°). Определенных следов огнищ нигде не было найдено. К правому верхнему углу примыкает линия гравия. Этот угол, очевидно, подвергался наибольшим передвижениям и переменам, так как найденные здесь тонкие вещи, например, фигуры человека и животных, в общем сильно попорчены.» [Спицын, 1901, с. 6-7].

«Малая» площадка Гляденовского костяца

¹³ Здесь и далее в цитате курсив наш.

¹⁴ Соответствует обозначению квадратов на плане Н.Н. Новокрепленных [Новокрепленных, 1914], представленному на рис. 5.

Площадка, исследованная раскопками 1980–2010-х гг. являлась отдельным самостоятельным локальным комплексом. Площадка имела форму небольшого округлого выступа, в центре которого расположены два крупных очага-жертвенника. Первый был исследован в 1991 г. А.Ф. Мельничуком, второй в непосредственной близости от него, в ходе раскопок 2016 г. Рядом с последним фиксировалась группная столбовая яма. Слой в этой части имеет слабую мощность и малое количество находок, так как в этом месте, вероятно, происходили обряды и находились люди во время ритуальных церемоний. По периметру площадки, особенно с северного склона, выходящего к р. Каме, располагаются культовые объекты, в виде зольников, скоплений костей, небольших очагов, галечниковых площадок. Также фиксируются ямы и выкладки из костей и черепов животных. Выкладка из двенадцати лосинных черепов была исследована в раскопе 2004 г. Эта часть наиболее богата материалом: бусы, предметы звериного стиля, наконечники стрел, культовые сосудики и др. Так же, вероятно здесь стояли идолы и деревья, к которым на железные штырьки и иголки прикреплялись подношения в виде вещей. В раскопах А.Д. Вечтомова 1980-х гг. и в секторе 2 раскопа 2017 г., которые располагаются на южном склоне «малой» площадки, образующем ложбину, проходящую вдоль мыса, собственно культурный слой так же менее мощный, чем на северном склоне. Сверху слой перекрывается здесь зольными прослойками – стекшим по склону отвалом раскопа 1896–1897 гг., что дает общую глубину культурных напластований достаточно мощной, местами более 1,5 м. На данных участках более существенную мощность имеет слой ананьинского времени, в то время как в центре площадки он практически отсутствует. Это может быть связано с тем, что центральная площадка подвергалась нивелировке и периодической расчистке в гляденовское время. Периметр же площадки, судя по всему, заполнялся постепенно. На северном склоне так же присутствует культурный слой ананьинского времени, насыщенный прокальными и зольными пятнами – остатками поздней фортификации городища.

В целом, планиграфия и основной и «малой» площадок Гляденовского костища имеют аналогии в более поздних удмуртских святилищах, известных по археологическим и этнографическим данным [Шутова, 2001].

Верхняя и нижняя площадки городища

Функционал верхней и нижней площадки в ходе существования памятника менялся. В период функционирования городища, все три площадки были заняты жилыми и хозяйственными объектами. Исследования 2005-2006; 2019-2020 гг., выявили наличие жилых и хозяйственных построек. В раскопе 2006 г. исследована типичная для позднего этапа ананьинской культуры постройка. Постройка прямоугольной формы (S=43 кв.м.), бревенчатой конструкции. В центре сооружения находился очаг. Внутри домика были расчищены скопления костей животных и несколько лошадиных челюстей. Рядом расчищено погребение ребенка (рис. 19). В постройке найдены развалы ананьинских сосудов IV в. до н.э., каменное пряслице, псалий из медвежьей метопии с изображением головы медведя, костяные наконечники стрел (рис. 22–23).

Данный объект может иметь несколько интерпретаций. Первая – это культовый характер постройки. Аналогичные три культовые постройки изучены на Гремячанском поселении-святилище [Коренюк, Мельничук, Черных, 2017, с. 146-147]. Подобные постройки есть у многих финно-пермских народов: куала – у удмуртов, кудо – у марийцев, куд – у мордвы, кота – у финнов [Кернер, 1986].

С другой стороны, детское погребение в постройке можно связать с гибелью городища и прекращением его использования как крупного постоянного поселения. Погибшие в ходе вооруженного столкновения жители городища могли быть погребены прямо в постройках, перед тем как поселение было покинуто. Это вполне пересекается с традицией «домов мертвых» в ананьинской погребальной традиции. Аналогии таких событий реконструируются в ближайших окрестностях Гляденовского городища: на поселении Заюрчим I, Половинном I, где были исследованы погребения в позднеананьинских постройках [Коренюк, Мельничук,

---

Черных, 2017, с.146–147], а также погребения на оставленных жителями Заосиновских I, IV и V поселениях и на Мокинском I поселении-могильнике, которые трансформировались в полноценные некрополи.

Часть поселенческих объектов на нижней площадке Гляденовского городища могли продолжать использоваться постоянно или периодически для поддержания функционирования святилища, например комплекс жилых и хозяйственных построек расположенных вдоль третьего вала на нижней площадке городища, исследованный в раскопе II (2005, 2019–2020 гг.). В ходе раскопок исследованы сооружения в виде перегородок из частокола, формирующие отсеки, где могли содержаться домашние животные. Комплекс построек датируется поздним этапом ананьинской культуры (V–IV вв. до н.э.) и синхронен ранним культовым комплексам на костице.

В гляденовское время верхняя и нижняя площадки использовались как инфраструктура для функционирования святилища [*Коренюк, Перескоков*, 2017]. Здесь, помимо хозяйственных построек, располагались производственные и металлургические площадки для изготовления культовой металлопластики, железных штырьков и иголок, костяных и металлических наконечников стрел. Производственный комплекс, связанный с изготовлением предметов из металла, исследован в 2003 г. на северном крае нижней площадки городища в центральной её части.

К сожалению, имеющиеся данные по верхней площадке очень скудны. Раскопы А.Д. Вечтомова 1980 г. на ней имели незначительную площадь и дали очень невыразительный материал. Были исследованы участки по краю площадки. В настоящее время площадка полностью разрушена карьером.

Материальная культура Гляденовского городища-костища

Частично материалы Гляденовского городища-костища опубликованы в ряде работ [*Спицын*, 1901; *Новокрещенных*, 1914; *Лепихин, Мельничук*, 1997; 1999; *Лепихин*, 2007; *Перескоков*, 2018], а также в серии отдельных статей, посвященных конкретным категориям предметов, хотя полная публикация комплекса еще предстоит.

Материальная культура городища представлена типичным для поселенческих памятников позднеананьинского времени инвентарем: костяными наконечниками стрел, проколами, остриями и другими предметами. Металлических изделий мало. В основном это железные штырьки, аналогичные найденным на костице, или неопределимые железные предметы. Керамический комплекс городища представлен типичной поселенческой керамикой ананьинской и гляденовской культур (Рис. 21–23).

Материальная культура костища весьма специфична, что объясняется культовым характером объекта (рис. 28–36).

Наиболее массовой категорией на костице представлены бусы. А.Н. Лепихин отмечал 13893 бусины, при этом как писал Н.Н. Новокрещенных, много бус разошлось «помимо таблиц» [*Новокрещенных*, 1914, с. 91]. В раскопках 2003–2020 гг. было найдено еще 879 бусин. Среди бус наиболее частой находкой являются «золотостеклянные» – бусы и бисер с золотой прокладкой [*Коренюк, Мингалева*, 2020; *Лепихин*, 2007, с. 72–79], которые, очевидно, являлись солярными символами. Так же присутствуют полихромные и одноцветные стеклянные бусы различных типов, бронзовые и медные бусы. Каменные бусы в материалах Гляденовского костища крайне немногочисленны, представлены единичными находками сердоликовых и халцедоновых бусин [*Лепихин*, 2007, с. 78–79].

Одной из самых массовых категорий предметов являются наконечники стрел (более 2000 экз.). Представлены различными типами бронзовых наконечников [*Лепихин*, 2007, с. 85–86], характерных преимущественно для позднего этапа ананьинской культуры. Железные наконечники преимущественно трехлопастные и плоские с различной формой пера. Костяные наконечники стрел все черешковые, у некоторых черешок выражен слабо. Форма иволистная. Сечение наконечника может быть различным: трехгранным, ромбическим, тра-

---

печиевидным, прямоугольным, шестигранным, пятигранным, овальным [Лепихин, 2007, с. 86-88; Перескоков, 2018, с. 74].

В большом количестве представлены железные ножи. Выделяются как с «горбатой» спинкой, больше характерные для позднего этапа ананьинской культуры, так и прямой спинкой, распространяющиеся в гляденовское время, с одним или двумя уступами при переходе от черешка к лезвию, а также с изогнутым лезвием – саблевидные [Лепихин, 2017, с. 89]. Орудия труда и предметы быта представлены единичными находками.

Особой категорией предметов, характерной только для костищ, являются железные штырьки. Их насчитывается более 3000 экз. их размер колеблется от 4 до 12 см. Они служили для крепления жертвенных предметов на деревьях или деревянных идолах [Лепихин, 2007, с. 90]. На многих из них присутствуют остатки древесины, на участках, которые забивались дерево. Для тех же целей могли использоваться железные шилья, иглы, которые также в большом количестве встречаются на костище, а также обломки других железных предметов, например, отломанные кончики лезвий ножей.

Уникальной категорией предметов, характерной для костищ, являются вотивные предметы – уменьшенные копии реальных предметов. Наиболее распространены вотивные топоры и мотыжки.

Среди украшений и принадлежностей костюма доминируют бронзовые бляшки различного размера, плоские или слегка выгнутые с ушками на обороте. Встречаются так же сдвоенные, плоские 6-7 лучевые (с зубчатым краем), конические литые с дужкой на обороте. Особый интерес представляют бляшки с гравировкой, где изображены сцены с людьми, животными и птицами¹⁵ [Белоцерковская, 1990].

Среди подвесок присутствуют трапезиевидные, вырезанные из бронзового листа, листовидные, кольцевые литые, подвески-бубенчики, флаконовидные. Височные подвески выполнены в виде кольца из медной или бронзовой проволоки, кольца из железной пластины с несомкнутыми концами. Присутствуют так же конусовидные с витым основанием, из проволоки или узкой полосы [Перескоков, 2018, с. 54–57; Лепихин, 2007, с. 81].

Характерной находкой являются подвески из клыков медведя и других животных, использовавшиеся в качестве амулетов, а также различные изделия и предметы из костей животных (рис. 36-38).

Перстни, серьги, браслеты, сюльгамы, гривны представлены единичными экземплярами или обломками [Перескоков, 2018, с. 61–62, 73; Лепихин, 2007, с. 82–83].

Ременная гарнитура представлена единичными находками застежек с неподвижным язычком, железными и костяными пряжками. Характерно отсутствие на костище бронзовых трехсоставных пряжек, которые стали активно распространяться на территории Пермского Прикамья не позднее, чем с середины III в., как, например, найденные в погребениях ранней части расположенного неподалеку Мокинского могильника. Вероятно, практически полное отсутствие ременной гарнитуры на костище связано с особым воинским погребальным обрядом, который подразумевал захоронение в полном обмундировании.

Поясные накладки представлены несколькими типами изделий: узкие прямоугольные с ребром; полуцилиндрические гофрированные; широкие плоские из бронзового листа с гофрированной поверхностью; гладкие прямоугольные из бронзового листа, с узором из треугольников; гладкие прямоугольные из бронзового листа, а также S-видные с изображением голов грифонов. Все представленные типы накладок так же, как и пряжки, характерны для позднего этапа ананьинской, раннего и среднего этапов гляденовской культуры.

В целом, материальная культура гляденовского костища имеет широкие аналогии, как в родственной культуре Прикамья (вариантах ананьинской культуры, пьяноборской, мазунинской, кара-абызской культурах), так и в синхронных культурах Зауралья и Западной Сибири, что говорит не только о связях Прикамья, но и о его культурном влиянии.

---

¹⁵ См. например бляшку из раскопа V/2014 в статье А.В. Васильевой, С.Н. Коренюка, М.Л. Перескокова «Изучение второй линии фортификационных сооружений (вал II) Гляденовского городища (По материалам раскопок 2014 г.)» в настоящем сборнике.

Культовая металлопластика

Особой категорией инвентаря Гляденовского костыща является металлопластика. В настоящее время насчитывается более тысячи предметов, изображающих людей и животных, найденных на Гляденовском костыще. Отдельные категории предметов звериного стиля и сюжеты рассматривались в отдельных статьях [Коренюк, 2003; 2004; 2006; Коренюк, Мельничук, 2003; Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2008; Коренюк, Перескоков, 2013; 2013а; Коренюк М.С., 2010; 2011; 2012; 2015, 2016; Korenyuk, 2015; Лепихин, 2007].

Антропоморфные изображения представлены различными типами [Лепихин, 2007, с. 91–93]: изображениями всадников [Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2008]; – одиночными фигурами [Коренюк М.С., 2015]; – парными фигурами [Коренюк М.С., 2011; 2015]. Так же антропоморфные изображения выполнены в виде глиняных статуэток – характерных для памятников позднего этапа ананьинской культуры, и гравированных изображений на бляшках и пластинах [Белоцерковская, 1990].

Из зооморфных сюжетов наиболее распространенным является изображение волка (собаки) (более 500 экз.). Интересна группа находок изображений волка со связанной пастью [Коренюк, Мельничук, 2003], а также изображение хищника, свернувшегося в кольцо. Эволюция образа представлена в отдельной работе [Коренюк, 2003; 2004]. Разнообразны изображения медведя. Особый интерес представляет сюжет медведя в «жертвенной позе», который имеет поступательное развитие на территории Пермского Прикамья с раннего этапа ананьинской культуры (не позднее VII в. до н.э.), пройдя ряд стилистических трансформаций в позднеананьинское и гляденовское время, продолжает существовать дальше в среде пермских народов вплоть до этнографического времени. Эволюция образа и иконография данного сюжета подробнее рассмотрена в отдельных статьях [Коренюк, Перескоков, 2013; 2013а]. Единичны находки фигурок лошадей, барана, свиньи, коровы, барсука, бобра, зайца, лося, куницы [Лепихин, 2007, с. 94–96].

Второй по количеству категорий изображений являются орнитоморфные фигуры (более 300 экз.). Наиболее распространены хищные и водоплавающие птицы (утки, гуси, лебеди). Значительная часть орнитоморфных изображений трудноопределима. Отдельной категорией являются орнитоморфные изображения с личинами на груди [Коренюк М.С., 2010].

Среди изображений пресмыкающихся и насекомых наиболее распространены змеи (более 70 экз.). Представлены как бронзовыми, так и железными изображениями. Чаще всего змеи изображены ползущими и извивающимися или свернувшись в кольцо. Образ змеи в искусстве раннего железного века Прикамья рассмотрен в отдельных статьях [Коренюк, 2006; Korenyuk, 2015]. Помимо змей, в меньшем количестве присутствуют изображения ящериц [Korenyuk, 2015], многоножек, жуков, пчел [Лепихин, 2007, с. 96–97].

Обрядность костыща, связь с культовыми местами ананьинской культуры и семантика культовой металлопластики с привлечением этнографических параллелей подробно рассмотрены в работах С.Н. Коренюка [2004, 2006] и обобщены в работе А.Н. Лепихина [2007] и вряд ли нуждаются в повторении, но стоит добавить ряд замечаний.

Анализ эволюции изображений в хронологической динамике показывает наличие стойких иконографических сюжетов, которые пронизывают все культуры Прикамья с раннего железного века до появления русского населения, но и экспортируются за пределы ареала расселения пермских народов – в Зауралье и Западную Сибирь. Наиболее показательным здесь является образ медведя в «жертвенной позе», распространившийся и встроившийся в культуру населения Приобья как отдельным иконографическим образом, так и в контексте типичных Прикамских предметов – эполетообразных застежек, которые в Западной Сибири получили свою линию развития.

При этом, динамика развития образов, в том числе и медведя в «жертвенной позе» внутри региона подвергалась нескольким эпохальным трансформациям. Такие трансформации связаны с появлением на территории Прикамья новых иконографических идей, в виде импортных предметов, которые давали возможность обновления декора, как, очевидно, происходило на позднем этапе ананьинской культуры, когда в изображениях местных сюжетов

присутствуют явные «степные» элементы, отражающие результаты плотных культурных связей. Либо, такие трансформации могут быть связаны с сильным изменением социальной структуры и хозяйственно-культурного типа населения, что находит отражение в религиозных представлениях, как в зеркале общественных отношений. Таким образом, мы видим развитие базовых сюжетов (волк, медведь, птица) от простых однофигурных композиций к многофигурным, отражающим структуру мира, его уровни. Определяется положение каждого из существ, в пространстве. Происходит формирование религиозной системы. Гляденовское время, с его расцветом костищ и, вероятно, близкой к теократии формой социальной системы, позволило дать возможность развитию, поиску смыслов, композиций, форм. Композиционная и семантическая сложность форм говорят о высоком развитии и сложности гляденовской системы мировоззрения. Распространение на поздних этапах культуры изображений всадников, чего не было ни в ананьинское (за исключением одной фигурки), ни в раннегляденовское время, говорит об отражении в сакральном пространстве новой тенденции в социальной структуре – военизации и становления военного вожества, которое начинает формироваться с середины III в. н.э. С этого периода начинается стандартизация сюжетов – появление своеобразного «канона» в иконографии, что может говорить о фиксации религиозной системы и начала её стагнации в раннем Средневековье.

Следующий этап трансформации базовых образов происходит уже в начале II тыс. н.э. с появлением пашенного земледелия, что не только изменило хозяйственно-культурный тип населения, но и трансформировало под него и религиозные представления. Это хорошо иллюстрируется в изменении образа медведя на ременных пряжках, превращения его в медведьбыка. То есть происходит актуализация базового образа под существующие социально-экономические условия [Коренюк, Перескоков, 2013].

* * *

Гляденовское костище перестало функционировать в V в. н.э. вследствие целого комплекса факторов, таких как трансформация социальной и религиозной систем гляденовского общества, а также климатических изменений, приведших к прекращению функционирования гляденовской культуры в основном её ареале и внутренней миграции населения в процессе формирования на основе гляденовской раннесредневековых культур Прикамья.

Библиографический список

- Аськеев И.В., Аськеев О.В., Галимова Д.Н. Природная среда и человек в Волго-Камье и Предуралье (поздний палеолит – средневековье) // Среднее Поволжье и Урал: человек и природа в древности. Казань, 2009. С.29–113.
- Бакин О.В. Краткий очерк динамики природных условий юга Вятско-Камского междуречья в голоцене // У истоков археологии Волго-Камья (К 150-летию открытия Ананьинского могильника). Серия «Археология Евразийских степей». Елабуга, 2009. Вып.8. С. 159–168.
- Белоцерковская И.В. Гравированные изображения из Гляденовского костища // Труды Государственного исторического музея. М., 1990. Вып. 74.С. 59–67
- Вечтомов А.Д. Новые исследования Гляденовского костища // Археологические открытия 1983 г. М., 1985. С.140.
- Вечтомов А.Д. Раскопки Гляденовского городища // Археологические открытия 1980 г. М., 1981. С.128.
- Вечтомов А.Д. Раскопки Гляденовского городища // Археологические открытия 1981 г. М., 1983. С.140.
- Вечтомов А.Д. Раскопки Гляденовского святилища // Археологические открытия 1982 г. М., 1984. С.143–144.
- Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М., 1988. -239 с.
- Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 2004. 422 с.
- Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф., Третьяков Д.В. О соотношении святилища Гляденовское костище (IV в. до н. э. – IV в. н. э.) и «идольского жертвища» из жития Трифона Вятского (вторая половина XVI в.) // Вестник Пермского университета. Серия История. 2017. Вып. 1(36). С.122-128.

- Изосимов Д.А., Перескоков М.Л. Сакральное пространство культовых комплексов Пермского Приуралья в эпоху раннего железа // III Северный археологический конгресс (Ханты-Мансийск, 8-13 ноября 2010 г.). Тезисы докладов. – Ханты-Мансийск, 2010. С.178-179.
- Кернер В.Ф. Жилища финно-угорских народов по этнографическим данным // Проблемы урало-сибирской археологии. Вопросы археологии Урала. Свердловск: УрГУ. 1986. Вып. 18. с. 108–114.
- Клименко В.В., Климанов В.А., Сиринов А.А., Слепцов А.М. Изменение климата на западе Европейской части России в позднем голоцене // Доклады академии наук. 2001. Том 376. №5. С.679-683;
- Кореньюк М.С. Антропоморфные медно-бронзовые изображения гляденовского костяка // XLIII междуна р. Урало-Поволжская археол. студ. конф. Оренбург, 1–3 февраля 2011 г.: мате р. и тез. докл. Оренбург, 2011.
- Кореньюк М.С. Металлические антропоморфные изображения в раннем железном веке Пермского Прикамья // Вестник Пермского университета. Серия «История». Пермь, 2015. Вып. I (28). С.85-98.;
- Кореньюк М.С. Орнитоморфные медно-бронзовые изделия Гляденовского костяка // ВУЗы в археол.-этног р. исследованиях Урало-Поволжья: опыт, проблемы, перспективы (мате р. XLII Урало-Поволжской археол. студ. конф.). Кострома, 2010.
- Кореньюк М.С. Металлические полиморфные изображения раннего железного века Приуралья // Седьмые Берсовские чтения: сб. статей Всероссийской научн. практ. Конференции с международным участием, 2-4 декабря 2014 г. Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ, 2016. С. 238-245.
- Кореньюк М.С. Символика антропоморфных изображений Гляденовского костяка // XLIV междуна р. Урало-Поволжская студ. конф. (Екатеринбург, 5–9 февраля 2012 г.): тез. докл. Екатеринбург, 2012.
- Кореньюк С.Н. Образ волка-собаки в искусстве населения Прикамья в раннем железном веке // Международное (XVI Уральское) совещание. Материалы конференции. Пермь, 2003. С.84-87.
- Кореньюк С.Н. Образ волка-собаки в идеологии населения Прикамья в раннем железном веке // Обнинские чтения. Пермь, 2004. Вып.3. С. 40-56,135-143;
- Кореньюк С.Н. Образ змеи в искусстве и идеологии населения Прикамья в раннем железном веке // Обнинские чтения: материалы региональных археологических конференций. Пермь, ПОКМ, 2006. Вып.4. С.41-47,179-180.
- Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф. Гляденовские волки с переплетенной пастью // В кругу культуры. Пермь, 2003. С.75-80.
- Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф. Гляденовский историко-археологический комплекс: проблемы сохранения и музеефикации // Археология сакральных мест России: сб. тезисов докладов научной конф. с междуна р. участием: (Соловки, 7-12 сентября 2016 г.) – Соловки, 2016. С.127-131.
- Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Всадники гляденовской культуры // Вестник Пермского университета. Серия История. 2008. Вып. 7(23). С.55-65.
- Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф., Черных Е.М. Человеческие жертвоприношения на анабинских памятниках Нижнего и Среднего Прикамья (конец VI-III вв. до н.э.) // Эпоха бронзы и ранний железный век. Материалы III международной научной конф. «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации». Археология Евразийских степей. 2017. №4. С.143-164.
- Кореньюк С.Н., Перескоков М.Л. Планиграфия Гляденовского городища // Ранний железный век от рубежа эр до середины I тыс. н.э. Динамика освоения культурного пространства. – СПб: – "Скифия Принт", 2017. С.77-79.
- Кореньюк С.Н., Перескоков М.Л. Эволюция образа медведя «в жертвенной позе» в искусстве населения Западного Приуралья в раннем железном веке и средневековье // Вестник Томского Государственного университета. История. 2013. №2 (22). С.45-48.
- Кореньюк С.Н., Перескоков М.Л. Эволюция образа медведя в искусстве населения Западного Приуралья в раннем железном веке и средневековье // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения: сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. – Томск. Томский государственный университет, 2013. – Вып. 3. С.211-223
- Кореньюк С.Н., Мингалева М.К. Микроскопический анализ бисера с металлической прокладкой из коллекции Гляденовского городища-костяка (VI век до н.э. – V век н.э.) // Стекло на путях Евразии в древности и средневековье. Международная научная конференция. Тезисы докладов. М., 2020. С.48.
- Лепихин А.Н. Костяка гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Березники: ООО «ИД «Типография купца Тарасова», 2007. 224 с.
- Лепихин А.Н. Мельничук А.Ф. Гляденовское костяка. Каталог коллекции из собрания Пермского музея. Пермь, 1997. Вып.3. – 65 с.
- Лепихин А.Н. Мельничук А.Ф. Гляденовское костяка. Каталог коллекции из собрания Пермского музея. Пермь, 1999. Вып.4. – 79 с.

- Мокрушин В.П. Городище Ермаши // Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып. V. – Пермь, 2008. С.117-126.
- Новокрестьянских Н.Н. Археологические исследования в западной части Пермской губернии // Труды ПУАК. 1901. Вып. 4. С.107-141.
- Новокрестьянских Н.Н. Гляденовское костыще – Пермской губернии на р. Каме Пермского уезда // Труды ПУАК. 1914. Вып. 11. С.19-97.
- Перескоков М.Л. Динамика развития археологических культур раннего железного века Прикамья в контексте изменения климата // V Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. 11–14 декабря 2019. Ханты-Мансийск. Екатеринбург: ООО Универсальная типография «Альфа-Принт», 2019. С.184–186.
- Перескоков М.Л. Культурно-хронологический горизонт Тураево-Кудаш: теоретический аспект // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Том II. С.378-381.
- Перескоков М.Л. Некоторые итоги изучения хозяйства населения гляденовской культуры Пермского Прикамья // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание). Ижевск, 2016. С. 175-178.
- Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т., 2018. – 320 с.: илл.
- Перескоков М.Л. Территория и локальные варианты позднего этапа гляденовской культуры в Пермском Прикамье // Вестник Пермского университета. Серия История. 2013. Вып. 1(21). С.58-66.
- Петренко А.Г. Взаимодействие человека и природы на территории Среднего Поволжья и Предуралья в эпоху раннего средневековья // Археология и естественные науки Татарстана. Казань, 2011. Книга 4. С.17-43.
- Спицын А.А. Гляденовское костыще. Санкт-Петербург: тип. И.Н. Скороходова, 1901. – 42 с., илл.
- Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1880. Т.6. Вып.1. С.1-31.
- Харитонов Т.В. Пермская медь: обзор литературы [Электронный ресурс]: аннот. библиогр. Указ. – Пермь, 2016. – 1098 с.
- Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции : опыт комплексного исследования. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, 2001. – 301 с.
- Behringer W. Kulturgeschichte des Klimas. C. H. Beck, München 2007. 352 s.
- Büntgen U., Myglan V.S., Charpentier Ljungqvist F., McCormick M., Di Cosmo N. Cooling and societal change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD // Nature Geoscience. 2016. Vol. 9, Iss. 3. p. 231–236. <https://doi.org/10.1038/ngeo2652>.
- Korenyuk Maria S. The Images of Reptiles on Items Found at the Glyadenovsky Bone Bed // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 4 (2015 8). p.585-592.
- Shumilovskikh L.S., Schmidt M., Pereskokov M., Sannikov P. Postglacial history of East European boreal forests in the mid-Kama region, pre-Urals, Russia. Boreas, 2020. Vol. 49. Iss. 3. p. 526-543. <https://doi.org/10.1111/bor.12436>.

THE MAIN RESULTS OF MORE THAN 120-YEAR STUDY OF THE GLYADENOVOSACRED PLACE

A.V. Vasilyeva, S.N. Korenyuk, M.L. Pereskokov

Perm State National Research University, 15 Bukireva str., Perm, 614990

Anastasia-perm@mail.ru

Korenyuk_sn@mail.ru

Pereskokoff@yandex.ru

The article summarizes the results of more than 120 years of research of the Glyadenovohillfort and sacred place. The building of the fortification of the hillfort, its layout and structure, the types of objects and buildings studied are analyzed. The plan of the bonecongestion is considered. Today, it is obvious that there were two two places of worship at the sanctuary. The "Central" place was explored by N.N. Novokrestchennykh in 1896-1897. The "Small" place has been researched since 1981 by the Perm State University. Altars, ashtrays, accumulations of bones, calculations from the skulls of wild and domestic animals were studied. The characteristics of cult metal images and the main types of archaeological things are presented, and updated chronology is proposed. The main stages of its functioning in the historical and cultural context are considered.

Keywords: Ananyino culture, Glyadenovo culture, metal image in animal style, sanctuary, hillfort, fortification, defensive tower, ceramics, building, burial.

Рис. 1. Раскопки Гляденовскогостеища. 1897 г. Архив Пермского краеведческого музея.

Рис. 2. Раскопки Гляденовского котеища. 1897 г. [Спицын, 1901.Рис. 61]

Рис. 3. Раскопки Гляденовского костыща. 1897 г. Архив Пермского краеведческого музея.

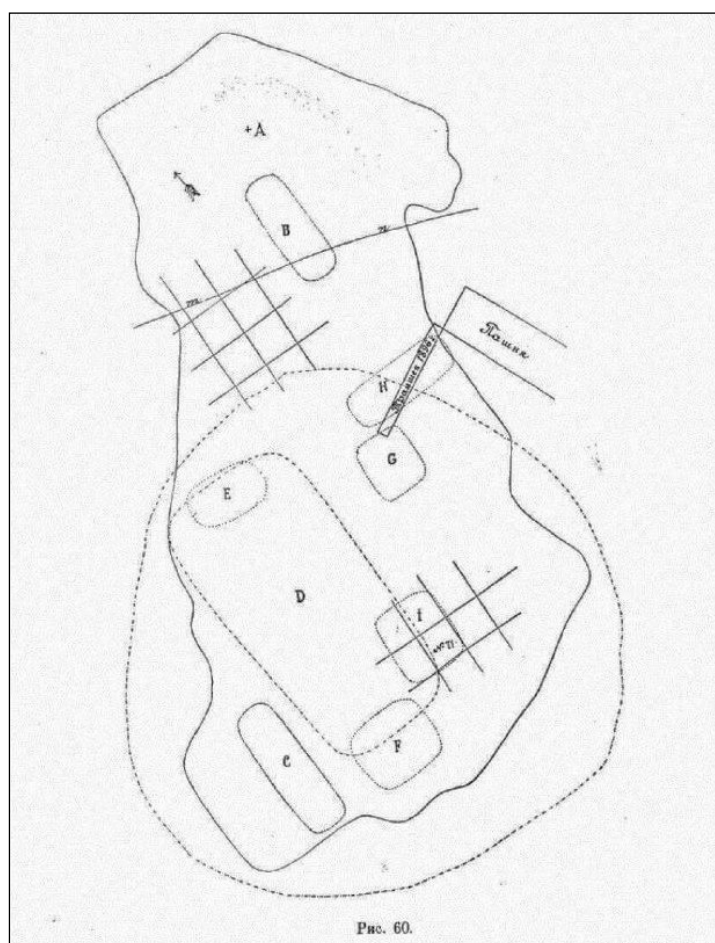

Рис. 4. План Гляденовского костыща по А.А.Спицыну [1901. с. 5. рис. 60].

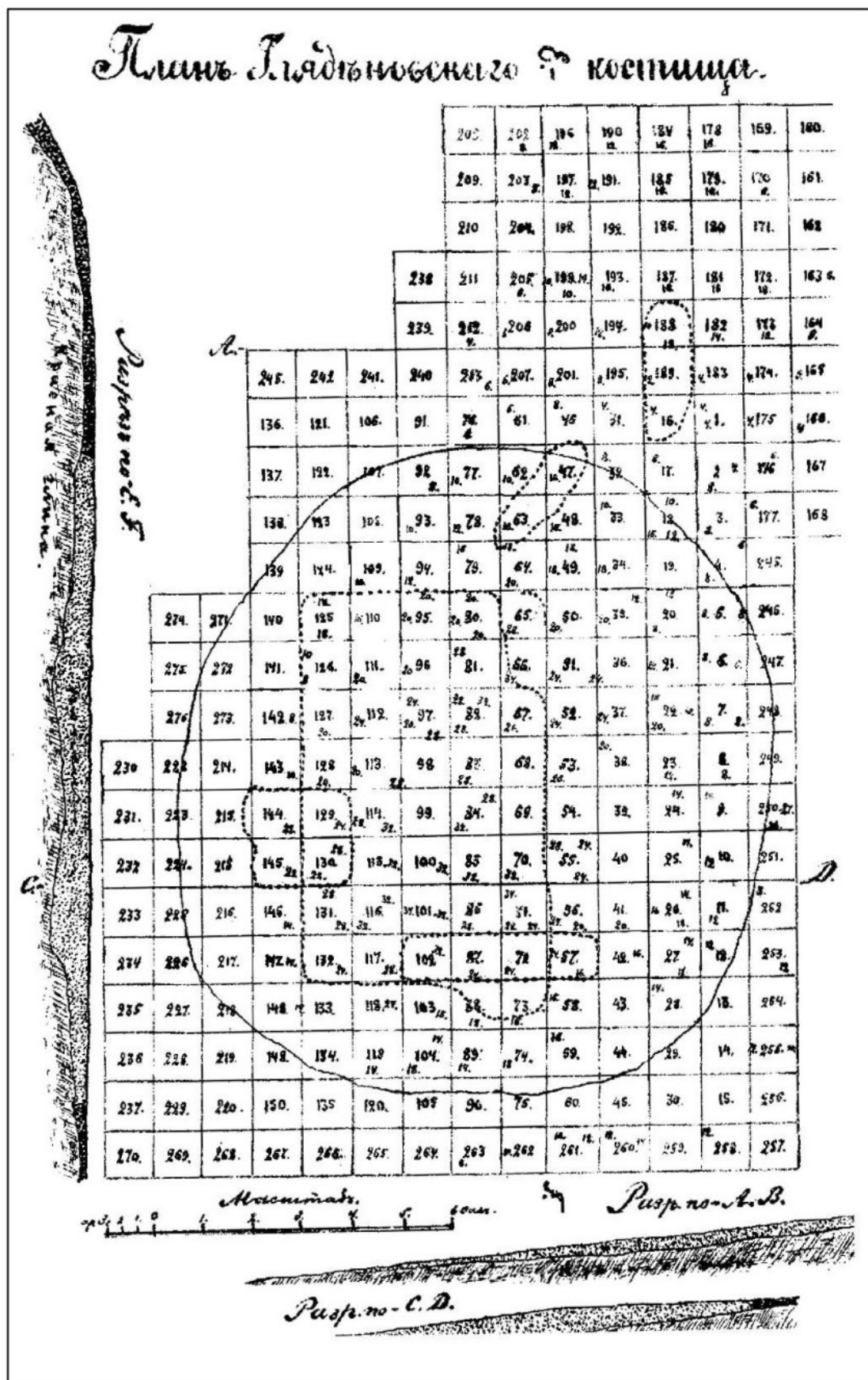

Рис. 5. План Гляденовского костяща по Н.Н. Новокрещенных [1914]

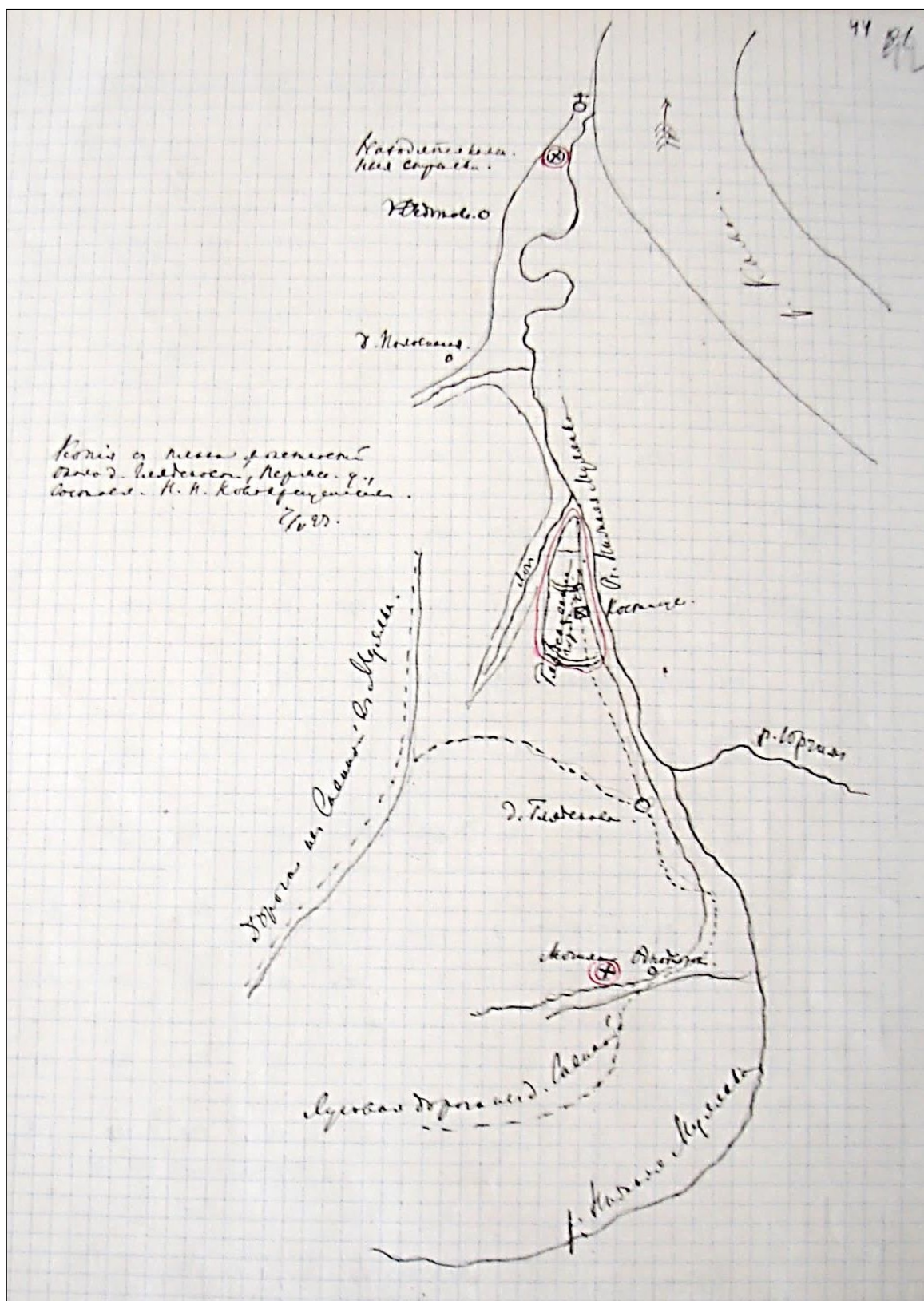

Рис. 6. Топографический Гляденовского городища и костища по Н.Н. Новокрепленных [1896]

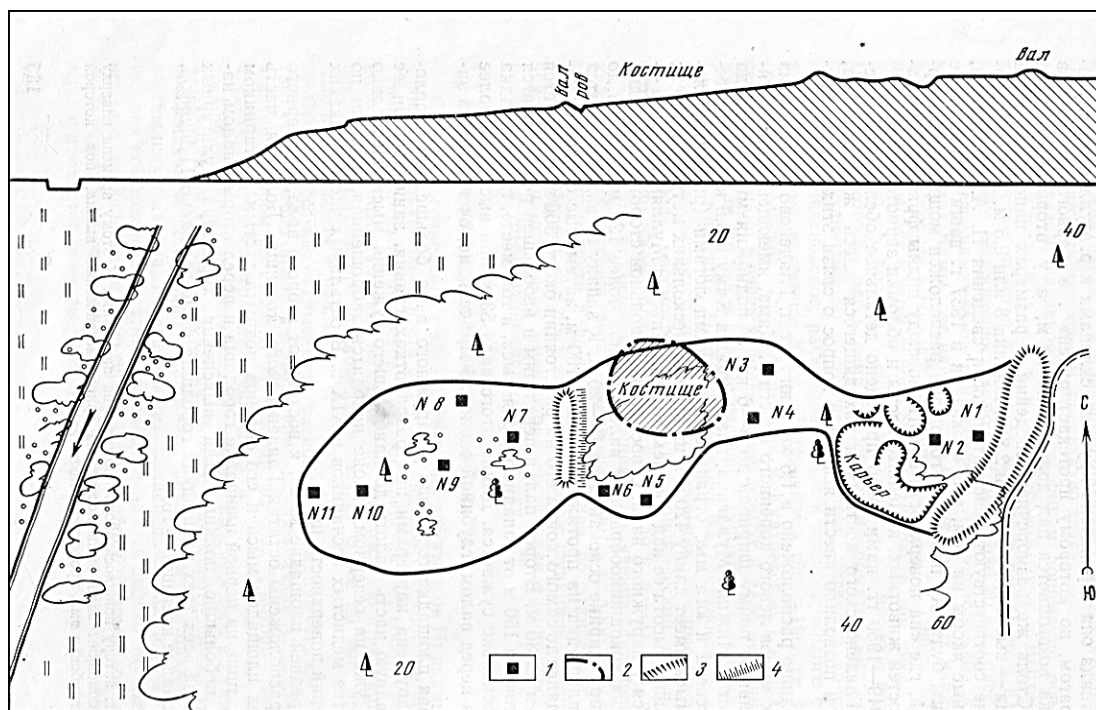

Рис. 7. План Гляденовского городища по В.Ф. Генингу [1988. рис. 30]. 1. Шурфы 1950 г. на площадке городища; 2. Граница распространения сырых костей на костище; 3-4. Вали и ров городища

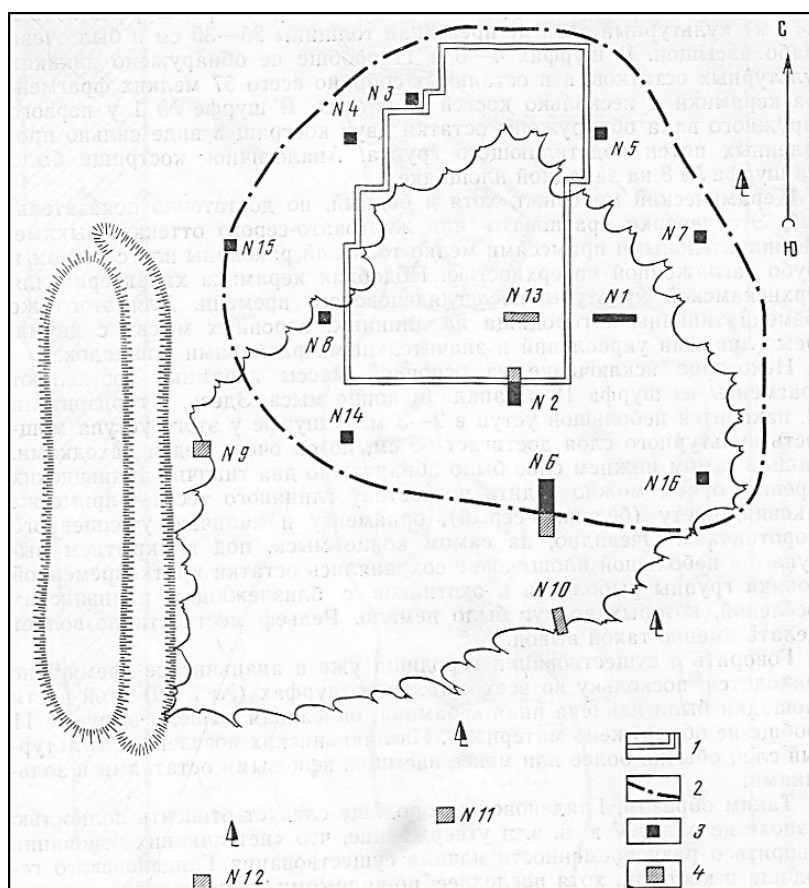

Рис. 8. Схема расположения площадки с остатками Гляденовского костища по В.Ф. Генингу [1988. рис. 31]. 1. Граница раскопа Н.Н. Новокрещенных; 2. Граница распространения сырых костей на костище; 3. Шурфы 1950 г. с находками сырых костей; 4. Шурфы 1950 г. без находок сырых костей.

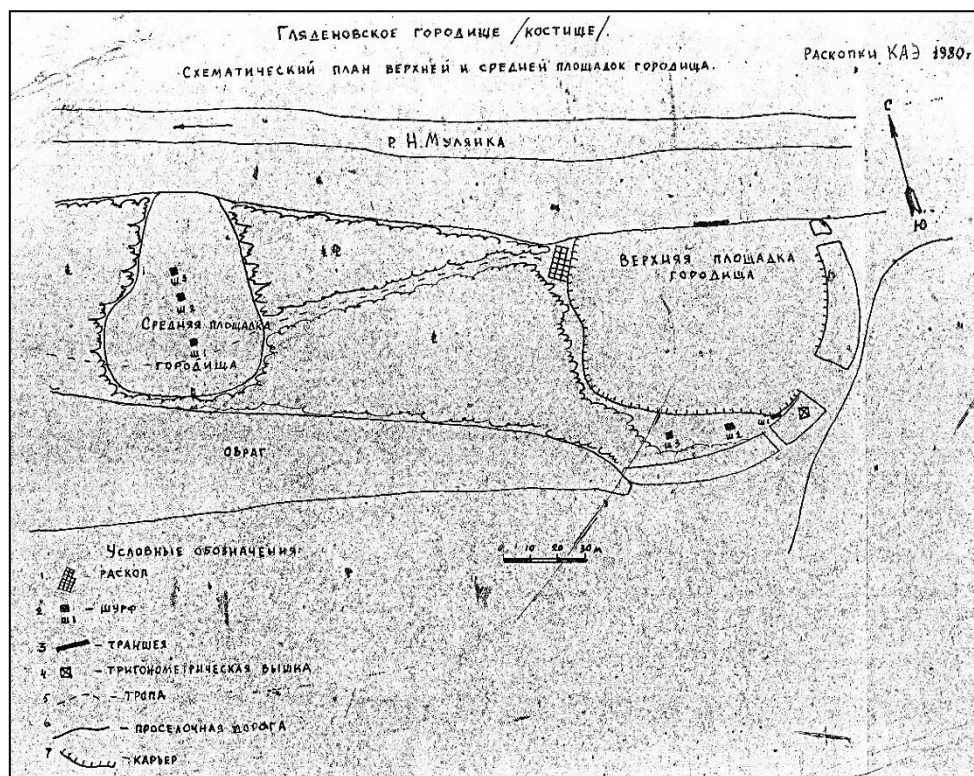

Рис. 9. План верхней и средней площадок Гляденовского городища по А.Д. Вечтому [1980].

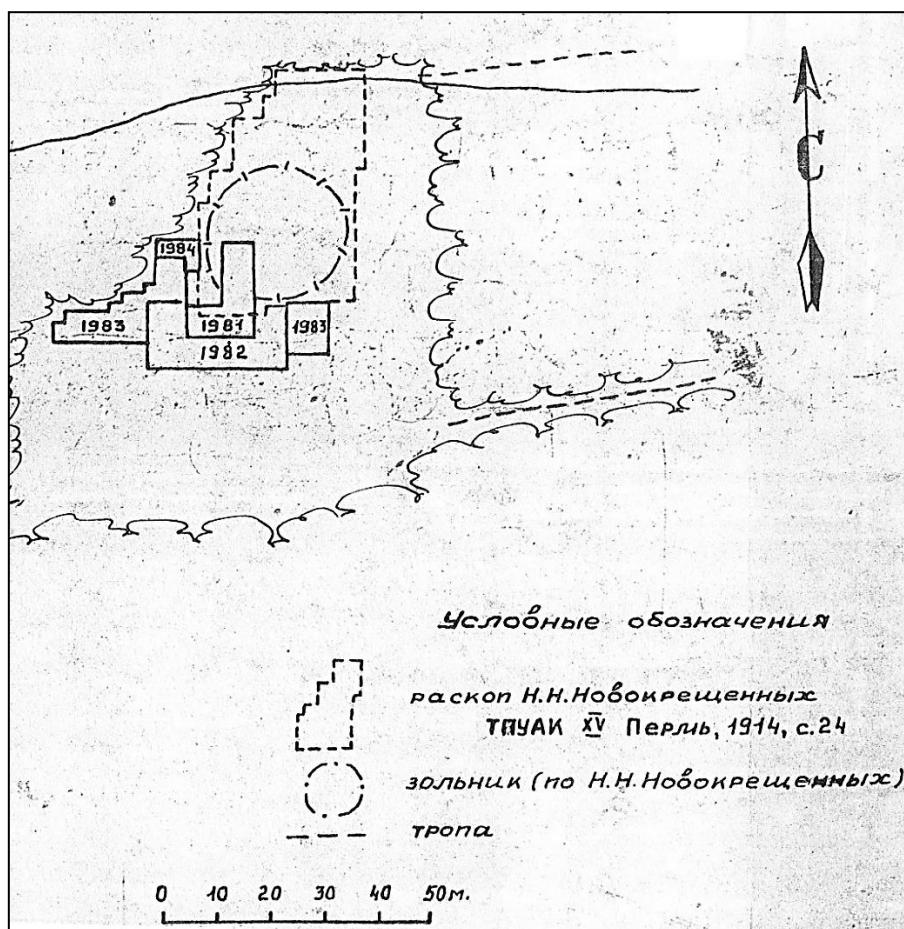

Рис. 10. План Гляденовского костища по А.Д. Вечтому [1984].

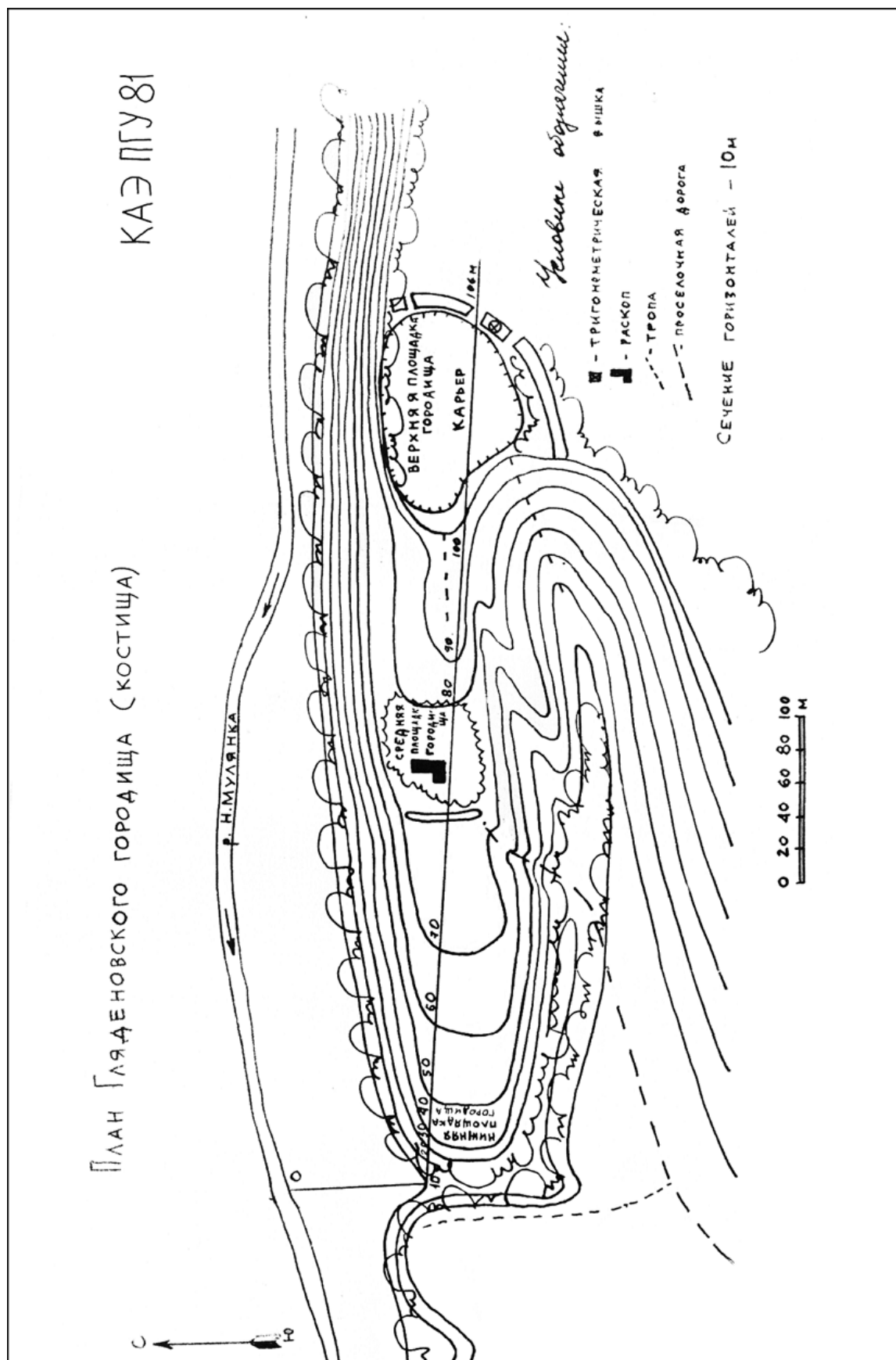

Рис. 11. Общий план Гляденовского городища (костища) по А.Д. Вечтому [1981].

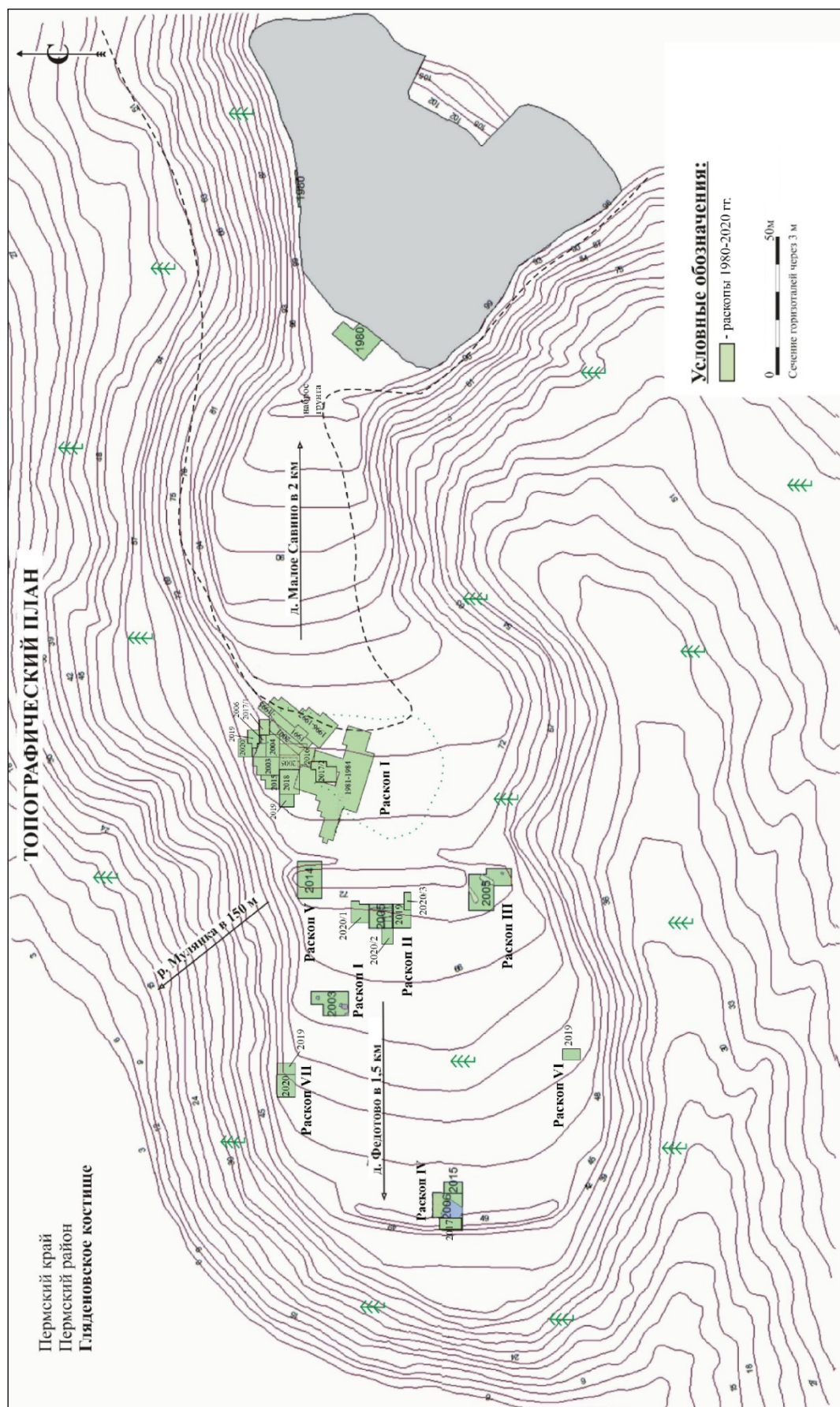

Рис. 12. Сводный план раскопов Гляденовского городища и костища 1980-2020 гг.

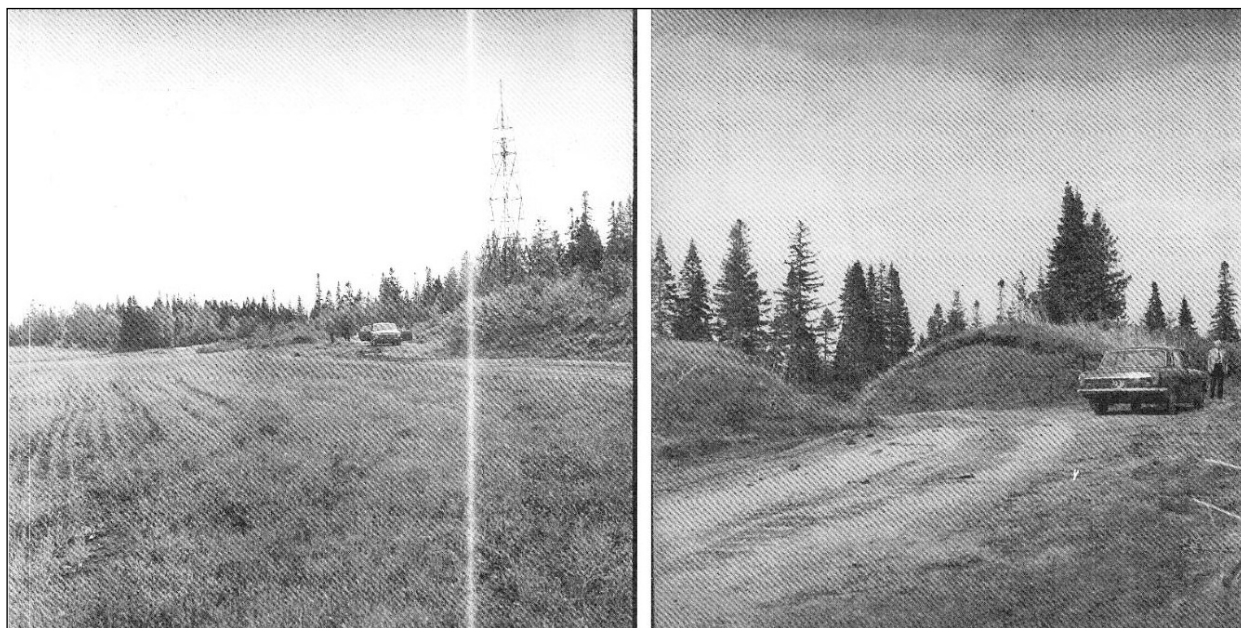

Рис. 14. Внешний вал (I) Гляденовского городища. Фото начала 1980-х гг.

Рис. 15. Гляденовское городище-костище. Очертания оборонительной башни. Раскоп IV/2006.

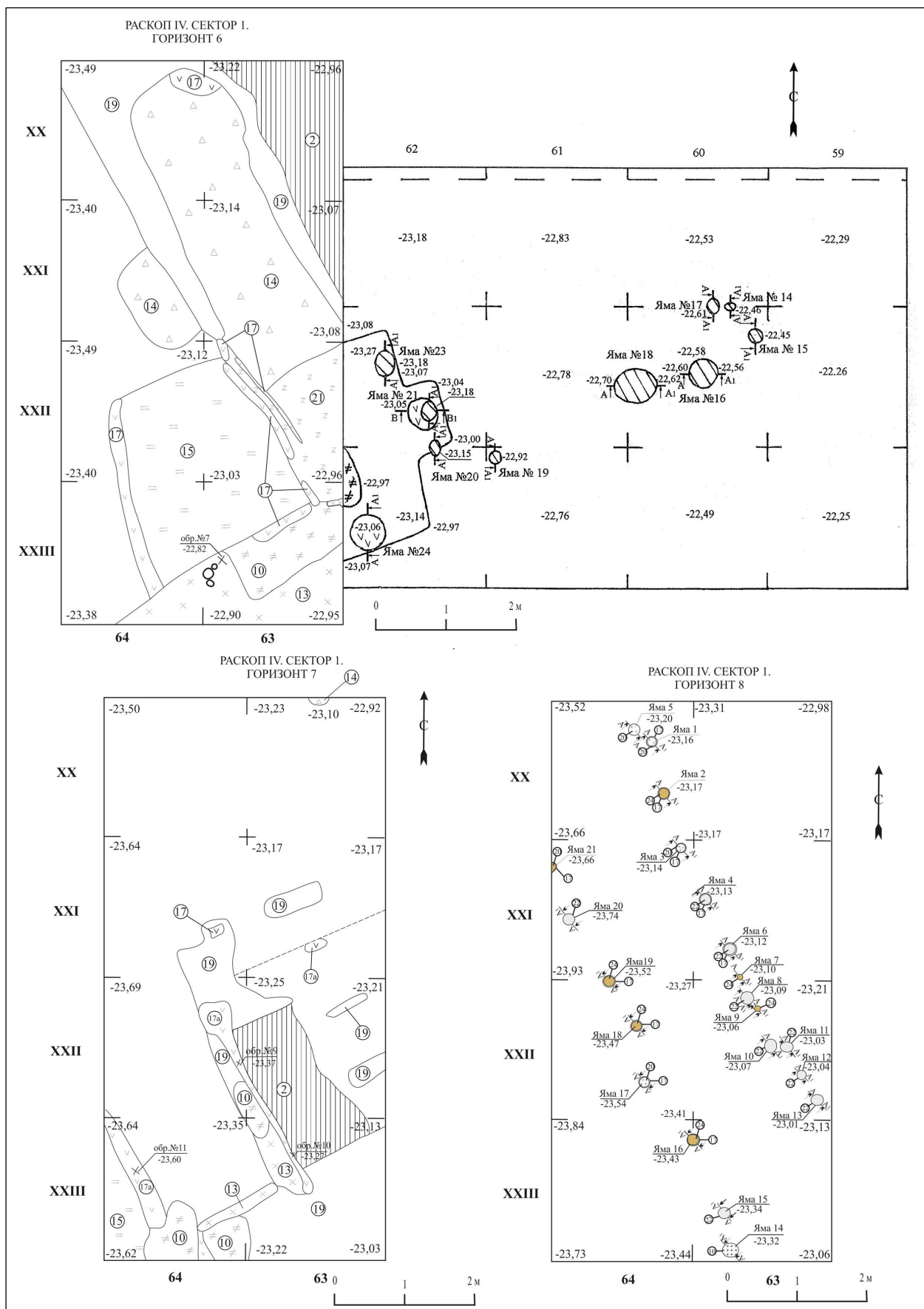

Рис. 16. Гляденовское городище. План ранней фортификации. Вал III. Раскоп IV/2006-2017.

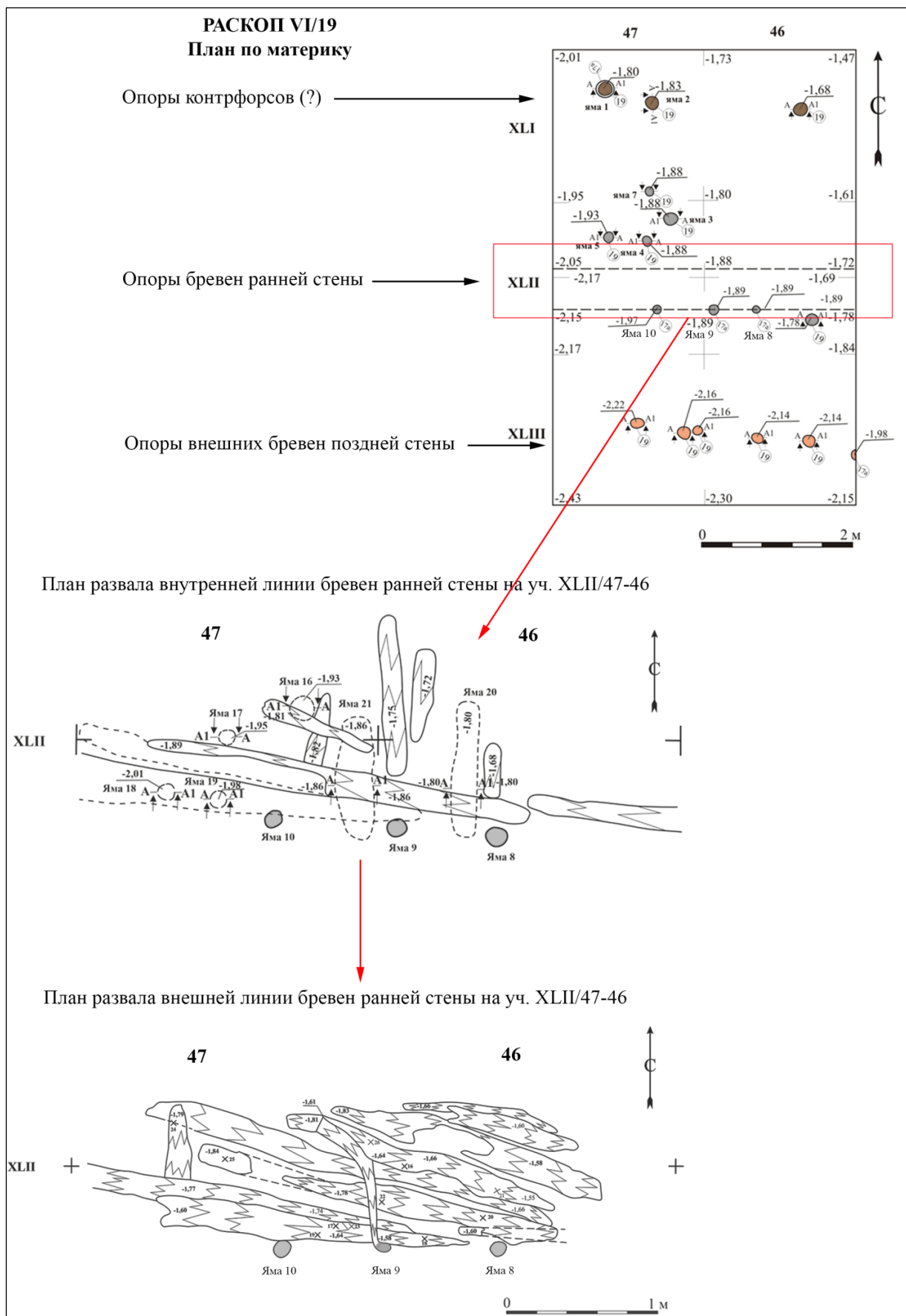

Рис. 17. Гляденовское городище. Ранняя фортификация. Раскоп VI/2019.

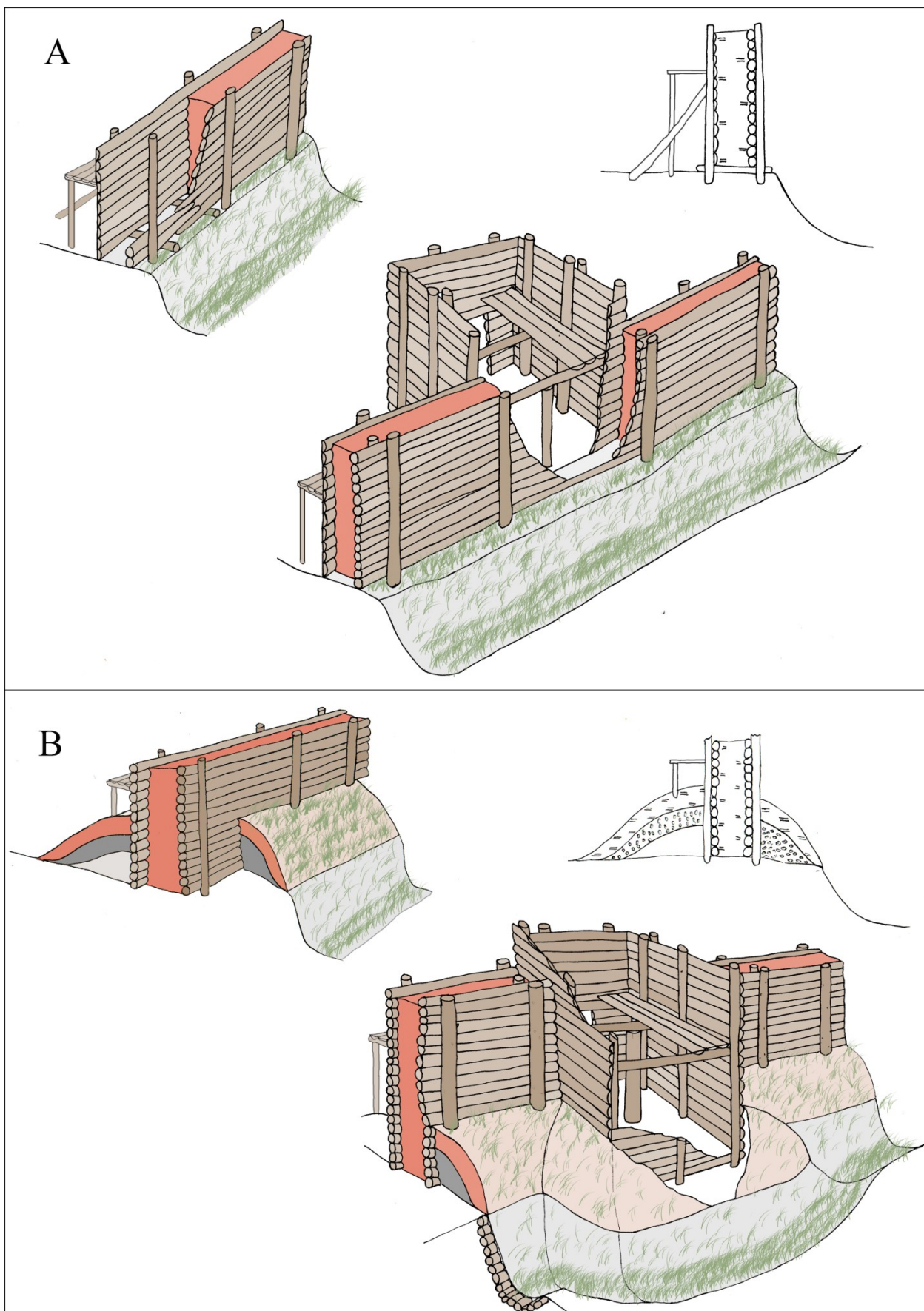

Рис. 18. Гляденовское городище. Реконструкция систем укреплений. А. Ранняя фортификация (конец VI-V в. до н.э.). В. Поздняя фортификация (V-IV вв. до н.э.).

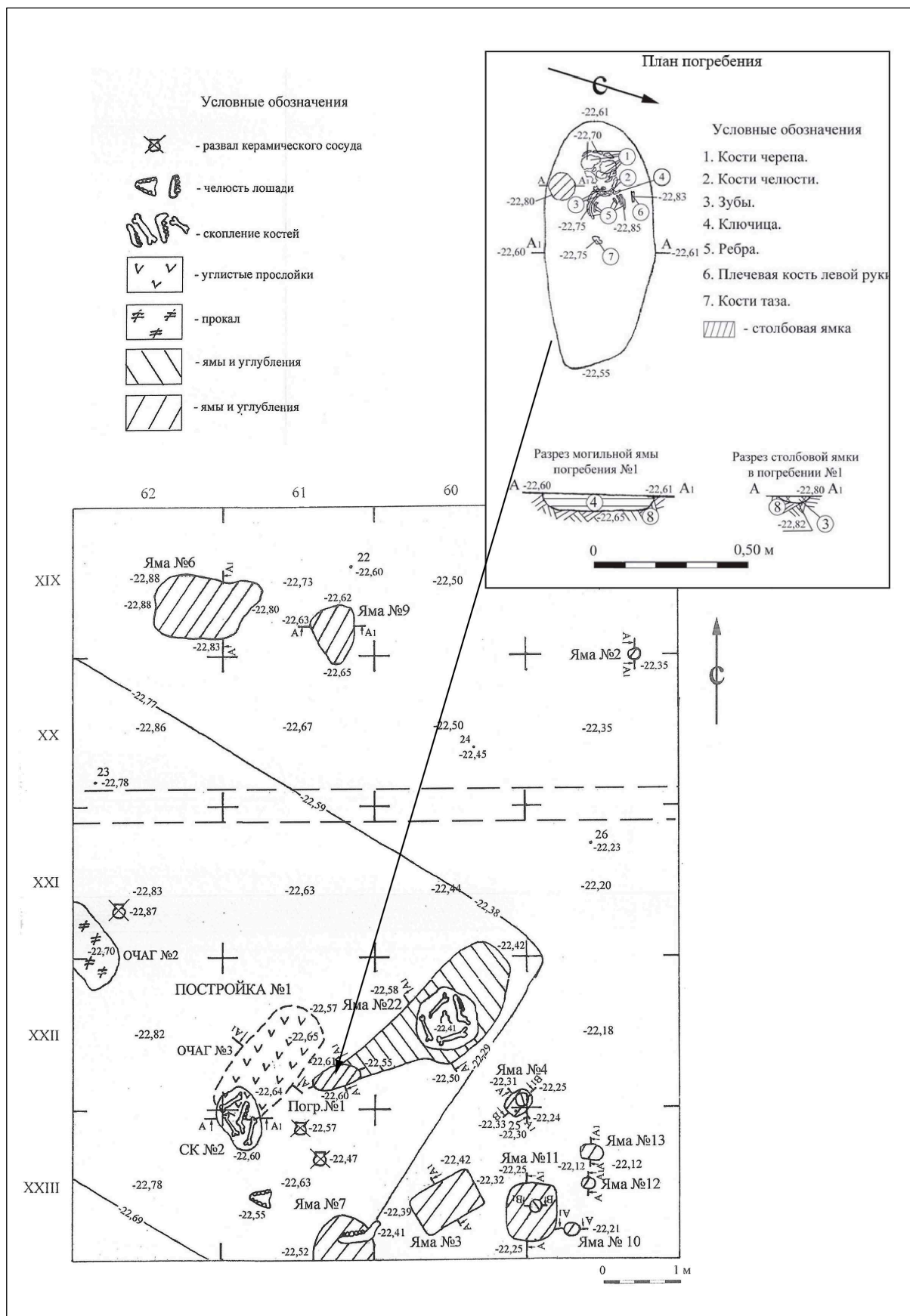

Рис. 19. Гляденовское городище. Раскоп IV/2006. Постройка позднего этапа ананьинской культуры с впускным детским погребением.

Рис. 20. Гляденовское городище. Сводный план раскопа II.
Комплекс жилых и хозяйственных объектов.

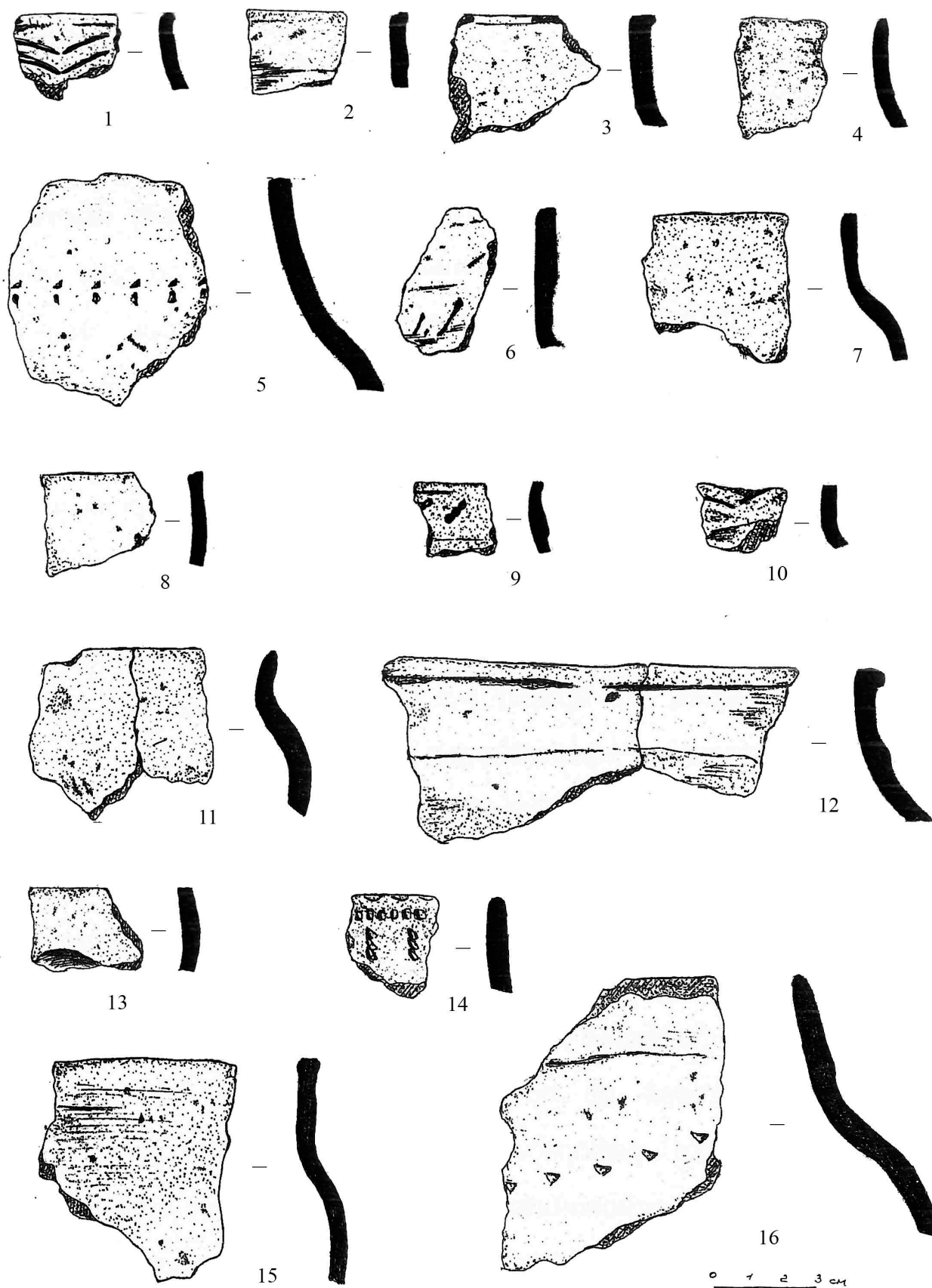

Рис. 21. Гляденовское городище. 1-10,11,13-15. Керамический материал раскопа II/2005.
12, 16. Керамический материал раскопа III/2005.

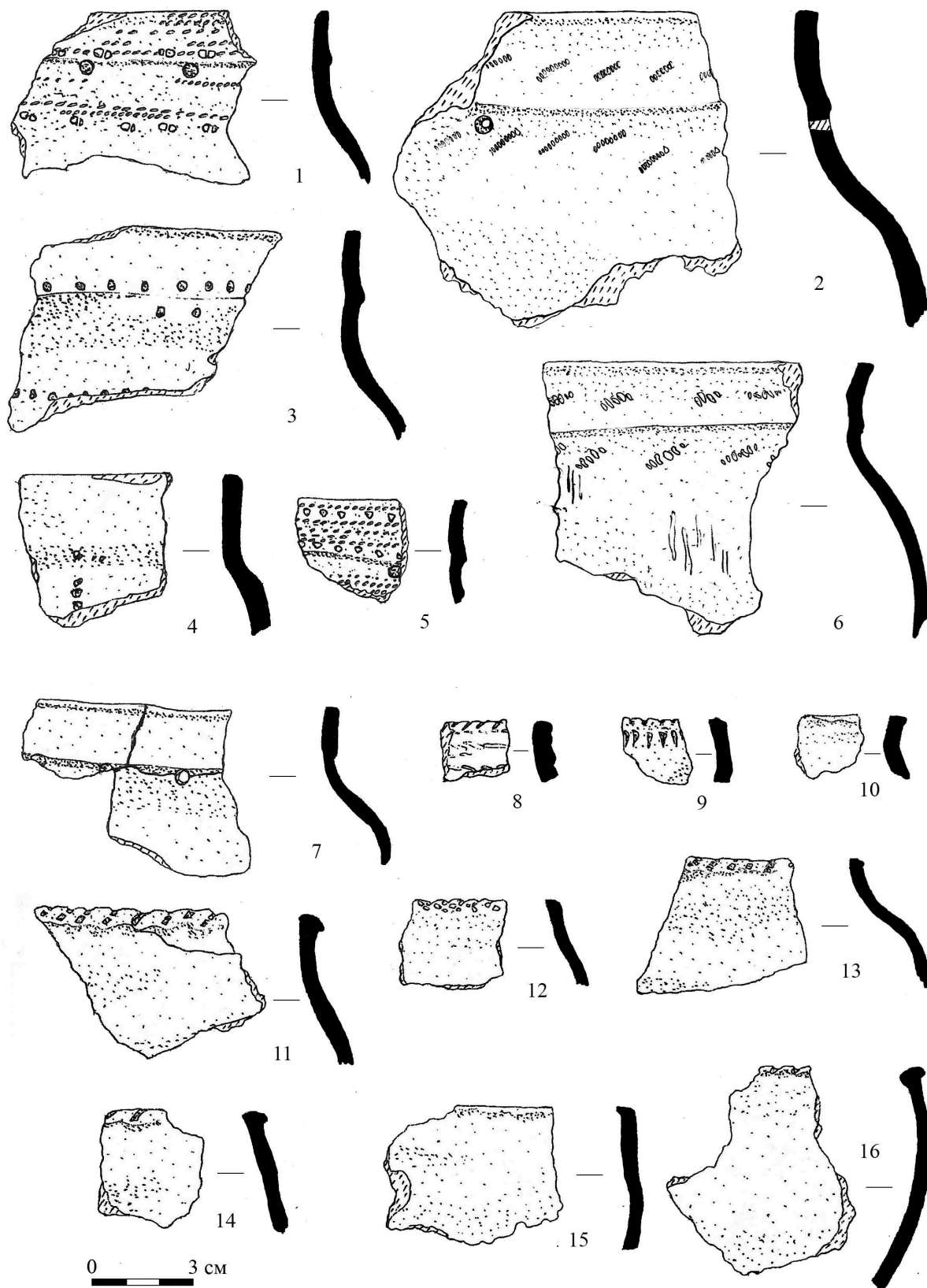

Рис. 22. Гляденовское гордище. Керамический материал. Раскоп IV/2006. 1 – уч. XXII/61, гл. -0,2-0,3; 2. Развал сосуда – уч. XIX/61, гл. -22,44 м; 3 – уч. XXII/62, гл. -0,2-0,3 м; 4 – уч. XX/61, гл. 0-0,1 м; 5 – уч. XIX/59, гл. -0,2-0,3 м. 6 – уч. XXI/61, гл. -0,3-0,4 м; 7 – уч. XXI/60, гл. -0,3-0,4 м; 8 – уч. XIX/62, гл. 0-0,2 м; 9 – уч. XIX/59, гл. 0-0,1 м; 10 – уч. XX/61, гл. 0-0,1 м; 11 – уч. XIX/62, гл. -0,2-0,3 м; 12 – уч. XIX/62, гл. -0,3-0,4 м; 13 – уч. XIX/59, гл. -0,2-0,3 м; 14 – уч. XXIII/60, гл. 0-0,2 м; 15 – уч. XIX/61, гл. -0,2-0,3 м. 16 – уч. XIX/61, гл. -0,2-0,3 м;

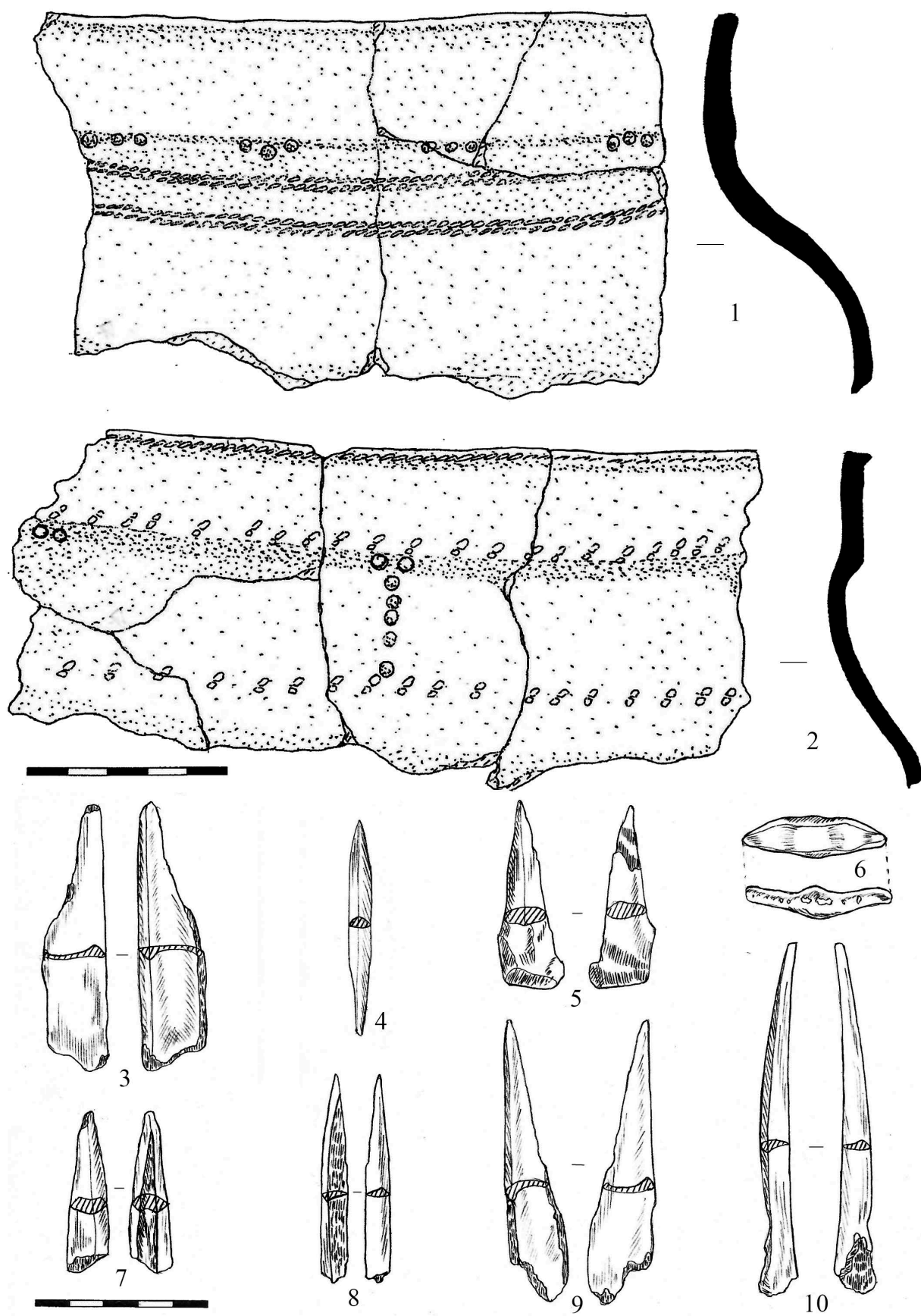

Рис. 23. Гляденовское городище. Раскоп IV/2006. Керамический материал. 1 – развал сосуда, уч. XXIII/61, гл. -22,57; 2. Развал сосуда – уч. XXIII/61, гл. -22,47; 3-10. Материальная культура городища. Костяные предметы.

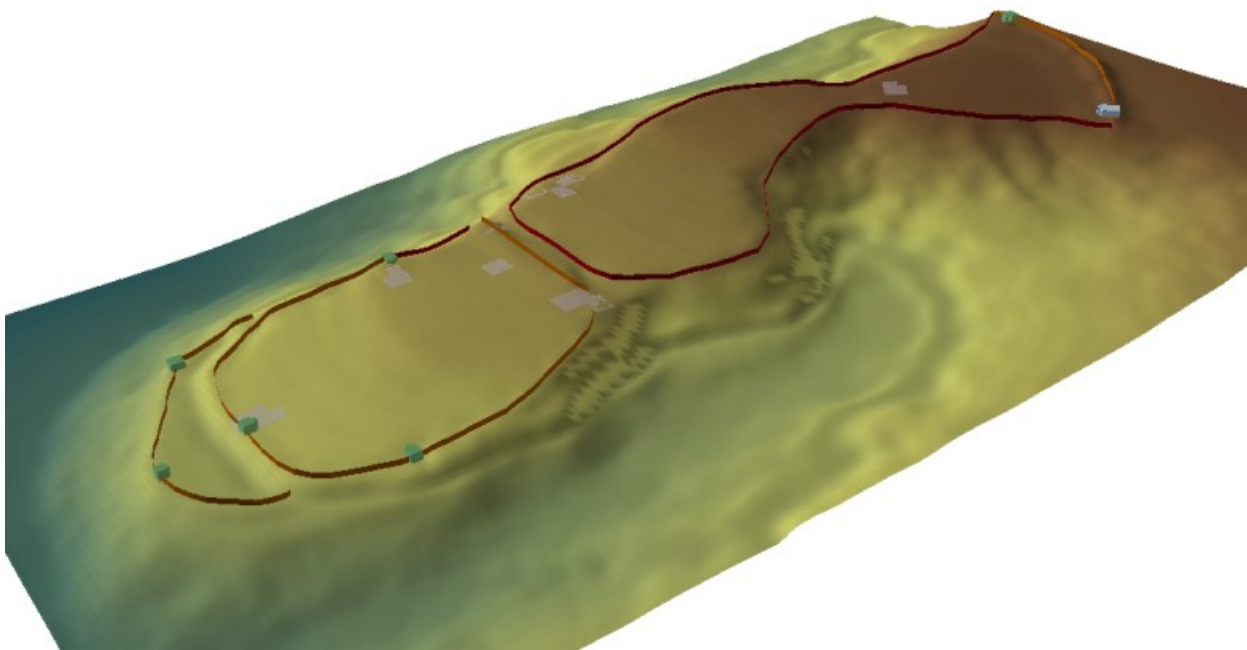

Рис. 24. 3D реконструкция фортификаций Гляденовского городища.

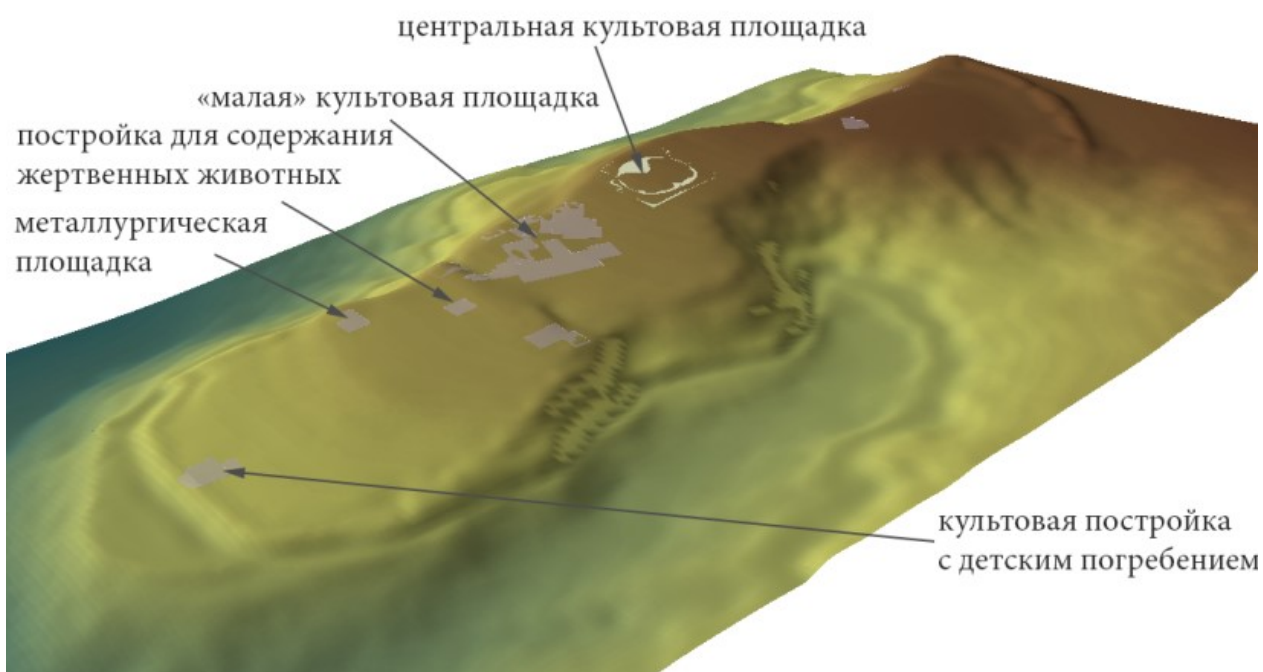
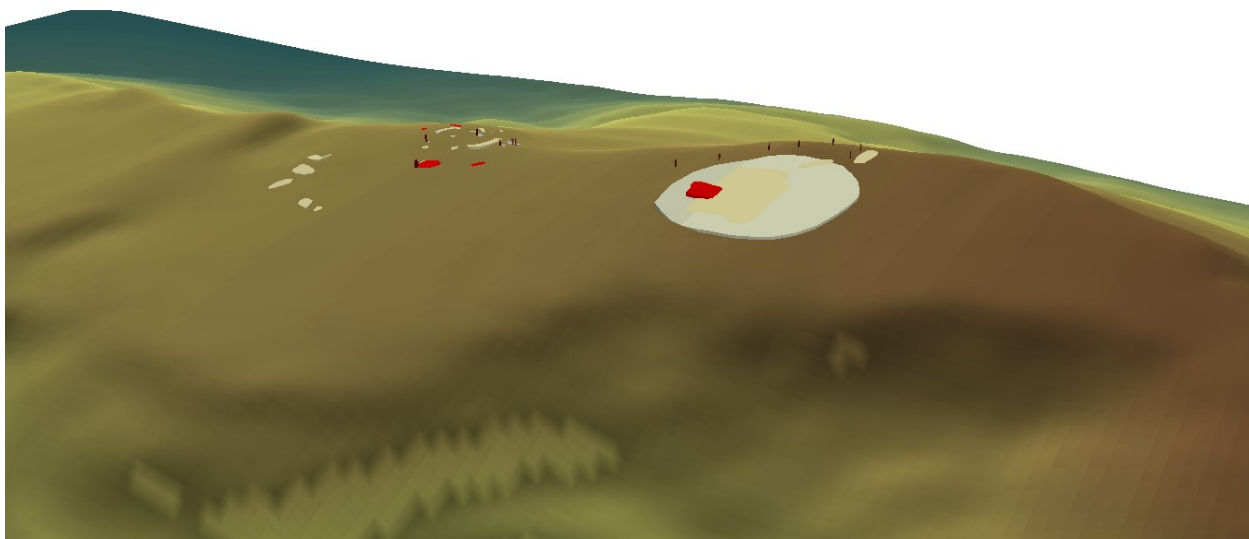
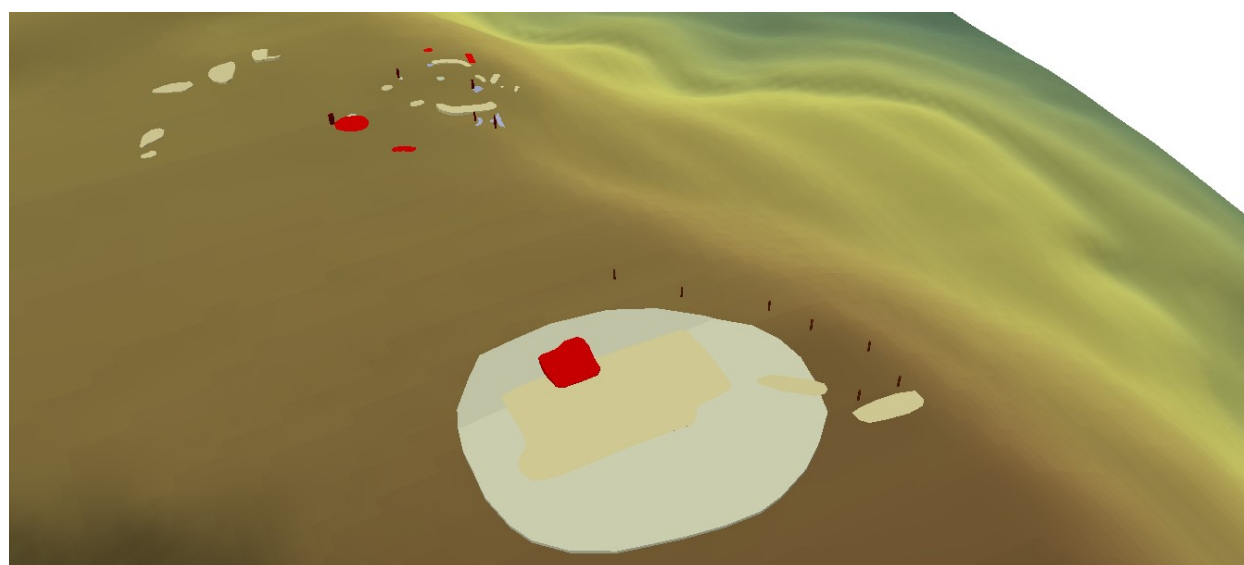

Рис. 25. 3D реконструкция Гляденовского костища.

A

B

Рис. 26. 3D реконструкция Гляденовского костища. А-В. Общий вид.

Рис. 27. 3D реконструкция Гляденовского костища. «Малая» площадка.

Рис. 28. Гляденовское костыще. Керамический материал.
1-11,13-14. Раскоп I/2005. 12,15. Раскоп I/2001.

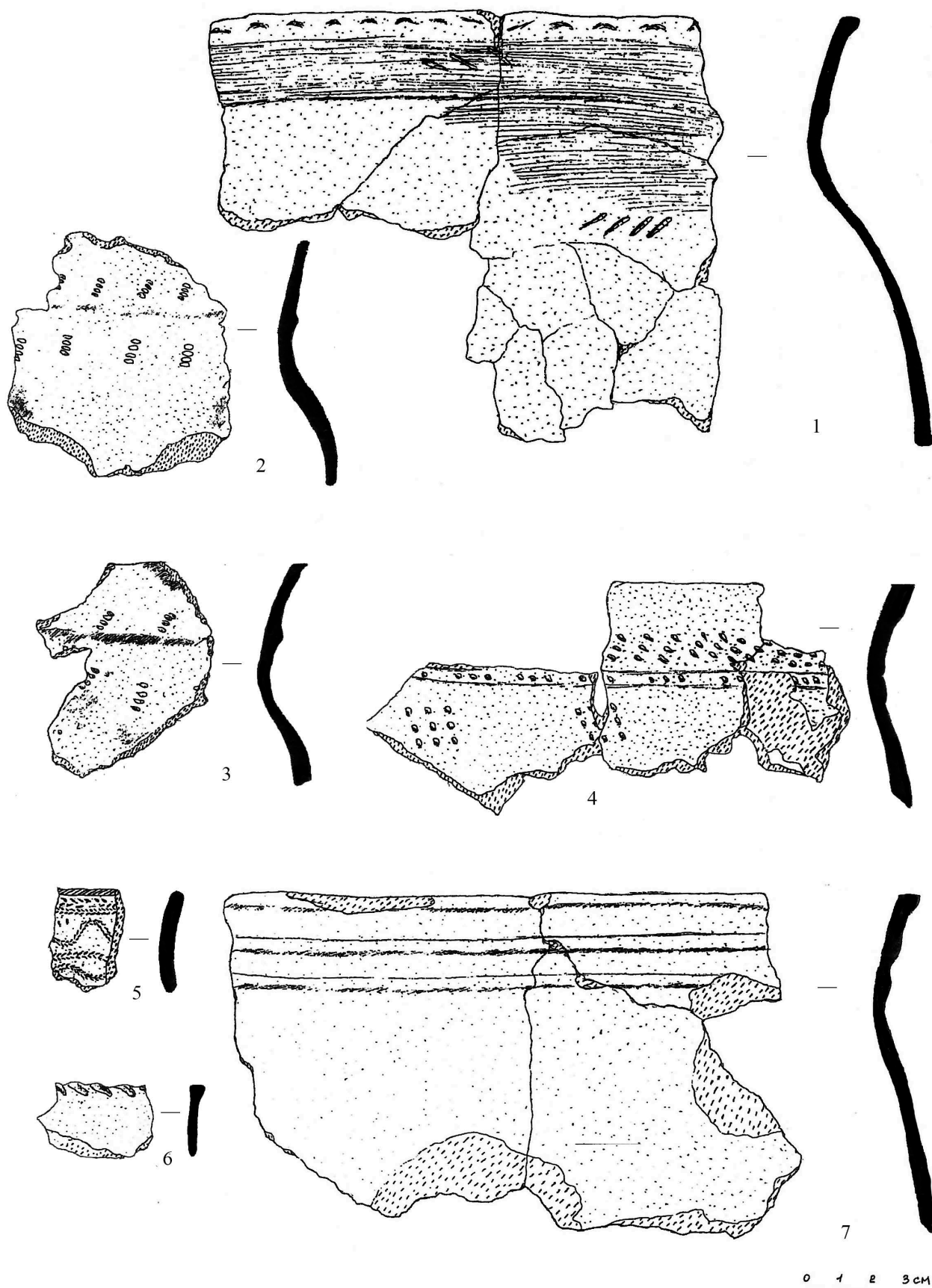

Рис. 29. Гляденовское костеище. Керамический материал. 1-7. Раскоп I/2005.

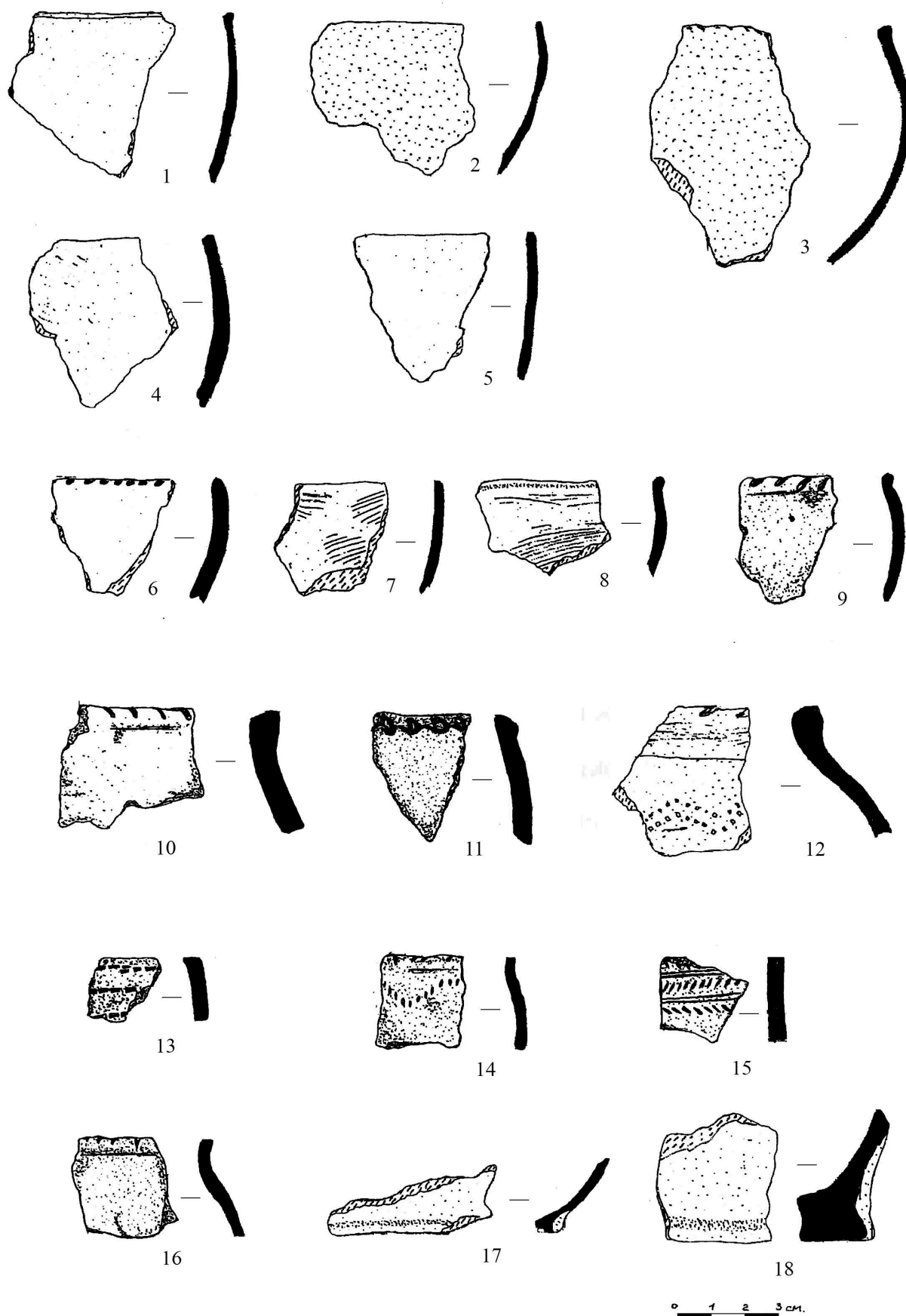

Рис. 30. Гляденовское костыще. Керамический материал. 1-2, 6-7, 11, 15-18. Раскоп I/2001. 3-5, 8-10, 12-14. Раскоп I/2005.

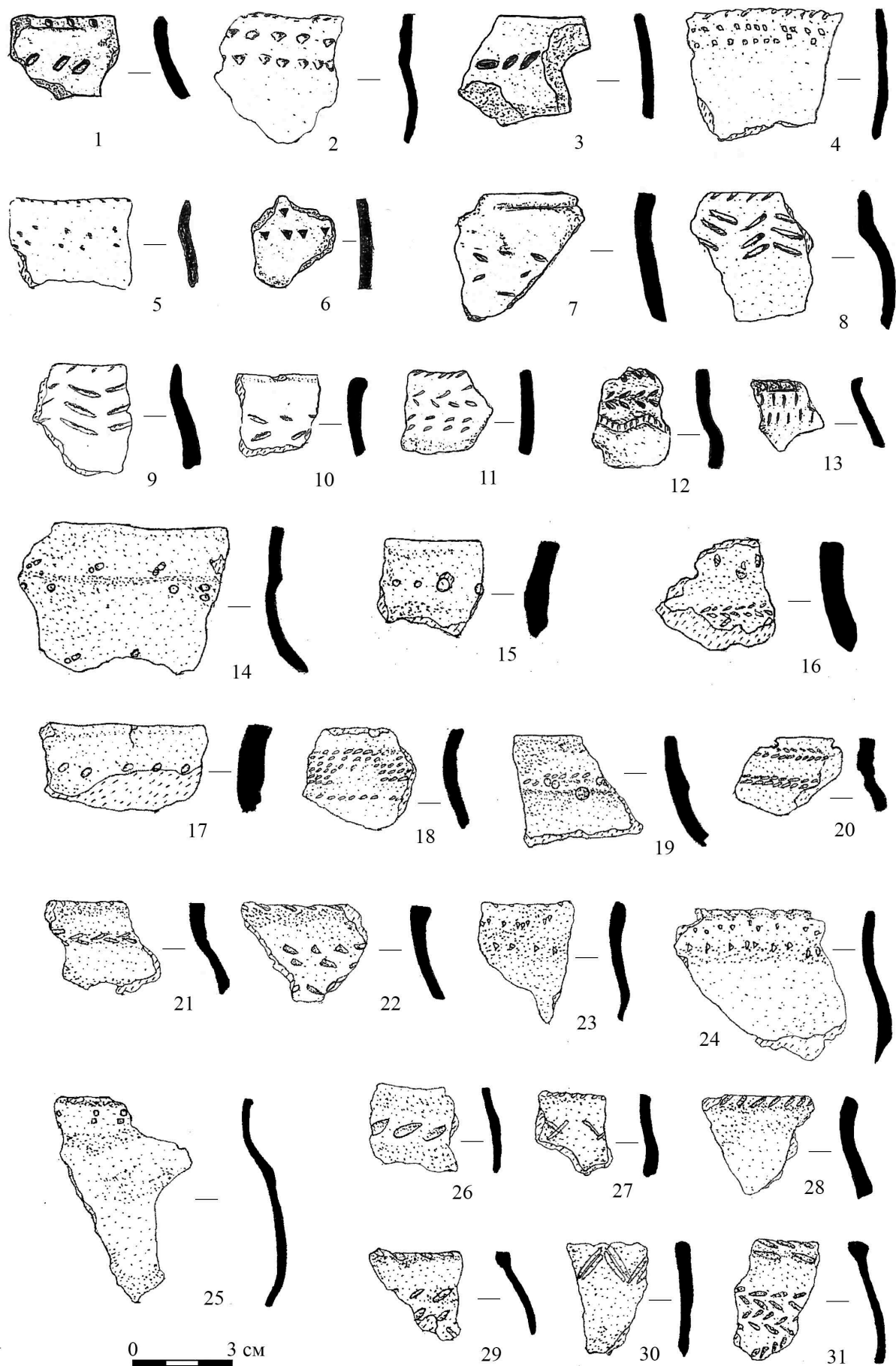

Рис. 31. Гляденовское костыще. Керамический материал. 1, 3-4, 6-12. Раскоп I/2005.
2, 5, 13. Раскоп I/2001. 14-31. Раскоп I/2006.

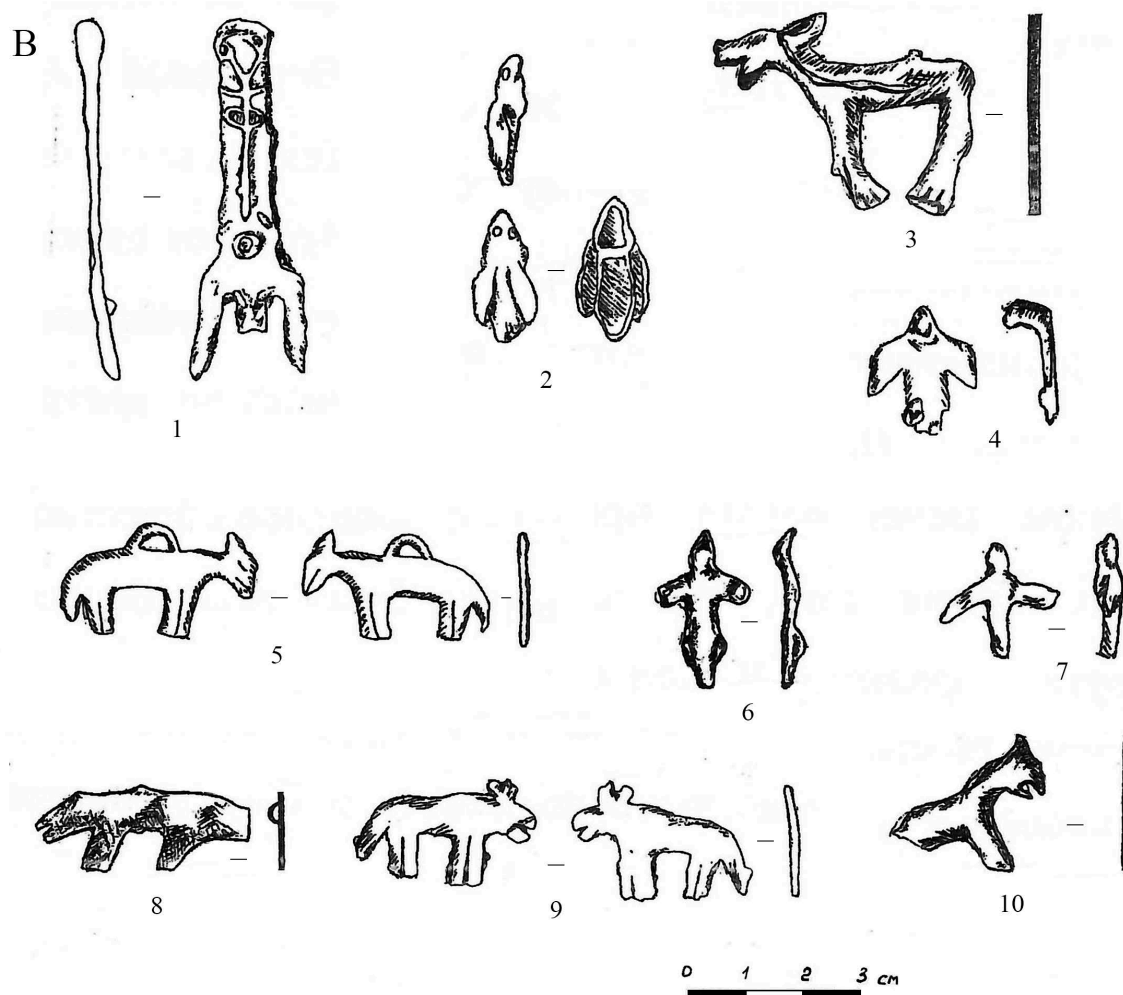
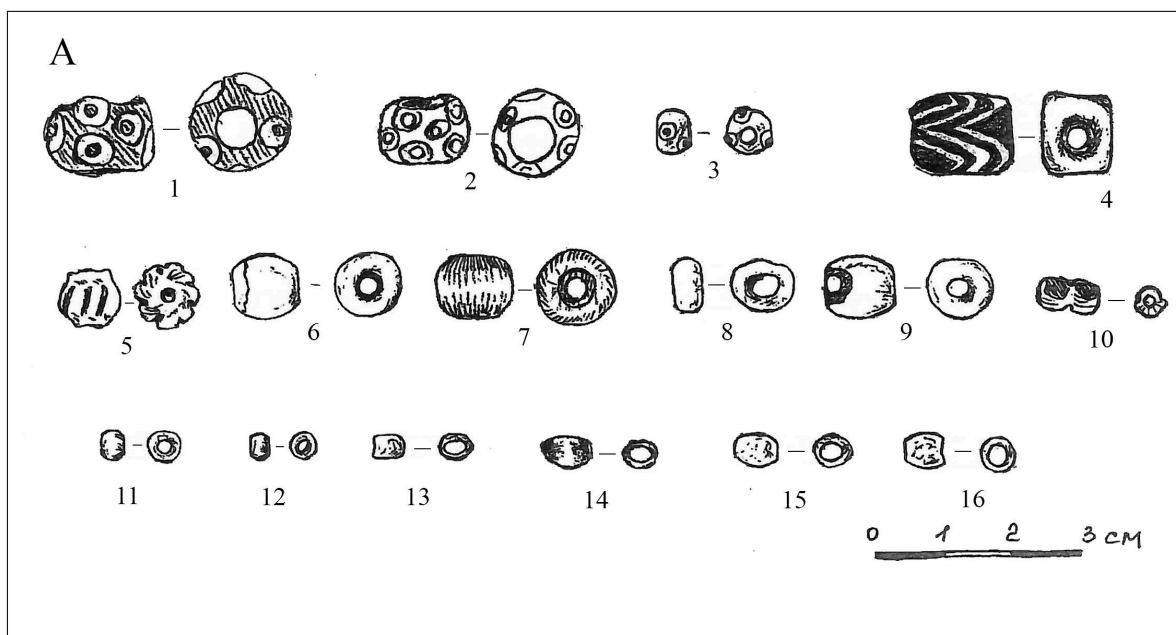

Рис. 32. Гляденовское костище. Раскоп I/2005.А. 1-16. Стекланные бусы.
В. 1-10. Бронзовая культовая металлопластика.

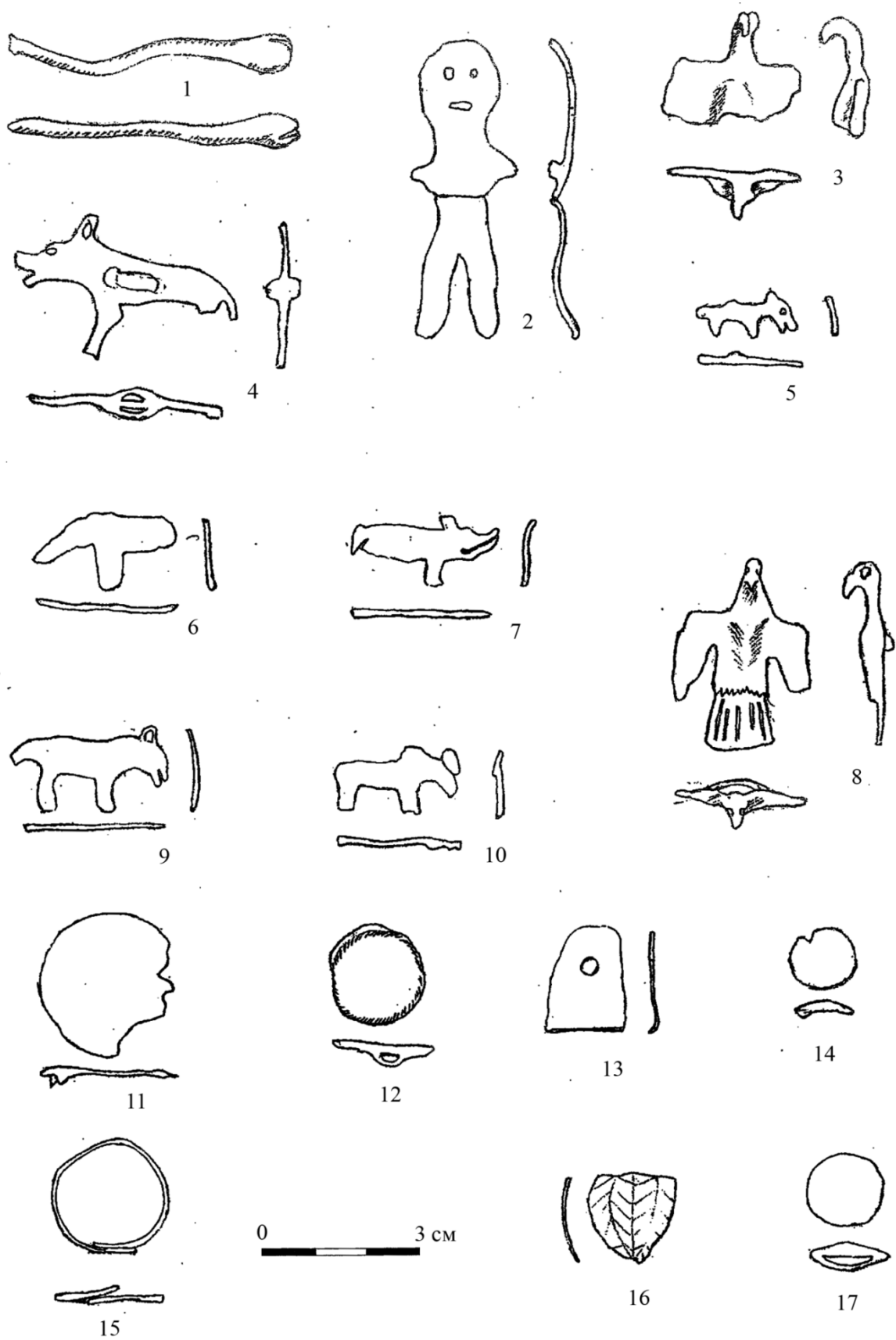

Рис. 33. Гляденовское костище. Раскоп I/2006.1-8. Бронзовая культовая металлопластика. 11-14, 16-17. Бронзовые бляшки и накладки. 15. Бронзовое височное кольцо.

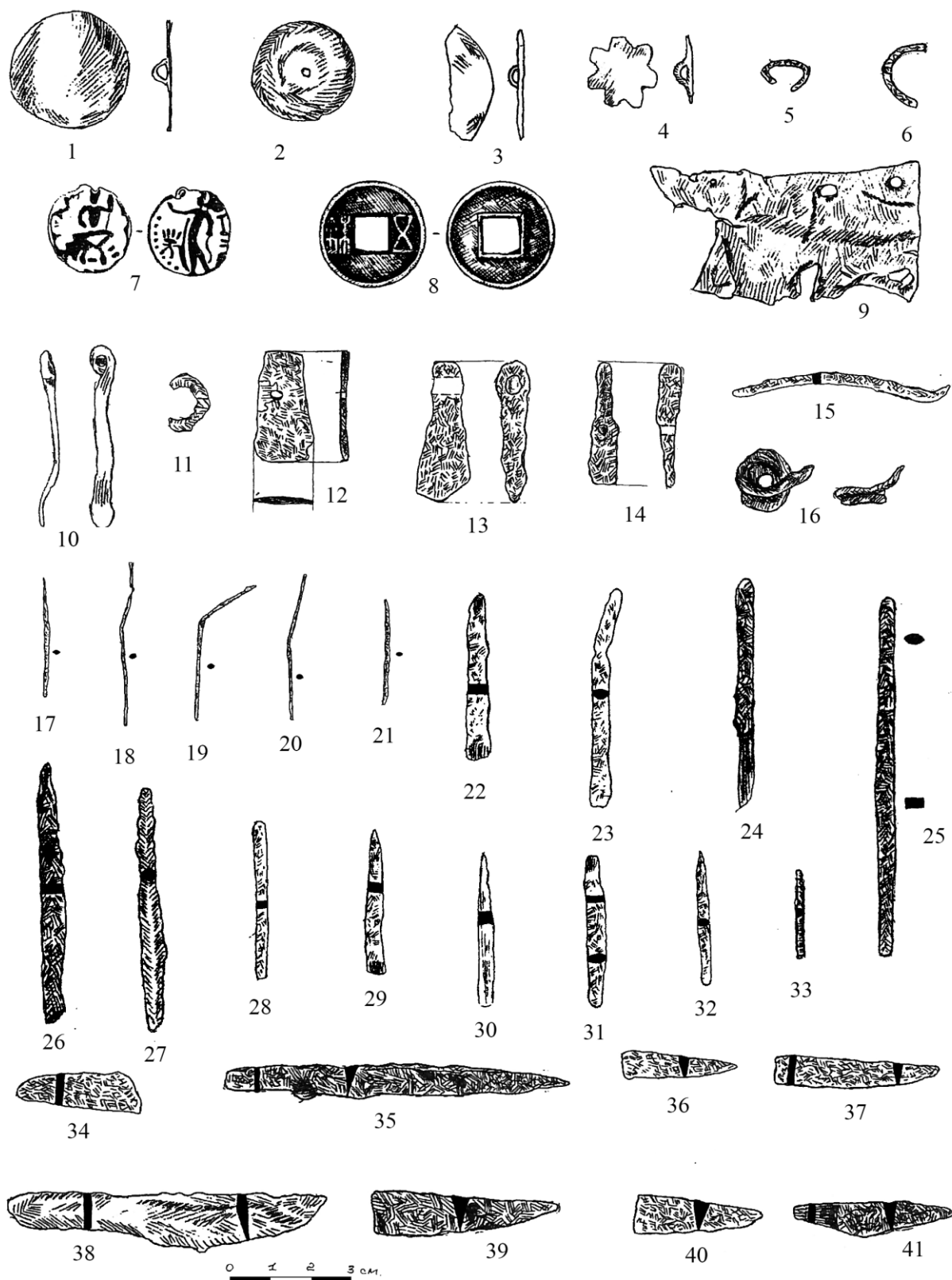

Рис. 34. Гляденовское костеище. Раскоп I/2005. 1-4. Бронзовыебляшки. 5-6. Бронзовые височные кольца. 9. Бронзовая накладка. 10. Язычок бронзовой пряжки. 11-14. Вотивные железные предметы. 15-16. Железные фигурки змей. 17-21. Железные иглы. 22-33. Железные штырьки. 34-41. Железные ножи и их фрагменты. 7. Монета государства Великих Кушан. Чекан царя Хувишки. (Раскоп 1991 г.). 8. Монета императора Гуан Уди (25-57 гг. н.э.) династии Младшая Хань (раскоп 1995 г.).

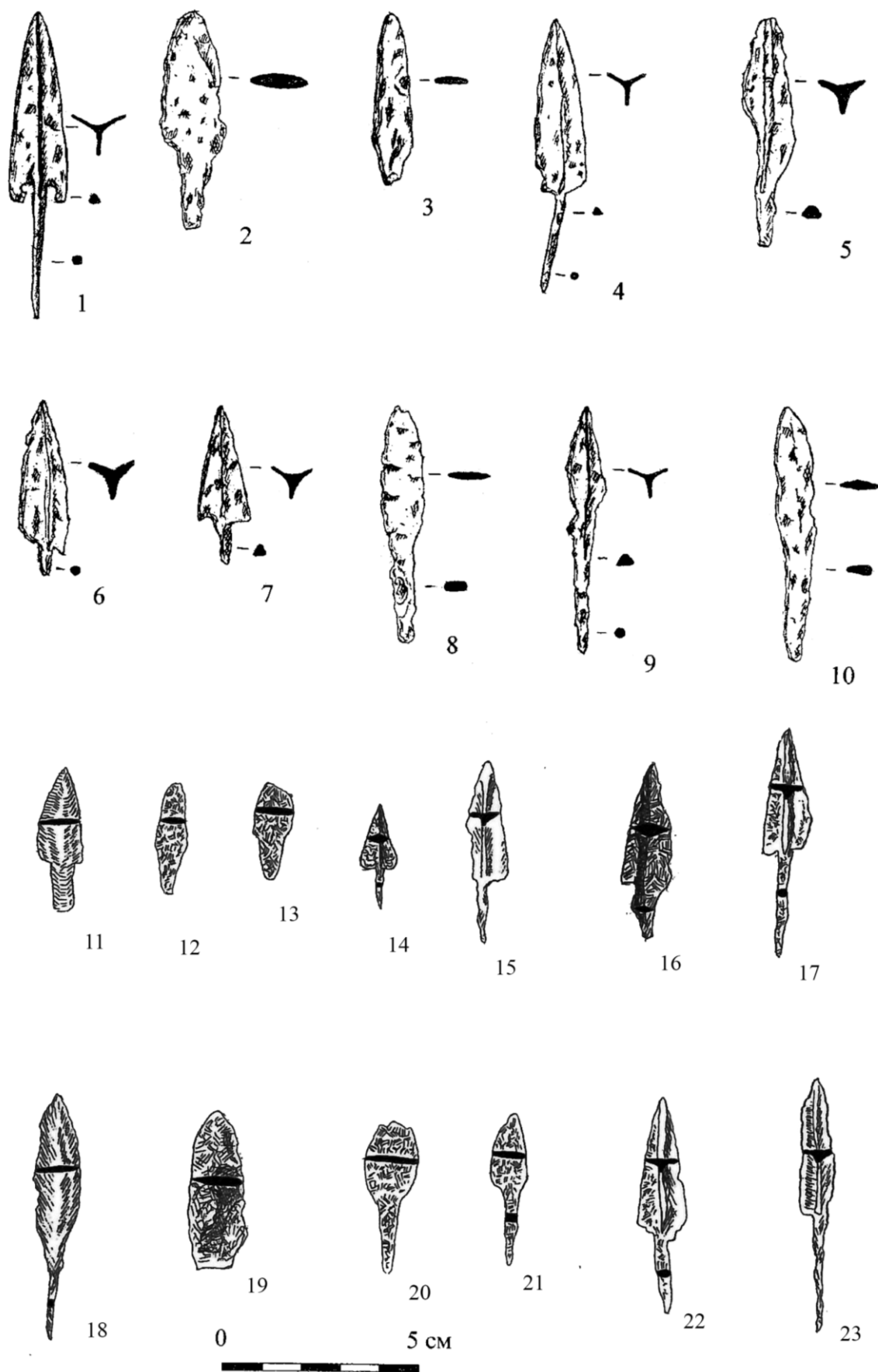

Рис. 35. Гляденовское костище. Раскоп I/2005-2006. 1-23. Железные наконечники стрел.

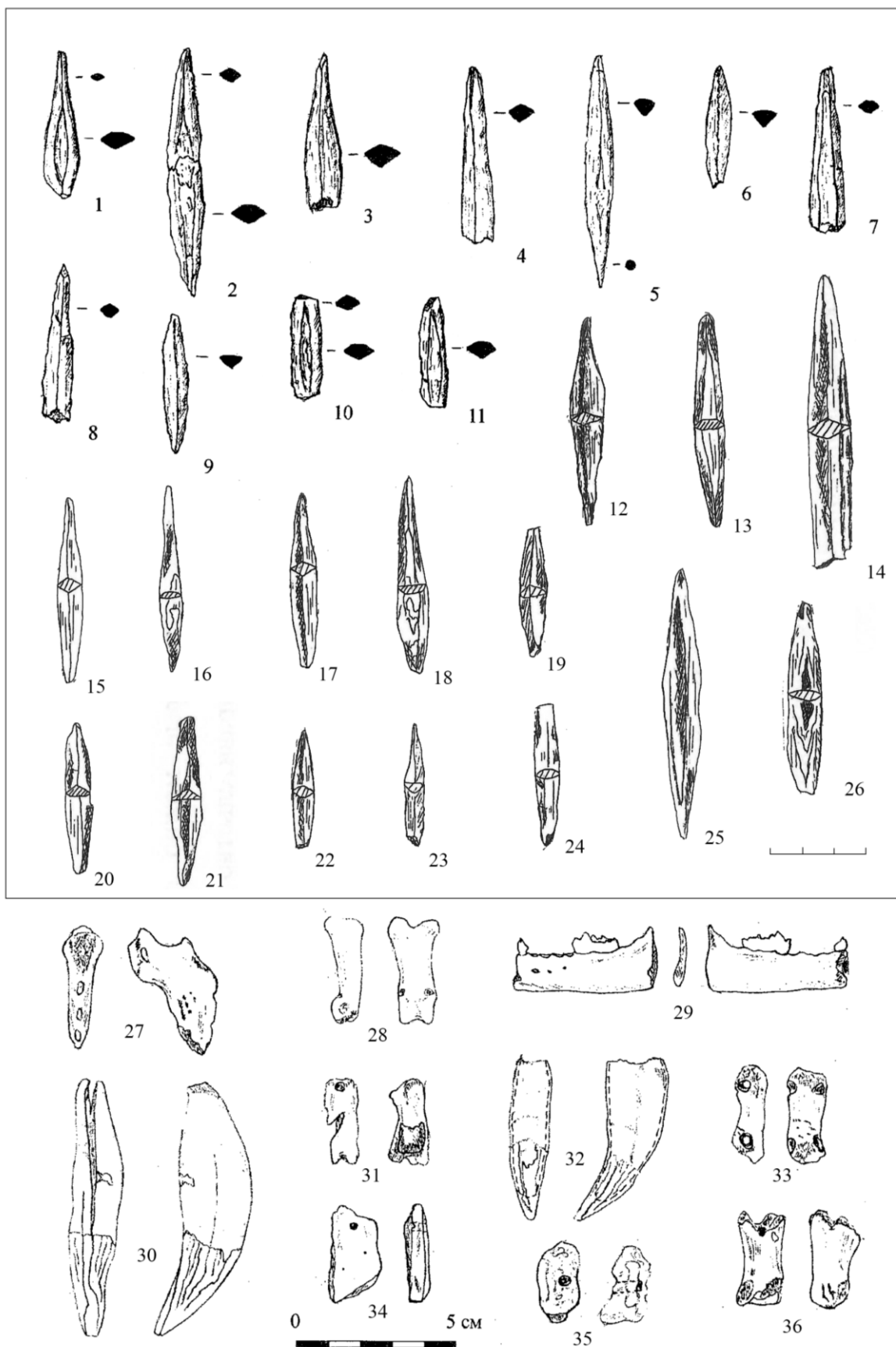

Рис. 36. Гляденовское костище. Раскоп I/2005-2006. 1-26. Костяные наконечники стрел.
27-36. Амулеты, костяные изделия.

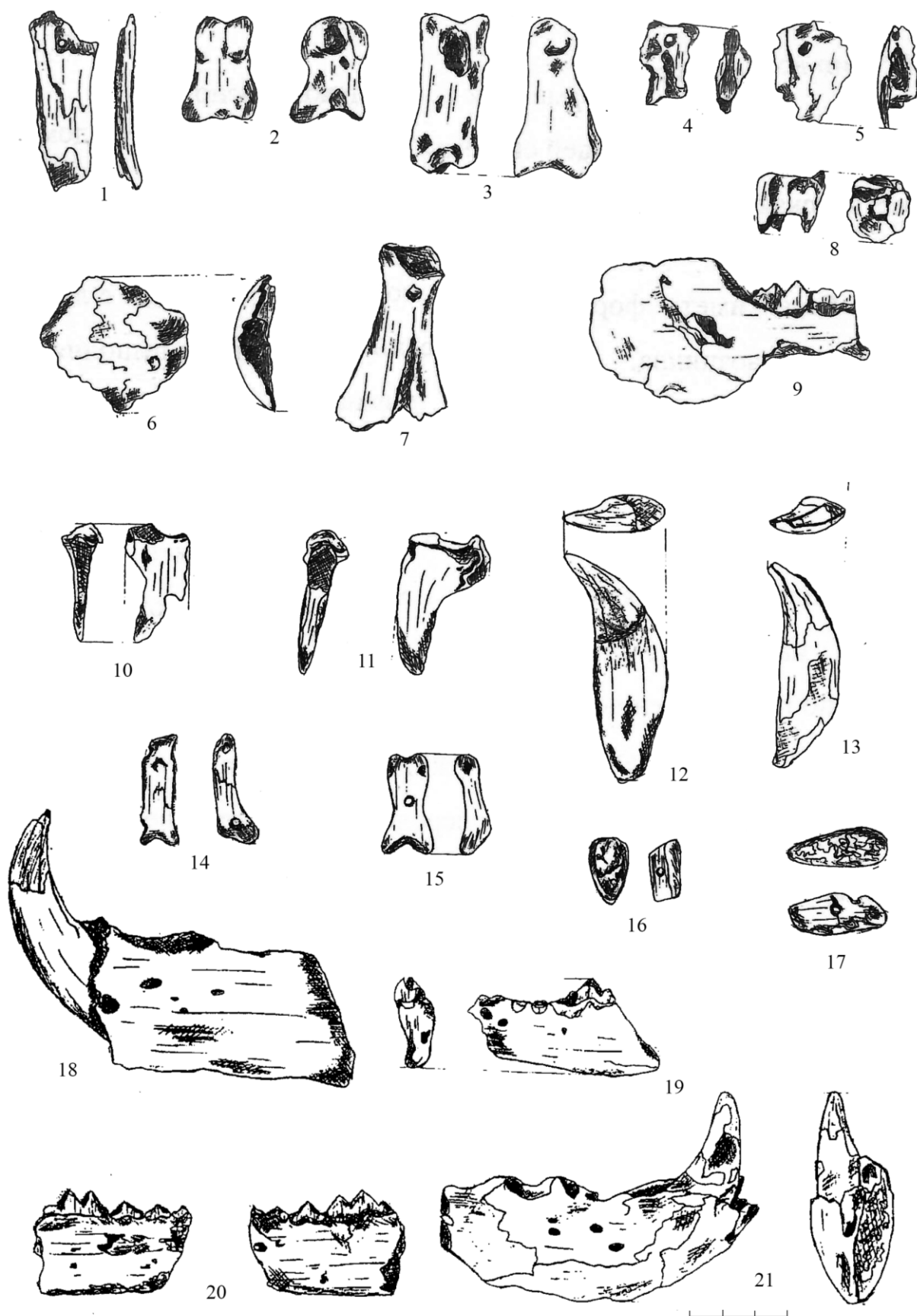

Рис. 37. Гляденовское костище. Раскоп I/2005-2006.
1-21. Амулеты из костей, клыков и когтей животных.

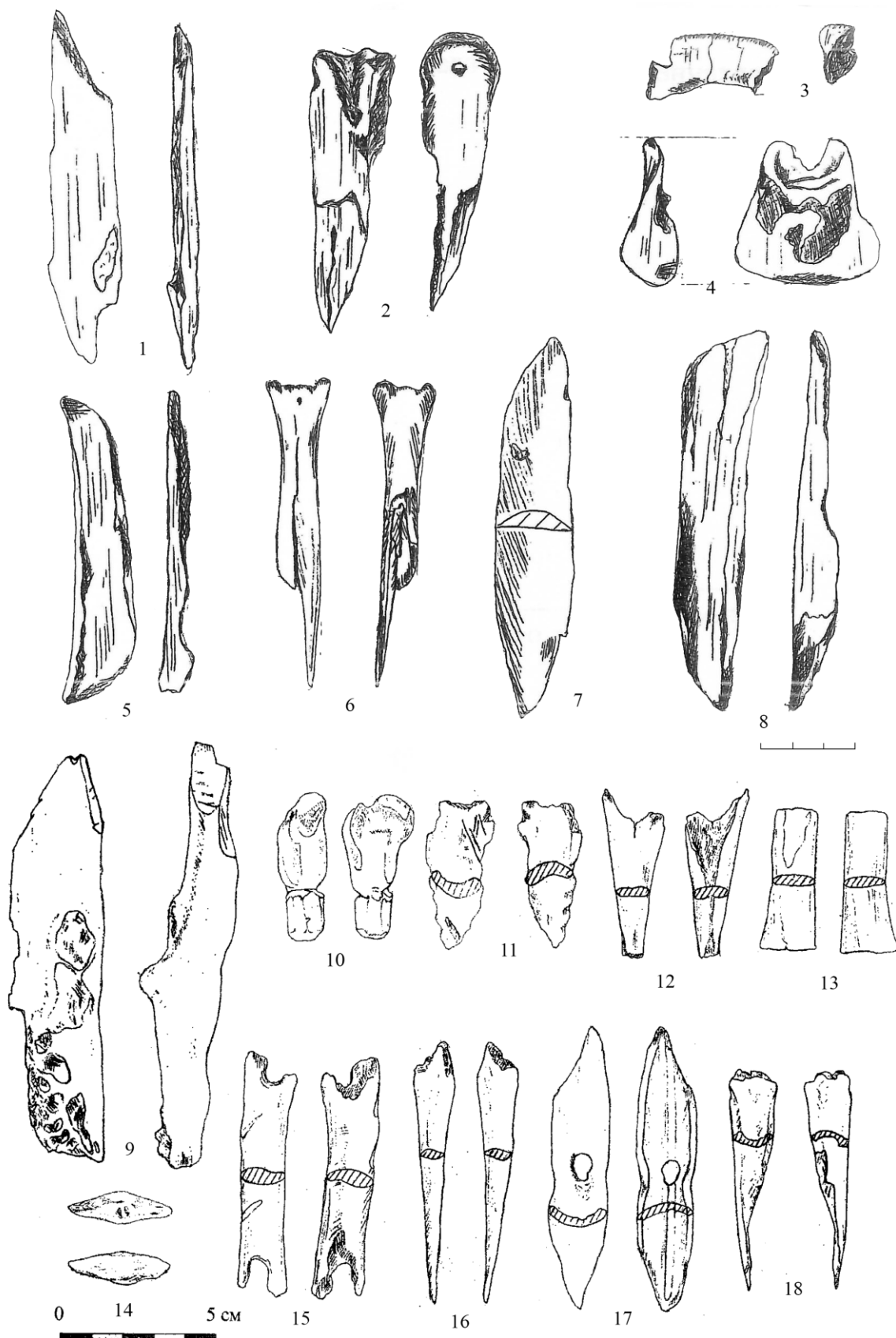

Рис. 38. Гляденовское костеице. Раскоп I/2005-2006. 1-18. Костяные орудия.

ИЗУЧЕНИЕ ВТОРОЙ ЛИНИИ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ (ВАЛ II) ГЛЯДЕНОВСКОГО ГОРОДИЩА (по материалам раскопок 2014 г.)

А.В. Васильева, С.Н. Кореньюк, М.Л. Перескоков

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
Anastasia-perm@mail.ru
Korenyuk_sn@mail.ru
Pereskokoff@yandex.ru

В статье анализируется конструкция и устройство второй линии фортификации Гляденовского городища по материалам раскопа V/2014, сооружение которой относится к позднему этапу ананьинской культуры (V-IV вв. до н.э.). После забрасывания фортификации, затекания рва, его пространство использовалось в культовых целях. Исследованы два зольника – жертвенники, аналогичные тем, что были исследованы на площадке костыща, относящиеся к гляденовской культуре. Рассматривается материальная культура и хронология объектов.

Ключевые слова: Гляденовское городище, костыще, жертвенник, фортификация, вал, ров.

Вводные замечания

Гляденовское городище (костыще) – один из самых известных объектов археологического наследия, расположенных на территории Пермского края; одно из крупнейших укрепленных поселений Прикамья, имеющее сложную систему фортификации.

Памятник занимает длинный мыс левого коренного берега р. Камы. У подножия мыса протекает р. Нижняя Мулянка, впадающая в Каму в 3,5 км южнее городища (костыща). С запада и юга мыс ограничен глубокими древними логами, поросшими хвойным лесом, главным образом еловым. Наибольшая высота над уровнем р. Нижняя Мулянка достигает 106 м и зафиксирована у почти разрушенного карьером наружного вала (вал I), на котором стояла триангуляционная вышка. Сохранившийся к настоящему времени участок вала имеет длину не более 40 м, высоту 2,5-3 м. К западу от вала ранее находилась площадка Гляденовского городища ананьинского и гляденовского времени, размеры которой достигали 200x120 м. Ныне эта площадка полностью разрушена карьером для добычи гравия. Далее к западу мыс резко сужается и на протяжении около 300 м понижается почти на 30 м. Второй вал и небольшой ров перед ним ограничивают с запада территорию средней площадки городища, на которой и находится Гляденовское костыще. Размеры ее 100x150 м. Длина второго вала более 50 м при высоте не более 2 м, глубина рва около 40 см. Ров и вал заросли деревьями и кустарником, сильно заплыли. Всего на городище выявлено четыре поперечных системы укреплений, и две вдоль южного края площадки, вдоль оврага, которые защищают соответственно нижнюю и среднюю площадки¹⁶.

В ходе раскопок, проведенных летом 2014 года¹⁷, был исследован северный участок второй линии укреплений Гляденовского городища (вал II), отделяющей среднюю площадку (площадку костыща) от нижней площадки городища. Раскоп имел площадь 88 кв. м и был разбит на относительно свободной от растительности территории.

В раскопе изучен ряд сооружений, связанных с функционированием городища – стратегические напластования вала II, отделяющего площадку костыща от площадки горо-

---

© А.В. Васильева, С.Н. Кореньюк, М.Л. Перескоков, 2021

¹⁶ Подробнее см. статью А.В. Васильева, С.Н. Кореньюк, М.Л. Перескоков «Основные итоги более чем 120-летнего изучения Гляденовского костыща» в настоящем сборнике.

¹⁷ Спасательные археологические исследования в 2014 гг. на Гляденовском городище-костыще производились в рамках программы «Пермский край – территория культуры» и финансировались Государственной инспекцией по охране объектов культурного наследия Пермского края. Аналитическая часть работы проводилась за счет гранта РНФ №19-78-10050 «Ранний железный век и эпоха Великого переселения народов в Приуралье: адаптация, миграция и культурная трансформация в изменяющейся природной среде».

дища, два рва, расположенных по обеим сторонам вала II (ров 1 с восточной стороны, ров 2 с западной), два зольника, скопления костей и развалы сосудов.

Стратиграфия объекта

Стратиграфия фортификационного сооружения была прослежена по 7 стенкам и 1 стенке-бровке.

В описании стратиграфии приводится порядок описания слоев от поверхности.

Профиль северной стенки раскопа по линии II/3-В (рис. 6):

1.Сверху располагался дерново-почвенный слой (слой 1). Мощность слоя составляет от 0,10 до 0,15 м.

2. На уч. II/2-3 ниже располагался серый суглинок (слой 4), частично имеющий котловидную форму с наклонными стенками мощностью до 0,50 м (является частью заполнения рва 2).

3. Также на уч. II/1 между дерново-почвенным слоем (слой 1) и серым суглинком (слой 4) располагается чашевидная линза черного суглинка с обожженной глиной (слой 7). Ширина данной линзы 1,6 м, мощность – около 0,20 м (также относится к заполнению рва 2).

3. На уч. II/1 культурные напластования полностью перемешаны и разрушены корнями дерева.

4. На уч. II/3-Б под дерново-почвенным пачка линзованных прослоек, мощность около каждой около 0,10-0,30 м, состоящая из:

- коричневого суглинка с обожженной глиной (слой 3)
- коричневой глины (слой 8)
- темно-серого суглинка (слой 10)
- серо-коричневого суглинка (слой 9)

Все эти прослойки являются напластованиями исследуемого вала

Также на уч. II/А располагается чашевидное западение (зафиксированная в профиле яма 1) коричневого суглинка с обожженной глины (слой 3) и слоя рыжей глины (слой 8). Общая ширина данного западения около 0,48 м, а мощность – около 0,20 м.

5. Ниже под данными прослойками располагается слой черного жирного суглинка (слой 5).

6. На уч. II/Б-В ниже располагался серый суглинок (слой (4)), мощностью до 0,50 м (является частью заполнения рва 1).

7. Также на уч. II/В между дерново-почвенным слоем (слой 1) и серым суглинком (слой 4) располагается чашевидная линза черного суглинка с обожженной глиной (слой 7). Ширина данной линзы 1,7 м, мощность – около 0,60 м. Данная линза также относится к заполнению рва 1.

Материк – рыжая глина (слой 6).

Профиль восточной стенки по линии II-V/В (рис. 6):

1.Сверху располагался дерново-почвенный слой (слой 1). Мощность слоя составляет от 0,10 до 0,20 м.

2. Ниже располагался черный суглинок с обожженной глиной (слой 7), мощностью до 0,32 м. На уч. IV/В данный слой сходит на нет.

3. Под ним располагался серый суглинок (слой 4), мощностью до 0,46 м. На уч. II-III/В данный слой трансформируется в котловидное западение шириной 3,78м (зафиксированный в стенке ров 1)

4. На уч. II/В между дерново-почвенным слоем (слой 1) и черным суглинком с обожженной глиной (слой 7) располагается прослойка коричневой глины (слой 8) мощностью до 0,08 м.

5. Материк – рыжая глина (слой 6).

Профиль южной стенки раскопа по линии V/Б-В (рис. 7):

1. Сверху располагался дерново-почвенный слой (слой 1). Мощность слоя составляет до 0,42 м.

2. Ниже располагался слой серого суглинка (слой 4) мощностью до 0,46 м. Данный слой фиксируется как в виде прослойки, так и виде котловидного заполнения, которое является частью заполнения рва 1.

3. Ниже на уч. V/Б располагается слой черного жирного суглинка (слой 5) мощностью до 0,22 м.

4. На уч. V/В между дерново-почвенным слоем (слой 1) и слоем серого суглинка (слой 4) располагается чашевидная линза черного суглинка с обожженной глиной (слой 7). Ширина данной линзы 1,6 м, мощность – около 0,30 м. Также является заполнением рва 1.

Материк – рыжая глина (слой 6).

Профиль западной стенки раскопа по линии IV-V/Б:

1. Сверху располагался дерново-почвенный слой (слой 1). Мощность слоя составляет до 0,44 м.

2. На уч. V/В ниже располагается слой темно-серого суглинка с обожженной глиной (слой 2) мощностью до 0,08 м

3. На уч. V/Б ниже располагается слой серого суглинка (слой 4) мощностью до 0,08 м, заходящий под слой темно-серого суглинка с обожженной глиной (слой 2).

4. Ниже по всей стенке фиксируется слой черного жирного суглинка (слой 5), мощностью до 0,32 м.

5. На уч. IV/Б между слоем темно-серого суглинка с обожженной глиной (слой 2) и слоем черного жирного суглинка (слой 5) располагается прослойки коричневого суглинка с обожженной глиной (слой 3) мощностью до 0,18 м и серо-коричневого суглинка (слой 9) мощностью до 0,14 м. Данные прослойки относятся к напластованиям исследуемого вала.

Материк – рыжая глина (слой 6).

Профиль южной стенки-бровки раскопа V по линии III/1-В:

1. Сверху располагался дерново-почвенный слой (слой 1). Мощность слоя составляет от 0,10 до 0,15 м.

2. На уч. III/1-2 ниже располагался серый суглинок (слой 4), мощностью до 0,50 м. Это слой на данных участках фиксируется как в виде прослойки (относится к напластованиям исследуемого вала), так и в виде котловидного заполнения с наклонно-отвесными стенками (является частью заполнения рва 2).

3. Также на уч. II/1 между дерново-почвенным слоем (слой 1) и серым суглинком (слой 4) располагается чашевидная линза черного суглинка с обожженной глиной (слой 7). Ширина данной линзы 1,6 м, мощность – около 0,20 м. Тоже относится к заполнению рва 2.

4. На уч. III/3-Б под дерново-почвенным пачка линзованных прослоек, мощность около каждой около 0,10-0,30 м, состоящая из:

- темно-серого суглинка с обожженной глиной (слой 2).
- коричневого суглинка с обожженной глиной (слой 3)
- коричневой глины (слой 8)
- темно-серого суглинка (слой 10)
- серо-коричневого суглинка (слой 9).

Все эти прослойки являются напластованиями исследуемого вала

На уч. III/Б слой коричневого суглинка с обожженной глиной (слой 3) трансформируется в чашевидное западение шириной около 0,30 м. Данное западение – это зафиксированная в стенке-бровке яма 2 (технологически относящаяся к конструкции 2). Мощность слоя достигает 0,18 м.

Располагающийся ниже слой серо-коричневого суглинка (слой 9) также трансформируется в чашевидное западение шириной около 0,30 м. Данное западение – это зафиксирован-

---

ная в стенке-бровке яма 2 (технически относящаяся к конструкции 2). На дне западения зафиксирована округлая линза рыжей глины с обожженной глиной (слой 11) шириной 0,20 м, мощностью до 0,10 м.

Также на уч. III/A данный слой также принимает форму чашевидного западения шириной 0,30, мощностью 0,22. Данное западение – это зафиксированная в стенке-бровке яма 2 (технически относящаяся к конструкции 2).

Ниже под данными прослойками располагается слой черного жирного суглинка (слой 5) мощностью до 0,10 м.

На уч. III/1 данный слой трансформируется в два аморфных чашевидных западения шириной 0,25-0,55 мощностью до 0,10 м. Данные западения – это фиксирующиеся в стенке-бровке яма 4 и яма 5.

6. На уч. III/Б-В под слоем темно-серого суглинка с обожженной глиной (слой 2) располагался серый суглинок (слой 4), мощностью до 0,50 м (является частью заполнения рва 1).

7. Также на уч. III/В под дерново-почвенным слоем (слой 1) располагается чашевидная линза черного суглинка с обожженной глиной (слой 7). Ширина данной линзы 1,7 м, мощность – около 0,60 м (также является частью заполнения рва 1).

8. На уч. III/В под слоем черного суглинка с обожженной глиной (слой 7) слева фиксируется линза рыжей глины с обожженной глиной (слой 11) мощностью до 0,15 м. (также является частью заполнения рва 1).

9. На уч. III/В между слоем черного суглинка с обожженной глиной (слой 7) и дерново-почвенным слоем (слой 1) располагается две линзы зольного слоя (слой 14) шириной 0,22-0,62 м, мощностью до 0,08 м. – фиксирующийся в стенке-бровке зольник 2.

Профиль восточной стенки-бровки раскопа V по линии IV-V/3 (рис. 8):

1. Сверху располагался дерново-почвенный слой (слой 1). Мощность слоя составляет от 0,10 до 0,20 м.

2. Ниже располагался слой коричневой глины (слой 8), мощностью до 0,40 м. Относится к напластованиям исследуемого вала.

3. Под ним располагался серый суглинок (слой 4), мощностью до 0,46 м. Относится к напластованиям исследуемого вала.

4. На уч. IV/3 в слое серого суглинка (слой 4) располагается прослойки темно-серого суглинка (слой 10) мощностью до 0,08 м и черного жирного суглинка (слой 5) до 0,08 м. (являются напластованиями исследуемого вала)

Материк – рыжая глина (слой 6).

Профиль южной стенки раскопа V по линии V/I-3 (рис. 8):

1. Сверху располагался дерново-почвенный слой (слой 1). Мощность слоя составляет от 0,10 до 0,30 м.

2. Под ним располагался серый суглинок (слой 4), мощностью до 0,46 м. На уч. V/3 данный слой трансформируется в котловидное западение шириной около 1,7 м. Данное западение является частью заполнения рва 2.

4. На уч. V/1 между слоем дерново-почвенным слоем (слой 1) и слоем серого суглинка (слой 4) располагается прослойка коричневой глины (слой 8) мощностью до 0,30 м. Относится к напластованиям исследуемого вала.

5. Также на уч. V/3 между дерново-почвенным слоем (слой 1) и серым суглинком (слой 4) располагается чашевидная линза черного суглинка с обожженной глиной (слой 7). Ширина данной линзы 1,6 м, мощность – около 0,20 м. Также относится к заполнению рва 2.

Материк – рыжая глина (слой 6).

Профиль западной стенки раскопа V по линии II-V/3 (рис. 8):

1. Сверху располагался дерново-почвенный слой (слой 1). Мощность слоя составляет от 0,10 до 0,30 м.

2. Ниже на уч. II-III/3 располагается серый суглинок (слой 4), мощностью до 0,38 м.

3. На уч. IV-V/3 под дерново-почвенным слоем (слой 1) располагается слой черный суглинок с обожженной глиной (слой 7) мощностью до 0,14 м.

4. На уч. IV-V/3 между дерново-почвенным слоем (слой 1) и слоем черного суглинка с обожженной глиной (слой 7) располагается слой рыже-коричневого суглинка (слой 12) мощностью до 0,10 м.

5. На уч. V/3 под слоем черного суглинка с обожженной глиной (слой 7) располагается котловидная линза серого суглинка (слой 4) мощностью до 0,25 м. Является заполнением фиксирующегося в стенке рва 2.

6. На уч. II-III/3 на границе квадратов культурные напластования полностью перемешаны и разрушены корнями дерева.

Материк – рыжая глина (слой 6).

Конструкции и сооружения

Скопления костей (рис. 2).

Скопление костей № 1. Уч. IV/2, глубина фиксации -3,00¹⁸. Скопление имело в плане подовальную форму, в профиле – котловидную, с отвесной восточной стенкой. В скоплении встречались кости животных, зубы.

Зольники

Зольник №1 (рис. 2, 9). Зафиксирован на уч. II-III/В, глубина фиксации -0,12 м. Имеет в плане овальную форму, вытянутую по оси С-Ю. Форма в профиле котловидная, глубина зольника составляет -0,10 м. Заполнение зольный слой (слой 14). Непосредственно в слое зольника находок не найдено.

Зольник №2. (рис. 2) Зафиксирован на уч. III-IV/Б-В, глубина фиксации -0,04-0,12 м. Имеет в плане овальную форму, вытянутую по оси С-Ю. В профиле (зафиксированном в стенке-бровке раскопа по линии III/3-В на уч. III/Б-В) имеет линзовидную форму, мощностью до -0,06 м. Заполнение зольный слой (слой 14). Непосредственно в слое зольника находок не найдено.

Рядом с зольниками найдены две бронзовые бляшки, обломок наконечника ремня (или накладки?) и бронзовое кольцо-перстень. Комплекс из зольников по своей структуре и находкам полностью аналогичен культовым комплексам гляденовского костяка, и, несомненно, с ним связан. Стратиграфия его расположения – он залегает в верхнем слое заполнения рва 1 – говорит о том, что на момент его появления (III-IV в. н.э.) ров уже был практически заполнен почвенным слоем и уже длительное время не использовался по своему назначению.

Ров 1.

Располагается с востока от вала на уч. II-V/Б-В. Исследованная в ходе раскопок часть рва 1 имеет длину 8 м, ширину около 2 м. Ров начинает фиксироваться в виде аморфный очертаний сразу после снятия дерново-почвенного слоя (+0,02 -0,52 м).

В профиле (зафиксированном в южной стенке по линии V/Б-В, в восточной стенке по линии II-V/В, а также в северной стенке по линии II/3-В – на уч. II/Б-В) имеет чашевидную форму с наклонными стенками. Основным заполнением служит два слоя – слой черного суглинка с обожженной глиной (слой 7), мощностью около 0,48 м, окруженный слоем серого суглинка (слой 4) мощностью около 0,40 м. Общая мощность культурных напластований, относящихся ко рву 1 составляет около 0,90 м.

Находки – фрагменты стенок и венчиков лепной керамики гляденовской культуры (III-IV вв. н.э.).

---

¹⁸ Глубинные отметки даются от принятого на раскопе условного 0. Если даются глубинные отметки от поверхности, это уточняется отдельно.

Ров 2.

Располагается с запада от вала на уч. II-V/1-2. Исследованная в ходе раскопок часть рва 1 имеет длину 8 м, ширину около 2 м. Ров начинает фиксироваться в виде аморфный очертаний сразу после снятия дерново-почвенного слоя (на уровне -1,63-2,12 м)

В профиле (зафиксированном в южной стенке по линии V/1-3, в западной стенке по линии II-V/3, а также в северной стенке по линии II/3-B – на уч. II/2-3) имеет чашевидную форму с наклонными стенками. Основным заполнением служит два слоя – слой черного суглинка с обожженной глины (слой 7), мощностью до 0,26 м, окруженный слоем серого суглинка (слой 4) мощностью до 0,30 м. Общая мощность культурных напластований, относящихся ко рву 2 составляет до 0,60 м

Находки – фрагменты стенок и венчиков лепной керамики гляденовской культуры (II-III вв. н.э.).

Фортификация имеет весьма простое устройство.

Конструкция стены фиксируется слабо. Её детали выявлены практически на предмете-риковом горизонте (горизонт №6) на глубине -0,53-1,00 м на уч. II-IV/1-Б, фиксировалась в виде двух пересекающихся на уч. III/А траншеек. Одна из них простирается с севера на юг, занимает участки II-III/А. Длина изученной части составляет 3,76 м, ширина около 0,24 м. Основным заполнением служит серо-коричневый суглинок (слой 9). Вторая траншейка и Г(П)-образная в плане, занимает участки III/1-Б. Ширина Г(П)-образной траншеи около 15 см.

На уровне материка данная конструкция фиксируется в виде двух округлых ямок (ямы 2 и 3). Обе ямы зафиксированы на глубине -0,91 м. В профиле, зафиксированном в стенке-бровке по линии III/3-B, на уч. III/А и III/Б. в виде двух чашевидных западений – (яма 2) и (яма 3) с наклонно-отвесными стенками.

Заполнением ямы 2 служит несколько слоев – коричневый суглинок с обожженной глиной (слой 3), окруженный серо-коричневым суглинком (слой 9). На дне западения располагается округлая линза рыжей глины с вкраплениями обожженной глиной (слой 11). Максимальная мощность ямы достигает от уровня фиксации конструкции №2 составляет 0,09 м. Судя по всему, данная ямка является остатками опорного столба, который держал конструкцию стены.

Заполнением ямы 3 служит серо-коричневый суглинок (слой 9). Максимальная мощность ямы достигает от уровня фиксации конструкции №2 составляет 0,09 м.

Так же в ходе работ было обнаружено еще несколько столбовых ямок.

Яма 1– обнаружена на уч. II/А на глубине -0,69, вдоль северной стенки раскопа. В профиле, зафиксированном в северной стенке раскопа, данная яма зафиксирована в виде котловидного западения с наклонными стенками. В заполнение два слоя – коричневый суглинок с обожженной глиной (слой 3) и коричневый суглинок (слой 8). Мощность ямы – около 0,2 м, до материка не доходит. Без находок.

Яма 4– обнаружена на уч. III/1 на уровне материка вдоль стенки-бровки. Яма подокруглой формы диаметром 0,25 м, заполнение – черный жирный суглинок (слой 5), мощностью до 0,12 м. Без находок.

Яма 5 – обнаружена на уч. III/1 на уровне материка, вдоль стенки-бровки. Яма овальной формы размером 0,64х0,28 м, заполнение – черный жирный суглинок (слой 5), мощностью до 0,09 м. Без находок.

Все исследованные ямки можно так же отнести к конструкции стены. Парные ямки №4-5, вероятно, являлись остатками внешней бревенчатой стены, а фортификация состояла из двух параллельно расположенных бревенчатых стен, опирающихся на опорные столбы. Пространство между ними засыпалось глиной. С внешней стороны стены насыпался вал.

Материальная культура

В ходе работ были обнаружены изделия из бронзы, кости, а также керамический материал

Индивидуальные находки:

Изделия из металла немногочисленны, представлены двумя бронзовыми бляшками, бронзовым перстнем и наконечником ремня (?).

Бляшка диаметром 2,7 см, без орнамента и изображений, сильно каррозирована. Найдена на уч.П/В, на гл. -0,12 м (рис. 10,2). Подобные бляшки имеют широкое распространение на площадке и имеют широкую хронологию, бытования, начиная с позднего этапа ананьинской культуры и в течении всего периода функционирования гляденовской культуры [Лепихин, Мельничук, 1997, с. 20–23; Перескоков, 2018, с. 59].

Бляшка диаметром 2 см (Рис. 10,4) найдена на уч.П/В, на гл. -0,12 м. Имеет на аверсе схематичное антропоморфное изображение (рис. 10,4,6). Исследование бляшки при помощи электронного микроскопа возвило выявить некоторые технологические приемы изготовления изображения. Сама фигура была выбита при помощи резца, короткими и грубокими зарубками. Глаза антропоморфной фигуры выполнены при помощи сверлом, что позволило создать правильные окружности. Весьма близкую аналогию имеет бляшка с Гляденовского костыща [Лепихин, Мельничук, 1997, с. 22. рис. 6,11].

Бронзовый перстень диаметром 1,66 см в виде витой проныжки найден на уч.П/В, на гл. -0,28 м (рис. 10, 3). Также не очень хорошей сохранности, без орнамента и др. изображений. Изготовление перстней и браслетов из витой бронзовой пластины характерно для среднего и позднего этапов гляденовской культуры (I–V вв. н.э.) [Перескоков, 2018, с. 73. рис. 49].

Наибольший интерес представляет бронзовый предмет, предварительно определенный нами как обломок наконечника ремня (рис. 10,1). Данная атрибуция не вполне уверенная, так как прямых аналогий предмету нам не известно. Вероятно, что он может быть и обломком поясной накладки-обоймы. Длина 3,3 см, максимальная ширина – 0,5 см. вдоль продольных краев присутствует фасетировка, которая по существу делает его двускатным, с сечением в виде треугольника. Задняя пластинка значительно уже передней. Обоймы-пронызы с двускатной внешней пластиной и прямой узкой внутренней пластиной, но более короткой длины присутствуют в материалах Красноярского могильника и могильника Верхний Иртыш и в материалах Гляденовского костыща, и могут быть датированы средним и поздним этапами гляденовской культуры II–III вв. н.э. [Перескоков, 2018, с. 60, 250, рис. 34, 1–5]. Фасетированные ременные гарнитуры Прикамья датируются III–IV вв. н.э. [Перескоков, 2018, с. 95–102], но, при этом, везде присутствует площадка между фасетами, что делает сечение не треугольным, а трапецевидным. Задняя пластина на таких гарнитурах выполняется из узкой прямоугольной пластины. Двускатные наконечники ремней широко распространяются в Прикамье с конца IV в. н.э., но в большинстве своем они двускатные, и сделаны из согнутой пополам пластины. Задняя пластина на таких наконечниках по форме соответствует передней [Перескоков, 2018, с. 71. рис. 47]. По характеру изготовления, узкой ширине задней пластины, можно предварительно датировать предмет III – первой половиной IV в.

Костяной материал – костяная пронылка (рис. 10,5). Найдена на уч. III/Б, гл. -0,17. Без орнамента и изображений. В средней части присутствуют надрезы. Такие пронылки широко распространены на территории Прикамья в раннем железном веке.

Керамический материал (рис. 11–12) представлен 74 сосудами, которые удалось выделить по венчикам. По форме сосуды на 3 группы:

1. Сосуды с ярко выраженной шейкой и плечиком – 11 сосудов.

2. Сосуды со слабо выраженной короткой вертикальной шейкой, плавно переходящей в тулову – 8 сосудов.

3. Чашевидные сосуды без выраженной шейки – 7 сосудов. Все сосуды этого типа неорнаментированные, но у одного присутствует воротничок.

Остальные сосуды – 48 шт., крайне фрагментированы, в связи с чем, не представляется возможным определить их тип.

Орнаментация сосудов весьма бедная. Наиболее часто встречаются такие элементы орнамента, как:

- Зубчатый штамп (5 экз.);
- Ямка (2 экз.);

- Насечка (3 экз.);
- Шнуровой (в том числе в комплексе со вдавлениями и штампами) (3 экз.);
- Вдавления (4 экз.).

Воротничок присутствует у 8 выделенных сосудов. Помимо воротничка на шейках данных сосудов присутствуют такие элементы узора как ямки и зубчатый штамп (6 фрагментов имеет орнаментацию по венчику и шейке – 1 орнаментирован ямочным орнаментом по шейке, 5 – орнаментированы зубчатым штампом по венчику).

Практически все венчики имеют плоский венчик толщиной 5-6 мм. В качестве примесей в тесте присутствует толченая раковина у всех выделенных сосудов.

Что касается датировки массового керамического материала, то можно поделить на две хронологические группы:

Большая часть посуды относится к позднему этапу ананьинской культуры и датируется V-IV вв. до н.э. Её залегание связано со строительством фортификационной системы. Единичные фрагменты сосудов гляденовской культуры (рис. 11, 6; 12, 7; 13). Залегание гляденовской керамики приурочено к верхним горизонтам, когда фортификация уже не функционировала, а средняя площадка использовалась как святилище. К этому периоду относятся и зольники в верхнем горизонте рва I, которые по сопутствующему материалу можно отнести к III-IV вв. н.э.

Исследованный в раскопе V комплекс фортификационных и культовых объектов позволяет выявить хронологию использования фортификационных сооружений, период их забрасывания и вторичного использования рва в культовых целях. Вторичное использование канавок и рвов в культовых целях распространенное явление у гляденовцев, что подтверждается вторичным использованием канавок более ранних построек для возведения курганных насыпей и погребальных церемоний на Мокинском могильнике [Васильева, Мингалев, Перескоков, 2018].

Библиографический список

Васильева А.В., Мингалев В.В., Перескоков М.Л. Комплекс построек гляденовского времени на Мокинском I поселении-могильнике в контексте развития прикамского домостроительства // Вестник Пермского университета. История. 2018. Вып.1(40). С. 44-61. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2018-1-44-61>

Лепихин А.Н. Мельничук А.Ф. Гляденовское костеище. Каталог коллекции из собрания Пермского музея. Пермь, 1997. Вып.3. – 65 с.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т., 2018. – 320 с.: илл.

RESEARCH OF THE SECOND LINE OF FORTIFICATIONS (RAMPART II) OF THE GLYADENOV HILLFORT (Based on the materials of the 2014 excavations)

A. V. Vasilyeva, S. N. Korenyuk, M. L. Pereskokov

Perm State National Research University, 15 Bukireva str., Perm, 614990

Anastasia-perm@mail.ru

Korenyuk_sn@mail.ru

Pereskokoff@yandex.ru

The article analyzes the design and construction of the second line of the fortification of the Glyadenovo hillfort based on the materials of the excavation V/2014. Fortification was built at the late stage of the Ananyino culture (V-IV centuries BC). After the fortification was damaged, the moat was used for religious purposes. Two ashtrays – altars, similar to those that were studied at the Glyadenovo sacred place, belonging to the Glyadenovo culture, were studied. The things and the chronology of objects are considered.

Keywords: Glyadenovo settlement, sacred place, altar, fortification, rampart, moat.

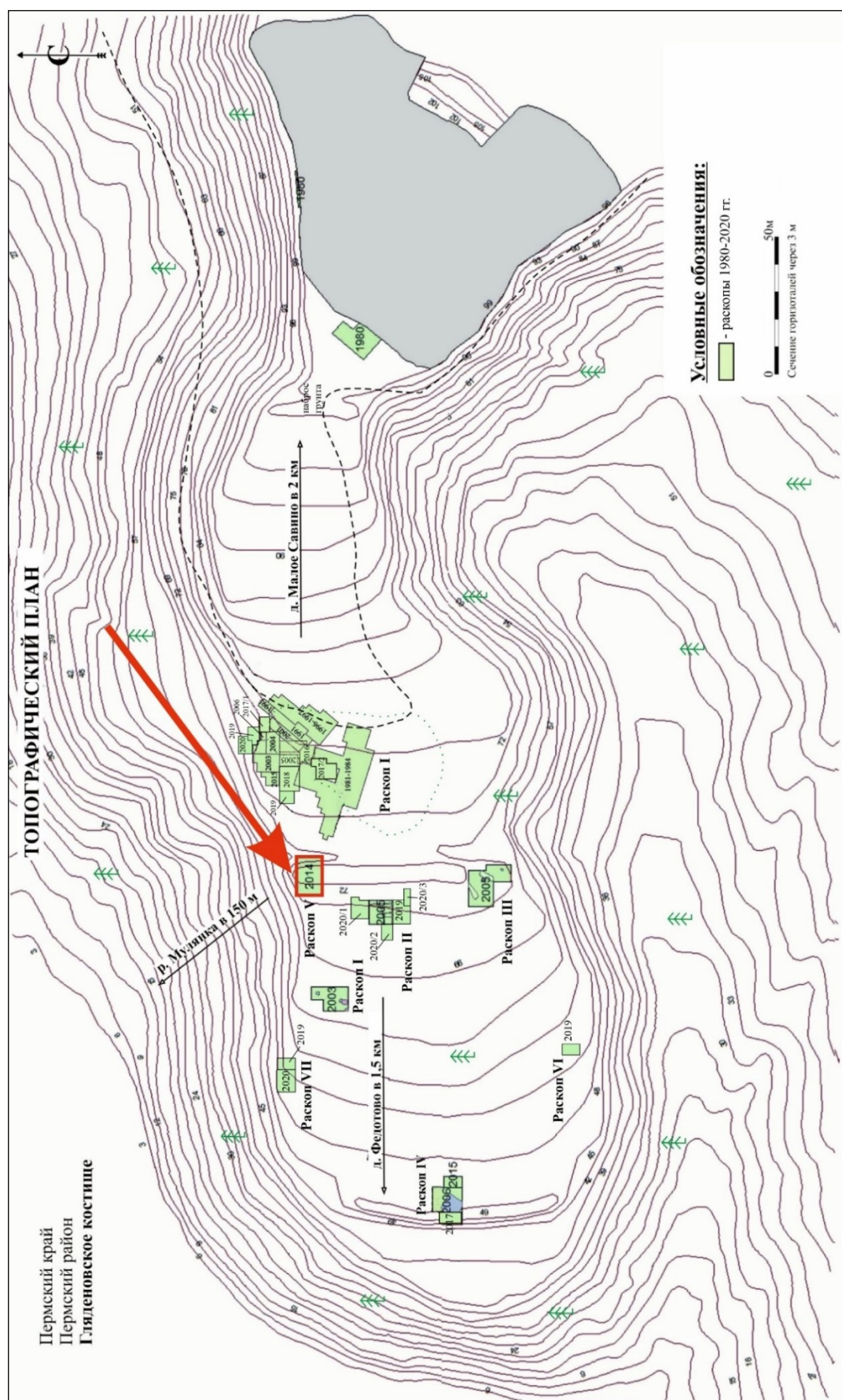

Рис. 1. Гляденовское городище-костище. Расположение раскопа V/2014.

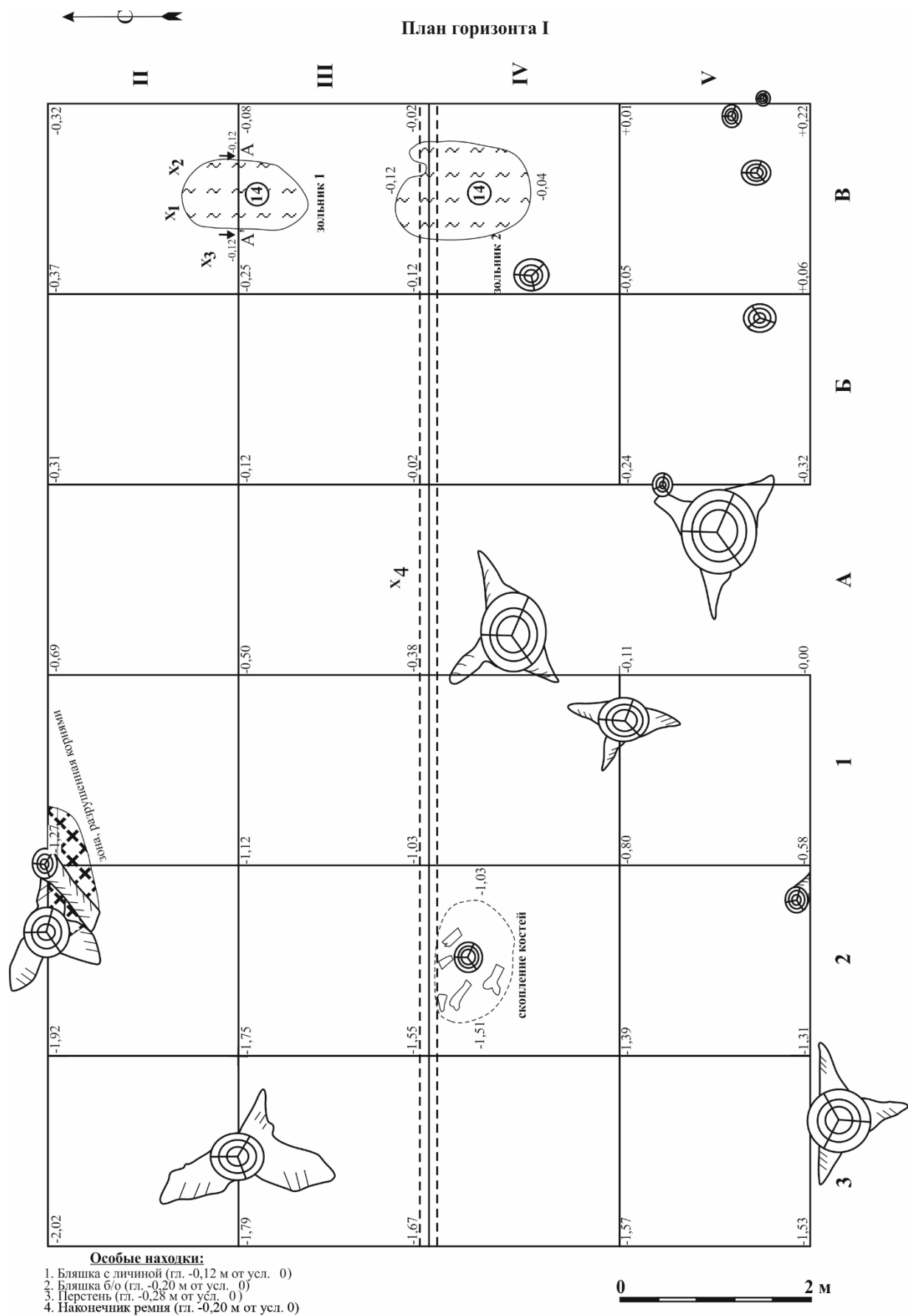

Рис. 2. Гляденовское городище-костище. Раскоп V/2014. План горизонта I.

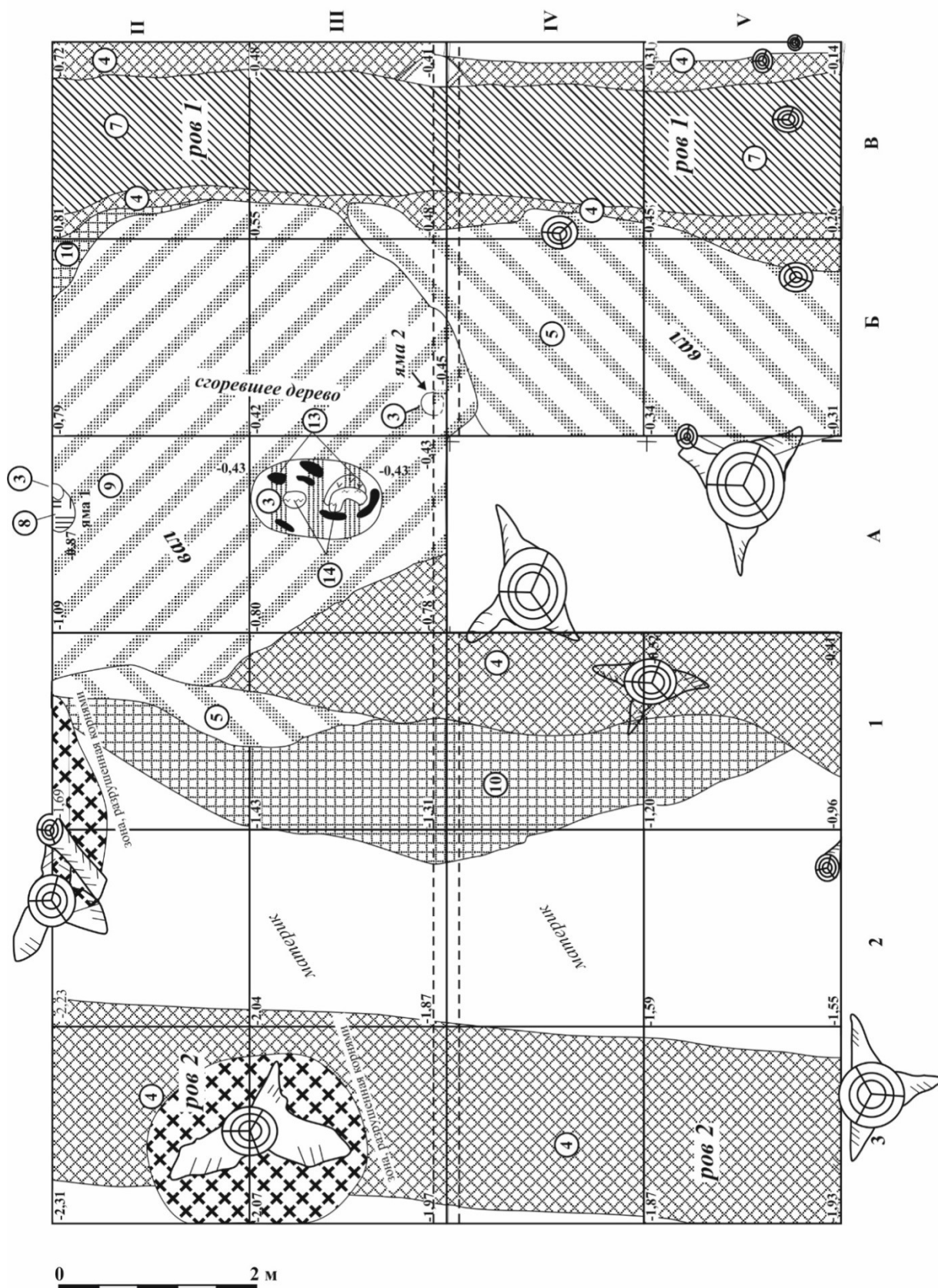
$$\longleftrightarrow \mathbb{C} \longrightarrow$$

Рис. 3. Гляденовское городище-костище. Раскоп V/2014. План горизонта V.

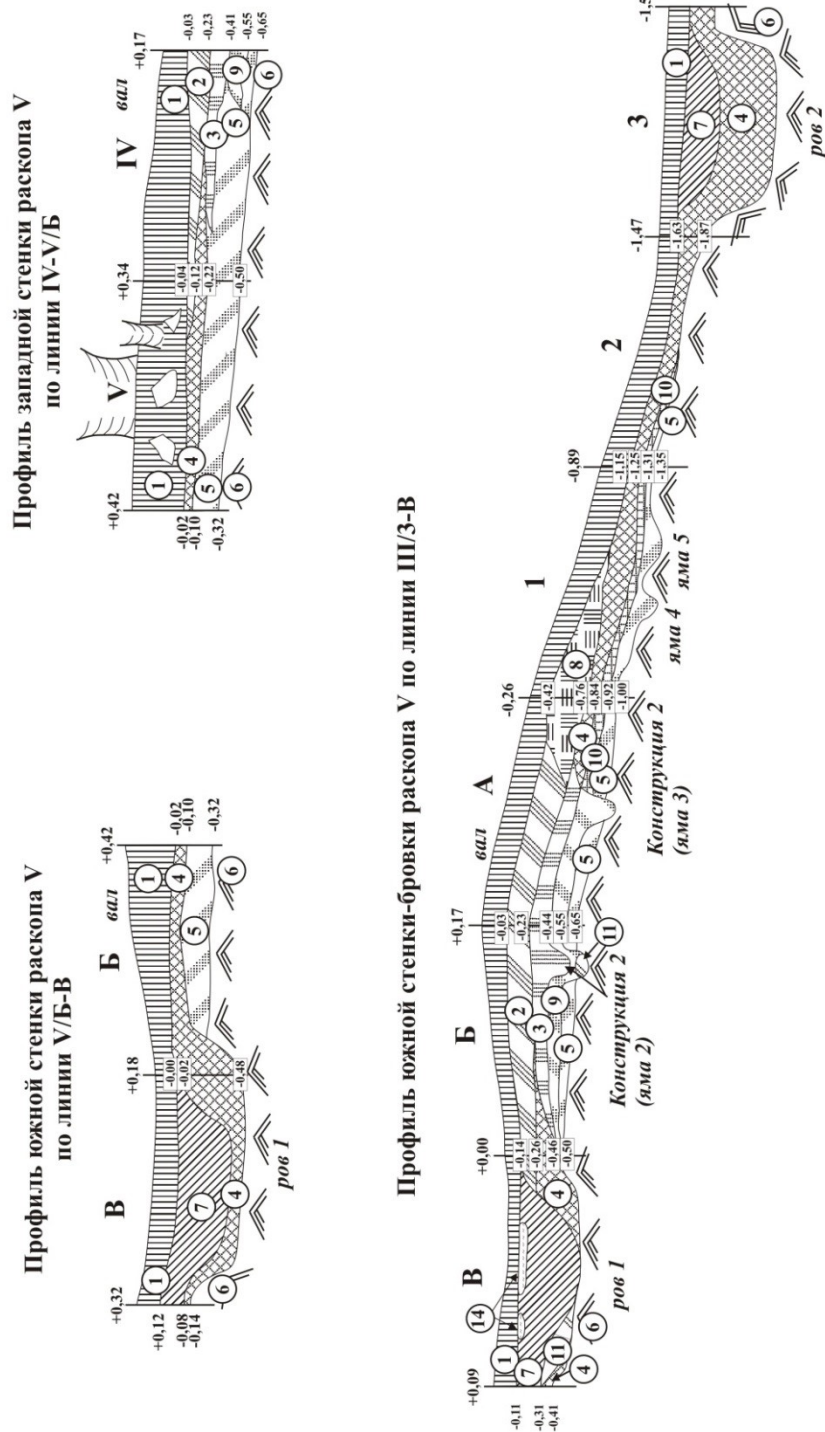
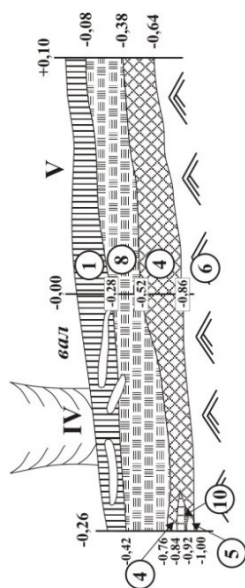

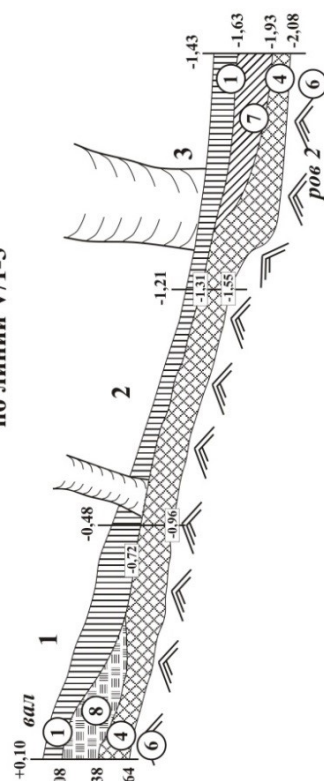
Рис. 6. Гляденовское городище-костище. Раскоп V/2014. Профили стенок раскопа.

Профиль восточной стенки раскопа V
по линии IV-V/3

Профиль южной стенки раскопа V
по линии V/I-3

Профиль западной стенки раскопа V
по линии II-V/I

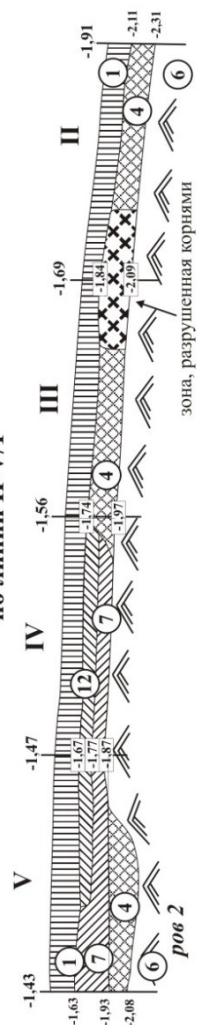
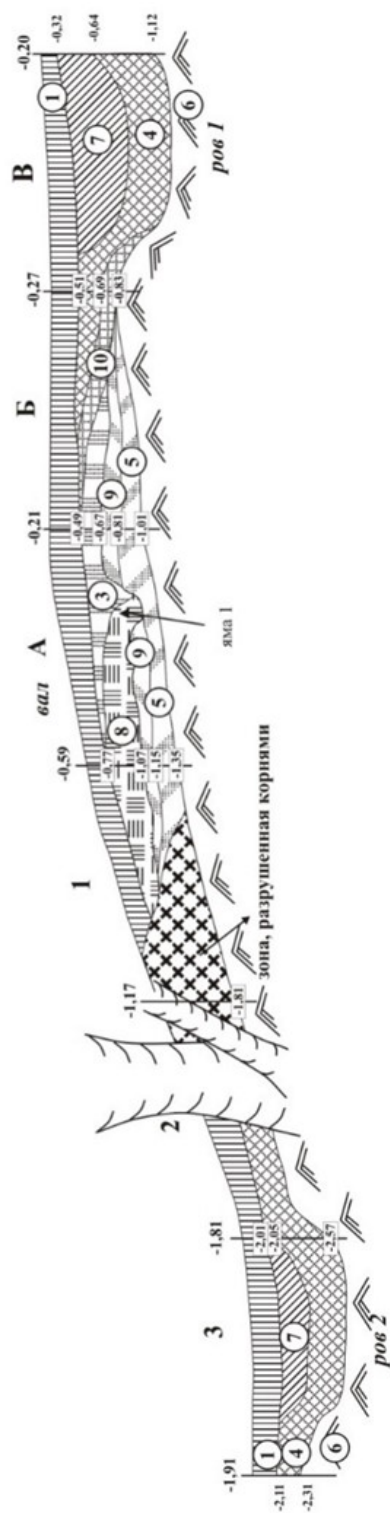
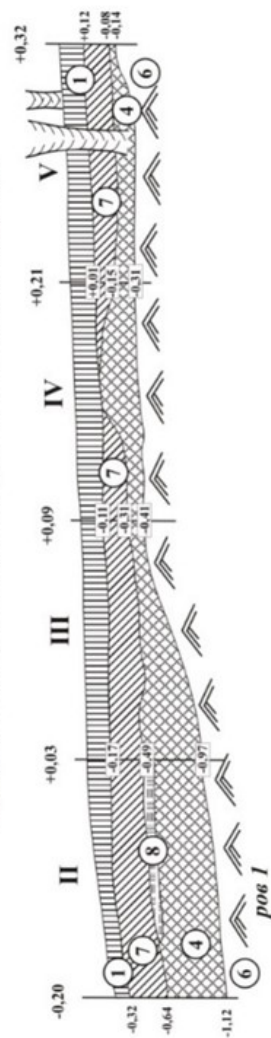

Рис. 7. Гляденовское городище-костище. Раскоп V/2014. Профили стенок раскопа.

Профиль северной стенки раскопа V по линии II/3-B

Профиль восточной стенки раскопа V по линии II-V/B

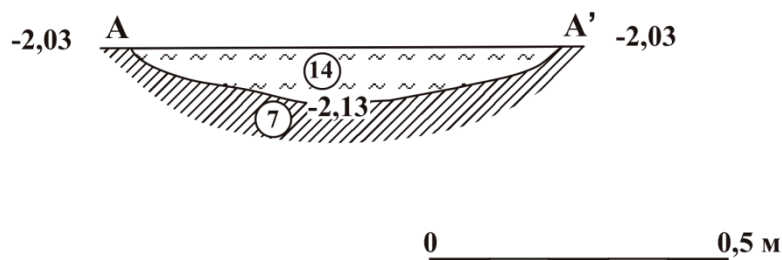
0 2 м

Рис. 8. Гляденовское городище-костище. Раскоп V/2014. Профили стенок раскопа.

Пермский край
Пермский район
Гляденовское костище

2014

Профиль зольника 1
на уч. II-III/V

Условные обозначения

- ① -дерново-почвенный слой
- ② -темно-серый суглинок с обожженной глиной
- ③ -коричневый суглинок с обожженной глиной
- ④ -серый суглинок
- ⑤ -черный жирный суглинок
- ⑥ -материк - рыжая глина
- ⑦ -черный суглинок с обожженной глиной
- ⑧ -коричневая глина
- ⑨ -сери-коричневый суглинок
- ⑩ -темно-серый суглинок
- ⑪ -рыжая глина с обожженной глиной
- ⑫ -рыже-коричневый суглинок
- ⑬ -углистый слой
- ⑭ -зольный слой

X₁ -особые находки

-кости

-развал сосуда

Рис. 9. Гляденовскоегосроудище-костище. Раскоп V/2014. Профиль зольника 1. Условные обозначения.

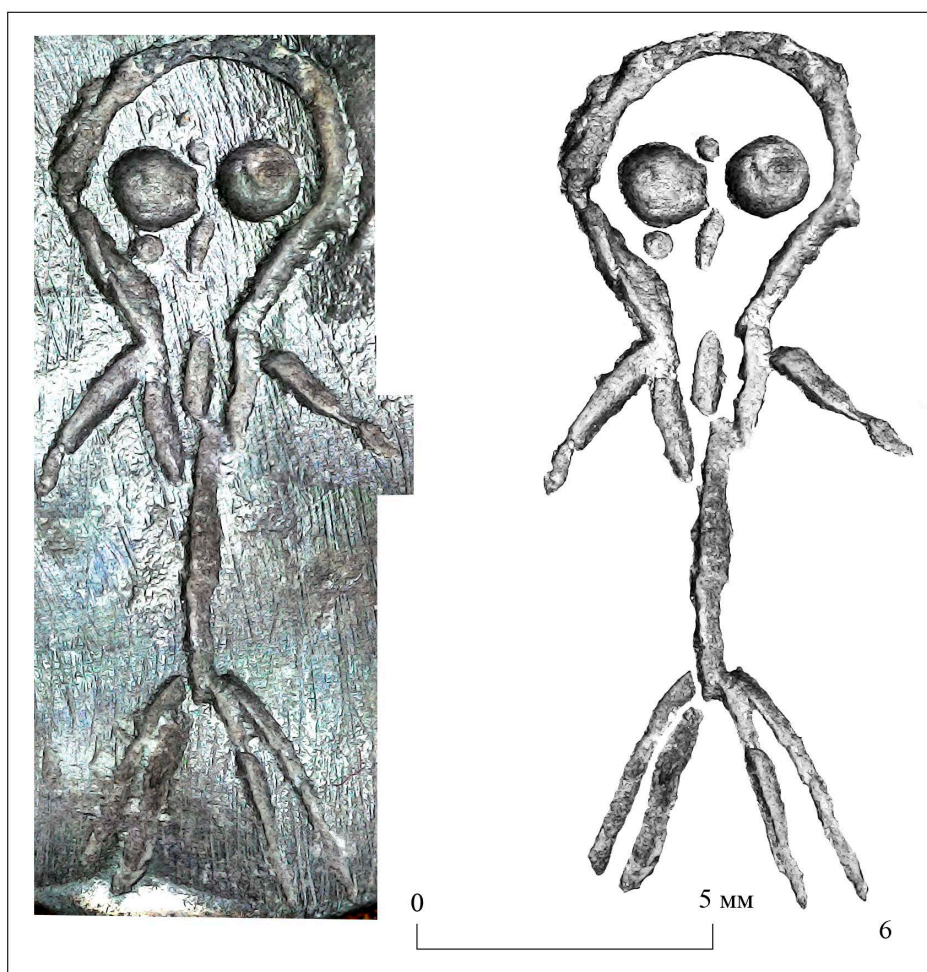
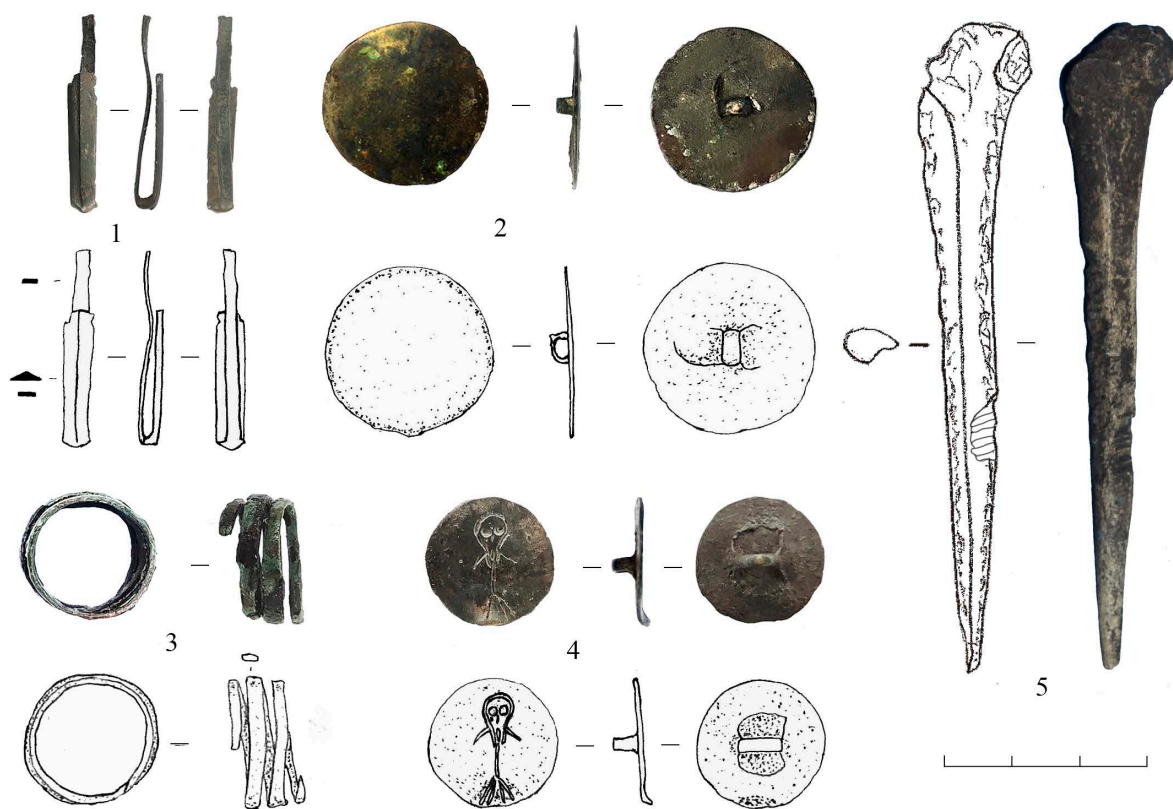

Рис. 10. Гляденовское городище-костище. Раскоп V/2014. Вещевой материал.
1 – наконечник ремня (?);

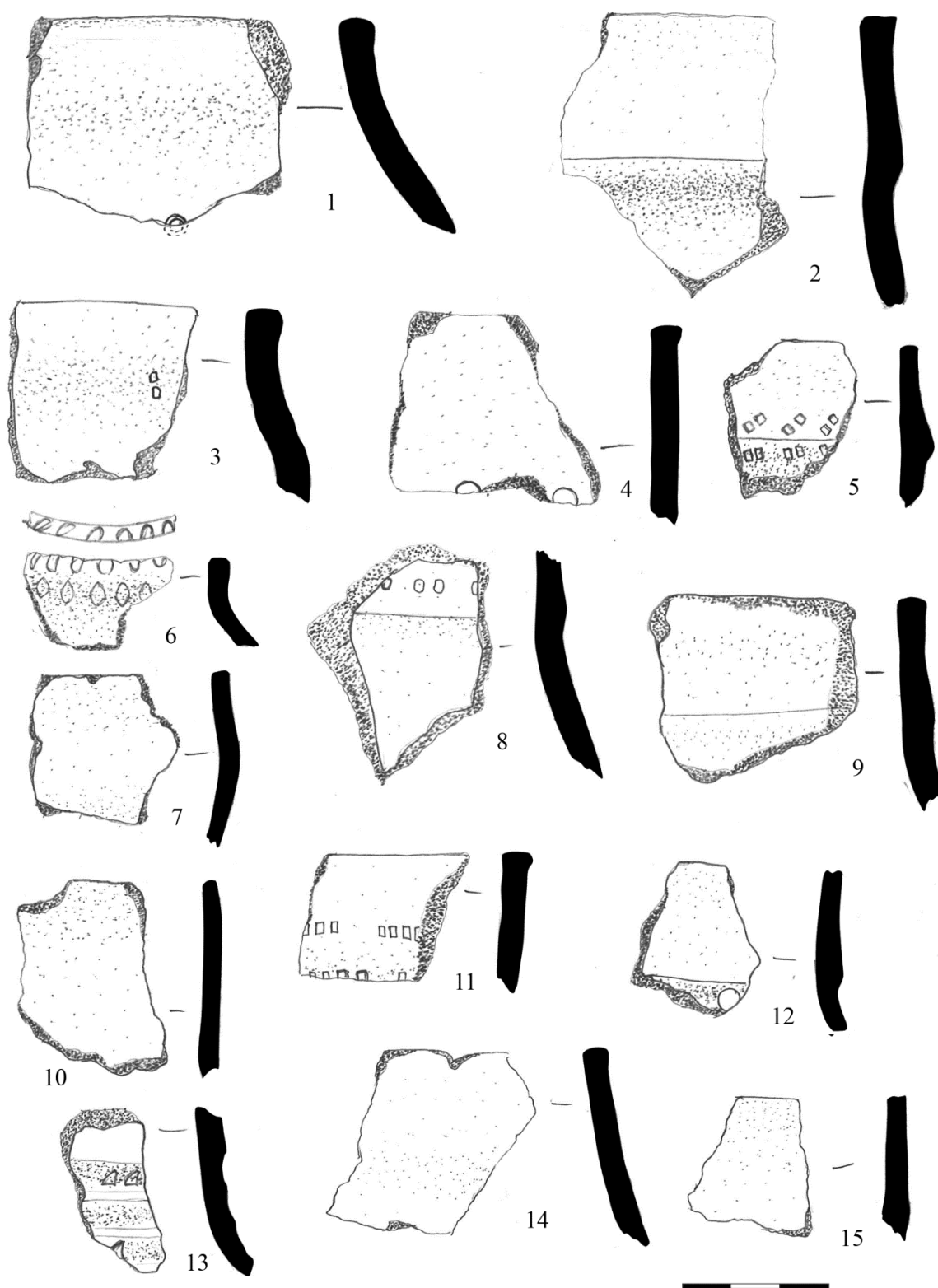

Рис. 11. Гляденовскоегородище-костище. Раскоп V/2014. Керамика.

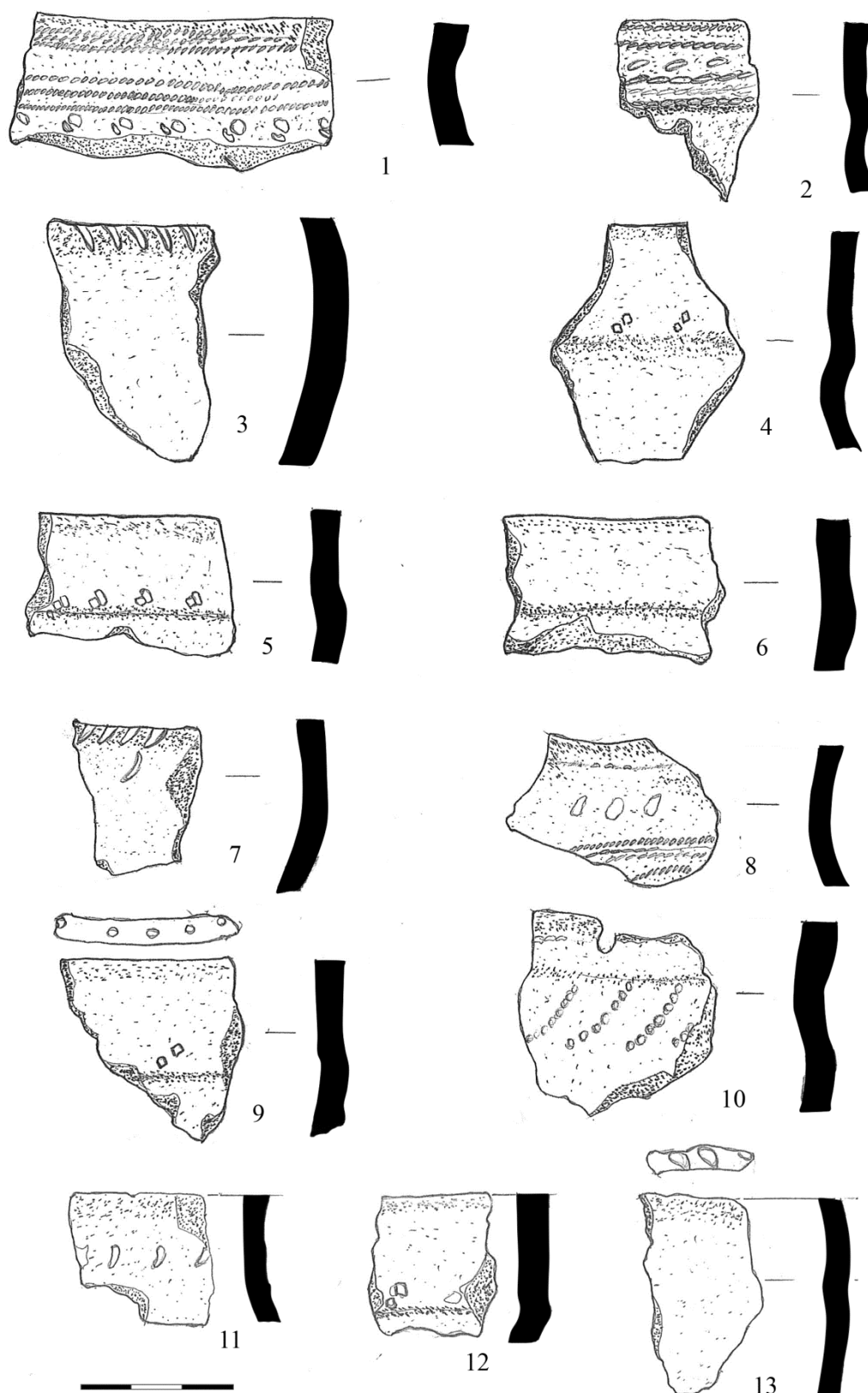

Рис. 12. Гляденовское городище-костище. Раскоп V/2014. Керамика.

TEXTILE CERAMICS IN FINLAND AND ON THE KARELIAN ISTHMUS AND ITS RELATION TO THE CONTEMPORARY CERAMIC TYPES IN THIS AREA – PRELIMINARY VIEWS ON THE PROBLEMATICS

M. Lavento

University of Helsinki, 00014, P.O. Box 59 (Unioninkatu 38F)

Mika.lavento@helsinki.fi

The group of Textile Ceramics represents a long tradition of ceramic making in Finland, Karelia, western Russia, and even certain parts of northern Scandinavia. Although some remains of textile impressions can be found in the vessels of the Late Neolithic, the beginning of the earliest Textile Ceramics of the Sarsa-Tomitsa type dates to approximately 1900 calBC, and the same types of vessels were made at least until the middle of the first millennium BC.

Although textile-impressed ceramics have a long and varying history in Finland, this paper concentrates mostly on the ceramics made in the first millennium BC, that is, in the Bronze Age, in coastal Finland, as well as during the Early Metal Period in mainland Finland. The reason for this is that most finds of Textile Ceramics have been made in eastern and central Finland. Textile-impressed ware is known from northern Finland and northern Scandinavia, but these finds are usually not included in the group of real Textile Ceramics because the impression visible on the surface of the pot is not necessarily a textile impression.

In this paper, my discussion concentrates on the first millennium BC because the Textile Ceramics of this period are not yet sufficiently thoroughly researched in Finland. The period and area in question also belong to the area of influence of the Ananino culture in the northern coniferous zone in Russia and parts of eastern Fennoscandia.

The discussion of Textile Ceramics in the Bronze Age was started in Finland by C. F. Meinander (1954a; 1954b) when he first presented the Sarsa and Tomitsa ceramics. The study of Sarsa-Tomitsa ceramics focused on the early phase of the presence of this pottery in Finland until Meinander launched the re-evaluation of the hypotheses concerning the “migration of the Finns” during the Pre-Roman Iron Age. The dwelling site of Sarsa in southern Finland and the site of Tomitsa near Petrozavodsk in the Karelian Republic are both dated to the beginning of the Early Metal Period. The latest phase of Textile Ceramics has been connected with Kalmistonmäki ceramics, the use of which continued to the beginning of the common era (Meinander 1969). To summarize the results of these studies, the time of use of Textile Ceramics in Finland covered over a thousand years.

Keywords: Textile Ceramics, Finland, Karelia, vessels, Bronze Age, Early Metal Period.

Finland between the east and the west

Since the Neolithic, Finland has received influences from both east and west. In the inland, pieces of copper have been found that originate from Karelia or in some cases even from the Ural Mountains. The spread of this material began during the Eneolithic period, during the third millennium BCE, and above all after 2500 BCE.

Bronze axes of the Seima-Turbino type began to spread in the northern coniferous zone after ca 1900 calBC, and their use continued to ca 1600 calBC. Soon after this, the spread of Textile Ceramics began in this large area. In Finland, Textile Ceramics developed not only as a result of eastern influence, as a part of this tradition had its roots in the Baltic area already during the Late Neolithic [Äyräpää, 1953; Lavento, 2001; Kriiska et al., 2005]. These ceramics developed into Sarsa ceramics. Examples of Tomitsa ceramics were known from the Karelian Republic and eastern Finland, and in many parts of Finland, finds of Textile Ceramics were identified as representing the Sarsa-Tomitsa type [Meinander, 1954].

Around 1700 calBC, there was a spread of Bronze Age culture from Scandinavia, including bronze axes and other bronze material, as well as stone cairns of the Scandinavian type. These archaeological finds are known from the south-western and western coast of Finland. The most visible remains are stone cairns, more than 10,000 of which are known in the coastal zone today. Strangely enough, only a small number of sites is known from the Åland archipelago. At the sites

---

that we know, Lausitz-influenced and Paimio ceramics have been found. Sites in Åland also contained Otterböte ceramics, known especially from sites in the archipelago. The use of these ceramic types began in the Middle Bronze Age, and these types have no clear connection with Textile Ceramics.

It is essential to mention that cairns are also known from the inland of Finland, built already during the beginning of the Early Metal Age. They have yielded fragments of burnt human bones and even some remains of copper implements or pieces of ceramics. Only a few of these cairns have been excavated and AMS-dated. For this reason, the history of the second millennium BCE is insufficiently known.

One of the most essential changes that took place between 2500 and 200 BCE was the decrease in population. This is visible in most of Finland, but first and foremost in the eastern and northern parts of the contemporary country. On the south-western coast and in the northernmost parts, the population was still preserved, and in some places, it even increased. The new populations that came into the country from the east around 1900–1800 calBC were small, but their influence continued during the first part of the second millennium BCE. On the south-western and western coast, new populations came from southern Scandinavia soon after ca 1700 calBC. The number of the population began to increase starting from 1000 BCE.

My purpose is to write about Early Metal Age ceramics and to continue describing the material up to the beginning of the Early Iron Age. In this paper, I present the history of the development of ceramic types during this period above all in the inland of Finland and in the eastern part of the country. I also discuss the change of ceramic types during the Early Metal Age, all the way up to the early phase of the Early Iron Age.

My purpose is to concentrate on two main groups of ceramics, namely Textile Ceramics and Säräisniemi 2 ceramics, both of which include smaller and local subtypes. In this presentation, I introduce these subtypes and discuss their dating and distribution. In addition, I describe the form and ornamentation of each subtype and discuss their meanings together with other archaeological information, as well as the information available from genetics and Finno-Ugrian language research.

Types of Textile Ceramics in Finland and the Karelian Republic

In this article, my purpose is to concentrate on the youngest phases of Textile Ceramics in Finland and the neighbouring countries. To begin with, I aim to shed light on the history of Textile Ceramics by illustrating the earlier phases. The comparison of the different types of Textile Ceramics in Finland and Karelia is especially important here. This is essential, as since the appearance of Akozino-Mälär axes, local changes took place in the region, leading to the formation of new ceramic types not clearly connected with Textile Ceramics. In this paper, I also briefly present these types.

When Julius Ailio [1909] carried out the first exhaustive analysis of Stone Age find material and dwelling sites in Finland, he paid special attention to the extensive ceramic material excavated at the Nimisjärvi site in Säräisniemi (nowadays Vaala) parish, northern Finland. Nimisjärvi is a small lake close to the head of the rapids of the Oulujoki river. Ailio divided the ceramic finds into two types, which he called Säräisniemi 1 and 2. According to him, the first type, Säräisniemi 1, belongs to the Stone Age, but the second one, Säräisniemi 2, represents the Early Metal Period and is associated with bronze casting. Säräisniemi is still well known by archaeologists today, but the typology suggested by Ailio has been developed further since his days. The name Säräisniemi 1 is still in use in the archaeological vocabulary, but Säräisniemi 2 ceramics have been divided into four subgroups that represent local distribution areas. Each of the subgroups has its own datings.

After Ailio, the Finnish Stone Age specialist Aarne Äyräpää became acquainted with Early Metal Period ceramics as well. According to Äyräpää, the ceramics dated to the period of use of Säräisniemi 2 pottery should be further divided into three ceramic types. He identified three different types of ceramics dating to the late Neolithic and Early Metal Age [Äyräpää, 1953]. He used the names Textile Ceramics, Säräisniemi II ceramics (hereinafter called Sär 2), and the

Asbestos Ceramic group, which he partly mistakenly dated to the Ananino time and the Iron Age. These ceramic types were in use in eastern and northern Finland.

Sär 2 ceramics indicate cultural changes in the beginning of the first millennium BC in the inland of Finland. The change is particularly visible in ceramics, but we can also see certain traces in other archaeological material. However, the ceramics consist of local subtypes in the large area of northern Fennoscandia and a large part of Finland. The only exception in Finland is the coastal zone, which represents the Scandinavian Bronze Age culture with its own ceramic types.

Professor of Archaeology C.F. Meinander divided Textile Ceramics in Finland into two different types. For him, Sarsa-Tomitsa ceramics represented the earliest phase of textile-impressed ware. Meinander considered this ware the most essential type of Textile Ceramics, and the clearest examples of textile-impressed ware could be found in the Sarsa-Tomitsa group.

Meinander gave the name Sarsa-Tomitsa ceramics to Textile Ceramics displaying features of both Sarsa and Tomitsa types of wares. This was because Sarsa represented the western type of this ware. The eponymous site for Sarsa ceramics is located in Kangasala, near the city of

Fig. 1. Textile ceramics of Tomitsa type from Kalmosärkkä in Suomussalmi and Varaslampi in Joensuu [Lavento, 2015]

Tampere in south-western Finland. This ware had its origin in the Kiukainen ceramics of the Late Neolithic, or even in Estonia. The eponymous site for Tomitsa ceramics is in Karelia, near Petrozavodsk. It was important that this type of ceramics is assumed to have its origin in the Middle Volga region [Meinander, 1954a]. In spite of the division into two types, these ceramics have still been considered as a relatively homogeneous type in Finland.

Dwelling sites where Sarsa ceramics dominate had been excavated by several archaeologists in Finland, but the ceramic type itself was further discussed by C.F. Meinander [1954b, p. 182-189; see also Lavento 2001, p. 23-26]. He also saw the ceramics in Tomitsa as essential for the type and thought that they represented a type whose origin could be found in the east, whereas the Sarsa type originated from the Baltic countries (Fig. 1).

In 1969, Meinander continued his studies, resulting in a subtype of the Sarsa-Tomitsa ceramics, which he named after the Kalmistomäki dwelling site in Räisälä (Мельниково) on the Karelian Isthmus. According to Meinander, the Kalmistomäki group belongs to the end of the Early Metal Period, and it is discussed later in this article together with the Sär 2 ceramics. According to Äyräpää, this ware belonged to the group of Textile Ceramics, but Meinander [1954a, p. 189-190; 1969] separated it later as a subtype.

Fig. 2. Kalmistomäki textile ceramics at the dwelling site of Kalmistomäki in Räisälä (Мельниково) in the Karelian Isthmus.

Meinander defined the distribution of Kalmistonmäki ware mainly as being limited to the Karelian Isthmus, although some examples were found in the eastern part of the Saimaa Water Basin and on the northern coast of the Gulf of Finland. He dated these ceramics to the second half of the first millennium BC and up to the first centuries AD. He pointed out that finds of Kalmistonmäki pottery are scarce compared to the Sarsa-Tomitsa type.

The dwelling site of Kalmistonmäki had been excavated by A.M. Tallgren in 1914. He had found fragments of casting moulds for bronze bracelets. Tallgren [1934,p. 45] connected these with the Pianobor culture and dated them to ca 200 BCE – 300 CE. He also paid attention to the textile-impressed ceramics that dated to the same period (Fig. 2.). It was still not clear whether all these ceramics that had their context in the Early Iron Age casting moulds in Finland should be dated to this period. The problem was raised by A. Äyräpää [1934,p. 49-51].

The next researcher to discuss Textile Ceramics in Finland was Christian Carpelan [1965; 1979; 1999]. He has returned to this theme in several publications, even though his main research focus is on pottery younger than Textile Ceramics (Sär 2 and subgroups).

As for myself, I have divided Textile Ceramics in Finland into four subtypes – three of which were already mentioned by Meinander [1954b; 1969]. In my dissertation [Lavento, 2001], I discussed the material in Finland and on the Karelian Isthmus in the light of previous studies, as well as in relation to pottery of the same age in the neighbouring countries. The most important material for comparison was found in the Karelian Republic, in Estonia, and at a few sites in the Upper and Middle Volga regions. As a result, one new type of Textile Ceramics can be defined in the headwaters of the Oulujoki river, in the Kainuu region, where a subtype of Textile Ceramics is dated already to the beginning of the Early Metal Period, ca 1800 calBC.

The dating of the Kainuu ceramics, mostly found in the area of the Oulujoki Water Complex, falls between 1700 and 1200 calBC. This indicates the earliest types of eastern ceramics in north-eastern Finland.

It is also necessary to note that the earliest known Textile Ceramics in Finland have been found by the lower course of the Oulujoki river (in northern Ostrobothnia). At the site of Halosentörmä, an excavation was carried out where some Textile Ceramics were also found. Ceramic finds from the Halosentörmä dwelling site in Muhos, in Halosentörmä ca 60 km downstream from Lake Oulujärvi, were AMS-dated to ca 1900 calBC. At the nearby dwelling site area of Hangaskangas, a bronze dagger was found. It was dated to ca 1800 calBC, that is, almost as early as the ceramics [Forss & Ikäheimo, 2001].

The complex of several archaeological sites in Hangaskangas is exceptional, as it represents a place where eastern and western Bronze Age cultures meet. In this case, the eastern influence seems to be very strong, giving a clear view on the culture. This can be seen in the metals and their casting traditions, as well as the ceramic types. In spite of this, several important phenomena have western roots. Among the most important are cairns and traditions connected with the different types of early cairns known in Finland.

The Oulujoki river (flowing into the Gulf of Bothnia), Lake Oulujärvi (one of the biggest lakes in Finland), and the headwaters of the same water system in the parishes of Sotkamo and Suomussalmi in Kainuu are rich in archaeological find material dating back to the beginning of the Early Metal Period. It is evident that a new ceramic type developed there roughly at the same time with the first use of metals (soon after 1800 calBC). The name given here refers to a region (Kainuu), not to a single site. So far, the largest amount of this type of ceramics has been found by Lake Kiantajärvi in Suomussalmi, but these ceramics are known from every municipality in Kainuu [Lavento, 2001, p.84]. The complex of sites near the north-western end of Lake Oulujärvi is the Säräisniemi area by Lake Nimisjärvi.

Ornamentation of the Kainuu subtype is based on pits and stamps and a crossing line implying combed stamps or pits. These form a horizontal line in the uppermost part of the pots. The size of the pits varies and the combed stamps are usually very small. Vessels are slightly profiled and their temper is either asbestos or quartz. [Lavento, 2001, p. 84.]

For description and photographs of prehistoric ceramic types in Finland, the reader might wish to visit the website www.helsinki.fi/hum/arla/keram/ [the University of Helsinki / Archaeology, 1999]. The author of this educational material is Lic. Phil. Petro Pesonen, and the overview is based on his thorough knowledge of the archaeological collections of the National Board of Antiquities, Helsinki.

In Karelia, already N.N. Gurina [1961,p. 161] identified the “classic” Epineolithic asbestos-tempered ceramic type. Later this classic type was called Asbestos Ceramics. The question has been discussed by M.G. Kosmenko, who has contributed considerably to the studies of Early Metal Period archaeology, including the question of Textile Ceramics in Karelia [Kosmenko, 1992; 1996a; 1996b; 1996c].

A.N. Zhulnikov [2005] classified the Eneolithic and Bronze Age ceramics in the Karelian Republic and suggested a typology for them that partly follows the Finnish ceramic typology, but has considerable additions and changes. According to Zhulnikov, the period of use of Textile Ceramics in the Karelian Republic was the second half of the second millennium BCE up to the 7th century BCE.

In addition to Textile Ceramics, Zhulnikov identified a ceramic type that is close to Textile Ceramics typologically, but cannot be included in the large group of textile-impressed pottery. This is Bochta II ware, dated by Zhulnikov to the last quarter of the second millennium BCE. This is a local type in a small area only, and no finds are known outside the Karelian Republic. Nevertheless, the same kind of ornamentation can be seen on vessels from a few sites in eastern Finland. This indicates cultural connections at the end of the second millennium BCE.

The pottery that followed Textile Ceramics both in Finland and in Karelia has also been investigated by Zhulnikov [2005]. He has suggested that this material can be divided into two types: the Ananino and Luukonsaari ceramics. The former was in use between the 6th century BCE and the 4th century CE. Its distribution area is large, but does not reach the contemporary territory of Finland. The latter was first identified by C.F. Meinander [1969] in Finland. The eponymous site is at the northern edge of the Lake Saimaa water basin (Kuopio), and Luukonsaari ceramics were in use in the Saimaa area. In addition, there are a few finds from certain areas in the Onega river water basin [Kosmenko, 1996b; Zhulnikov, 2005].

The northernmost ceramics in Fennoscandia at the beginning of the Early Metal Period

Northern Scandinavia and the western part of the Kola peninsula comprise an area in which

Fig. 3. Imitated Textile ceramics (IT) from Niittyjäkä in Inari, northern Lapland, Finland.
<http://www.helsinki.fi/hum/arla/keram/it.html>

the existence of Textile Ceramics has been actively discussed from different points of view. Finnish archaeologist Christian Carpelan has worked with material from northern Finland and northern and eastern Lapland to understand the ceramics and prehistory of the Saami. On the basis of this material, he identified Lovozero ceramics and dated the beginning of use of this ware as early as 1900 calBC. The eponymous site of this ware is located by Lake Lovozero on the Kola peninsula. The asbestos-tempered and profiled vessels are decorated with crossing lines forming a lattice on the upper part of the vessel [Carpelan, 2003,p.46-49].

Lovozero ceramics do not have any textile impressions. To understand Textile Ceramics and related pottery types, it is essential to pay attention to the development of Imitated Textile Ceramics (IT). In southern and eastern Finnish Lapland, its use began soon after 1600 calBC. Later, the area of distribution of this pottery extended to cover a large area in northern Fennoscandia.

IT ceramics have been considered as being related to real Textile Ceramics, but not belonging to the same group. Carpelan [1970] originally described this ware as one of the main ceramic types of northern Fennoscandia, but more recently he has suggested that the group should be divided into two subtypes. An essential element of the description is the rhomb pattern that resembles a textile impression (Fig. 3). The problem in interpretation is understanding whether the use of this pattern has anything to do with textiles. The IT ware pots do not have any clear remains of ornamentation.

In his new interpretation, Carpelan [2004, p. 52-53] divided the IT ceramics into two groups and named them after Swedish and Norwegian research. The northern Textile Ceramics should be called Sörsele ceramics [Hallström, 1929], and the Imitated Textile Ceramics should be called Vardøy ceramics [Gjessing, 1935].

According to Carpelan, no examples of Sörsele ceramics have been found in Finland or on the Kola peninsula. On the surface of the vessels, there are patterns that were probably made with some kind of spatula that seemed to have a cord wrapped around it. This kind of ware was used between 1600 and 1300 calBC [Carpelan, 2003, p. 52].

Vardøy ceramics have been found at many sites in Finland, as well as on the Kola peninsula. The characteristic feature is an either straight or oblique-angled lattice. Carpelan has also used the description “waffle pattern”. The surface impression is very close to Sörsele, but with slight modifications. There is no other ornamentation on the vessels. The use of this type of ware began ca 1300 calBC and came to an end ca 600 calBC [Carpelan, 2003, p. 52].

Säräisniemi 2 ceramics (Sär II)

The Asbestos Ceramics of the Early Metal Period comprise a large and not very precisely defined group of pottery, because this ware closely resembles Sär II ceramics and even ceramics of the Ananino type. In the 1950s, the Finnish archaeologist Aarne Äyräpää [1953] suggested that the term Asbestos Ware would be suitable for the material of northern and eastern

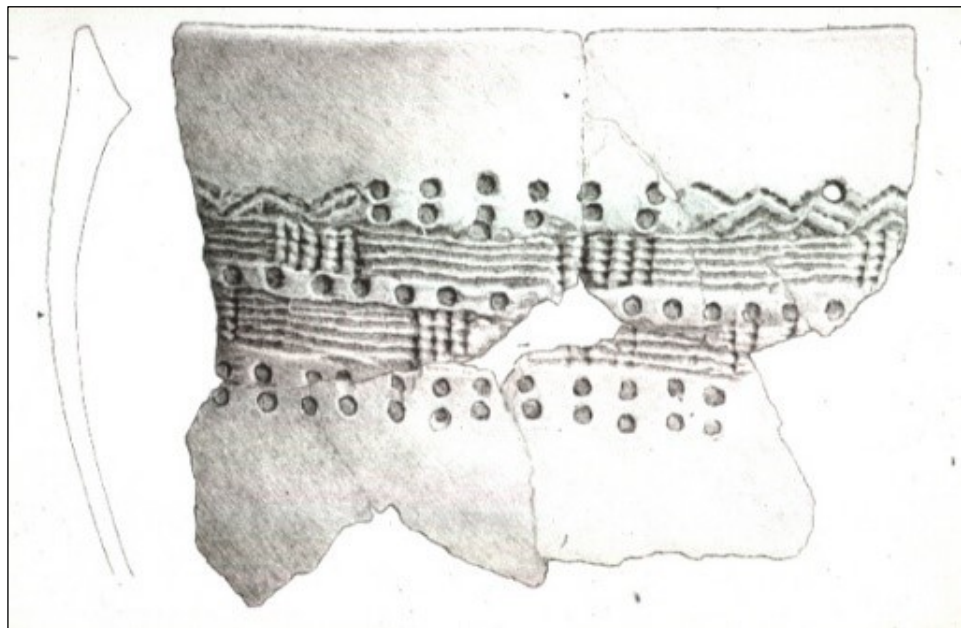

Fig. 4. The picture of the rim part of the Luukonsaari ceramics about the material of Luukonsaari in Kuopio.

<http://www.helsinki.fi/hum/arla/keram/luukons.html>

Finland. His idea was accepted, but soon cast aside. Professor C. F. Meinander [1969] identified several other ceramic types that are easier to discern in Finnish find material and are thus more relevant here than the “Asbestos Ware” defined by Äyräpää.

In his argumentation, Meinander later followed a few basic ideas that had been presented by Äyräpää (Europaeus), but also suggested some new viewpoints. Meinander [1969] separated two types of asbestos-tempered ceramics in the inland of Finland. One of these consists of Luukonsaari ceramics, named after the eponymous Early Metal Age dwelling site on the tiny island of

---

Luukonsaari (Fi. saari 'island') in Kuopio close to the northern end of the Saimaa water system. The characteristic ornamentation is on the upper part of the vessel, which is slightly folded inside (Fig. 4). The details of this ceramic type are discussed below.

Meinander [1969, p.67] also separated a group that he called Asbestos Ceramics. According to him [see Meinander, 1969, fig. 15], this pottery is known from northern Scandinavia and its distribution area is quite large, reaching southern Österbotten in northern Sweden, the area of Västerbotten, and nearly all of Finland. This type of ceramics came into use already during the Late Bronze Age and continued to be made until the first centuries CE.

After Meinander, the group of Sär 2 ceramics was again retyped by Christian Carpelan. He first divided it into three subtypes [1965] and later added one more subtype, Sirnihta ceramics [Carpelan, 1979]. Carpelan's typology is widely accepted in Finnish archaeology today. It is based on a statistical method, taking into account several characteristics of the vessels, such as shape, ornamentation, and so on. It was made by locating the groups with the help of simple statistics and with ¹⁴C and AMS datings of ceramics. Carpelan's work was detailed and systematic. Applying a statistical method in ceramic studies was new in Finland in the 1960s.

Carpelan's work resulted in four ceramic types, and Carpelan described the distribution area and dating of each type. The oldest one is the Anttila type that came into use ca 1000 BCE. The eponymous dwelling site is in southern Lapland, in Kemijärvi. Carpelan first named this pottery "the northern Finnish type". The use of Anttila ceramics continued until the 4th century BCE or even a little later [Lavento, 2015, p.194-195]. The mixture used in tempering can be mica, talc, or soapstone. This makes Anttila ceramics soft but very heat-resistant, which is important for the quality of the pottery. The edges of the vessels are no thicker than 4 mm. They are usually strongly profiled. The decoration concentrates on the upper part of the vessel and consists of a framed frieze, inside of which runs an oblique zigzag depression.

An early subtype of Textile Ceramics, the Kainuu type, was known mostly from the water systems of Sotkamo and Suomussalmi, but sometimes from the upper course of the Kemijoki river, too. Kainuu ceramics, together with Lovozero ceramics, influenced the development of the new Textile Ceramics. The distribution area of the new type extended from Lake Oulujärvi to Lake Lokka and Lake Porttipahta [Lavento, 2001, p.29-30]. In addition to this area, only a few sporadic finds of Anttila ceramics are known from Finland. Usually the number of Anttila sherds is relatively small at find sites. However, the finds prove that a new local group of ceramics came into use and that it differed considerably from the textile-impressed pottery.

The second ceramic type defined by Carpelan [1965] was "the southern Finnish type", roughly equal to Luukonsaari ceramics as described by Meinander [1969]. The discussions of Äyräpää [1953] and Meinander [1969] indicate that Luukonsaari pottery included above all the ceramic material known from the dwelling sites of Säräisniemi and Luukonsaari. Luukonsaari ceramics, first recognized in the material from its eponymous site by Meinander, is not difficult to identify. This ware was investigated in detail already by Carpelan in 1965, although he did not publish his suggestions before Meinander [Lavento, 1992].

The use of Luukonsaari pottery began ca 800 BCE, but the dating is not very precise. It was probably first made about a hundred years later than Anttila ceramics. The use period of Luukonsaari ceramics came to the end during the 3rd century CE. In the course of time, there were some changes in the ornamentation, but detailed research remains to be done.

The distribution area of Luukonsaari pottery covers an area from the Finnish coast and the central part of the Karelian Isthmus to the Polar Circle and the Kemijoki river. The origin of this pottery type was in the textile-impressed Tomitsa ceramics known particularly from the regions of Lake Saimaa, Lake Oulujärvi, and Lake Onega in eastern Karelia [Косменко, 1996; Жульников, 2005].

Luukonsaari pottery is asbestos-tempered, just like several other ceramic types of the Early Metal Period. A considerable amount of asbestos was cut into small fibres, which made the ceramics hard and strong in fire. The wall of the vessels is either straight or profiled. The ornamentation was made with a point stamp, and the prints form a horizontal row or two rows just

---

below the shoulder of the vessel. When the drawing of the stamp was stopped, the points in the stamp became visible. Above and below the lines of decoration, there are shorter lines or scattered prints of the point of the stamp. Their size can be bigger or smaller. In some cases, thin lines of prints cross the main horizontal row(s) of ornaments. All the decoration concentrates on the upper part of the vessel.

The third type described by Carpelan in 1965 was “the arctic type”. This pottery had been first discussed by Äyräpää [1953], and Meinander returned to the theme in 1969. Carpelan [1965] first called the group “northern Scandinavian”, and later applied the name Kjelmo after the eponymous dwelling site in Kirkenes in Finnmarken, Norway. The Kjelmo type was recognized and investigated by R. Jørgensen and B. Olsen [1987], and it was also described by Lavento and Hornitzkyj [1996].

The area of distribution of Kjelmo ceramics is large. It covers northern Finland from central Ostrobothnia (Vaasa and the Lake Oulujärvi region) to northernmost Lapland. The distribution concentrates in Lapland, but some sherds have been found in the eastern part of the Lake Saimaa area and even on the Karelian Isthmus. In addition, this group of ceramics is well known in Norway, where it has been found all over the centre of northern Norway, with the main concentration being in Finnmarken [Jørgensen & Olsen, 1987. p. 20].

Jørgensen and Olsen [1987, p. 27] have dated the use of Kjelmo ceramics between 1400 and 100 BCE. This dating is very early if compared with the datings suggested by Finnish archaeologists. According to Carpelan, the period of use of Kjelmo pottery is from 700 BCE to the beginning of the common era [Carpelan, 1999, p. 273; see also Lavento, 2015, p. 197]. The reason for the remarkable difference in datings by Norwegian and Finnish researchers deserves further discussion. It is possible that Kjelmo ceramics came into use in the coastal region of Finnmark earlier than in the inland regions of northern Fennoscandia. If this was the case, the origin of the ceramic type itself should be sought in Lovozero ceramics or IT ceramics. Another reason for the early dating in Norway might be the 13C effect, which could have had an influence on the AMS dating results. According to recent knowledge, the 13C effect makes dating results too old by the coastal zone of the Arctic Sea in particular. The same holds true for the southern part of the Baltic Sea [Oinonen et al., 2013].

The bottom of Kjelmo vessels is either even or round. The edges are flat or rounded in the upper part of the rim. In general, the covering of the rim is not very prominent. The temper contains seashells. The main ornamentation is a framed frieze of small pits. Another variant is a horizontal ornamentation of relatively thin lines. All ornamentation is on the upper part of the vessel only and not very well visible in all pots. There are no ornaments on the upper part of rims or inside the vessels. Sometimes there are some remains of black or red colour on the upper part of the vessels.

Sirnihta (or Sirnitsa) ceramics form one subtype of Sär 2 ceramics in Carpelan's typology. This pottery is a later addition to his original scheme. He separated it in the early 1970s from the material of the eponymous dwelling site on the small island of Sirnihta in the north-eastern part of Lake Saimaa. This type of ceramics had not been discussed at all before Carpelan, and it represents a relatively small group in the Early Metal Period ceramic material of south-eastern Finland. Its research has remained relatively insufficient so far because Carpelan has not published his views on the definition of the type. Some definitions of the type have been suggested by Lavento [1992], Lavento and Hornitzkyj [1996], and P. Pesonen [1999].

The area of distribution of Sirnihta ceramics is not well known. So far, most sherds have been found in the northern part of the Lake Saimaa region, but there are also a few finds from dwelling sites further to the south-west, by Lake Roine in the Pirkanmaa region (near Tampere). The northernmost finds of this pottery type are in the material excavated at the sites of Lake Nimisjärvi (see above) and along the upper course of the water system of Suomussalmi, Kainuu (Suomussalmi Juntusranta excavated by Matti Huurre and published by him in 1982). A few fragments of Sirnihta ceramics are known from dwelling sites on the Karelian Isthmus, too [Lavento, 2004, p. 289].

AMS datings have not yet been able to provide a full picture of the period of use of the Sirnihta vessels. So far we set the beginning of this type of ceramics to ca 500 BCE, and it may have stayed in use until as late as ca 400 CE [Lavento, 2015, p. 197].

The Sirnihta vessels are ornamented in quite a similar way as the Textile Ceramics of the Tomitsa type. The most visible ornaments are horizontal lines, which may be embossed as well. Between these lines there is an elongated, framed figure. Sometimes the figure is made of small, pitted comb stamps. All these together form a framed frieze. Ornaments indicate the use of a comb stamp or drawing, which turns by forming a zigzag pattern.

In most cases, the ornamentation concentrates on the upper part of the vessel, but sometimes there is decoration on the lower part of the pot as well. Even in the flat bottom of the pot, a radius-like ornament is sometimes visible. Most of the vessels do not have ornamentation, and the tempering is based on thin asbestos fibres. The bottom of the vessel is relatively flat without any strong profiling in the upper part. The wall thickness varies between 3 and 10 cm. The colour of the surface is sometimes dark brown or black, but often also light.

Morby ceramics

Finally, it is time to summarize the observations of the Late Bronze Age and Pre-Roman Iron Age ceramics in southern, south-western, and western Finland and to have a look at them in relation to the pottery types discussed above. A landmark in the research of western Bronze Age ceramics in Finland was the so-called “Dåvits essay” by C.F. Meinander [1969]. In retrospect, we can say that even though the focus of this article was not on pottery, Meinander contributed very significantly to ceramic studies and the definition of Morby ceramics was one of the most important results of the article.

Dåvits is a dwelling site and cemetery in the former village of Morby, nowadays part of the city of Espoo in the capital region of Finland. The site was excavated by Tapani Harviainen in 1967 and 1968 and dated to the Pre-Roman Iron Age. The definition of “Epineolithic ceramics” in southern Finland was given already by Alfred Hackman in 1917. This pottery was found in Dåvits, too. Meinander developed the definition of Epineolithic ceramics further, with special reference to pottery younger than the Bronze Age in southern Finland. The area of distribution of Morby ceramics covers the coastal zone of Finland from the mouth of the Kymijoki river in the north-east to the region of Vaasa in Ostrobothnia. The greatest concentration of finds is known from the western Uusimaa region by the coast of the Gulf of Finland. The eponymous site of

Morby (Dåvits) is in this area, too. In addition to the main type of the group of Morby vessels, Meinander separated closely related types. He called them “Morby-like ceramics”, and a further addition to this classification was the Jalassaari group [Meinander, 1969, p.44-45]. Today, only the name Morby ceramics is used in Finnish archaeology (Fig. 5). The definitions of “Morby-like” and Jalassaari ceramics have been neglected after Meinander.

Meinander [1969, p. 43] dated the period of use of the Morby / Morby-like ceramic tradition to the Pre-Roman Iron Age, ca 500–1 BCE. He based his assumption on early iron implements that had been found in graves together with Morby ceramics in the same closed context. AMS datings of Morby ceramics were published by Torsten Edgren [1999] and Henrik Asplund [2008]. Now we know that the period of use of Morby ceramics was much longer than Meinander had thought. It

Fig. 5. The picture of the rim part of the Morby ceramics about the material of Karisto in Hattula.

<http://www.helsinki.fi/hum/arla/keram/morby.html#Tutkimushistoria>

---

began already ca 1200 calBCE and continued as late as the 2nd century CE [Lavento, 2015]. So far, the excavated sites with Morby ceramics have not been very extensive. The number of pottery sherds has not been large.

Morby ceramics continued the tradition of Late Bronze Age ceramics of the Paimio type, first separated in the material of the Toispuolajannummi site in Paimio, south-western Finland. Unto Salo defined this type [1984]. It could be suggested that the origin of this ceramic type should be sought in the ceramic types of the coastal zone in Finland. Continuation in ceramic traditions means continued inhabitation in the area – a question that has aroused a lot of discussion in Finnish archaeology throughout the decades. Meinander [1969] was a pioneer in suggesting the hypothesis that the northern shore of the Gulf of Finland was continuously inhabited from the Stone Age through the Bronze Age to the Early Iron Age. He strongly opposed the so-called “migration theory” suggested by leading Finnish archaeologists Alfred Hackman [1917] and Ella Kivikoski [1939].

The vessels of Morby ceramics are relatively small, but the sherds are thick. The main tempers are quartz and feldspar. The pots are not strongly profiled in their rim. The surface is coarse and gives the impression of a simple manufacturing technology. The ornamentation concentrates on the uppermost part of the vessels, but there is some decoration on the middle part of the vessel, too. The most characteristic single ornaments are small pits and short ornaments that resemble those of a Combed Ware vessel. The pits that form the horizontal rows below the uppermost rim are simple, but still the most important element of ornamentation. A characteristic element in the ornamentation of Morby ceramics is the varying sizes of the decorative pits.

Discussion

At the end of the Early Metal Period, the ceramic types in Finland included Textile Ceramics with several subtypes. Because the number of datings of Textile Ceramics and the various subtypes is still rather limited, no detailed chronology can be presented for all of them. In this article, only a rough view can be given. Nevertheless, it is probably already quite well known where the subtypes of Textile Ceramics had their areas of distribution, and there is also sufficient knowledge about how the subtypes differ from each other. What should still be done is to include the material from the recent 21st century excavations in the analyses and perform more AMS datings, not only in Finland, but in our neighbouring areas as well. The work is in progress, and the aim is also to compare the material with finds from the Middle Volga region. The specialist on the latter material is Professor Valery Patrushev [Патрушев, 1993; 2000].

The subtypes of Textile Ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus were analysed and summarized in my doctoral dissertation [Lavento, 2001]. Material from the Karelian Republic (Petrozavodsk), the northern and eastern Lake Ladoga region (St. Petersburg), and Estonia (Tallinn and Tartu) were used for comparison.

The Sär 2 ceramic type was first analysed by Carpelan [1965]. Since then, he has returned to the theme several times and suggested more precise dates for this pottery [1979; 1999]. This gives a good overview of the development of local types of Sär 2 ceramics in different parts of Finland. Their dates are quite reliable now. Carpelan [1979; 1999; 2003] has carried out a lot of datings on this type, above all in Lapland.

There is a problem related to Morby ceramics. The most detailed approach to date is the research by Henrik Asplund [2008], who has discussed the areas of distribution of this pottery and provided several new AMS datings. A description of Morby ceramics is included in his doctoral dissertation as well. A very interesting new result is that sherds of Morby vessels have been found also in north-western Estonia, in a relatively narrow coastal zone by the Gulf of Finland.

Based on what we now know, Textile Ceramics in the Baltic Sea region may have very early roots. In the Baltic countries, very early dates for these types of ceramics have been obtained just recently. They are considerably older than in Finland – in the coastal area or inland. In Estonia, Textile Ceramics can be dated as early as 2600 calBC; in other words, textile-impressed ceramics belong to the same period as Corded Ware [Kriiska et al., 2005].

Conclusion

The aim of this article was to give the reader a broad overview of the history of research into Textile Ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus. I wished to illustrate the current research situation of the typology of Textile Ceramics and its subtypes in Finland. Also the available AMS dates for the subtypes in Finland and neighbouring areas were summarized here.

Textile Ceramics appeared in the territory of modern Finland first ca 1800 calBC and later developed into four subtypes. During this period, bronze became known in the area. In the later phase of the Early Metal Period, ca 1000 calBC–300 AD, both Textile Ceramics and four subtypes of Sär 2 ceramics were known. This made the Finnish area interesting again, because it indicated how the region of Finland was divided into smaller areas. The period of Ananino axes came to an end ca 300 calBC in Finland.

References

- Ailio, J. (1909). Die Steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland I–II. Helsingfors.
- Asplund, H. (2008). Kymittä. Sites, centrality and long-term settlement change in the Kemiönsaari region in SW Finland. Turun yliopiston julkaisuja. Sarja B, Humaniora. Ebook: <https://oa.doria.fi/handle/10024/42058>
- Äyräpää, A. (1935). Muutama sana Parikkalan Kaunissaaren asuinpaikkalöydöstä. *Suomen Museo*, 1934, pp. 49–51.
- Äyräpää, A. (1953). Kulturförhållandena i Finland före finnarnas invandring. *Suomenmuinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja*, 52:1, pp. 77–98.
- Carpelan, C. (1965): Sär 2. Alustava katsaus erääseen rautakautiseen keramiikkaryhmään ja siihenliittyvään problematiikkaan. Lisensiaatintyö Suomen ja Pohjoismaiden arkeologiassa toukokuussa 1965. Manuscript at the Institute for Cultural Research, Department of Archaeology, University of Helsinki.
- Carpelan, C. (1970). Ns. Imitoitua tekstiilikeramikkaa Suomesta. *Suomen Museo*, 1970, pp. 23–34.
- Carpelan, C. (1979). Om asbestkeramikens historia i Fennoskandien. *Finskt Museum*, pp. 5–25.
- Carpelan, C. (1999). Käännekohtia Suomen esihistoriassa aikavälillä 5100–100 eKr. Pohjan poluilla. Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan (toim. Paul Fogelberg). *Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk*, 153, pp. 249–280.
- Carpelan, C. (2003). Inarilaisten arkeologiset vaiheet. Inari – Aanaar. Inarin historia kivikaudesta nykypäivään. (Toim. V.-P. Lehtola). Inarin kunta. Painotalo Suomenmaa Oulu.
- Edgren, T. (1999). Käännekohtia Suomen kivikaudessa. Pohjan poluilla. Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan. *Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk*, 153, pp. 281–293.
- Forss, A. & Tuovinen, O. (2001). Oulu Hangaskangas. Varhaispronssikaudelle ajoittuvan hautauksen kaivaus 1998. – <http://arklab oulu.fi/public/julkaisu.html>
- Gjessing, G. (1935). Fra steinalder til jernalder i Finnmark. Etnologiske problemer, - Instituttet for sammenlignende kulturforkning. Serie C III-3. Oslo: H Aschehoug – Co. (W. Nygaard).
- Hackman, A. (1917). Om Nylands kolonisation under järnåldern och andra därmed sammanhängande frågor. *Historiskt tidskrift för Finland*, 1917, pp. 199–283.
- Hallström, G. (1929). Kan lapparnas invandringstid fixeras? En arkeologisk studie. – Norrlands försvar, Stockholm: Föreningen för Norrlands fasta försvar, 1929, pp. 39–92.
- Huurre, M. (1982). Suomussalmen varhaista metallikautta. *Suomen Museo*, pp. 11–30.
- Jørgensen, R & Olsen, B. (1987). Asbestkeramikk i Nord Norge. *Finskt Museum*, 1987, pp. 5–39.
- Kivikoski, E. (1939). *Die Eisenzeit im Auraflussgebiet*. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XLIII. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys. 268 p.
- Kriiska, A., Lavento, M. & Peets, J. (2005). New AMS Dates of the Neolithic and Bronze Age Ceramics in Estonia: preliminary results and interpretations. *Estonian Journal of Archaeology*, 9/1, pp. 3–31.
- Lavento, M. (1992). A Preliminary Analysis of the Ceramics of Ruhtinansalmi Dwelling-site Complex in Kainuu, Northern Finland. *Fennoscandia archaeologica*, IX, pp. 23–41.
- Lavento, M. (2001). Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus. Nine variations and fugue on a theme of C. F. Meinander. *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja*, 109.
- Lavento, M. (2003). Viipurin läänin pronssikausi ja varhaismetallikausi. Teoksessa M. Saarnisto (toim.): *Viipurin läänin historia I*. Lappeenranta: Karjalan kirjapaino, pp. 245–290.
- Lavento, M. (2015). Pronssi- ja varhaismetallikausi. Muinaisuutemme jäljet. Suomen esi- ja varhaishistoria kivikaudelta keskiajalle. Gaudeamus, pp. 123–212.

- Lavento, M. & Hornytzkyj, S. (1996). Asbestos Types and their Description in the Neolithic, Early Metal Period and Iron Age Pottery in Finland and Eastern Karelia. Pithouses and Potmakers in Finland and Eastern Finland. Reports of the Ancient Lake Eastern Saimaa Project. *Helsinki Papers in Archaeology* N:o 9.
- Meinander, C. F. (1954a). Die Kiukaikskultur. *Finska Fornminnesföreningens Tidskrift*, 53, pp. 1–239.
- Meinander, C. F. (1954b). *Die Bronzezeit in Finnland*. Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja 54. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys.
- Meinander, C.F. (1969). Dävlits. En essä om förromersk järnålder. *Finskt Museum*, 76, pp. 27–69.
- Oinonen, M., Vasks, A., Zarina, G., Lavento, M. (2013). Stones, Bones and Hillforts – Radiocarbon dating of Kivutkalns Bronze-working Centre. *Radiocarbon*, 2013, 55(2-3), pp. 1252–1264.
- Patrushev V. (2000). The Early History of the Finno-Ugric Peoples of European Russia. Oulu.
- Pesonen, P. (1999). Suomen esihistoriallinen keramiikka <http://www.helsinki.fi/hum/arla/keram/> Arkeologian oppiaine, Helsingin yliopisto.
- Salo, U. (1984). Pronssikausi ja rautakauden alku. In: *Suomen historia I. Kivikausi, pronssikausi, rautakausi*, Weilin+Göös, Espoo, pp. 98–249.
- Tallgren, A. M. (1935). Eräitä epäselviä muinaislöytöjä. *Suomen Museo*, 1934, pp. 41–48.
- Гурина Н. Н. (1961). Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. *МИА*, №87.
- Жульников, А.Н. (2005). Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет.
- Косменко, М.Г. (1992). Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск.
- Косменко, М.Г. (1996a). Культура сетчатой керамики. *Археология Карелии* (ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочкуркина). Петрозаводск. с. 185–215.
- Косменко, М.Г. (1996b). Культура Лууконсаари. *Археология Карелии* (ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочкуркина). Петрозаводск. с. 238–253.
- Косменко, М.Г. (1996c). Культура с керамикой "арктического" типа. *Археология Карелии* (ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочкуркина). Петрозаводск. с. 253–257.
- Патрушев, В.С. (1993). Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. *Древние этнокультурные связи финно-угров* (Материалы российской археологической конференции, посвященной 30-летию Марийского государственного университета и 10-летию Центра археолого-этнографических исследований. (отв. ред. В. С. Патрушев). Йошкар-Ола.

ТЕКСТИЛЬНАЯ КЕРАМИКА ФИНЛЯНДИИ И КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА И ЕЕ СВЯЗЬ С СИНХРОННЫМИ ТИПАМИ КЕРАМИКИ НА ЭТОЙ ТЕРРИТОРИИ – ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ПРОБЛЕМАТИКУ

М. Лавенто

Университет Хельсинки, 00014, P.O. Box 59 (Unioninkatu 38F)
Mika.lavento@helsinki.fi

Тип текстильной керамики представляет собой давнюю традицию изготовления керамики в Финляндии, Карелии, западной России и даже в некоторых частях северной Скандинавии. Хотя некоторые остатки текстильных оттисков можно найти в сосудах позднего неолита, начало самой ранней текстильной керамики сарса-томицкого типа датируется примерно 1900 годом до н. э., и те же типы сосудов были изготовлены, по крайней мере, до середины первого тысячелетия до нашей эры.

Хотя керамика, орнаментированная оттисками текстиля, имеет долгую и разнообразную историю в Финляндии, в данной статье основное внимание уделяется керамике, изготовленной в первом тысячелетии до нашей эры, то есть в бронзовом веке, в прибрежной Финляндии, а также в период раннего металла в материковой Финляндии. Причина этого в том, что большинство находок текстильной керамики было сделано в восточной и центральной Финляндии. Изделия с текстильным оттиском известны из северной Финляндии и северной Скандинавии, но эти находки обычно не входят в группу настоящей текстильной керамики, поскольку оттиск, видимый на поверхности горшка, не обязательно является оттиском ткани.

В этой статье внимание сосредоточено на первом тысячелетии до нашей эры, поскольку текстильная керамика этого периода еще недостаточно тщательно исследована в Финляндии.

Ключевые слова: текстильная керамика, Финляндия, Карелия, сосуды, бронзовый век, эпоха раннего металла.

ПЕРМСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В УКРАШЕНИЯХ КОСТЮМА ФИННО-УГРОВ ПОВОЛЖЬЯ

А.Н. Павлова

Поволжский государственный технологический университет, 424000, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, дом 3.
PavlovaAN@volgatech.net

В Волго-Уральском регионе на протяжении нескольких тысячелетий среди финно-угорских этносов происходил процесс развития древних религиозно-мифологических представлений, ставших основой для формирования особого культурного пространства, важной частью которого было декоративно-прикладное искусство. Хотя расцвет металлопластики у финно-угорского населения Поволжья приходится на более позднюю эпоху рубежа I–II тыс., целый ряд образов, известных в т.н. пермском зверином стиле, получил у них дальнейшее развитие.

Ключевые слова: финно-угры, пермский звериный стиль, металлопластика, украшения костюма, зооморфные изображения.

В I – начале II тыс. н.э. финно-угорские этносы создали уникальное культурное пространство, базировавшееся на древних мифологических представлениях, отчасти, восходящих к эпохе финно-угорской общности. В значительной степени специфика этого культурного мира была связана с охотничьей системой хозяйства, хотя и претерпевавшей существенные трансформации в условиях постепенного распространения земледелия, но продолжавшей определять миропонимание этносов обширного региона.

Ярким примером проявления идеологических установок охотничьих коллективов стал пермский звериный стиль, получивший распространение у финно-угорского населения Предуралья и Зауралья в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Благодаря сложным символически емким композициям, объединяющим различные зоо- и антропоморфные персонажи, этот стиль не мог не привлекать внимание исследователей, одним из первых к его изучению обратились Д.Н. Анучин [Анучин, 1899] и А.А. Спицын, опубликовавший материалы из коллекции Теплоуховых [Спицын, 1902]. С точки зрения семантики пермского звериного стиля большой интерес представляют работы Л.С. Грибовой, В.А. Оборина, Г.Н. Чагина, Л.И. Липиной и др. [Грибова, 1975; Оборин, 1976; Оборин, Чагин, 1988; Липина, 2006]. Одной из важных особенностей искусства звериного стиля в Прикамье и Приуралье можно считать относительную непрерывность традиции развития базовых религиозно-магических представлений, лежащих в его основе, что не исключает внешнего влияния в определенные исторические периоды. В Прикамье истоки звериного стиля уходят в ананьинскую эпоху, которую обычно называют первым этапом его развития [Грибова, 1975, с. 4]. В Поволжье между предметами, созданными в ананьинскую эпоху, и средневековыми изделиями хронологический разрыв, который не позволяет говорить о непосредственной преемственности, как технологии, так и идеологии. С другой стороны, можно найти ряд параллелей в образах животных: конь, возможно, лось, змея и др. [Патрушев, 1994, рис. 2,3,9,10,16]

Семантическая емкость предметов пермского звериного стиля позволила выдвинуть целый ряд предположений относительно их сюжетов, наиболее распространенными среди которых, можно считать космогоническое и тотемическое прочтения [Худяков, 1934; Грибова, 1975 и др.]. Использование сложных сочетаний изображений птиц, людей, лосей, ящеров и пр., остающихся достаточно узнаваемыми, В.А. Оборин связывал с сохранением охотничьего хозяйства [Оборин, 1976, с. 7–8], тогда как усиление орнаментального начала – с утверждением земледелия. С этой точки зрения средневековые изделия волжских финнов

несут на себе отпечаток, как охотничьей, так и земледельческой идеологии, хотя представляется, что различия лежат не только в этой плоскости.

В Поволжье в I – начале II тыс. н.э. происходит расцвет декоративно-прикладного искусства, прежде всего металлопластики, многие образы которого имеют прямые параллели в искусстве пермского звериного стиля. Значительная часть зооморфных изображений в Поволжье представлена украшениями костюма, отражающими социальный статус своего обладателя, но являющимися частью погребального инвентаря. Вопрос о соотношении повседневного, пусть даже обрядового костюма, и погребального нужно решать применительно к каждой культурной традиции. У марийцев сохранился обычай хоронить женщину в свадебном наряде, украшения умершей клали на лавку во время поминок рядом с деревянной чашкой или лубяным коробом, на который крепили поминальные свечи. Н.С. Попов предположил, что свадебная одежда и украшения символизировали связь женщины со своим родом и служили пропуском в мир умерших кровных родственников [Попов, 2007, с. 145–146]. Со временем украшения, как наиболее ценную часть костюма, семейное достояние, уже не помещали в могилу, а учитывая развитие искусства вышивки, многие важные символы воплощались непосредственно на одежде. Вместе с тем у финно-угорского населения Волго-Камского региона сохранился целый круг представлений о магических свойствах отдельных украшений, например, особые пластины, которые носили главы удмуртских семей [Грибова, 1975, с. 61], браслеты и перстни, надеваемые женщинами на моления, использование украшений в обрядах, направленных на обеспечение плодородия земли или в свадебной обрядности у мордвы [Евсеев, 1931, с. 17]. Все это свидетельствует, что украшения занимали важное место в обрядовой практике, как и предметы из металла вообще, например, гадание с использованием свинцового литья у марийцев.

Как отмечала Л.С. Грибова, у населения ломоватовской культуры предметы звериного стиля не встречались в погребениях, а происходили из святилищ и кладов [Грибова, 1975, с. 66]. На культовый характер изображений пермского стиля указывал также и В.А. Оборин [Оборин, 1976, с. 7].

В предметах пермского звериного стиля отразились наиболее древние пласты мифологических представлений финно-угорских этносов. Идеограммы, получившие воплощение в украшениях, созданных волжскими финнами, претерпели уже более сложные трансформации, так, что многие древние образы стали едва узнаваемы с усилением декоративного начала. Однако единство древних мифологических представлений обусловило использование волжскими финнами образов, имеющих прямые параллели в искусстве пермского населения. К их числу можно отнести образ богини на коне, «всадница». Подобные украшения были найдены на ряде древнемарийских могильников, например, женское пог. р. 53 Дубовского могильника [Архипов, 1984]. Подвеска являлась нагрудным украшением в женском костюме, т.е. использовалась как и другие украшения с изображением коня, образ которого являлся ключевым в данной композиции. Особенностью подвесок-всадниц, прикамское происхождение которых не вызывает сомнений, является четко выраженная трехчастная композиция, соответствующая идеи трех миров пермского звериного стиля: Л.С. Грибова отметила характерное изображение коня на змее, нередко в сопровождении хищной птицы [Грибова, 1975, с. 17]. Космологическое значение композиции сохранилось: конь, обозначающий средний мир, змея – нижний мир, но место птицы заняла богиня. Образ хищной птицы волжским финнам на рубеже I–II тыс. н.э. был чужд, его распространение в ананьинскую эпоху скорее следует связать с влиянием кочевого ираноязычного мира, где противопоставление хищной птицы и змеи имеет древнюю традицию, например, Гаруда и Наги в индуистской мифологии [Гринцер, 1991, с. 142]. В пермском искусстве образ хищной птицы получил развитие, но в нем все более угадываются черты филина или совы [Оборин, 1976, рис. 9а], которые фигурировали и в обрядах волжских финнов [Попов, 1979, с. 134]. В пермском искусстве известно и изображение богини с крыльями с птицей на плечах, стоящей на лошади [Оборин, 1976, рис. 64]. Замена птицы богиней, видимо, предполагает соединение двух

космологических моделей, в одной из которых верхний мир воплощала водоплавающая птица, обычно выступавшая вместе с лосем, в другой – хищная птица [Грибова, 1975, с. 17, 30–31]. Ассоциация богини с водоплавающей птицей укладывается в финно-угорскую мифологическую традицию [Павлова, 2008, с. 60–62], с другой стороны, есть основания связывать водоплавающую птицу с солнцем [Худяков, 1934, с. 78–79]. С точки зрения воплощения космологической модели всадницы представляют собой не совсем обычную композицию, в которой богиня воплощает небесный мир. Данная космологическая модель имела древние истоки, о чем свидетельствует образ небесной праматери с ярко выраженными орнитоморфными чертами и дочери бога в марийской мифологии, некогда являвшейся важнейшей небесной богиней [Калиев, 2003, с. 47, 89]. Рассматриваемая композиция может иметь не только привычное трехчленное, но и двухчленное сочетание. В этом случае, всадница выступает аналогом птицы в своем противостоянии нижнему миру: подобное соединение человека и лошади с птицей можно видеть в пермском искусстве [Оборин, 1976, рис. 11в].

О том, что семантика предмета была близка и понятна древнемарийскому населению и вполне соответствовала его идеологическим установкам, свидетельствует ношение украшения, также как любых других коньковых подвесок, на груди. В символической системе костюма волжских финнов, также как и других финно-угорских народов, грудь, пазуха, подмышки не только были сосредоточением плодородия женщины [Молданова, 1999, с. 79], но и воплощали идею сакрального рождающего верха, что прослеживается в фразеологических оборотах типа «кече аваж помышыш кайыш» (букв. «солнце ушло за пазуху матери», т. е. солнце село) [Калиев, 2003, с. 20]. Поэтому нагрудные украшения с одной стороны воплощали идею плодородия, с другой имели солярно-небесный характер.

Также органично в древнемарийский костюм вошли подвески с двумя конскими головками, между которыми помещено изображение человеческого лица. Такие подвески были обнаружены в пог. р. XI Черемисского кладбища, пог. р. 18 Веселовского могильника, пог. р. 58 и 74 Дубовского могильника и п. р. [Архипов, 1973, рис. 28]. В женском захоронении 58 Дубовского могильника подвески входили в состав типичного для древнемарийского населения шейно-нагрудного украшения, которое носили на шнуре. Подвески имеют разную степень проработанности деталей, что хорошо заметно при сравнении, например, подвесок из пог. р. XI Черемисского кладбища и 58 Дубовского могильника, но явно восходят к единому образцу, имевшему для населения Волго-Камья определенное символическое значение. Проблема семантики парных изображений животных неоднократно рассматривалась в литературе, особенностью же данных украшений является соединение изображения человека, возможно богини, с изображением парных животных. Подобный сюжет получил широкое распространение в предметах пермского звериного стиля, где в качестве обрамления человеческой личины используются фигуры человеколовов [Оборин, 1976, рис. 59, 62а]. По бокам композицию обрамляют витые столбики, этот же элемент использован и в украшениях более позднего периода, что может свидетельствовать о его семантической значимости, возможно, изначально это было изображение позвоночного столба. Богиня в окружении человекооленей или лосиных голов стоит на двухголовом животном, скорее всего медведе [Оборин, 1976, рис. 66, 67]. Если в поздний период предполагается перенесение на коня ряда функций оленя-лося в мифологической картине финно-угров Поволжья, а также в некоторой степени и медведя, то раньше эти мифологические персонажи были четко разведены в космологической системе: лось – существо верхнего и среднего миров, медведь – нижнего. Хотя идея мифологического дуализма была не чужда создателям предметов пермского стиля уже в I тыс. н.э., ее истоки уходят, вероятно, в космогонический миф, где демиургами выступают братья, например, подобные Ену и Омолю коми [Петрухин, 2003, с. 198–201]. Разумеется, речь не может идти о прямом совпадении сюжетов, учитывая различие самих предметов: подвески являлись частью декоративного убранства костюма, что предполагало несколько иное отношение к ним по сравнению с «сульдэ». У финно-угорского населения Поволжья в условиях развития

земледелия культ старых промысловых животных уходит на второй план, и центральное место среди художественных образов занимает конь. Конь воплощает идею мифологического дуализма и ассоциируется с небесными божествами, так, например, в стаде дочери бога у марийцев появляется небесный конь [Калиев, 2003, с. 56], в тоже время конь становится основным жертвенным животным и сопровождает умершего в загробный мир. Соединение образов коня и богини – черта характерная для прикамского искусства, на изделиях, выполненных в стилистике финно-угорского населения Поволжья, место центрального элемента чаще занимает солярный символ, возможно, что подобным образом воспринималось и изображение на рассматриваемых подвесках. Можно предположить, что при значительном сходстве идеологических установок и общности базовых мифологических представлений, у финно-угорского населения Поволжья на рубеже I–II тыс. н.э. женские божества уже играли менее заметную роль в пантеоне, что способствовало и исчезновению из произведений искусства. В тоже время в регионе Волого-Камья существовал ряд идеограмм, имевших древние корни и близких финно-угорскому населению. Эти идеограммы в позднее время представляют собой свернутые тексты, ключом к пониманию которых в ряде случаев могут быть предметы более древнего культового литья Прикамья.

Библиографический список

- Анучин Д.Н. К истории искусства и верований приуральской чуди// Материалы по археологии восточных губерний России. Т. 3. СПб., 1899.
- Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола, 1973.
- Архипов Г.А. Дубовский могильник//Археология и этнография Марийского края. Вып. 8. Йошкар-Ола, 1984. С. 113–159.
- Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. Проблемы семантики. М., 1975.
- Гринцер П.А. Гаруда // Мифологический словарь. М., 1991. С. 142.
- Евсеев М.Е. Мордовская свадьба. М., 1931.
- Калиев Ю.А. Мифологическое сознание мари. Феноменология традиционного мировосприятия. Йошкар-Ола, 2003.
- Липина Л.И. Семантика бронзовых зооморфных украшений прикамского костюма (се р. I тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э.). Автореферат дис... к. и. н.: 07.00.06. Ижевск, 2006.
- Молданова Т. А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск, 1999.
- Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1976.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1988.
- Павлова А.Н. Семантика древнемарийского костюма. Йошкар-Ола, 2008.
- Патрушев В.С. Древнее искусство финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.
- Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М., 2003.
- Попов Н.С. О некоторых обрядах и обычаях, связанных с хозяйственной деятельностью марийцев//Археология и этнография Марийского края. Вып. 4. Йошкар-Ола, 1979. С. 123–138.
- Попов Н.С. Экспедиционная работа Т.А. Крюковой среди марийцев в 60-х годах XX в.//Проблемы этнографии, истории и культуры марийского народа. Археология и этнография Марийского края. Вып. 29. Йошкар-Ола, 2007. С. 136–146.
- Спицын А.А. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых//Материалы по археологии России издаваемые Императорской Археологической комиссией. Т. 26. СПб: Тип. В. Безобразова и К., 1902.
- Худяков М.Г. Культурно-космические представления в Прикамье в эпоху родового общества: Солнце и его разновидности // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1934. № 11–12. С. 76–97.

PERMIC PARALLELS IN THE COSTUME DECORATIONS OF THE FINNO-UGRIC PEOPLE IN VOLGA REGION

A.N. Pavlova

Volga State University of Technology, 424000, Yoshkar-Ola, Lenin sq., 3.
PavlovaAN@volgatech.net

There was a development process of ancient religious-mythological ideas among the Finno-Ugric ethnos in Volga-Ural region during a few thousand years. It became a basis for special cultural space, an important part of which was arts and crafts. Though prosperity of reinforced plastic of Volga region's Finno-Ugric people was in the late turn of 1-2 thousand years, a range of images which are famous in a Perm zoomorphic style has obtained a further development.

Keywords: Finno-Ugric people, Perm zoomorphic style, reinforced plastic, costume decoration, zoomorphic images.

ЗООМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ФИННО-УГРОВ ВОЛГО-КАМЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

В.С. Патрушев

Марийский государственный университет, 424000, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1
valpatr92@gmail.com

В статье рассматриваются высокохудожественные зооморфные изображения финно-угров Волго-Камья волжских финнов и финно-пермских племен ананьинской культурно-исторической области. Искусство ананьинского времени оформилось благодаря сложному взаимодействию различных культурных традиций, и оно стало базой появления и расцвета художественного литья гляденовцев и оригинального пермского звериного стиля эпохи средневековья.

Зооморфные изображения составляют наиболее оригинальные предметы духовной культуры финно-угров. Среди них фигурки или головки коней, лосей, оленей. Из Волго-Камья происходят резные изображения и фигурки пантеры и льва. Среди других образов из Волго-Камья популярны медведи, змеи, птицы, реже собака, бобер, рыбы. В зооморфных изображениях финно-угров Волго-Камья находили отражение мифологические представления, эстетические вкусы и художественное мастерство целой эпохи.

Ключевые слова: зооморфные изображения, финно-угры, Волго-Камье, начало эпохи железа.

Многочисленные зооморфные изображения финно-угров Волго-Камья раннеананьинского времени из цветного металла свидетельствуют о высокой духовной культуре древнего населения VIII–VI вв. до н.э. Близость к природе, прекрасное знание окружающего мира, наблюдательность, творческая фантазия и развитое эстетическое чувство финно-угров Волго-Камья породили высокохудожественные произведения искусства. Их искусство отличается оригинальной передачей мировосприятия и неповторимым очарованием образов, орнаментальных композиций. Именно искусство ананьинского времени стало базой появления и расцвета художественного литья гляденовцев и оригинального пермского звериного стиля эпохи средневековья.

Вместе с тем, древнее искусство финно-угорских народов Поволжья и Прикамья является ярким показателем сложных этнических процессов и взаимодействия различных культурных традиций. Предметы искусства ананьинского времени свидетельствуют о культурных связях древних финно-угров с ираноязычными скифами Северного Причерноморья и скифоидными племенами Средней Азии и Горного Алтая, предками народов Центрального Предкавказья, с балтоязычным населением Прибалтики. Финно-угры перенимали от своих соседей элементы искусства, украшений одежды, бытового уклада, а также передовые приемы ведения хозяйства и технологию производства.

Искусство древнего финно-угорского населения представлено узорами на глиняной посуде и тканях, изделиями из кости. Однако самую большую группу предметов искусства составляют изделия из цветных металлов. Особый интерес представляют зооморфные изображения.

Одним из характерных традиционных элементов искусства финно-угров являются изображения лошадей. Фигурки коня представлены на бронзовой привеске из Ананьинского могильника из сборов В. Толмачева [Збруева, 1952, табл. XXVI, 2] и реалистичное изображение из Юшковского городища [Збруева, 1952, табл. XXIV, 7]. На Старшем Ахмыловском и Акозинском могильниках Марийского Поволжья найдены бронзовые кочедыки с рукоятями в виде реалистично переданных головок лошадей [Патрушев, 1994, рис. 2–3]. Похожее изображение головок лошадей имеется на бронзовой орнаментированной рукояти кинжала из Акозинского могильника [Патрушев, 1994, рис. 4]. Головки расположены симметрично, друг против друга. У них слегка отмечены пасти, нет перехода к

скулам, довольно резкий переход к изогнутой шее. Четко выделены клиновидные уши и маленькие круглые глаза. Данное изображение более схематичное. Да и передает оно статичное положение животного. Направленные друг против друга одинаковые фигурки характерны для тагарского искусства VII–III вв. до н. э. в Сибири [Членова, 1967].

Гравированные изображения крупы и задних конечностей лошади находилось на медной пластине женского налобного венчика из Ахмылова [Патрушев, 1994, рис. 5]. Рисунок частей лошади очень четкий. Их оконтуривает резная линия. А внутри контуров все тело лошади покрывает чеканный орнамент из пунктирных линий. На крупе – солнечный круг с расходящимися лучами. Каждый луч завершается точкой. Хотя в целом данное изображение аналогично частям кавказских поясов того времени [Техов, 1977; Куфтин, 1941] и в Ахмылово является импортным, но мотивы изображений были близки древним волжанам.

В это же время появляются стилизованные образы, обращенные в разные стороны, головок лошадей на рукоятях гребней [Патрушев, 1994, рис. 7–8]. По характеру оно напоминает более поздние так называемые коньковые подвески из средневековых могильников финноязычных народов Поволжья и, очевидно, является их прообразом. Особенно близким к средневековым изделиям является подобное же стилизованное изображение головок лошадей на рукояти восьмизубого гребня [Патрушев, 1994, рис. 8]. Благодаря параллельным линиям на рукояти стилизация головок лошадей доведена до уровня орнамента. Переход от реалистических изображений животных к стилизованным с дальнейшим превращением их в орнамент весьма характерен для синхронного скифского искусства Северного Причерноморья [Ильинская, 1965]. Образу коня у финно-угров вплоть до последнего времени отводится особая роль. В более позднее время конь широко используется в аграрной магии, в молениях и жертвоприношениях финно-угров [Яковлев, 1887; Худяков, 1933]. В начале эпохи раннего железа о развитом культе коня можно судить также по наличию зубов от черепов лошадей в районе домов мертвых Старшего Ахмыловского могильника [Халиков, 1977, с. 42].

В семантическом отношении к изображениям лошадей близка головка лося на бронзовом навершии из пог р. 925 Старшего Ахмыловского могильника [Патрушев, Халиков, 1982, табл. 12 9,1a]. Наиболее близкая аналогия данному изображению известна из скифского кургана Келермес VI в. до н. э. в Прикубанье [Шлеев, 1950]. Костяная головка лося с реалистичной передачей деталей можно видеть на находке из Гроханьского городища [Збруева, 1952, с. 141; табл. XXIV, 9], а на костяной головке из Буйского городища уже заметны элементы стилизации [Збруева, 1952, табл. XXIV, 8]. Из Зуевского и Уфимского могильников происходят изображения оленей на бронзовых ножнах кинжала и на парных бронзовых бляшках [Збруева, 1952, с. 141; табл. XXI, 10; XXIV, 12].

Образ лося в этнографии финноязычных народов, как и лошадей, отражает космогонические представления, связанные с небом, с культом солнца [Данилов, 2016, с. 67–71].

На финно-угорских памятниках Волго-Камья обнаружены также уникальные образы хищников. Бронзовая пластина с резным изображением приготовившегося к прыжку хищника из пог р. 362 Старшего Ахмылова [Патрушев, Халиков, 1982, табл. 62,4в], по технике исполнения близка к северокавказским изделиям [Патрушев, 1994, с. 14]. Стилизованное изображение головки льва найдена на Ананьинском могильнике [Збруева, 1952, с. 141; табл. XXVI, 7]. А.В. [Збруева 1952, с. 141] сообщает о находке гривны из Молотовской области с изображением львов.

Уникальной находкой являются накладки налобного венчика из пог р. 800 Старшего Ахмылова с изображениями крылатых львов, на одной с головой человека в короне, на другой – льва [Патрушев, Халиков, 1982, табл. 114,3]. По краям пластин переданы символы древа жизни. Выполненные в урартско-хурритском стиле, они являются самыми северными находками предметов искусства Древнего Востока [Патрушев, 1982, с. 193]. Аналогии им известны на памятниках древнего Луристана и Кавказа, на накладке из Зивие [Codard,

1962, fig. 21, 25, p. 109], на поясах из села Гушчи в Курдистане [Куфтин, 1943, табл. XI] и ряде урартских предметов с Кавказа [Пиотровский, 1959, рис. 85; 1962, рис. 44]. Судя по находкам каменных пряслиц из Пижемского городища с изображением свернувшегося в кольцо хищника [Збруева, 1952, с. 141; табл. XXVI, 13], идея такой передачи образа была воспринята финно-уграми Волго-Камья.

Ажурная бляха, передающая свернувшуюся в кольцо пантеру из пог р. 926 Старшего Ахмыловского могильника, близка находкам из памятников ираноязычных сакских племен Средней Азии и Сибири [Артамонов, 1976; Вишневская, 1973, с. 122; Членова, 1967, табл. 27, 32–34], а также памятников Скифии [Шкурко, 1969] и Передней Азии [Girshman, 1950, fig. 147]. По комплексу погребения 926 находка датируется VI в. до н. э. [Патрушев, 1984, рис. 53 Г]. К.И. Корепанов [1980, с. 66–67] отмечает, что с V в. до н. э. на предметах с мотивом свернувшегося зверя более заметны видовые черты медведя.

Явно импортом являются бляха из Ананьинского могильника со стилизованными изображениями хищников, голов грифонов или хищных птиц на секирах из Елабуги, с р. Мезени, Воткинского завода (Татарское Поволжье), городища Кара-Абыз и Сарапульского района Кировской области [Збруева, 1952, с. 140–141; рис. 14; табл. IV, 13–14; XXXIV, 5].

Среди изделий художественного металла в Среднем Поволжье сравнительно редки фигурки и изображения бобра и собаки. Среди находок из раскопа 1960 г Старшего Ахмыловского могильника есть фигурка собаки на металлической пластине [Патрушев, Халиков, 1982, табл. 1, 7], из пог р. 145 этого же памятника происходит фигурка бобра в виде пластинчатой подвески [Патрушев, 1994, рис. 15].

Уникальна находка ажурной бляхи в погребении 704 Старшего Ахмыловского могильника в виде свернувшейся в спираль змеи и стилизованной фигурой животного в верхней части [Патрушев, Халиков, 1982, табл. 105, 1]. Судя по характерной позе с выпуклой спиной, опущенной головой, какой-то притягательной неуклюжестью массивного тела, оттянутой задней лапой и тяжелой поступью передней, это медведь. Тело животного покрыто крупными изогнутыми линиями со спиральными завершениями. Лапы медведя, слившиеся с телом змеи, как будто вцепились намертво в жертву. Хвост змеи расположен в центре бляхи. От хвоста тело змеи постепенно расширяется и завершается округленной на конце головой. Вдоль тулова, разделенного двумя параллельными линиями, располагаются символы змей – косые насечки у хвоста и елочные узоры. Край внешнего круга бляхи украшен спиральными узорами. В пружинистом теле змеи чувствуете напряжение и сила.

Изображения медведя известны на памятниках ананьинской историко-культурной общности в Прикамье. Две ползущие фигурки медведя изображены на костяной палочке из пог р. 94 Зуевского могильника [Збруева, 1952, с. 138; табл. XXIV, 11], стилизованные фигурки медведя обнаружены на Пижемском и Галкинском городищах [Збруева, 1952, с. 142; табл. XXXIV, 10, 13]. Фигурка стоящего медведя найдена на Галкинском городище [Збруева, 1952, с. 138; табл. XXXVI, 13]. Головки медведей переданы на костяной рукояти из Свиногорского городища и на бронзовой бляшке из Конецгорского селища [Збруева, 1952, с. 138; табл. XXIV, 10; XXVI, 13].

У финно-язычных народов Поволжья довольно развит был культ медведя. Подвески из медвежьих клыков встречаются как на могильниках, так и на поселениях I тысячелетия до н. э. [Патрушев, 1986]. Клыки медведей были частым украшением женщин Фенноскандии в эпоху викингов [Salo, 1974; 1984]. Фигурки медведей широко представлены в искусстве финно-угров Приуралья [Оборин, 1976, с. 23–25; Оборин, Чагин, 1988]. В этнографии финно-угров медведь является и зверем, и существом высшего порядка [Васильев, 1948, с. 89].

Интерес представляет изображение головки животного, напоминающего в профиль лошадь, из погребения 83 Акозинского могильника [Патрушев, 1994, рис. 10]. Она украшает верх бронзового флагштока – навершия в виде полого цилиндра с нарезкой по внешней поверхности. Миниатюрную головку животного украшают вытянутые стоячие клиновидные уши, нижний конец которых доходит до перехода в горло. В отличие от изображений лошадей Старшего Ахмыловского могильника, у этого животного совершенно отсутствует

переход от пасти к скулам и более резок переход: носовой части в округлую голову; глаза отмечены круглыми ямками, с неестественно опущенными вниз вертикальными прорезями век. Но основное отличие этой фигурки можно заметить при рассмотрении ее в фас: вместо лошадиной пасти в глаза бросается округлый пятачок, как у кабана, с оскалом одного ряда клыков. Картину завершает небольшая грива. В целом разноречивость трактовки фигурки воссоздает весьма оригинальный синкретический образ фантастического животного, содержащего черты лошади, кабана и собаки с некоторыми элементами хищника. Общий стиль изображения близок к скифо-тагарским изделиям [Членова, 1967], хотя близкие аналогии автору не известны.

Изображения змей довольно многочисленны как в Поволжье, так и в Прикамье. Мотив змеи в основном встречается на предметах определенной формы, наиболее соответствующих особенностям данного зооморфного образа и удобных для его воплощения. В виде головок змей оформлены разомкнутые концы бронзового браслета из круглого дрота [Патрушев, 1994, рис. 17]. Ложбинкой обозначен рот, поблизости от него нанесены четыре парные насечки. Змееподобные браслеты широко представлены в скифском искусстве [Петренко, 1978, табл. 39]. Очертания змеиных головок четко выступают на утолщенных концах бронзовых булавок из погребения 683 Старшего Ахмыловского могильника [Патрушев, 1994, рис. 18–19]. У одной глаза отмечены в виде продолговатых ямок, у другой по туловищу нанесены елочные узоры.

По аналогии с отмеченными изображениями змей, символ змеи можно видеть на ряде бронзовых вещей [Патрушев, 1994, рис. 21–23]: на одном из браслетов с елочными узорами на пластинчатой гривне с волнистой линией сопровождении ямок, в форме полого наворачива с утолщением в верхней части в виде головки змеи и продолговатыми прорезями, похожими на змеиные глаза, на крючке от колчана, форма которого, и елочный узор на нем, напоминают змею.

О.В. Даниловым [2016, с. 251; рис. 34,10–13,15–21] опубликованы находки изображений змей из ананьинских памятников. Исследователь эти изображения считает символами «подземного мира» [Данилов, 2016, с. 133–134].

Значительную группу зооморфных изображений составляют фигурки или резные изображения птиц. У финно-угров были наиболее популярны водоплавающие птицы. Фигурки уток и резное изображение летящей птицы обнаружены на Старшем Ахмыловском могильнике. Отсюда же происходит фигурка летящей водоплавающей птицы [Патрушев, Халиков, 1982, табл. 1,22], рельефное изображение сокола на бронзовой бляхе [Патрушев, Халиков, 1982, табл.123,3а], стилизованная головка хищной птицы на наконечнике лука бляхе [Патрушев, Халиков, 1982, табл. 56,4а] и сжатых когтей хищной птицы на наконечнике ножен кинжала [Патрушев, Халиков, 1982, табл. 130,1в]. В Прикамье в ананьинское время в большей мере были популярны стилизованные изображения головок хищных птиц, подобные находкам на боевых клевцах Ананьинского могильника [Збруева, 1952, табл. XXII, 4,7]. Подобное изображение головки хищной птицы встречено на секире из Сарапульского района Кировской области наряду с головкой хищника [Збруева, 1952, с. 140]. Бронзовая литая фигурка птицы происходит из Зуевского городища [Збруева, 1952, табл. XXVI, 3]. Рельефная головка хищной птицы известна из Галкинского городища [Збруева, 1952, табл. XXVI, 1]. Известны также две фигурки летящей птицы нехищной породы из Луговского и Зуевского могильников [Збруева, 1952, табл. II, 14; IV, 6].

На Старшем Ахмыловском могильнике найдены две накладки от налобных венчиков с изображением рыб и рачевидных существ [Патрушев, Халиков, 1982, табл. 36,3а]. Рыбы изображены двояко. Одна из них имеет массивную голову с глазами в виде двух концентрических кругов, такой же массивный хвост. По хвосту и голове нанесены точки. У другой рыбы туловище непосредственно переходит в небольшой расширенный к концу хвост. Рачевидные существа изображены не полностью. Их изогнутые «хвосты» и «туловище» покрыты поперечными насечками. Между ними – покрытый одним рядом точек лапообразный отросток. Рыбы и «раки» занимают одну из половинок пластины. Другая

половина, разделенная перевитой волнистой линией, орнаментирована двумя зонами соединенных между собой спиралей.

Зооморфные изображения финно-угров Волго-Камья своими истоками уходят в более древние пласты финно-угорского искусства. Вместе с тем, налицо тесная связь со скифским «звериным» стилем или же с предметами искусства скифоидных культур на широкой территории от горного Алтая до Дуная.

Характерными чертами древнего искусства являются многоплановость и полифункциональность. Искусство ананьинского времени являлось всеобщим социально организующим средством. В искусстве находили отражение знание внешнего мира, мифологические представления, эстетические вкусы и художественное мастерство целой эпохи.

Художественный металл населения лесной зоны Волго-Камья начала эпохи железа (VIII–III вв до н.э.) по праву входит в сокровищницу выдающихся памятников народного искусства России и более века привлекает внимание российских и зарубежных ученых.

Многочисленные предметы искусства ананьинского времени из цветного металла отражают не только уровень развития духовной культуры древних финно-угров, но и древние этнокультурные связи.

Библиографический список

Артамонов М.И. Древнее искусство. Л., 1976.

Васильев Б.А. Медвежий праздник // Советская археология, № 4. М., 1948

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н. э. М., 1973.

Данилов О.В. Языческие культы древнего населения Марийского Поволжья. – Йошкар-Ола: ООО «Салика», 2016.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху: Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952.

Ильинская В.А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // Советская археология, № 1. М., 1965.

Корепанов К.И. Особенности генезиса звериного стиля в прикладном искусстве Среднего Поволжья и Прикамья в VII–III вв до н.э. // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980.

Куфтин Б.А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1941.

Куфтин Б.А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата // Вестник Государственного музея Грузии. Т. XIII. Тбилиси: Изд-во Госмузея Грузии, 1943.

Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976.

Оборин В.А., Чагин Г.Н. Искусство Прикамья. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь, 1988.

Патрушев В.С. Налобные венчики Старшего Ахмыловского могильника // Советская археология, № 2. М., 1982.

Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н. э. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1984.

Патрушев В.С. Начало эпохи раннего железа в марийском крае: Учебное пособие. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1986.

Патрушев В.С. Древнее искусство волжских финнов. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1994.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы. М.: Наука, 1982.

Петренко В.Г. Украшения скифии VII–III вв. до н. э. // Свод археологических источников. Вып. Д 4–5. М., 1978.

Пиотровский Б.Б. Ванское царство. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Пиотровский Б.Б. Искусство Урарту VIII–VI вв. до н. э. Л.: Изд-во ГЭ, 1962.

Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Наука, 1977.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. VIII–VI вв. до н. э. М.: Наука, 1977.

Худяков М.Г. Культ коня в Прикамье // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 100. Л., 1933.

Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967.

Шкурко А.И. Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии // Советская археология, № 1, М., 1969.

-
- Шлеев В.В.* К вопросу о скифских навершиях // Краткие сообщения института материальной культуры. Вып. XXXIV. М., 1950.
- Яковлев Г.* Религиозные обряды черемис. Казань, 1887.
- Godard A.* L'art de l'Iran. Paris, 1962.
- Girschman R.* Les Tresors de Ziwie. Haarlem, 1950.
- Salo U.* Lukijalle // Karhunhammas. I. Turku, 1974.
- Salo U.* Pyyntikulttuurista maan viljelyyn // Scripta archaeologia, 6. Institutum archaeologicum universitatis Turkuensis. Helsinki, 1984.

ZOOMORPHIC IMAGES OF THE FINNO-UGRIC PEOPLES VOLGA-KAMA REGION OF THE EARLY IRON AGE

V.S. Patrushev

Mari State University, 424000, Yoshkar-Ola, Lenin sq. 1
valpatr92@gmail.com

The article considers zoomorphic images of the Finno-Ugric peoples of the Volga-Kama region, the Volga Finns and the Finno-Permian tribes of the Ananyino cultural. The art of the Ananyino time took shape due to the complex interaction of various cultural traditions, and it became the basis for the appearance and flourishing of the art casting of the Glyadenovo culture and the original Perm animal style of the Middle Ages.

Zoomorphic images make up the most original objects of the sacred culture of the Finno-Ugric peoples. Among them are figures or heads of horses, moose, deer. Carved images and figures of a panther and a lion originate from the Volga-Kama region. Among other images from the Volga-Kama region, bears, snakes, birds, less often a dog, a beaver, and fish are popular. The zoomorphic images of the Finno-Ugric peoples of the Volga-Kama region reflected mythological ideas, aesthetic tastes and art skills of an entire epoch.

Keywords: zoomorphic images, Finno-Ugric, Volga-Kama, Early Iron Age.

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ НЕКОТОРЫХ НАХОДОК НА КУЛЬТОВЫХ ПАМЯТНИКАХ ЗАПАДНОГО И ВОСТОЧНОГО СКЛОНА СРЕДНЕГО УРАЛА

Ю.Б. Сериков

Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в Нижнем Тагиле),
Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57
u.b.serikov@mail.ru

На культовых памятниках западного и восточного склона Среднего Урала присутствуют нестандартные наборы находок, которые далеко не всегда являются предметом исследований. К ним относятся обычные гальки, фигурные гальки, расколотые и дробленые гальки, кресальные кремни, точильные камни, песты-тёрочки, изделия предшествующих эпох и кости вымерших животных. В контексте святилища всегда нужно учитывать, что обычные бытовые предметы, принесенные на святилище, приобретают особое сакральное значение. В каждом предмете заключено единство практического и символического значения. Превращение вещи в знак происходит при попадании ее в сакрализованное пространство. Если предмет является частью ритуала, он функционирует как знак, символ, если он выпадает из ритуала, то становится обычной вещью. При этом рассматривать эти предметы необходимо в совокупности со всеми находками, так как этот набор находок сформирован путем целенаправленного отбора. Выявление семантики таких редких или малозначимых, на первый взгляд, находок позволяет глубже понять сущность обрядов и ритуалов древности.

Ключевые слова: галька, галька фигурная и расколотая, кресальный камень, точильный камень, пест, кости вымерших животных, изделия предшествующих эпох.

Древние святилища западного и восточного склонов Среднего Урала представлены разными типами культовых памятников с различными тематическими наборами находок. Некоторые тематические наборы (керамика, наконечники стрел, украшения) присутствуют практически на всех типах культовых памятников Среднего Урала. Большой интерес представляют нестандартные наборы находок, которые далеко не всегда являются предметом исследований, но присутствуют как на восточном, так и на западном склоне Урала.

К таким наборам автор относит обычные гальки, фигурные гальки, расколотые и дробленые гальки, кресальные кремни, точильные камни, песты-тёрочки, изделия предшествующих эпох и кости вымерших животных.

В контексте святилища всегда нужно учитывать, что обычные бытовые предметы, принесенные на святилище, приобретают особое сакральное значение [Гусаков, 1994, с. 41]. В каждом предмете заключено единство практического и символического значения. Поэтому «любую вещь можно использовать и как собственно вещь, и как знак, символ» [Байбурин, 1983, с. 8]. Превращение вещи в знак происходит при попадании ее в сакрализованное пространство. Если предмет является частью ритуала, он функционирует как знак, символ, если он выпадает из ритуала, то становится обычной вещью [Байбурин, 1989, с. 71–82]. При этом всегда нужно помнить, что рассматривать эти предметы необходимо в совокупности со всеми находками, так как этот набор находок сформирован путем целенаправленного отбора [Антонова, Раевский, 2002, с. 16].

Гальки. Они фиксируются на многих святилищах, но редко являются предметом исследования. На святилищах гляденовской культуры неоднократно обнаруживались скопления галек, которые иногда выглядят в виде галечниковых вымосток (Гляденовское и Усть-Камское костыща, Гремячанское святилище). Вымостки имели круглую или овальную форму и довольно крупные размеры – до 2 × 1 м. В одной из ям Гляденовского костыща найдено скопление из 37 галек [Лепихин, 2007, с. 48,55].

На святилищах восточного склона Урала галечных вымосток не зафиксировано. Но скопления галек выявлены в целом ряде пещерных святилищ р. Чусовой: в гроте Дождевом (12 экз.), пещере Туристов (143 экз.), гроте камня Денежный (12 экз.), пещере в камне Котел (36 экз.) и Кумышанской пещере (94 экз.) [Сериков, 2009, с. 19, 65, 124, 130, 153]. А небольшие комплексы галек имеются на всех исследованных раскопках святилищ.

В.Ф. Генинг считал гальки на святилищах вместилищами душ [Генинг, 1988, с. 17]. По мнению А.Н. Лепихина, гальки вряд ли были чурингами. В этом случае количество погребенных на костыщах должно было бы исчисляться тысячами, что не соответствует действительности. Он предполагал, что круглые или овальные гальки могли обозначать яйцо как символ творения и жизни [Лепихин, 2004, с. 63].

Гальки фигурные. На святилищах Прикамья присутствуют гальки необычной формы (антропоморфные, ладьеобразные). А.Н. Лепихин отмечает наличие таких галек на Гляденовском, Гаревском, Юго-Камском костыщах и Гремячанском святилище [Лепихин, 2004, с. 62].

В пещерных святилищах реки Чусовой в слоях железного века и средневековья выявлены как единичные, так и целые серии фигурных галек. Чаще всего это гальки зооморфной формы. В пещере камня Котел найдено пять галек зооморфных очертаний, а в пещерах Туристов и Кумышанской – соответственно 38 и 43 гальки. В основном гальки изображают головы лося и медведя, а также фигуры змей, рыб и птиц [Сериков, 2007, с. 28–29].

У многих народов объектами поклонения становились скалы, валуны, камни причудливых необычных форм. Коми, например, поклонялись камням с фигурными углублениями в виде зооморфных профилей. Все животные, образы которых представлены в галечной скульптуре, являлись объектами религиозно-мифологической системы древности. И зооморфные галечные скульптуры можно рассматривать в качестве изобразительных символов конкретных обрядов (ритуалов), проводимых на святилищах.

Гальки расколотые и дробленные. Практически всегда целые гальки сопровождаются большим количеством галек расколотых или дробленных. Например, в уже описанной яме на Гляденовском костыще было найдено 28 расколотых галек. Аналогичная ситуация зафиксирована и на восточном склоне. В пещере Туристов найдено 303 расколотых гальки, в пещере на камне Котел – 79 расколотых и 109 дробленных на мелкие части, в Кумышанской пещере – из 376 галек 282 были расколоты на части. Расколотые гальки часто сопровождают (или заменяют их) куски колотого жильного кварца, халцедона и кремня.

На культовом озерном центре Шайтанское озеро I найдено 333 целых и расколотых галек и 5480 кусков колотого жильного кварца. На другом святилище Шайтанского озера – Шайтанском шихане – данный комплекс составил 47 целых и расколотых галек, 44 куска колотого халцедона и 186 кусков колотого кварца [Сериков, 2013, с. 59, 144].

При раскопках святилища у подножья Писаного камня на р. Вишера О.Н. Бадером было найдено около 250 кусков колотого кремня и почти 400 кремневых отщепов. На многих изделиях сохранилась галечная корка [Бадер, 1954, с. 252]. Раскопки А.Ф. Мельничука эту коллекцию находок увеличили вдвое. По мнению О.Н. Бадера, многочисленные куски и отщепы кремня не имели производственного характера, а являлись принадлежностью определенного ритуала. В частности, они могли служить эмблемой огня, так как при ударе из кремня выскакивает огонь [Бадер, 1954, с. 256]. Несколько иначе на эти находки смотрел А. Н. Лепихин. Основываясь на аналогиях из удмуртской мифологии, он считал, что дробление камня связано, с одной стороны, с подземным миром, а с другой – с созданием новой жизни [Лепихин, 2004, с. 62–63]. Скорее всего, правы оба исследователя, так как и культ огня, и обряд дробления с целью созидания – это разные проявления культа плодородия.

Связь расщепления камня с культом отмечал также и В.Т. Петрин, который полагал, что уже в верхнем палеолите сложилось особое отношение к камню. Анализируя негативы древних сколов на пластах известняка в Игнatieвской пещере, а также хрустальный комплекс с озера Большие Аллаки, где было около 200 отщепов и осколков горного хрусталя, он предполагал, что раскалывание камня было одним из элементов своеобразного ритуала [Петрин, 1992, с. 73–84].

Здесь также можно сослаться на наблюдение А.К. Байбурина, который считал, что до выделения технологии в самостоятельную область, «технологические процессы входили в общую технологическую схему, являясь как бы своеобразным продолжением операций по символическому созданию или воссозданию вселенной» [Байбурин, 1981, с. 221].

Кресальные кремни. В Прикамье огне добывающие орудия известны на Гляденовском и Усть-Камском костыщах (по 3 экз.). К ним же нужно отнести скребок и две ножевидные пластины с Гляденовского костыща. После раскопок автора святилища на вершине горы Голый Камень стало ясно, что орудия для высекания священного огня нужно искать среди скребков, нуклеидных кусков и даже простых отщепов [Сериков, Серикова, 2005, с. 20–22]. Сложности выделения кресальных кремней связаны с тем, что большинство исследователей не всегда могут по следам использования выделить орудия, с помощью которых ударным способом добывали огонь. При визуальном просмотре коллекций Гремячанского святилища и Гляденовского костыща автору удалось определить кресальные кремни, полностью аналогичные кресалам Голого Камня.

На восточном склоне Урала к настоящему времени кресальные кремни обнаружены на всех исследованных раскопками пещерных святилищах реки Чусовой (Кумышанской (5 экз.) и Усть-Койвинской (4 экз.) пещерах, гротах на камне Денежном (4 экз.) и камне Котел (5 экз.), пещере Туристов (15 экз.)) [Сериков, 2003, с. 254–262]. Наиболее крупный комплекс кресальных кремней выявлен на Голом Камне – свыше 70 экз. Известны они и на культовых памятниках Шайтанского озера – Шайтанское озеро I (36 экз.), Южный шихан (4 экз.), Каменушки I и Шайтанский шихан (по 1 экз.) [Сериков, 2013, с. 41, 106, 142, 154].

Точильные камни. Нечастыми находками, возможно, также связанные с культом огня, являются точильные камни и в частности оселки. На Гляденовском, Гареvском и Юго-Камском костыщах найдено по одному оселку с отверстиями [Лепихин, 2004, с. 61]. В пещере Туристов найдено 26 точильных камней, два из которых являются оселками с отверстиями для подвешивания. У ненцев и коми они служили в качестве оберегов. С другой стороны, В.А. Семенов, анализируя разнообразное семантическое значение оселков-подвесок, особо обращает внимание на огненную природу абразивов, т.е. их способность высекать огонь [Семенов, 2005, с. 157–158].

Песты-тёрочки. Они известны на Гляденовском и Юго-Камском костыщах. На Юго-Камском костыще выявлено скопление из девяти пестов-тёрочников. На Гляденовском – сохранилось семь пестов, но найдено их было гораздо больше. Причем один пест находился в жертвенной яме [Лепихин, 2007, с. 39, 44, 90]. На восточном склоне Урала песты обнаружены на трех шиханах Шайтанского озера. На Шайтанском шихане найдено два песта-тёрочника, на Среднем – один. Но представлен он восемью обломками, которые между собой не склеиваются. Больше всего пестов-тёрочников выявлено на Южном шихане – 5 экз. Самый крупный пест, изготовленный из продолговатой гальки длиной 15 см, находился в вертикальном положении [Сериков, 2013, с. 142, 148, 155]. Возможно, песты-тёрочки использовались для оформления чашевидных углублений на поверхности гранитных валунов. Такие чашевидные углубления выявлены на трех шиханах. На Шайтанском шихане присутствует четырехметровая жертвенная плита, на которой выточены два чашевидных углубления и восемь канавок. А на Шихане на просеке чаша выточена на валуне в виде головы кошачьего хищника. Семантика пестов-тёрочников, как и других орудий обработки (например, отбойников), возможно, заключается в их производящей функции.

Изделия предшествующих эпох. Они присутствуют практически на всех исследованных раскопками святилищах. На Голом Камне к таким изделиям относятся два отщепа раннепалеолитического облика, микропластинка и серия скребков. На святилище Три Сестры в комплексе железного века выявлена трапеция с двумя боковыми выемками. На Южном шихане Шайтанского озера под валуном находился раннепалеолитический бифас. На Шайтанском шихане найдены два крупных патинированных скребка из зеленоватого алевротуфа. На территории Среднего Зауралья патина присутствует только на изделиях раннепалеолитического

времени. Несомненно, в данном случае мы имеем дело с вторичным использованием изделий предшествующих эпох [Сериков, 2011, с. 289–295].

На территории Прикамья также известны находки на святилищах изделий предшествующих эпох. В частности, на Гляденовском костыще к таким находкам относятся три ножевидные пластины и шлифованное тесло. Аналогичное тесло известно и на Гаревском костыще.

Один из аспектов вторичного использования изделий предшествующих эпох связан с сакрализацией местным населением древних изделий. Данные этнографии свидетельствуют, что у обских угров было широко распространено использование в культовой практике археологических артефактов. Местное население относило археологические находки как предметы необычные к миру сверхъестественных сил [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 109, 140, 162]. Все это согласуется с разработками А.К. Байбурина, который считал, что старые вещи «приобретают высший семиотический статус и используются исключительно в знаковых целях» [Байбурин, 1989, с. 81].

При этом сакральное назначение таких находок имело различные семантические характеристики. Наличие на святилищах кремневых изделий более раннего времени можно связывать в некоторых случаях с культом огня. Огонь, разожженный с помощью древнего и необычного предмета, обладал особой сакральной силой, считался особо чистым, священным и мог использоваться в самых значимых и важных обрядах (например, сожжении жертв).

В других случаях древние предметы на святилищах и, особенно, в погребениях могли использоваться в обрядах перехода [Разумов, 2005, с. 54–56]. По представлениям древних, предмет, найденный в земле, уже побывал в мире мертвых, вследствие чего его сакральная сила неизмеримо возросла. Именно поэтому такие предметы могли с успехом использоваться для установления символических контактов с иным миром [Худяков, 2000, с. 43].

Кости вымерших животных. На жертвенном месте под Писаным Камнем на р. Вишере найден кинжал длиной 15,4 см, изготовленный из мамонтовой кости. Использовались древние кости и без обработки. В средневековом слое Канинской пещеры найдено 155 обломков костей мамонта, в том числе фрагменты бивня со следами скалывания. Подобные находки известны и в Адакской пещере. В коллекции Останинского костыща гляденовской культуры присутствует пяточная кость шерстистого носорога. А в слое раннего железного века в Усть-Койвинской пещере обнаружены зуб мамонтенка и позвонок бизона. В могильнике бронзового века Урефты на Южном Урале на дне могильной ямы была найдена плечевая кость носорога. Зуб мамонта обнаружен в одной из полуземлянок турбинского поселения Боровое Озеро II. В Кумышанской пещере на р. Чусовой в необычном коллективном погребении позднего неолита (3 женщины, 2 новорожденных и 2 выкидыша) была найдена локтевая кость бизона. Она лежала в отдельной ямке, засыпанной охрой, вместе с каменным рыболовным грузилом [Сериков, 2011].

Еще О.Н. Бадер, описывая находку кинжала на Писаном Камне и зуба мамонта на Боровом Озере II, высказывал предположение, что ископаемые кости мамонта могли играть определенную роль при отправлении культа [Бадер, 1954, с. 252]. Большая часть ископаемых костей происходит с культовых памятников (святилищ и погребений). Но можно не сомневаться, что древние кости, найденные в поселенческих комплексах, также являлись сакральными предметами и использовались в культах и обрядах. Применение в культовых целях ископаемых костей животных позволяет говорить о существовании в древности культа мамонта. Это вполне вероятно, так как мамонту в мифологических представлениях народов Сибири отводилась очень важная роль. В частности, он являлся участником сотворения мира. Среди духов-помощников шамана мамонт считался самым сильным. К его помощи шаман прибегал во время путешествий по подземному миру или когда вступал в борьбу с другими шаманами. В селькупской мифологии мамонт считался пращуром всего дикого в природе. Он являлся духом праосновы всего и был символом неумирающей вечности. Возможно, именно поэтому старые шаманы требовали от своих духов, чтобы те за служение им превратили их на определенное число лет в мамонта (кволи-козар) [Головнев, 1995, с. 508].

Таким образом, обращение к анализу редких (фигурных галек, оселков, пестов-терочников, кресальных кремней, костей вымерших животных) или малозначащих (галек целых и расколотых), на первый взгляд, находок позволяет глубже понять сущность обрядов и ритуалов древности.

Библиографический список

- Антонова Е.В., Раевский Д.С.* Археология и семиотика // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2002. Т. 1. С. 11–26.
- Бадер О.Н.* Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // Советская археология. 1954. Т. XXI. С. 241–258.
- Байбурин А.К.* Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология: Сборник МАЭ. 1981. Т. 37. С. 216–226.
- Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. 188 с.
- Байбурин А.К.* Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 63–87.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народа манси. Культурные места (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1986. 192 с.
- Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М., 1988. 240 с.
- Головнев А.В.* Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. 607 с.
- Лепихин А.Н.* Каменные изделия костяк гляденовской культуры // Оборинские чтения. Материалы IV–V региональных археологических конференций. Пермь, 2004. Вып. 3. С. 59–64.
- Лепихин А.Н.* Костяк гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Березники, 2007. 224 с.
- Петрин В.Т.* Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992. 207 с.
- Разумов С.Н.* Использование кремня в ритуальной практике (по материалам бронзового и раннего железного веков Северного Причерноморья) // Археоминералогия и ранняя история минералогии: материалы Международного семинара. Сыктывкар, 2005. С. 54–56.
- Семенов В.А.* Мифологические минералы в традиционной культуре народов Европейского Севера // Археоминералогия и ранняя история минералогии: материалы Международного семинара. Сыктывкар, 2005. С. 155–156.
- Серигов Ю.Б.* К вопросу об орудиях для высекания огня // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии: В честь юбилея Г.Ф. Коробковой. СПб., 2003. С. 254–263.
- Серигов Ю.Б.* Галечные скульптуры – изобразительные символы обрядовой деятельности древнего человека // Миф и символ в прошлом и настоящем. Нижний Тагил, 2007. С. 28–39.
- Серигов Ю.Б.* Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил, 2009. 368 с.
- Серигов Ю.Б.* К вопросу о вторичном использовании изделий предшествующих эпох // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Том I: Материалы IV Тверской археологической конференции и 12-ого заседания научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь, 2011. С. 289–295.
- Серигов Ю.Б.* Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил, 2013. 408 с.
- Серигов Ю.Б., Серигова Л.В.* Святилище на вершине горы Голый Камень (Нижний Тагил). Нижний Тагил, 2005. 79 с.
- Худяков Ю.С.* Использование костей плейстоценовых животных населением Саяно-Алтая в древности и средневековье и задачи охраны памятников палеонтологии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 43–44.

THE QUESTION OF SEMANTICS OF SOME ARTEFACTS FROM CULTIC PLACES OF WESTERN AND EASTERN SIDE OF MIDDLE URAL

Yu. B. Serikov

Russian State professional-pedagogical university (Nizhniy Tagil branch), Krasnogvardeyskaya str., 57, 622031, Nizhny Tagil, Sverdlovsk region, Russia
u.b.serikov@mail.ru

On cultic places of western and eastern side of Middle Ural we have nonstandard sets of artefacts, which do not often become objects of discovering. They are common pebbles, figured pebbles, split and shredded pebbles, fireflints, sharpen stones, grindstones, products from previous epochs and bones of extinct animals.

Speaking about sacred places we should always mention that common everyday objects, which were brought on sacred place, receive special sacred meaning. In every artefact unity of practical and symbolic meaning exists. When a thing occurs in sacred space it becomes a symbol. If a thing is a part of ritual it functions like a sign, symbol. If it falls out from a ritual it becomes an ordinary thing. We should research all these artefacts in the aggregate with all findings, because this set of artefacts was formed by aimed selection. Discovering of semantic of such rare or not important, for the first look, artefacts let us deeply understand matter of rites and rituals of ancient times.

Key words: pebble, figured and split pebble, fireflint, sharpen stone, grindstone, product from previous epochs and bones of extinct animals.

САКРАЛЬНЫЕ МЕСТА КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТАЁЖНОГО ПРИОБЬЯ (опыт типологии)*

Ю.П. Чемякин

Уральский государственный педагогический университет, 620017, Екатеринбург, п р. Космонавтов, 26.
yury-che@yandex.ru

Рассматриваются культовые места и комплексы кулайской культурно-исторической общности эпохи раннего железа таёжной зоны Западной Сибири. Анализ их топографии, площади, времени функционирования и состава находок, сравнение с этнографическими данными позволили выделить 4 группы культовых объектов. Это крупные региональные и локальные святилища; «клады», содержащие сакральные вещи, и т.н. случайные находки; культовые объекты на городищах; сакральное пространство в постройках.

Ключевые слова: культовые места, кулайская культура, ранний железный век

Сакральным местам, культовым комплексам кулайской культуры, или культурно-исторической общности (КИО), посвящена большая литература. Сама культура получила название по святилищу на горе Кулайка. Возникновение культовых мест, почитавшихся населением определенной территории, можно соотнести с периодом становления военно-потестарной организации у обских угров [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 126]. По мнению ряда исследователей, сложение шаманизма в Западной Сибири совпало с ранним железным веком, когда на этой территории «расцвели такие богатые и колоритные культуры, как кулайская и усть-полуйская, с их многообразным и выразительным медно-бронзовым литьем. В это время осваивается обработка железа, развивается кузнечество. Кузнец – магическая фигура, носитель тайн изготовления вещей неодолимой крепости и силы – воспринимался в древности на уровне чародея, сверхчеловека» [Косарев, 1991, с. 190].

Действительно, широкое распространение сакральных мест в сибирской тайге, выявленных археологами, датируется кулайской эпохой и связано с усилением экономической и социальной дифференциации таежных обществ, формированием военно-потестарной организации. Это отражается в погребениях с культовым литьем или оружием и престижными вещами, отличными от могил рядового населения, в формирующемся комплексе специализированного оружия и доспеха, в распространении культовой металлопластики. Заметим, что в лесной зоне появление святилищ и кладов с культовой металлопластикой впервые фиксируется в среде металлургов иткульской культуры Урала и Зауралья, а также на территории ананьинской КИО. В иткульском ареале найдено более 500 медных культовых поделок (но абсолютное большинство происходит из грабительских «раскопок» последних десятилетий, и подлинность вещей нуждается в доказательстве).

Материалы кулайских погребений подтверждают сказанное выше. В Сургутском Приобье на сравнительно небольшой территории выявлено несколько могильников. На левобережье Оби, напротив урочища Барсова гора, частично исследован могильник Сырой Аган 13 (вскрыто ок. 20 погребений). Погребальный инвентарь представлен единичными височными кольцами и бусами, фрагментами изделий из железа и меди/бронзы и глиняными сосудами [Баранов, 2008]. Погребение на Барсовском III могильнике отличалось богатым набором вещей, сопровождавших в другой мир ребенка: оружие, украшения, культовое литье. Второе погребение со скромным инвентарем содержало бронзовую фигурку орнитоморфа [Борзунов, Зыков, 2003]. В 3 погребениях из 9 на Барсовском VII могильнике присутствовали при-

*Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РФФИ № 14-06-00287а «Металлургия горно-лесного Урала в раннем железном веке»

© Ю.П. Чемякин, 2021

клады или «коробочки» с культовым литьем, в 4 – обломки блях и зеркал с гравировками. В могиле на городище Барсов городок I/20 найдена медная (?) личина [Бельтикова, 2008]. Возможно, на Сыром Агане 13 хоронили рядовых общинников, а на Барсовой горе обнаружены погребения знати и шаманов, сопровождавшихся в загробный мир сакральными предметами. Такие могильники (погребения) могли иметь также культовое значение.

На территории, когда-то входившей в кулайский ареал, исследователями XVIII–XXI вв. описаны десятки культовых мест, святилищ, предложена их типология [Гемуев, Сагалаев, 1986; Кулемзин, 1984; Лукина, 1980; Мартынова, 1998; Балалаева, 2002, и др.]. Обычно выделяют две большие группы почитаемых мест: природные объекты и творения рук человека. Причем вторые часто расположены на выдающихся в рельефе местах или на остатках древних городищ (поселений) или могильниках. Учитывая, что генезис этнографически зафиксированных святилищ в регионе уходит в глубокую древность, можно использовать имеющиеся типологии для анализа археологических объектов. Таким образом, можно наметить следующие типы культовых объектов, выявленных на территории кулайской КИО:

1) святилища, расположенные на выдающихся с точки зрения ландшафта местностях – мысах, возвышенностях, борах, и т.п. Тут могла почитаться территория, связанная с религиозно-мифологическими представлениями коренного населения, на которой устраивалось святилище. Территории различались как по размерам (площади), так и по масштабам почитания – от региональных (межплеменных) до локальных (поселковых, семейных). Для них характерна периодичность совершения обрядов, что косвенно подтверждается многочисленностью выявленных культовых комплексов;

2) культовые места, где происходило одномоментное захоронение вещей, также, вероятно, сопровождавшееся обрядом (не исключено неоднократное совершение обрядов). Часть из них сравнима со священными лабазами, зафиксированными этнографами. В эту группу можно включить не только крупные собрания вещей, но и случайные находки, в т.ч. единичных предметов, в первую очередь, металлопластики;

3) культовые места на кулайских городищах, возникшие в период их функционирования или сразу после их запустения. Это погребения, жертвенные площадки, клады и т.п.;

4) сакральные пространства в постройках, о которых могут свидетельствовать находки культовых предметов.

К первой группе относится Усть-Полуйское городище-святилище. Как пишет А.В. Головнев [2012, с. 6–7], «по своему расположению Усть-Полуй – господствующая над окрестностями высота, с которой открывается вид на обе магистрали – течение Оби и гряды Урала... Здесь с древности до сих пор существует перекресток самодийской и угорской культу р. Усть-Полуй был не только местом священнодействия, но и обиталищем жрецов – своего рода стойбищем-храмом. В определенное время года здесь могла располагаться ставка местных правителей-жрецов, к которой в назначенный срок сходились на ритуал люди со всего северного края».

Близким статусом могли обладать городища Няксимволь и Ус-нёл, но первое практически полностью разрушено, а второе не изучалось археологами. Городище Няксимволь находилось на высоком берегу Северной Сосьвы. С конца 1920-х гг. по настоящее время в ходе раскопок, разрушения берега и раскопок на нем собиралась коллекция артефактов, во многом аналогичная усть-полуйской. Она содержит 74 предмета культовой металлопластики [Няксимволь, 2014]. У остояков место расположения городища называлось *Ялпын-ма* – «Святое место» [там же, с. 18]. Высокий правый берег р. Ялбыньи рядом с устьем, на котором находится городище Ус-нёл, также обладал у манси священным статусом [Бауло, 2011, с. 48–52]. На памятнике местными жителями и А.В. Бауло собрана большая коллекция культового литья и зеркал, в т.ч. с гравировками (более 90 предметов), но характер распространения находок неизвестен.

Крупными региональными святилищами могли быть культовые места на городище Барсов городок I/9, Кулайское, Парабельское. На каждом из них найдены десятки предметов культовой металлопластики, другие изделия. Святилище на Барсовой горе находилось на од-

ной из самых высоких точек в урочище, на заброшенном к тому времени городище. В 1973 г. там было найдено 67 предметов, относившихся к комплексу святилища. Из грабительских «раскопок» 2009 г., предположительно, происходит 89 бронзовых изделий. Т.о., всего на святилище найдено не менее 156 предметов, абсолютное большинство которых – бронзовые (культовое литье, эполетообразные застёжки, височные подвески, бляхи и зеркала, в т.ч. с гравировками). На всю коллекцию приходится два (?) бронзовых трехлопастных наконечника стрел и железный нож с бронзовой рукоятью, представляющие оружие, все – из грабительских «раскопок». В раскопе выявлены несколько ям и пятна бурого слоя, аналогичные очажным, связанные со святилищем. Находки залегали на небольшой глубине, поодиночке и скоплениями, то есть зафиксированы многократные подношения (приклады). На расстоянии от 5 до 760 м вдоль берега по обе стороны от культового места расположены и частично исследованы 12 кулайских городищ, часть из них, возможно, существовала одновременно со святилищем. Урочище до сих пор почитается у ханты [Песи́кова, 2002, с. 75; Чемякин, 2012].

К локальным сакральным местам в Сургутском Приобье можно отнести культовое место на Березовом острове в районе Соровских озёр (левобережье Оби). Там на площади селища Соровское 22–23 найдены 1 железная и 36 бронзовых вещей, объединённых в 7 скоплений: культовое литье (27 экз.), оружие (4 экз.), распределитель ремней, литник и сплески металла. Вещи были приурочены как к формам ландшафта (остров, мыс), так и к формам микрорельефа (они же – остатки более древних построек, впадины) [Кардаш, 2008].

Вещевой комплекс, происходящий с Барсового городка I/9, по многим параметрам близок комплексам Кулайского и Саровского культовых мест Нарымского Приобья, где также практически отсутствует железное оружие, а бронзовое представлено наконечниками стрел, единичными на Саровке и не менее чем 30-ю – на Кулайке. Святилище на высокой – до 30–40 м. горе Кулайка занимало значительную площадь и выходило за её пределы на соседнюю гору. Отдельные находки и их скопления были рассредоточены повсеместно. В 1920 г. были выкопаны два котла, в одном находилось ажурное литье. Все предметы лежали на небольшой глубине. Всего со святилища происходит не менее 115 находок, в т.ч. 66 изображений [Яковлев, 2001, с. 11], 2 котла, ок. 30 наконечников стрел, обломок копья или кинжала, бляхи... На памятнике найдены также кости лося, оленя, бурого медведя – возможно, следы жертвоприношений. Святилище датируется концом I тыс. до н.э., или V–II вв. до н.э. [Чиндина, 2001, с. 83]. По мнению Я.А. Яковлева [2001, с. 245–246], Кулайское культовое место вряд ли возникло ранее конца III в. до н.э. Гора до сих пор почитается у селькупов.

Возможно, близкое значение имело Саровское культовое место, находившееся на небольшом холмике в глубине террасы напротив Саровского городища. На нем сохранилась лишь небольшая яма с металлопластикой, вооружением, кусками целого и обожжённого дерева [Яковлев, 2001, с. 25–28]. Основная масса находок обнаружена в пахотном слое и в углублениях от выворотней деревьев. Скорее всего, памятник представлял собой место однократного или кратковременного преднамеренного захоронения культовых предметов с проведением каких-то обрядовых действий. Кроме утерянных, на нем выявлено 62 образца художественной (культовой) металлопластики и 5 бронзовых и костяных наконечников стрел. Памятник датируется II–I вв. до н.э. [Яковлев, 2001, с. 256].

Парабельское культовое место находилось на правом берегу р. Вяловки (правый приток Парабели), у подножья одного из 100 холмов неизвестного происхождения. В 1955 г. здесь при распашке были найдены предметы вооружения и культовое литье. Р.А. Ураев провёл частичные раскопки местонахождения, обнаружив безинвентарное погребение и яму, содержащую 29 предметов, включая оружие и металлопластику [Ширин, 1993, с. 157–159]. Всего же на Парабельском культовом месте собрано около 140 находок: 61 изображение, не менее 44 предметов вооружения (бронзовые и железные наконечники стрел, железные клевцы, наконечники копий, мечи и палаши, панцирные пластины) [Яковлев, 2001, с. 11]. Вещи залегали несколькими скоплениями, что может свидетельствовать, как и в случае с Кулайским культовым местом, о неоднократности проведения каких-то обрядов, возможно, сопровож-

---

дававшихся человеческим жертвоприношением. Не исключено также, что на площадке святилища было совершено погребение выдающегося человека (шамана? вождя? богатыря?).

Убедительную аргументацию о существовании позднекулайского культового места на Томском могильнике привел Ю.В. Ширин [1993, с. 161]. К этому же кругу памятников, вероятно, принадлежит и Айдашинская пещера – единственное известное культовое место с кулайскими материалами, расположенное в полости горы [Молодин и др., 1980].

Возможно, к локальным культовым местам типа Саровского относятся Бакчарские находки и святилище Березовый остров-1 в Новосибирском Приобье. Бакчарский (Усть-Бакчарский) «клад» обнаружен на р. Бакчаре, которая, сливаясь с р. Парбигом, образует р. Чаю (левый приток Оби). В 1924 г. здесь при вспашке поля были собраны бронзовые изделия (медный «скифский» котел, большое количество ажурного литья и наконечники стрел). В 1928 г. И.М. Мягков не обнаружил культурного слоя на месте находки, но привез в музей 16 предметов из находок 1924 г. и своих сборов [Чиндина и др., 1990, с. 240].

На Березовом острове-1 исследован культовый комплекс эпохи раннего железа, состоящий из скопления костей животных и бронзовых изделий (наконечники стрел, бляшки, накладки, гривны, бусины, навершие) [Росляков, 2013].

Вторая группа сакральных мест связана с одномоментным захоронением вещей, также, вероятно, сопровождавшимся обрядом. Концом кулайской эпохи – началом средневековья, но вряд ли позднее V в. (или даже IV в.), датируются памятники, именуемые в публикациях кладами (оружейными кладами), погребениями, культовыми местами, в составе которых присутствует в большом количестве железное оружие (сабли, палаши, наконечники стрел, копий). Среди них Ишимское, Елыкаевское культовые места, Холмогорский «клад» [Ширин, 2003]. А.П. Зыков и Н.В. Федорова [Зыков, Федорова, 2001] полагают, что, по крайней мере, последнее вместе с Парабельским «кладом» могли представлять собой вотивные захоронения иттарма. Но на Парабели либо было несколько подобных захоронений, либо имели место неоднократные действия (см. выше). К этой же группе, возможно, принадлежит могильник Агрньёган 1, датированный I–IV вв. [Перевалова, Карачаров, 2006, с. 62–71].

Тем же или более ранним временем датируются клады, в которых оружие отсутствует или представлено в основном бронзовыми стрелами при полном (почти полном) отсутствии железных вещей: Новообинцевский клад (Новосибирское Приобье), Кривошеинское культовое место (Нарымское Приобье), Сузгунский, Истяцкий, Мурлинский клады (Прииртышье), вероятно, Лозьвинский клад и комплекс медных вещей у поселения Вуграсян-Вад (Нижнее Приобье)... Во всех кладах, кроме Сузгунского, присутствует культовое литье. В большинстве из них есть бронзовые бляхи, зеркала, наконечники стрел; единично железное оружие.

В третью группу сакральных мест объединены выявленные на ряде кулайских городищ (Усть-Полуй, Барсов городок I/20, Саровское, Дубровинский Борок-3) и возникшие в период их функционирования или сразу после него погребения, жертвенные площадки, клады и т.п. По составу находок эти места близки культовым памятникам второй группы. Возможно, к этой же группе следует отнести комплекс вещей, найденных «на юго-восточной части внешнего вала городища Нивагальское 20» [Карачаров, 2011, с. 83]. К.Г. Карачаров допускает, что этот комплекс представляет собой «инвентарь из погребения, датируемого первыми веками нашей эры и, скорее всего, относящегося к кулайской культуре» [там же, с. 85].

Наконец, отдельные находки культовых предметов (металлопластики, гравировок, резной кости, сосудов с пиктограммами) в постройках могут свидетельствовать о наличии своеобразных «красных углов» в них. Только в Сургутском Приобье подобные артефакты найдены примерно на 20 городищах и селищах. Но это предположение требует анализа планиграфии находок в жилищах и на памятниках в целом.

Библиографический список

- Балалаева О.Э. Священные места хантов Средней и Нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов. (Материалы к атласу). 2-е изд., исправ. и доп. Екатеринбург, 2002. С. 149-166.
- Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических коллекций и случайных сборов. Новосибирск, 2011. 260 с.
- Баранов М.Ю. Могильник кулайской культуры Сырой Аган 13 в Сургутском Приобье // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург–Сургут, 2008. С. 219-238.
- Бельтикова Г.В. Погребение кулайской культуры на городище Барсов городок I/20 // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург–Сургут, 2008. С. 24-27.
- Борзунов В.А., Зыков А.П. Барсовский III могильник – новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003. С. 103-112.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1986. 192 с.
- Головнев А.В. Усть-Полуй: реконструкция от антропологии движения // Археология Арктики. Мат-лы междуна р. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2012. С. 6-12.
- Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001. 176 с.
- Карачаров К.Г. Комплекс предметов раннего железного века, найденный у городища Нивагальское 20 на р. Агане // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2011. Вып. 9. С. 82-110.
- Кардаш О.В. Ритуальный комплекс кулайской культуры на Соровских озёрах // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург–Сургут, 2008. С. 207-218.
- Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М., 1991. 302 с.
- Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. 192 с.
- Лукина Н.В. Культовые места хантов р. Нюрольки // Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск, 1980. С. 92-99.
- Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. 236 с.
- Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск, 1980. 208 с.
- Няксимволь / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск, 2014. 196 с.
- Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск, 2006. 352 с.
- Песикова А.С. Глухаринная гора – Барсова гора // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002. С. 75.
- Росляков С.Г. Новые открытия в урочище Березовый мыс // Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв.: Мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2013. С. 151-153.
- Челякин Ю.П. Кулайские святилища // Методика исследования культовых комплексов. Барнаул, 2012. (Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 3). С. 118-125.
- Чиндина Л.А. Кулайское культовое место (святилище), раннего железного века эпоха // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. Томск, 2001. С. 81-83.
- Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск, 1990. Т. 1. 340 с.
- Ширин Ю.В. К истории «культовых мест» Западной Сибири // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск, 1993. С. 152-162.
- Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003. 288 с.
- Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск, 2001. 274 с.

SACRED PLACES OF THE KULAJ CULTURE OF THE TAIGA OB REGION (typology experience)

Yu.P. Chemyakin

Ural State Pedagogical University, 620017, Ekaterinburg, Russian Federation, Kosmonavtov str. 26.
yury-che@yandex.ru

Sacred sites and complexes of the Kulaj culture (cultural and historical) entity of the Early Iron Age of the taiga zone of Western Siberia are considered. The analysis of their topography, area, time of functioning and composition of the finds, comparison with ethnographic data allowed us to identify 4 groups of religious objects. These are large regional and local sanctuaries; "treasures" containing sacred things, and so-called accidental finds; sanctuary objects on ancient settlements; sacred space in buildings.

Keywords: sanctuaries, Kulaj culture, Early Iron Age

О НЕКОТОРОМ СХОДСТВЕ КУЛЬТОВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ ПРИУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Ю.В. Ширин

Музей-заповедник «Кузнецкая крепость», 654034, Новокузнецк, Крепостной проезд, 1
shirin_a@mail.ru

Выявленные стилистические и иконографические параллели в культовых изделиях Приуралья и Западной Сибири позволяют высказать гипотезу о том, что в определенные периоды эпохи Раннего Железного Века происходила активизация культурных контактов этих регионов. Один из таких периодов связан с Гляденовской культурой, что позволяет уточнить датировку художественных изделий ряда стилистических групп из её комплексов.

Ключевые слова: Гляденовская культура, стилистика, культовая пластика, Западная Сибирь

Стилистические и иконографические параллели, наблюдаемые в изделиях культового и прикладного искусства Раннего Железного Века из Приуралья и Западной Сибири, порождают гипотезы об условиях появления этого феномена. К сожалению, один из основных аспектов этих предположений всё еще далёк от прояснения. Речь идёт о датировках анализируемых памятников искусства и соотношении датировок иконографически сходных объектов из различных, и относительно отдалённых культурных комплексов.

В археологии эпохи Раннего Железного Века, в рассматриваемых регионах вопросы хронологии, особенно памятников искусства, разработаны весьма неравномерно. Более половины культовых изображений из Прикамья и Северо-Востока России происходит либо из недокументированных находок, либо получены в условиях открытых комплексов. Неблагополучную ситуацию всё сложнее прикрывать дымовой завесой псевдоабсолютных датировок, принятых для некоторых из стилистических групп пластики в большей степени интуитивно. Не удивительно, что эти изделия, как правило, фигурируют в работах искусствоведов, как объекты семантических реконструкций. Проблемы начинаются при желании встроить информацию о таких находках в исторические контексты – при изучении этногенетических процессов и межкультурных взаимодействий. В последние годы это остро проявилось в связи с полемикой о доле участия западносибирского компонента в этногенезе народов Прикамья, в ходе которой, вопросы хронологии дискутирующие стороны вынуждены были приносить в жертву нарративу [Коренюк и др., 2013].

Полагаем, что для преодоления наблюдаемого хронологического кризиса использованы далеко не все возможности, скрытые в уже накопленных материалах. Рассмотрим это на примере Гляденовского костяка Верхнего Прикамья. Исследователи предложили выделить несколько хронологических этапов формирования комплексов этого памятника. Обзор высказанных по этому поводу гипотез дан в работе А.Н. Лепихина [2007, с. 103–106]. Отмечено, что при наличии на костяке определенного процента позднеананьинских материалов, основную массу находок следует связывать с гляденовской культурой и датировать в интервале III в. до н.э. – III в. н.э. [Лепихин, 2007, с. 107–109].

Из всего разнообразия изделий Гляденовского костяка наше внимание привлекли две стилистические группы культовых изображений, небольшие по числу изделий, но весьма своеобразные. Эти стилистические группы, обозначены нами как группа А и группа Б (Рис. 1,6,10,11,14). В данном случае, под стилем мы понимаем систему характерных для него приёмов и средств художественной выразительности и образительности. Для целей нашего исследования наиболее подходит именно формально-стилистический метод [Чежина, 1990, с. 77,78], с его вниманием к стилистическим элементам.

К стилистической группе А (далее СГ-А) может быть отнесена бронзовая антропоморфная фигурка с широко расставленными ногами и массивной головой с горизонтально срезанной макушкой (Рис. 1,6). Наиболее яркие признаки СГ-А на этом изделии – круглые глаза с точкой в центре, щелевидный рот с опущенными уголками, кисти рук в виде когтистой лапы, сжатой в кольцо, стопы с подвёрнутыми пальцами, расчленение по основным суставам декоративными полосками, при этом детализировка выполняется на плоской основе резными линиями. В этой же стилистике в материалах Гляденского костяща известно ещё более десятка бляшек, обычно зооморфных, часто имеющих выступающее сверху полукруглое ушко для подвешивания (Рис. 1,10,11) [*Новокрестьянских*, 1911, табл. I, 21,23; II, 7,15; III, 1,6,19; IV, 19; V, 15; VI, 1,17; X, 10].

Показательное изделие стилистической группы Б (далее СГ-Б) в материалах Гляденского костяща – бронзовое погрудное антропоморфное изображение с косами, серповидным нагрудным украшением и диадемой (или стилизованным плоским головным убором) с волнами на висках (Рис. 1,14). Характерные признаки СГ-Б, видимые на этом изделии – относительная реалистичность, сочетаемая с декоративными дополнениями в виде орнаментальных полосок из псевдозерни, миндалевидные глаза, подчеркнутые ломаной линией носогубные складки.

Наличие нескольких стилистических групп в составе изображений Гляденского костяща, включая и две описанные, может отражать как хронологические различия, вполне ожидаемые в предложенном для них временном интервале, так и результат взаимодействия населения Верхнего Прикамья с носителями иных, но синхронных культурных традиций. Некоторые из реконструируемых векторов этих процессов гляденского времени указывают на лесное Зауралье и Западную Сибирь [*Багина*, 2013, с. 190–191; *Васкул*, 2014, с. 50–54].

Изделия СГ-А, отсутствуя в Зауралье, являются обычной находкой для Приуралья [*Эренбург*, 2004, с. 81–88,90–98; *Коренюк*, 2015, рис. 7,4,6,9–12]. В Приуралье они наиболее ярко воплощены в ажурных пластинах со сложными многофигурными композициями, хорошо известными как Чердынские богини (Рис. 1,1,4). Изделия СГ-Б изредка встречающиеся в ареалах культур Приуралья, наиболее характерны для лесного Зауралья и Нижнего Приобья [*Няксимов*, 2014, с. 92–97,104,130; *Усть-Полуй*, 2003, с. 22,24; *Гусев*, *Фёдорова*, 2012, рис. 19; 32,5,7,8; *Фёдорова*, 2014]. При этом для обеих стилистических групп характерны близкие композиции и иконография сложных образов, общие персонажи в пластике, например, многоголовые орнитоантропоморфы (Рис. 1,1,3,4), орнитоморфы с личиной на груди (Рис. 1,2), двухголовые фигурки (Рис. 1,7,8), а также сходные изображения на гравировках. Последние известны преимущественно в Западной Сибири, но встречаются и в Приуралье. Они есть в Шиховском могильнике и на Гляденском костяще. При этом, в комплексах Шиховского могильника есть гравировки, которые можно отнести и к СГ-А [*Васкул*, 2002, рис. 16,1,4], и к СГ-Б [*Васкул*, 2002, рис. 14,22]. Часть из гравировок Гляденского костяща также близки к СГ-Б [*Новокрестьянских*, 1911, табл. IV, 6,16; V, 18; VIII, 27; IX, 18]. На одной из гравировок, из числа недокументированных находок, сделанных в Верхнем Прикамье [*Эренбург*, 2014, с. 208, кат. 333], сочетаются стилистические особенности изображений СГ-А и СГ-Б (Рис. 1,13,15).

Максимальная концентрация изделий СГ-Б приходится на лесное Зауралье. Здесь же встречены и те из них, в которых с наибольшей очевидностью представлены если не стилистические, то иконографические параллели с изделиями СГ-А. В качестве примера рассмотрим орнитоантропоморфную фигурку, найденную на р. Лозьва (Рис. 1,3) [*Бауло*, 2011, с. 193]. Она обладает яркими стилистическими признаками СГ-Б – носогубными складками у личин и обрамлением из псевдозерни. Но эта фигурка воспроизводит одну из характерных для СГ-А композиций – орнитоантропоморфное существо, стоящее на звере (в частности на бобре), повторена и трехголовость, и увенчанность одной из личин протомой зверя. Детализировка крыльев до мелочей совпадает с одной из чердынских плакеток (Рис. 1,4) – расчленённость перьев вертикальными узкими полосами, косая штриховка на некоторых из них, выделение зоны крыла с короткими перьями. Последняя деталь, отмеченная и у некоторых других

изделий СГ-А, например, у фигурки с Пижемского городища (Рис. 1,2), не характерна для СГ-Б, а если и встречается у западносибирских орнитоморфов [Усть-Полуй, 2003, с. 22], то сильно редуцирована.

Наблюдаемые элементы сходства культовых изделий разных стилистических групп, и особенно примеры адаптации отдельных элементов чужеродной иконографии позволяют видеть за этим результат взаимодействия соответствующих культурных миров. Это позволяет высказать гипотезу об относительной синхронности изделий СГ-А и СГ-Б. При этом мы сталкиваемся с проблемой принципиально различных хронологических определений, предлагаемых для этих групп культовых изображений в археологических исследованиях.

Датировку Чердынских богинь, в силу случайных обстоятельств их обнаружения, достоверно пока установить не удаётся. Из высказанных гипотез, кроме уже опривыченной от многократного повторения даты –VI–VIII вв. [Оборин, Чагин, 1988, с. 132-139], но от этого не ставшей аргументированной, следует упомянуть попытку датировать V–III вв. до н.э. стилистически однотипные с Чердынскими богинями изделия из состава Скородумского «клада» (Рис. 1,5) [Коренюк, Майстренко, 2011, с. 140]. В качестве основания для такой датировки послужили стилистически сходные изделия из погребений Шиховского могильника, для части которых была предложена соответствующая хронология [Васкул, 2002, с. 15]. Отметим, что в хронологическую группу V–III вв. до н.э. попали и изделия из Шиховского могильника с признаками СГ-Б [Васильев, 2004, рис. 14,6]. Этому способствовало то, что относительно большую группу случайных находок из Приуралья с признаками СГ-Б, в результате искусствоведческого анализа, уже давно принято относить к позднеананьинскому времени. Для объяснения возникших с накоплением новых источников противоречий, а именно, с наличием аналогичных стилистических признаков у изделий из сопредельных регионов Западной Сибири в иную эпоху, пока предложены только малоубедительные рассуждения о некоем «ананьинском наследии» [Васильев, 2004, с. 295] с хронологическим разрывом не менее двух веков. С учётом этой гипотезы изделия СГ-А, в том числе и в материалах Гляденовского костыща, обычно относят к позднеананьинскому времени. Мы полагаем, что данная интерпретация ошибочна.

Изделия СГ-Б, как было отмечено выше, наиболее характерны для комплексов лесного Зауралья и Нижнего Приобья, датируемых от рубежа эр в пределах первой трети I тыс. н.э. Близкая аналогия гляденовской личине с косами, которая и в Приуралье не единична [Abercromby, 1898, fig. 17], есть в материалах одного из погребений Потчевашского могильника [Мошинская, 1953, табл. VII, 1], в сочетании с бронзовыми кельтами I в. до н.э. –II в. н.э. [Няксимволь, 2014, с. 36-37]. СГ-Б включает и многочисленную серию гравированных изображений, для которых тоже предложены даты в интервале II в. до н.э. –II в. н.э. [Пристапа и др., 2002, с. 17-35; Усть-Полуй, 2003, с. 18,19; Фёдорова, 2014; Фёдорова и др., 2016, с. 50–53]. Принадлежность к этому же хронологическому интервалу, с учётом отмеченных стилистических и иконографических параллелей, изделий СГ-А весьма вероятна. Кроме того, зооморфным бляшкам с ушком на спине, найденным в Шиховском могильнике (Рис. 1,9) и на Гляденовском костыще (Рис. 1,10,11), известна аналогия из Тарасовского могильника (Рис. 1,12), из комплекса III в. [Голдина, Берни, 2016, рис. 3,18].

Признаки активизации культурного взаимодействия Приуралья и Западной Сибири, которые проявились с рубежа нашей эры на уровне изобразительной практики, могут быть дополнены и многочисленными примерами обоюдного заимствования некоторых типов бытового инвентаря, вооружения и деталей костюмов. Такой импорт в значительно большем объёме выявлен на территории Западной Сибири, где предметы приуральских типов нередко сопутствуют изделиям СГ-Б. Датировка этого импорта, а также его дериватов, основанная на представительных сериях приуральских погребальных комплексов, также укладывается в интервал от рубежа эр до III в. н.э.

Библиографический список

- Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск, 2011.
- Багина М. К вопросу о влиянии различных культурных центров на формирование горизонтов первых веков н.э. верхнепечорских пещерных святилищ // Проблемы истории, материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран. Сыктывкар, 2013.
- Васильев Ст.А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. СПб., 2004. Вып. 11.
- Васкул И.О. Шиховский могильник раннего железного века (первые результаты исследований). Сыктывкар, 2002.
- Васкул И.О. Этнокультурные связи населения Европейского Северо-Востока в гляденовское время (конец I тыс. до н.э. – первая пол. I тыс. н.э.) // Археология Арктики. Екатеринбург, 2014. Вып. 2.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III-V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. № 3 (17). 2016.
- Гусев А.В., Фёдорова Н.В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Салехард, 2012.
- Кореньюк М.С. Металлические антропоморфные изображения в раннем железном веке Пермского Прикамья // Вестник Пермского университета. № 1 (28). 2015.
- Кореньюк С.Н., Майстренко Д.А. Скородумский «клад» // Шестые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2011.
- Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф., Чагин Г.Н. Об «угорском» фоне в этнической интерпретации высокохудожественных изделий пермского звериного стиля // Этнокультурное наследие пермских финнов. Кудымкар, 2013.
- Лепихин А.Н. Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Пермь; Березники, 2007.
- Мошинская В.И. Городище и курганы Птчеваш (К вопросу о потчевашской культуре) // МИА. М., 1953. Вып. 35.
- Новокрепеченных Н.Н. Гляденовское костище Пермской губернии на р. Каме Пермского уезда // Труды ПГУАК. Пермь, 1911. Вып. XI.
- Няксимволь. Томск; Ханты-Мансийск, 2014.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь, 1988.
- Пристапу О.И., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А. Окно в бесконечность: Бронзовые зеркала раннего железного века. Томск, 2002.
- Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. М., 1952. Вып. 28.
- Усть-Полуй: I в. до н.э. Каталог выставки. СПб., 2003.
- Федорова Н.В. Антропоморфные образы Усть-Полуя: технология, иконография, композиция сцен // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2014. № 2 (43).
- Фёдорова Н.В., Гусев А.В., Подосёнова Ю.А. Горноknязевский клад. Калининград, 2016.
- Чежина Е.Ф. О возможных применениях методов искусствознания в исследованиях звериного стиля // Археологический сборник. СПб., 1990. Вып. 30.
- Шмидт А.В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // Сборник МАЭ. Л., 1927. Т. VI.
- Эренбург Б.А. Звериный стиль. Пермь, 2014.
- Abercromby J. The pre- and proto-historic finns both eastern and western with the Magic Songs of the west finns. London, 1898. Vol. I.

ABOUT CERTAIN SIMILARITY OF CULT IMAGES OF EARLY IRON AGE FROM CIS-URALS AND WESTERN SIBERIA

Yu. V. Shirin

Museum-reserv «Kuznetsk fortres», Krepostnoy proezd st., 1, Novokuznetsk, Russia, 654034
shirin_a@mail.ru

The analysis of the stylistic and iconographic parallels in the cult images of the Cis-Urals and Western Siberia allows to assume an activation of cultural contacts in these regions at certain time of the Early Iron Age. One of the periods of activation of cultural contacts is associated with Glyadenovo culture II C. BC. – III C. AD. In the complexes of Glyadenovo there are several of stylistic groups of cult images. One of stylistic groups (A) is spread in the Cis-Urals. Products of stylistic group «A» are similar to the cult plastic of the Cherdyn region. Other stylistic group (B) is common in Western Siberia in the area of Ust-Poluy culture. But there are some contradictions in dates of the analyzed work of art and in relation to dates of similar objects from distant cultural complexes. We consider two chronological positions for Cherdyn cult plastic. They are dated either VI-VIII C. AD or the V-III C. BC. Both these dates are probably uncertain. It allows us to assert the iconographic similarity of stylistic group «A» to group «B». Evidence of similarity is detected not only in castings but also in the engravings on the metal disks. This similarity probably dues to the fact, that these stylistic groups existed at the same time. The presence of the products of both stylistic groups in the complexes Glyadenovo doesn't contradict it. The complexes with products of stylistic group «B» in Western Siberia are dated within II C. BC. – II C. AD. The complexes of Western Siberia with stylistic group «B» contain imports from the Cis-Urals of appropriate time. It is a sign of increased cultural contacts between the two regions at this time too.

Key words: Glyadenovo culture, stylistic, cult images, Western Siberia.

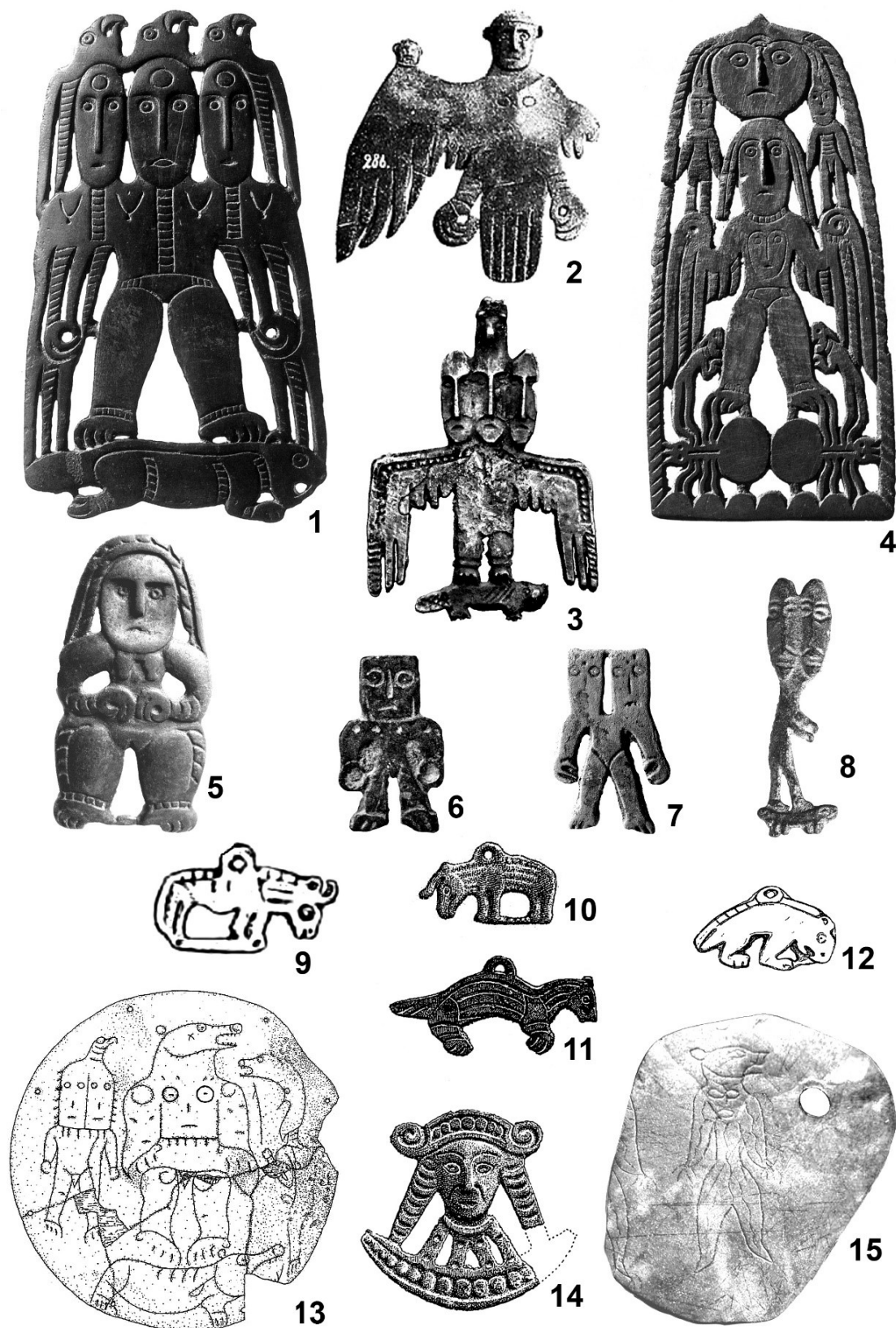

Рис. 1. Изделия двух стилистических групп изображений из Приуралья и Западной Сибири. 1,2,4–7,9–13 – стилистическая группа А; 3,8,14,15 – стилистическая группа Б. 1,4 [по: Оборин, Чагин, 1988, с. 138, № 140; с. 133, № 135]; 2 [по: Шмидт, 1927, табл. I, 1]; 3 [по: Бауло, 2011, с. 193]; 5 [по: Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 1,2]; 6,10,11,14 [по: Новокрещенных, 1911, табл. I, 16; VI, 1; II, 15,22]; 7,15 [по: Эренбург, 2014, с. 84, № 4; с. 208, № 333]; 8 [по: Няксимволь, 2014, с. 121]; 9,13 [по: Васкул, 2002, рис. 15,9; 16,4]; 12 [по: Голдина, Бернц, 2016, рис. 3,18].

ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕНТГЕНОФЛУОРЕСЦЕНТНОГО МЕТОДА ИЗУЧЕНИЯ ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА МЕТАЛЛА В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

К.В. Доткин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
443086, Самара, ул. Московское шоссе, д. 34
dotkonstantin@yandex.ru

Рассматривается опыт использования портативных РФА-анализаторов в практике археологических исследований. Также делается упор на особенностях и ограничениях использования подобных приборов, оценке объективности полученных с их помощью результатов. В итоге поднимается вопрос о создании единой методики использования РФА-анализаторов для исследователей археологов и правил публикации полученных данных.

Ключевые слова: рентгенофлуоресцентный анализ, РФА, сплав, состав металла, элемент, патина, методика

Элементный анализ вещества в археологии является очень важным инструментом в вопросах изучения древних артефактов. При работе с изделиями из цветного металла можно выяснить технологии их производства, технологический уровень, определить потенциальную ресурсную базу, получить сведения о торговых контактах и т.д. До недавнего времени подобные анализы были затруднены отсутствием специального оборудования, однако сейчас ситуация заметно меняется. В последнее время в археологии для определения состава металлических изделий все большую популярность приобретает рентгенофлуоресцентный (РФА) анализ и разного рода анализаторы. Особенно популярны становятся так называемые портативные рентгенофлуоресцентные анализаторы-спектрометры. Популярность усиливается тем, что цены на подобные приборы постепенно снижаются в связи с их распространением, а также то, что анализы проводятся неразрушающими методами.

В 2011 году в ходе прохождения стажировки по реставрации металла в лабораториях Эрмитажа автор ознакомился с прибором такого типа. В итоге были получены данные об элементном анализе 8 предметов, взятых с собой для проведения консервационно-реставрационных мероприятий – это элементы поясной гарнитуры из погребений Мокинско-го могильника. Результаты на тот момент оказались неожиданными – предметы, считавшиеся традиционно выполненными из бронзы, включали в свой состав значительную (до четверти объема) долю цинка. Таким образом можно сказать, что предметы были выполнены из латуни. Это случайное открытие породило ряд вопросов – об изменении и совершенствовании технологии (выплавка латуни в производстве технологически сложнее, чем бронзы), перемене источников поставки сырья и т.д. Ответы на эти вопросы частично рассмотрены и опубликованы в отдельной статье [Доткин, 2015], в рамках данной статьи рассматриваться не будут.

Портативные РФА-анализаторы постепенно становятся более доступными и начинают появляться в различных археологических центрах. В частности, портативные анализаторы были приобретены нашими коллегами из КВАЭ УДГУ (Ижевск), КАЭЭ ПГГПУ (Пермь) и ряда других археологических центров Урало-Поволжья. Выводы о появлении сплавов, содержащих цинк (т.е. латунных), в первой половине и значительном их количестве в середине первого тысячелетия также были получены исследователями и опубликованы [Голдина, Перевоицков, Сабирова, 2012, с. 344; Перевоицков, Сабирова, 2014, с. 74 (а); Перевоицков, Сабирова, 2014, с. 256–257 (б); Подосенова, 2015, с. 65]. Расширение базы собранных анализов,

---

широкая их публикация позволяет шире взглянуть на проблему, в частности распространения латуни, использовать данные с сопредельных территорий.

Большинство портативных анализаторов имеют схожий дизайн, в целом интуитивно-понятный алгоритм использования. Корпус снабжен пистолетной рукояткой и аналогом спускового крючка – кнопкой, при нажатии на которую активируется рентгенофлуоресцентная трубка. Исследуемый предмет облучается потоком рентгенофлуоресцентного излучения, возникает характеристическое флуоресцентное излучение атомов, которое пропорционально их концентрации в образце. Накопление спектра происходит примерно одну минуту, затем результаты выводятся на экран, которым обычно снабжены такого вида приборы. Результаты показывают процентное (молекулярное, весовое) соотношение элементов в измеряемом предмете. Кроме того, приборы могут подключаться к персональным компьютерам. Для этого они снабжены программами, предназначенными для более удобного и информативного извлечения информации из исследуемого предмета. Рядового археолога особенно привлекает неразрушающий метод исследования, а также предельная простота использования и понимания результатов. Однако, стоит отметить, что такой прибор создавался в первую очередь для геологов, и не случайно создавался именно портативным и переносным. Дело в том, что его первоначальное назначение – непосредственно в полевых условиях проверить собранные образцы руды, шлихи на предмет примерного содержания в них интересующих минералов. Иными словами, изначально предмет не создавался как высокоточный лабораторный. Археологи в свою очередь, переняли использование этого удобного предмета, как и многое другие геологические практики.

Особую специфику в использовании придают некоторые особенности портативных спектрометров. Анализ прибор проводит только на поверхности обследуемого предмета, почти не «заглядывая внутрь». В итоге невозможно получить данные о составе металла, не проникнув в металлическое ядро предмета, для чего необходимо счистить предварительно слой патины с поверхности обследуемого предмета [Ениосова, Митоян, 2014, с. 147]. Однако, даже счистив внешние наслоения, сложно говорить о получении истинных данных о составе металла. В данном случае специфика заключается в «археологизированности» предметов. Вещь, до извлечения ее в процессе раскопок, находится в земле, соответственно с вещью происходят различные химические процессы. Вещества, содержащиеся в земле, вступают в реакцию с предметом. Если мы говорим о металлическом изделии, то в этом случае вещества вступают в контакт с металлом, а вернее с металлами, если вещь состоит из сплава. В этом случае в коррозию уходят в первую очередь те элементы в сплаве, которые наиболее активны [Ениосова, Митоян, 2014, с. 147]. Например, в сплаве классической двухкомпонентной бронзы из меди и олова, в коррозию в первую очередь вступит олово. Таким образом содержание олова в корродированной пленке будет в процентном соотношении больше, чем в первоначальном сплаве и, тем более больше, чем в металлическом ядре, оставшимся некорродированным [Ениосова, Митоян, 2014, с. 148; Равич, 1983, с. 138]. Не стоит забывать, что и из почвы в свою очередь в состав металла могли перейти некоторые элементы. Например, если почвы сильно ожеженные, то железо может как перейти в коррозионную пленку, так и отразиться частично на составе металлического ядра предмета. Стоит также упомянуть такие вещи как дендритная ликвация, дендритные коррозионные очаги, особенности ряда элементов (например, свинец распространяется в сплавах неравномерно, абсорбируется в виде отдельных очагов) наличие в сплавах зерен тугоплавких металлов (например, молибден, ванадий), перешедших в сплав из руды и т.д [Ениосова, Митоян, 2014, с. 148; Чайковский, Ширинкин, 2016, с. 14]. Измерения осложняются еще и тем, что размеры «дула» – окошка рентгенофлуоресцентного потока – у портативных анализаторов достаточно велики. Поэтому при очистке поверхности от коррозии нужно очищать нарочно большой участок, чтобы в зону сбора спектра попало именно металлическое ядро, без участков поверхностной патины. Стоит также добавить, что в процессе создания сплава древними литейщиками, вряд ли соблюдались абсолютно все тонкости по распределению легирующих добавок в самом сплаве. Полученный сплав мог быть неоднородным, как бы «неразмешанным», соответственно в полу-

---

ченном изделии легирующие добавки также могли неравномерно распределяться, что доказано экспериментальным путем [Агапов, Гошко, Агапов, 2013, с. 190–193]. Поэтому при использовании портативного анализатора очень рекомендуется проводить анализы в разных местах предмета. Нелишним, также, будет проведение анализа непосредственно самой патины – как находящейся на предмете, так и убранный с него. Таким образом выглядит одна из особенностей использования портативных спектрометров в исследованиях археологических предметов.

Вторая специфическая особенность заключается в человеческом факторе, иными словами – в нас самих, археологах-исследователях. Археолог, впервые столкнувшийся с подобным прибором и начавший его использовать в своих исследованиях впадает в своего рода эйфорию от полученных результатов, а также быстроты и простоты их получения. В результате, уже в ряде работ по проведению РФА-анализов наблюдаются определенного рода закономерности. Одна из таких закономерностей заключается в одной из традиции изучения археометаллургии, а именно – в выделении различных типов сплавов. Выглядит все это примерно следующим образом – после набора спектра исследователь получает результаты процентного соотношения компонентов сплава, при этом металл, доминирующий в результатах анализа, называется основой, второй по количеству металл – легирующей присадкой, остальные по убыванию – добавками, микроприсадками, микропримесями и т.д. Так у нас получаются оловянистые латуни с присадками свинца (Cu-Zn-Sn-Pb), цинковистые бронзы с микропримесями железа (Cu-Sn-Zn-Fe) и т.д. Однако здесь кроется своего рода ловушка. Древний литейщик мог и не подозревать оподобного рода сплавах (особенно при переплавке старых сломанных изделий), не создавать их специально, поэтому в реальности подобные выделенные типы сплавов могли не иметь места. Стоит также отметить, что, при исследовании археологом при помощи анализатора древнего предмета, в разных местах этого предмета могут быть обнаружены разные «типы» сплавов, вследствие уже названных причин – неоднородности сплава, влиянии коррозии, взаимных процессов между предметом и грунтом, в котором предмет был найден и т.д.

Подобного рода выделение типов многокомпонентных сплавов стало традиционным и присутствует в ряде трудов археологов [Голдина, Перевоицков, Сабирова, 2012; Доткин, 2015; Перевоицков, Сабирова, 2014 (а); Перевоицков, Сабирова, 2014 (б); Подосенова, 2015]. Иногда исследователи в статьях, посвященные исследованиям состава металлов в изделиях, ограничиваются только публикацией подобных выделенных типов сплава, игнорируя данные о процентных содержаниях компонентов сплава и описание обследованных предметов [Енисосова, Кочкуркина, 2014; Королева, 2014; Крыласова, Подосенова, 2015; Подосенова, 2014]. Подобного рода публикации фактически обесценивают проделанную работу, поскольку не несут объективной информации, которой могли бы пользоваться другие исследователи.

При всех сказанных сложностях в понимании и верификации данных встает вопрос – насколько полезно для археологов использование портативных РФА-анализаторов. Безусловно, если в ближайшем доступе есть электронный микроскоп с вакуумной камерой, время и обученные люди, то можно обойтись и без портативного анализатора. В других случаях такими анализаторами безусловно нужно пользоваться. Однако, применение археологами портативных РФА-анализаторов требует разработки и внедрения соответствующей методики, учитывающей возможности и ограничения таких приборов. Во-первых, не стоит забывать, что портативный анализатор изначально не создавался как лабораторный инструмент, поэтому его надо использовать именно для первичного определения металла. В будущем никто не помешает, если представится возможность, верифицировать данные путем исследования предмета на более совершенном оборудовании и подтвердить либо опровергнуть первичные данные, если конечно в ходе консервации не было нанесено какое-то покрытие. Далее, при помощи РФА-анализатора удобно определять непосредственно сам материал – основу и основную легирующую присадку (при условии проведения анализа в нескольких точках). Подобные данные, могут оказаться очень полезными для изучения. При этом публикация «микроприсадок» также не будет лишней при составлении общей таблицы. Подобные

таблицы с полным процентным содержанием металлов в предмете все равно будут полезными. В этом случае можно рекомендовать исследователям вводить уточнения в текстовой части публикуемых статей – в скольких точках был обследован каждый предмет, в какой точке какой результат был получен. Желательно такие таблицы снабжать фото и рисунками с указанием зон взятия спектра. Рисунок и фото также помогут исследователям в изучении типологии и хронологии непосредственно самой анализируемой вещи. Также желательно в самой статье уточнять, что анализы получены при помощи именно портативного РФА-анализатора, а не просто РФА-методом, поскольку высокоточные электронные микроскопы также используют РФА-метод, и, таким образом, неполная информация в статье может ввести читателя в заблуждение о степени точности измерения. Рекомендации по дополнительному анализу патины также представляются важными и полезными. И, в итоге, данные о составе металла могут помочь правильно подобрать методику расчистки и консервации с целью сохранения найденного археологического предмета.

В завершение стоит отметить, что в ряде современных работ по исследованию состава металла подобного рода недочеты использования РФА-анализаторов учтены, методика совершенствуется, а исследователи публикуют не только выделенные типы сплавов и таблицы процентных соотношений элементов в изделиях, но и сопровождают свои публикации рисунками и фото предметов с указаниями мест снятия проб, анализируют предметы в нескольких местах, подробно расписывают методику проведения анализов [Казанцева, Перевоицков, Сабирова, 2015; Федорова, Гусев, Подосенова, 2016, с. 59–77]. Это свидетельствует о понимании важности полученной информации, а также о начале выработки элементов методики использования портативных РФА-анализаторов.

Библиографический список

- Агапов С.А., Гошко Т.Ю., Агапов Д.С. Проект по созданию каталога микроструктур эталонов литых бронз (предварительное сообщение) // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век, Материалы международной полевой научной конференции. Ульяновск, 2013. С. 187–202.
- Голдина Р.Д., Перевоицков С.Е., Сабирова Т.М. О составе металла некоторых украшений Ныргындинского I могильника I–III вв. н.э. в Среднем Прикамье // Ныргындинский I могильник II–III вв. н.э. на Средней Каме: материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 22. Ижевск. 2012. С. 341–362.
- Доткин К.В. Новые данные о составе металла находок Мокинского могильника по данным рентгенофлуоресцентного анализа // Международная полевая школа в Болгаре. Сборник материалов итоговой конференции. Казань, Болгар, 2015 г. С. 126–132.
- Ениосова Н.В., Кочкуркина С.И. Древнекарельские ювелирные изделия из цветного и драгоценного металла X – XV веков: ареал, датировка, химический состав // Труды Карельского научного центра Российской академии наук (№4). 2010. С. 24–33
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А. Рентгеноспектральный метод анализа археологического металла: преимущества, ограничения и ловушки в процессе измерения и интерпретации // Т р. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. 4. С. 146–149
- Казанцева О.А., Перевоицков С.Е., Сабирова Т.М. Состав изделий из цветного металла Красноярского I могильника // Известия Коми научного центра УрО РАН. Выпуск 4 (24). Сыктывка р. 2015. С. 100–107.
- Королева Э.В. Цветные металлы и сплавы в средневековом Пскове // Т р. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. 4. С. 155–159.
- Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А. Металлургическая мастерская с Рождественского городища: к вопросу о развитии товарного производства в Пермском Предуралье // Вестник Пермского научного центра УРО РАН, вып. №4. Пермь. 2015. С. 27–41.
- Перевоицков С.Е., Сабирова Т.М. Металлургическая продукция в Среднем Прикамье по материалам Тарасовского могильника I–V веков // Вестник Пермского университета. Се р. История. 2014. Вып. 1 (24). С. 71–81. (а)
- Перевоицков С.Е., Сабирова Т.М. Цветной металл Ошкинского могильника конца I–III вв. по результатам рентгенофлуоресцентного анализа // Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам по-

---

гребальных памятников I–V вв. н.э.): материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск. 2014. С. 452–470. (6)

Подосенова Ю.А. Рентгено-флуоресцентный анализ изделий из цветного металла Митинского могильника Ломоватовской археологической культуры // Труды КАЭЭ ПГГПУ, вып. 10. Пермь. 2015. С. 64–70.

Подосенова Ю.А. Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Пермского Предуралья в эпоху Средневековья: первые итоги исследования // Т р. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. 4. С. 173–175.

Равич И.Г. Эталоны микроструктур оловянной бронзы // Художественное наследие. №8 (38). М. 1983. С. 135–145.

Федорова Н.В., Гусев Ан. В., Подосенова Ю.А. Горнокнязевский клад Калининград: Издательский дом «РОС-ДОАФК», 2016. 80 с.

Чайковский И.И., Ширинкин П.С. Археоминералогия изделий древней цветной металлургии Пермского Прикамья: опыт использования электронно-микросондового анализа // Вестник Пермского университета. Се р. Геология. 2016. Вып. 4 (33). С. 6–17.

PRACTICES OF USING THE X-RAY FLUORESCENCE FUNCTION-METERING METHOD FOR THE DISCRIMINATION OF THE CHEMICAL COMPOSITION OF METAL IN ARCHEOLOGICAL RESEARCHES

K.V. Dotkin

Samara University, Moskovskoye shosse str, 34,443086, Samara, Russia
dotkonstantin@yandex.ru

The article demonstrates the experience of using portable XRF-analyzers in the practice of archaeological research. The features and limitations of the use of such instruments, the degree of objectivity of the results obtained are considered. As a result, the question arises about the creation of a unified methodology for the use of XRF-analyzers for archaeologists, the appearance of data publishing rules.

Keywords: X-ray fluorescence, XRF, alloy, metal composition, element, technique

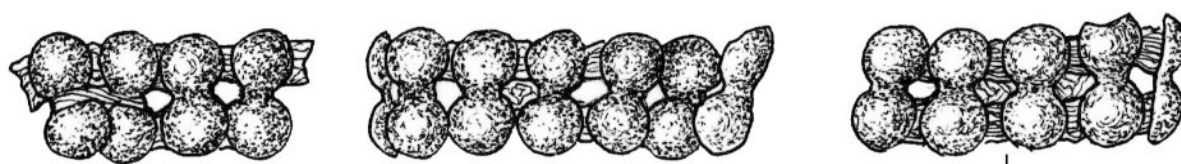

© Фото из личных архивов участников симпозиума

© Фото из личных архивов участников симпозиума

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИУРАЛЬЯ

КЕРАМИКА ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕАНАНЬИНСКОГО ВРЕМЕНИ В РАЙОНЕ Д. БОЛГАРЫ В ОКРУЖАЮЩЕМ КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

А.В. Васильева, С.Н. Кореньюк, М.Л. Перескоков

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
Anastasia-perm@mail.ru
Korenyuk_sn@mail.ru
Pereskoff@yandex.ru

В статье рассматривается комплекс керамики Болгарского IX селища в сравнении с керамикой могильника Протасы. Памятники являются единым комплексом и характеризуют керамику переходного периода от позднего этапа ананьинской культуры к раннему этапу гляденовской. Комплекс датируется III–II вв. до н.э.

Ключевые слова: керамика, ананьинская культура, селище, могильник

Вводные замечания

Группа позднеананьинских памятников около д. Болгары включает четыре селища (Болгары IV, V, IX, X) и могильник Протасы. Болгарские IV и V селища расположены на р. Сарабаиха, открыты А.Е. Старковым в 1991 г. Болгарские IX и X селища и могильник Протасы, расположены на близлежащих мысах коренной террасы р. Симеиха, правого притока р. Сарабаиха, левого притока р. Нижняя Мулянка в Пермском районе Пермского края.

Болгарские IX и X селища открыты А.Е. Старковым в 1991 г. В 1993 г. С.Н. Кореньюком был обнаружен и исследован могильник «Протасы», относящийся к переходному периоду от ананьинской к гляденовской культуре, и предварительно датирующийся – III–II в. до н.э. [Кореньюк, 2012].

В 2008 г. масштабные охранные работы были проведены на Болгарском IX селище под руководством А.В. Васильевой и опубликованы авторами статьи. Материалы памятника датируются III – началом II вв. до н.э., что уточняет датировку пары поселение-могильник в целом [Васильева, Кореньюк, Перескоков, 2015; 2018¹⁹].

Основной целью данной работы является подробная публикация и анализ керамического комплекса памятников (поселение и могильник) в контексте керамики синхронных памятников прилегающих территорий.

Керамика Болгарского IX селища

В ходе работ 2008 г. была собрана весьма солидная коллекция вещевого материала – бронзовые предметы различного назначения, железные предметы различного назначения, костяные предметы, а также керамический материал.

В ходе обработки керамического материала удалось выделить 148 сосудов, которые можно разделить на две группы по их назначению.

Небольшие керамические чашки (рис. 8,7-11) диаметром от 1,5 до 6 см. Таких сосудов удалось выделить 10 экземпляров. Все сосуды данной группы (кроме одного, который орнаментирован мелкими вдавлениями в три ряда по венчику) неорнаментированы.

По составу глиняного теста они разделяются на две категории: с примесью мелко толченой раковины (2 экз.) и без примесей (8). Сосуды без примесей в глиняном тесте имеют более толстые стенки (до 0,7 см) и были вылеплены из одного куска глины. Сосуды с примесью раковины по составу теста схожи с остальными сосудами данного памятника и изготовлены по той же технологии, толщина стенок 0,3–0,4 см.

© А.В. Васильева, С.Н. Кореньюк, М.Л. Перескоков, 2021

¹⁹ Настоящая работа была представлена в виде доклада на I съезде историков Республики Коми (31 марта – 4 апреля 2015 г.) в г. Сыктывкар. Основные положения опубликованы в виде тезисов по результатам конференции [Васильева, Кореньюк, Перескоков, 2018]. В данном сборнике работа публикуется в полном объеме.

Данные сосуды относятся к сакральным предметам, и происходят в основном из комплекса культовых объектов, который выявлен на краю мысовой части памятника.

Бытовая керамика 138 сосудов, из которых 71 (51,12%) орнаментированы. Данные сосуды по форме можно разделить на три типа (у 15 (10,8%) сосудов тип в связи с сильной фрагментированностью определить не удалось). На 30 сосудах (21,73%) на шейке присутствует лепной «воротничок».

К *первому типу* принадлежат сосуды с выраженной прямой или отогнутой наружу шейкой (рис. 1, 2, 4, 5; 2, 2, 5-6, 10; 3, 1-2, 4, 6-7, 12; 4, 1, 3-4, 7-8; 5, 1-2, 4-5; 6, 1-3; 7, 1). Всего было выделено 41 (29,52%) таких сосуда, из которых неорнаментированные – 9 шт. (6,48%) (включая 2 шт. (1,44%) с воротничком), орнаментированные – 32 (23,04%) (из них 20 (14,4%) с воротничком, причем один имеет двойной воротничок).

Второй тип представлен сосудами со слабовыраженной шейкой, расширяющимся от венчика туловом, иногда слегка отогнутыми наружу венчиками (рис. 1-3, 7; 2, 3, 4, 8, 7, 9; 3, 8, 9, 11, 13, 14; 4, 2, 10, 11). Всего удалось выделить 57 (41,04%) таких сосудов, 32 (23,04%) из них неорнаментированные, 25 (18%) - с различными типами орнаментов (на одном сосуде фиксируется слабовыраженный воротничок).

Третий тип – чашевидные сосуды (рис. 2, 1, 11; 3, 5, 10; 4, 9; 5, 3, 6; 7, 2; 8, 1-4) представлены 25 (15,12%) экземплярами диаметром от 10 до 28 см, орнаментированы из них 4 (2,88%).

Необходимо отметить, что все выделенные бытовые сосуды круглодонные, основная примесь в тесте – мелкотолченая раковина.

Что касается непосредственно орнаментации, то основная масса сосудов (57 шт. (41,04%)) орнаментирована непосредственно по шейке сосуда (30 (21,6%) сосудов первого типа, из них 19 (13,68%) с воротничком; 17 (12,24%) сосудов второго типа (включая 1 (0,72%) с воротничком), 1 (0,72%) сосуд третьего типа, а также 9 (6,48%) сосудов, тип которых установить не удалось), 8 шт. (5,76%) орнаментирована как по шейке, так и по венчику (из них 2 (1,44%) сосуда третьего типа, 5 (3,6%) сосудов – второго и 1 (0,72%) сосуд первого типа с воротничком), и оставшиеся 5 (3,6%) шт. имеют орнамент только по венчику (3 (2,16%) сосуда второго типа, 1 (0,72%) сосуд третьего типа и 1 (0,72%) сосуд, тип которого не установлен).

Среди орнаментированных сосудов наиболее часто встречается следующие элементы:

– *ямочный орнамент* (рис. 1, 2-4; 2, 5-10; 3, 1, 4, 11; 4, 2; 5, 2-5). Данный элемент орнаментации встречается у 22 (15,84%) сосудов (16 (11,52%) сосудов принадлежат к первому типу, из них 11 (7,92%) имеют воротничок; 4 (2,88%) сосуда – второго типа (из которых 1 (0,72%) с воротничком), 1 сосуд (0,72%) принадлежит к третьему типу, а также 2 сосуда (1,44%), тип которых не определен). Также выделены сосуды, где ямочный орнамент встречается в комплексе с каким-либо еще. Так, 1 сосуд (0,72%) орнаментирован ямочным орнаментом в комплексе зубчатым штампом. Данный сосуд относится ко второму типу, без воротничка. Также выделен 1 сосуд (0,72%), орнаментированный ямочным орнаментом в комплексе со шнуровым. Оба эти сосуда относятся к первому типу. Один сосуд с воротничком, второй – без. Еще один сосуд второго типа, выделенный в ходе обработки материала, орнаментирован ямочным орнаментом по венчику и шейке. По шейке ямочный орнамент сочетается в комплексе с резным.

– *зубчатый (гребенчатый) штамп*. Всего выделено 7 (5,04%) сосудов, орнаментированных исключительно зубчатым штампом (рис. 1, 7; 3, 6; 4, 1, 4-6; 8, 1-3, 10). Большинство подобным образом орнаментированных фрагментов – это сосуды первого типа (всего их 4 (2,88%), из которых 1 (0,72%) фрагмент без воротничка). Остальные фрагменты – сосуды, тип которых определить не удалось. Также встречаются сосуды, где зубчатый штамп фигурирует в комплексе с другими элементами орнаментации. Так, 1 (0,72%) сосуд, упомянутый выше, имеет орнаментацию в виде ямок и зубчатого штампа, а у 1-го сосуда (0,72%) первого типа с воротничком зубчатый штамп фиксируется в комплексе со шнуром (рис. 1-4)

– *шнуровой орнамент* также встречается достаточно часто (рис. 2, 2; 4, 3-8; 5, 3; 6, 3; 7, 2; 8, 1-3). Данный тип орнаментаций «в чистом виде» встречается у 7 (5,04%) выделенных сосудов, 5 сосудов (3,6%) из которых относятся к первому типу, один (0,72%) из них имеет двойной воротничок. У двух оставшихся сосудов (1,44%) тип определить не удалось. Также у 1-го сосуда (0,72%) шнуровой орнамент встречается в комплексе с точечными вдавлениями (сосуд второго типа без воротничка), еще у одного сосуда (0,72%) также фиксируются вдавления только подтреугольной формы (рис. 2–1). Сосуды с комплексной орнаментацией в виде шнура и зубчатого штампа, а также шнура и ямочного орнамента описаны выше.

– *Вдавления* (рис. 1, 3; 2, 3; 3, 6-7; 4, 2, 9-10; 5, 4) различной формы как тип орнаментации встречаются у 7 (5,04%) выделенных сосудов. 4 (2,88%) выделенных сосуда, относящиеся ко второму типу, имеют каплевидные вдавления, расположенные в 1–2 ряда. Также два сосуда (один первого типа с воротничком, второй – второго типа) имеют ромбовидные вдавления. Один выделенный сосуд, с неустановленным типом, имеет округлые вдавления, также один сосуд второго типа, описанный выше, орнаментирован точечными вдавлениями в комплексе со шнуровым орнаментом.

– Орнамент в виде *насечек* (рис. 4, 7; 8, 5, 12) представлен у 11 (7,92%) выделенных сосудов. Все сосуды относятся ко второму типу, за исключением одного (0,72%), тип которого определить не удалось. У этого сосуда орнамент в виде насечек зафиксирован только по венчику; 5 сосудов (3,6%) имеют данный орнамент как по шейке сосуда, так и по венчику; 3 (2,16%) – исключительно по шейке, причем 1 сосуд (0,72%) имеет комплексную орнаментацию, состоящую из насечек по шейке, а также прочерченной линии.

Помимо часто встречающихся элементов орнаментации, также зафиксировано небольшое количество сосудов, орнаментированных элементами, фиксирующихся в единичных случаях.

– Также два выделенных сосуда (1,44%) имеют *ногтевидный орнамент* (рис. 3, 3; 3, 6) по шейке. Один сосуд (0,72%) относится ко второму типу, тип второго (0,72%) определить не удалось.

– *Резной орнамент* в данном комплексе зафиксирован всего дважды (1,44%) – 1 (0,72%) сосуд третьего типа орнаментирован резным орнаментом по венчику, а также 1 (0,72) сосуд второго типа орнаментирован резным орнаментом (в виде зигзагообразных линий) по шейке сосуда в комплексе с ямочным (рис. 4, 2; 5, 3).

– *Сложная орнаментация*, состоящая из отдельных элементов, входящих в единый комплекс (вдавления, насечки, ямки и шнуровой орнамент) встречаются у 3 (2,16%) выделенных сосудов. У 1 сосуда (0,72%) шнуровой орнамент фиксируется в виде практически замкнутой подковки (рис. 1–12). Подобный элемент неоднократно встречается при раскопках памятников археологии данного периода. Так подобная орнаментация в материалах могильника Протасы. У одного сосуда помимо орнаментации по шейки имеется орнаментация в виде зубчатого штампа по краю венчика. Этот сосуд относится к третьему типу.

– Орнамент в виде *защипов* по венчику зафиксирован только у одного (0,72%) сосуда второго типа.

Керамика могильника «Протасы»

В ходе раскопок 1993 г. было обнаружено 644 фрагмента керамики, из которых выделено 35 сосудов (рис. 9-11). Количество сосудов первого типа, с выраженной, слегка отогнутой наружу шейкой, диаметр венчика которых меньше или равен наибольшему диаметру тулова составляет 20% от общего числа сосудов. Сосуды второго типа, с выраженной прямой или отогнутой наружу шейкой, тулово которых расширяется по отношению к венчику, составляют 42,8% от общего количества. И, наконец, чашевидные сосуды без шейки (тип 3), с прямым или слегка отогнутым внутрь венчиком (31,7%). На двух сосудах прослежены слабо выраженные воротнички. Все сосуды круглодонные и содержат примесь толченой раковины в глиняном тесте. Орнаментировано 68,5% всех сосудов. Наиболее типичный элемент орнамента – каплевидные или продолговатые, реже – треугольные вдавления (66,7% орнаментированных сосудов). Реже встречаются ямки (41,7%) и отиски шнура (20,8%). Единичны

узоры в виде резного зигзага, резных крестов и «подковок». 41,7% сосудов орнаментированы только одним или двумя рядами вдавлений, 20,8% украшены рядами ямок, 8,3% – орнаментом, объединяющим ямки и вдавления. Помимо этого, есть отдельные сосуды, орнаментированные:

- оттисками шнура + рядами вдавлений + ямками;
- оттиском шнура + вдавлениями;
- оттиском шнура + рядом ямок + резным зигзагом;
- оттиском шнура + ямками;
- вдавлениями + ямками + резными крестами;
- просто оттисками шнура.

Кроме того, 2 сосуда украшены продолговатыми вдавлениями по венчику. Венчики, как правило, плоские или уплощенные, реже – округлые.

Выводы

Селище Болгары IX и могильник Протасы является единым комплексом, включающим поселенческий (жилой и культовый) и погребальный объекты. Возможно, к нему так же относятся и соседние памятники, на сегодняшний момент не исследованные раскопками. Комплекс характеризуется единой материальной культурой, датируется III – началом II вв. до н.э. и иллюстрирует финальный этап ананьинской культуры – переход от ананьинской к гляденовской культуре в Пермском Прикамье [Васильева, Кореньюк, Перескоков, 2015. с. 155; Чижевский, 2018], что дает основания считать его *эталонным комплексом* для Пермского Прикамья периода культурной трансформации.

Керамика комплекса Болгары IX – Протасы типична как для микрорегиона Мулянского поречья, так и для рубежа ананьинской и гляденовской культуры в Пермском Прикамье в целом. Наиболее близкие аналогии керамическому материалу можно найти в посуде ближайших поселенческих памятников: поднеананьинских комплексах Мокинского I поселения-могильника [Перескоков, 2019], городища Кала-Урын [Доткин, Перескоков, 2018], Гляденовского городища-костища [Якимова, 2018; 2019²⁰], а так же в памятниках Осинско-Еловского Прикамья: в нижнем слое Калиновского городища [Оборин, 1964. С. 130–132] и верхнем слое Гремячанского святилища [Вечтомов, 1962; Кореньюк, Мельничук, Перескоков, 2014], которые датируются IV – II вв. до н.э. Один из авторов статьи в предыдущих работах отмечал, что по форме сосудов и орнаментации керамика могильника «Протасы» более близка памятникам Осинско-Еловского Прикамья, нежели Пермского [Кореньюк, 2012. С. 154]. Вероятно, стоит констатировать, что керамика синхронных памятников верхнего течения Нижней Мулянки представляет собой однородный комплекс, имеющий черты как, с керамическими комплексами, расположенными севернее (типа Конецгор, Усть-Сылва), так и с более южными. Практически полные аналогии своеобразных орнаментальных композиций, таких как подковки и замкнутые круги из шнура (Рис. 5, 3; 9, 1; 11, 4), присутствуют, например и на городище Кала-Урын (Рис. 1, 1-2 к статье М.Л. Перескокова «Группа предметов позднего этапа ананьинской культуры с комплекса памятников кала-урын (по материалам раскопок 2013-2017 гг.» в настоящем сборнике). При этом, большое сходство с керамикой Осинско-Еловского Прикамья также очевидно. Это выражается в значительном присутствии орнаментации в виде различной формы вдавлений. Керамика Гляденовского городища-костища несколько отличается, что может быть объяснено специфическим характером объекта, так как Гляденовское костище, являясь крупнейшим святилищем в Прикамье, несомненно, имело статус межплеменного и было местом соприкосновения и взаимопроникновения различных локальных культурных традиций ананьинского населения, которые формируют региональную специфику керамических комплексов. Указанные факторы сделали Мулянскую территорию своеобразной буферной зоной между более монолитными в орнаментации

²⁰ Полные сводки по поднеананьинским керамическим комплексам городища Кала-Урын и Гляденовского городища-костища см. в настоящем сборнике. Общую сводку по керамике поднеананьинского времени см. в статье о керамике Гляденовского городища-костища настоящего сборника.

ции керамической посуды комплексами Осинско-Еловского Прикамья и низовьев рек Сылва и Чусовая.

Библиографический список

- Васильева А.В.* Находки культовых глиняных фигурок на позднеананьинском селище Болгары IX // Пермские финны и угры Урала в эпоху железа. Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып. VI. Пермь, 2009. С.16–21.
- Васильева А.В., Кореньюк С.Н., Перескоков М.Л.* Болгарское IX селище – памятник финала ананьинской культуры в окрестностях г. Перми // Поволжская археология. 2015 №2 (12). С. 136–159.
- Васильева А.В., Кореньюк С.Н., Перескоков М.Л.* Керамические комплексы памятников позднеананьинского времени в районе д. Болгары // История и культура Российского Севера в исследовательском, образовательном и просветительском измерениях. Материалы I съезда историков Республики Коми (31 марта – 4 апреля 2015 г.) Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. Ч.3. С. 3–7.
- Вечтомов А.Д.* Раскопки Гремячанского поселения на р. Тулве // ВАУ. Вып.2. Свердловск: УрГУ: 1962. С. 85–89.
- Доткин К.В., Перескоков М.Л.* Керамика археологического комплекса Кала-Урын (по материалам исследований 2013 г.) // История и культура Российского Севера в исследовательском, образовательном и просветительском измерениях. Материалы I съезда историков Республики Коми (31 марта – 4 апреля 2015 г.) Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. Ч.3. С.8–11.
- Кореньюк С.Н.* Могильник «Протасы» // Археологические памятники Поволжья и Урала: современные проблемы сохранения и музеефикации. Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып. VIII. Пермь, 2012. С.143–155.
- Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Динамика эволюции керамических комплексов среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Осинском Прикамье (на примере Гремячанского поселения-святилища) // «Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы». Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 20 – Казань: Отечество, 2014 С. 292–302.
- Оборин В.А.* О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с Племенами Башкирии в эпоху железа // АЭБ. Том.П. Уфа: Баш.кн. изд-во: 1964. С.130–135.
- Перескоков М.Л.* Ананьинский комплекс Мокинского поселения-могильника // Археология Евразийских степей. 2019. №2. С. 259–267.
- Чижевский А.А.* Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология Евразийских степей. 2017. №4. С.196–256.
- Якимова Д. А.* Анализ керамики Гляденовского костяка (по материалам раскопок 2017 – 2018 гг.) // LI Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция (УПАСК, 5 – 8 февраля 2019 года): материалы всероссийской (с международным участием) конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019.С. 107–109.
- Якимова Д.А.* Керамика Гляденовского костяка (по материалам раскопок 2017 г.) // L Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. Самара: Самарский университет, 2018. С. 267–274.

CERAMICS FROM THE LATE ANANYINO TIME SITES NEAR THE BOLGARY VILLAGE (PERM REGION) IN THE SURROUNDING CULTURAL CONTEXT

A.V. Vasilyeva, S. N. Korenyuk, M. L. Pereskokov

Perm State National Research University, 15 Bukireva str., Perm, 614990

Anastasia-perm@mail.ru

Korenyuk_sn@mail.ru

Pereskokoff@yandex.ru

The article considers the complex of ceramics from the Bulgarian IX settlement in comparison with the ceramics of the Protasy burial ground. The monuments are a single complex and characterize the ceramics of the transition period from the late stage of the Ananyino culture to the early stage of the Glyadenovo culture. The complex dates III-II centuries BC.

Keywords: ceramics, Ananyino culture, settlement, burial ground

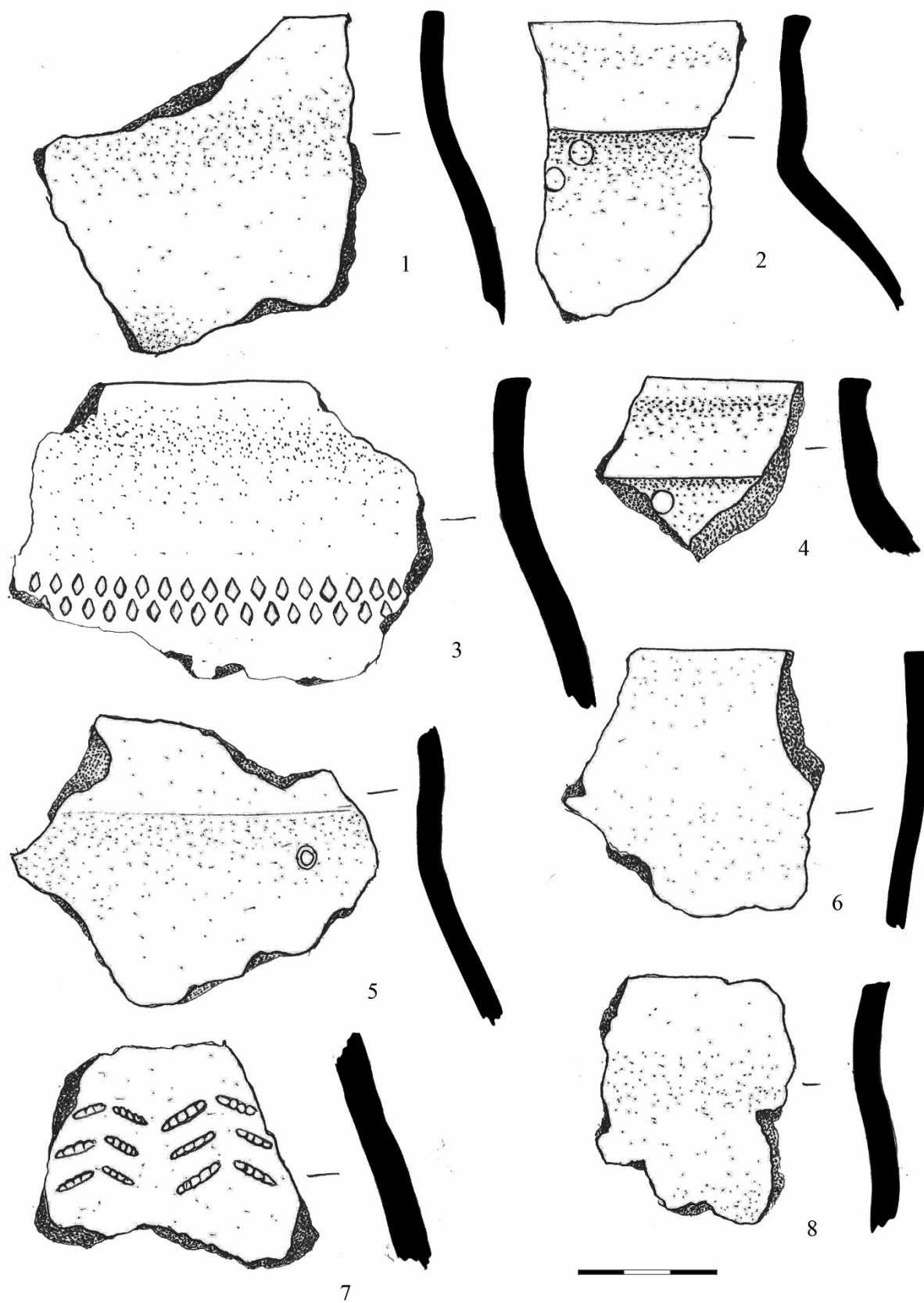

Рис. 1. Селище Болгары IX. 1-8. Керамика.

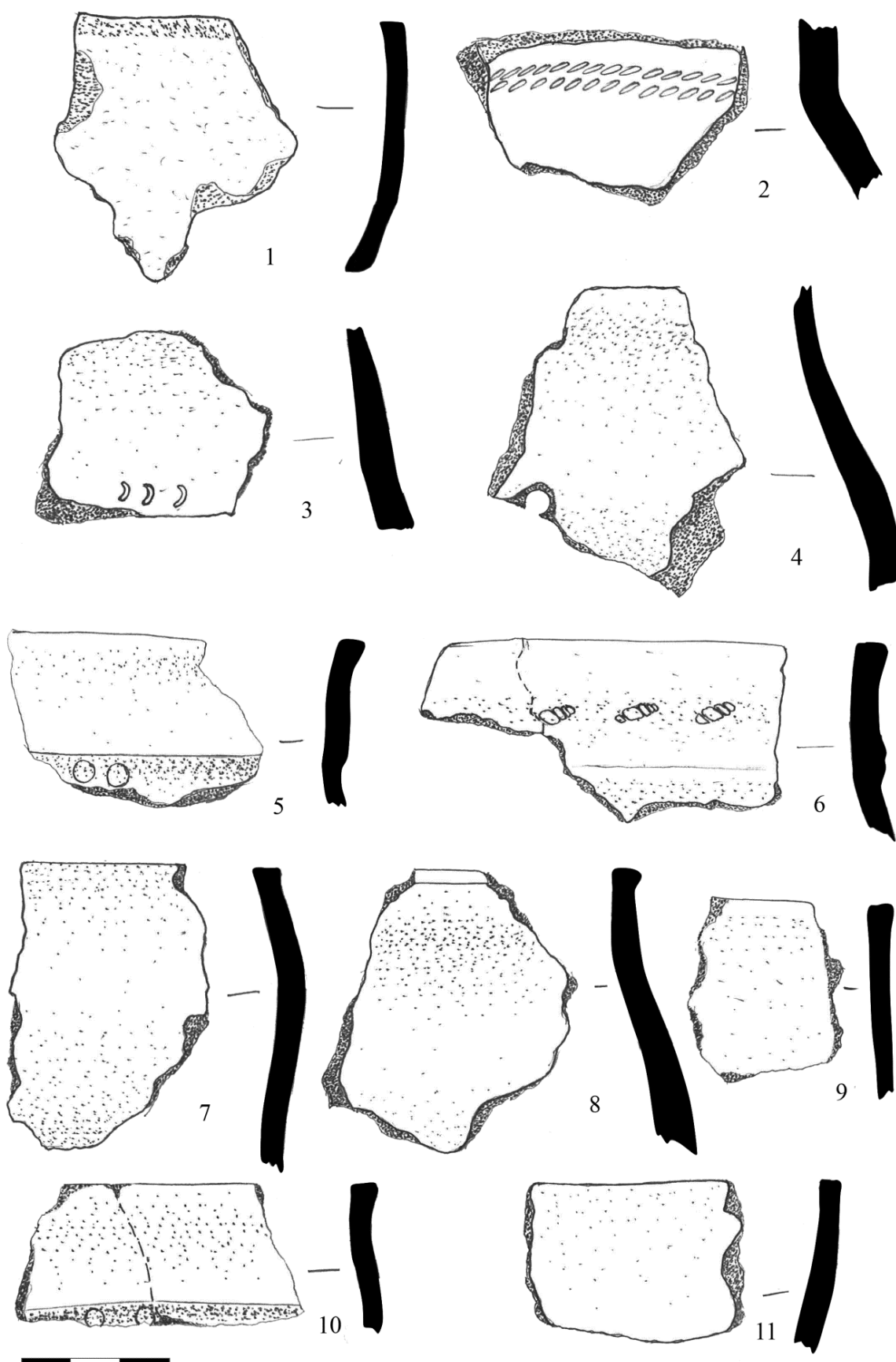

Рис. 2. Селище Болгары IX. 1-11. Керамика.

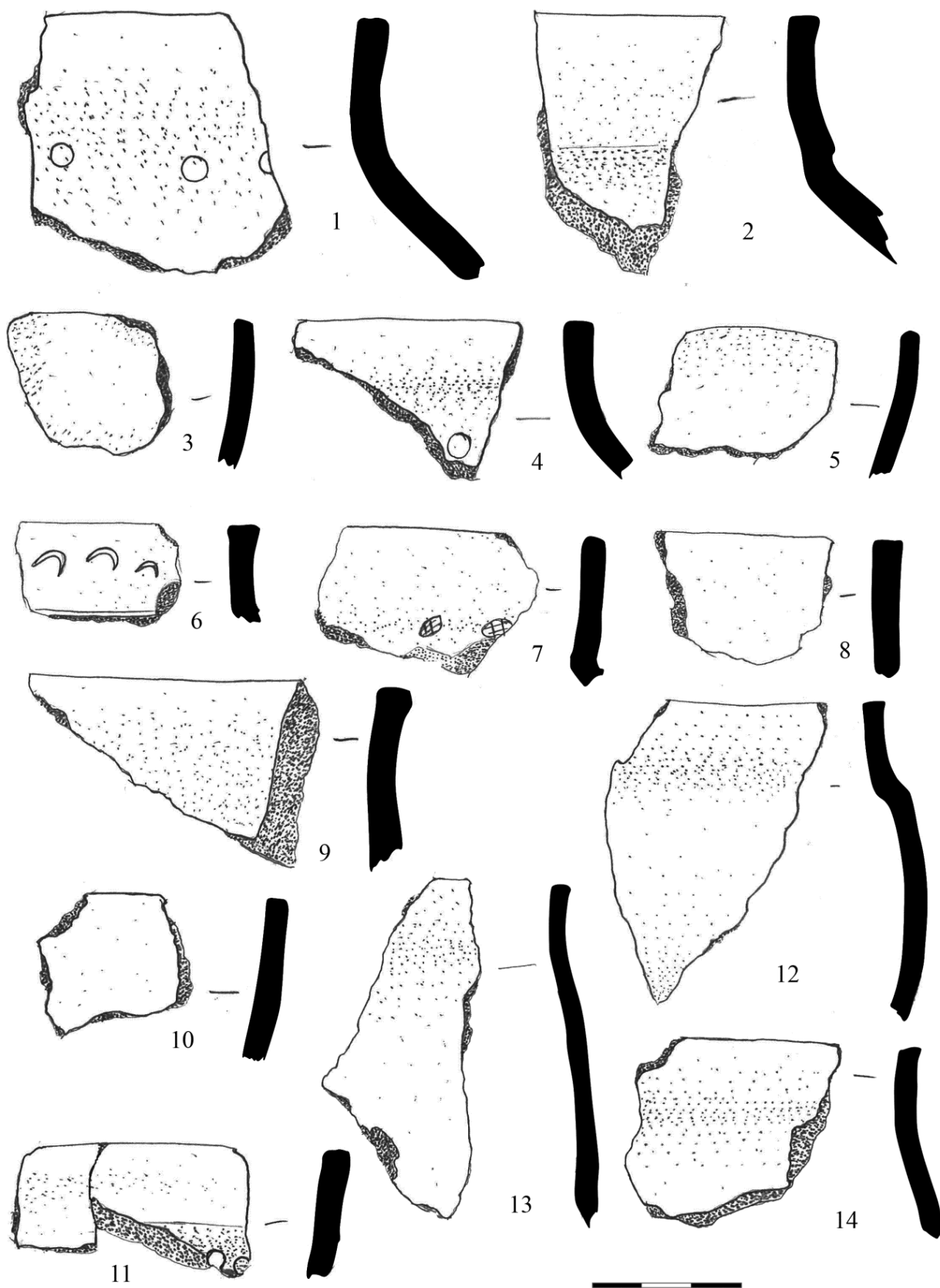

Рис. 3. Селище Болгары IX. 1-14. Керамика.

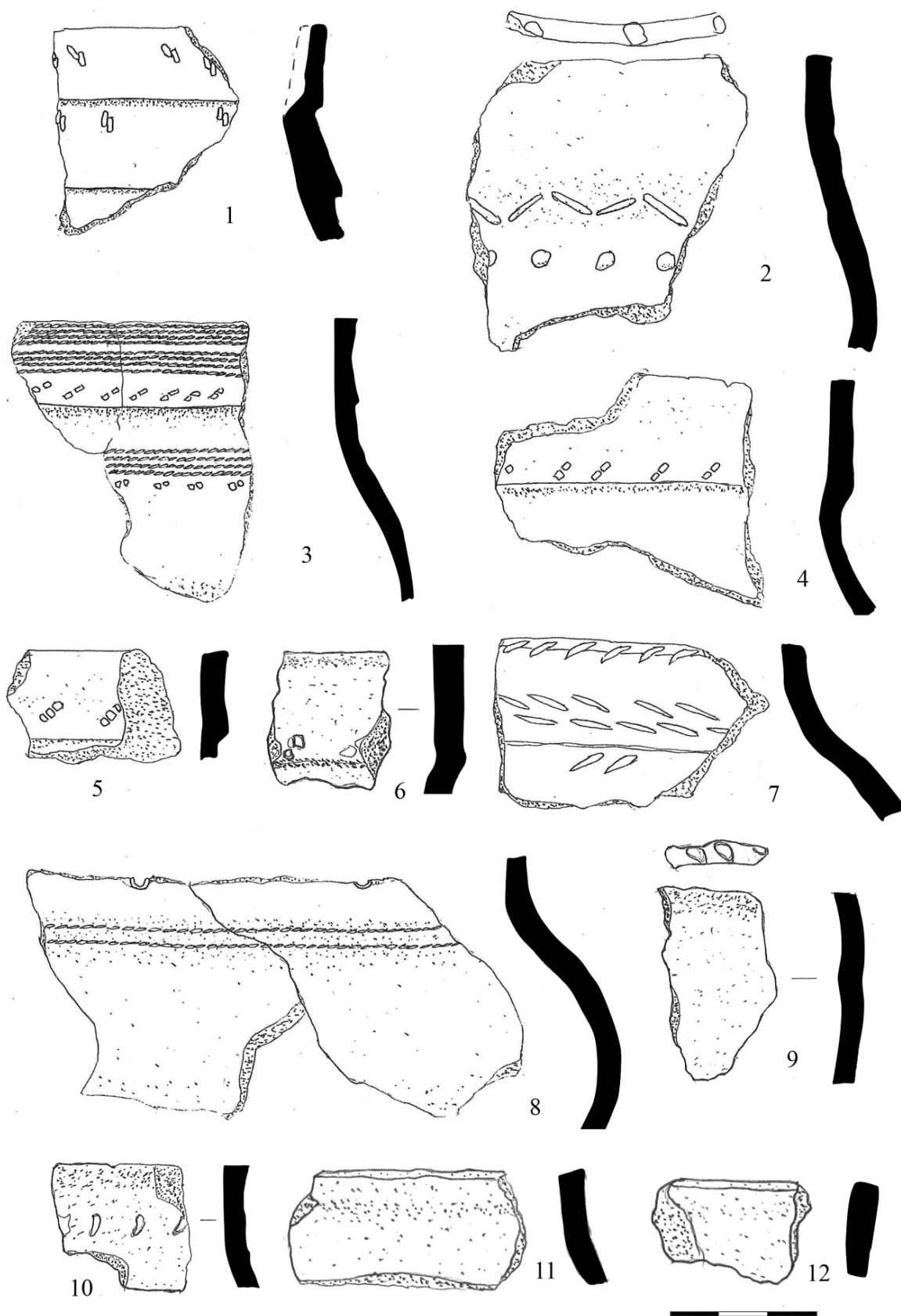

Рис. 4. Селище Болгары IX. 1-12. Керамика.

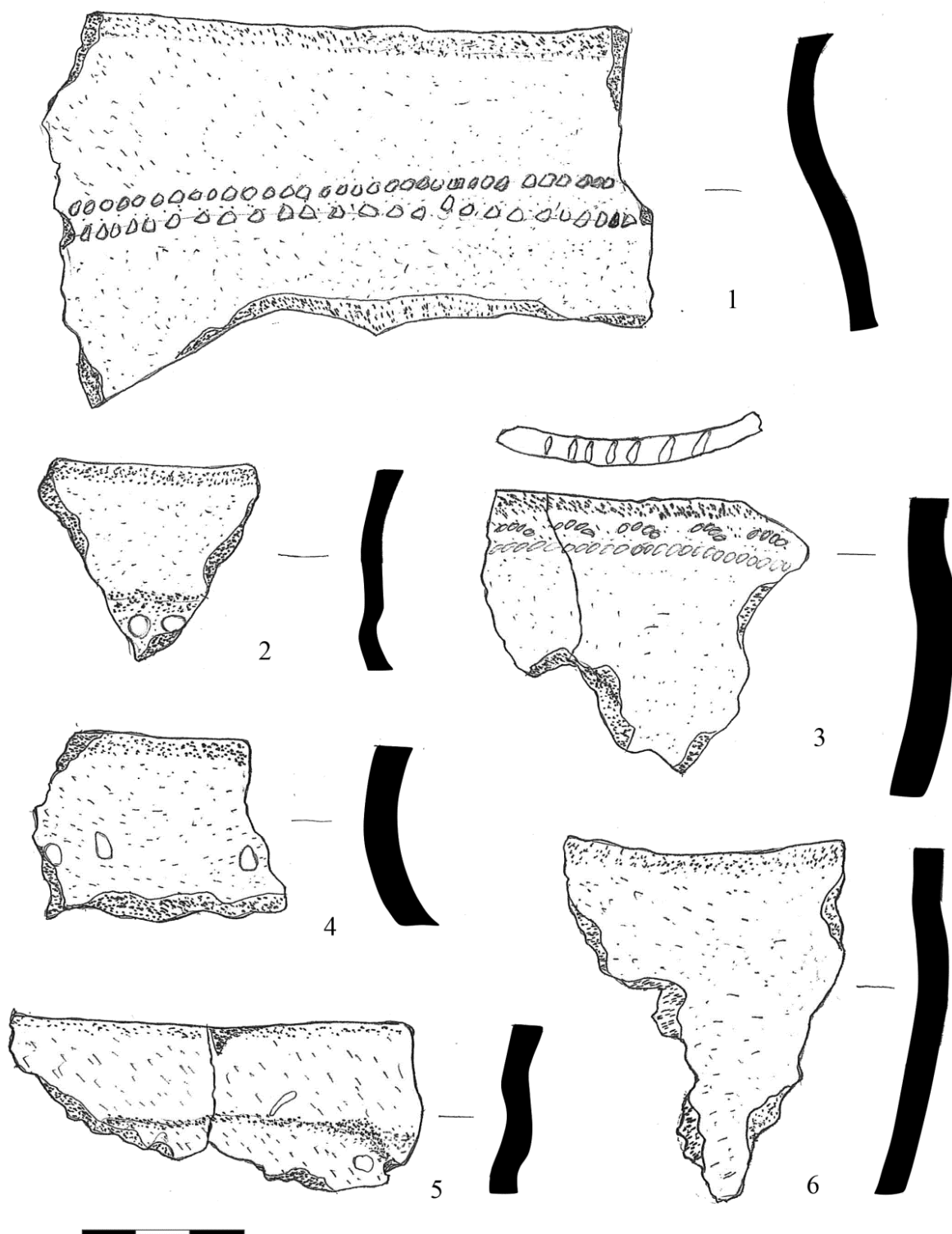

Рис. 5. Селище Болгары IX. 1–6. Керамика.

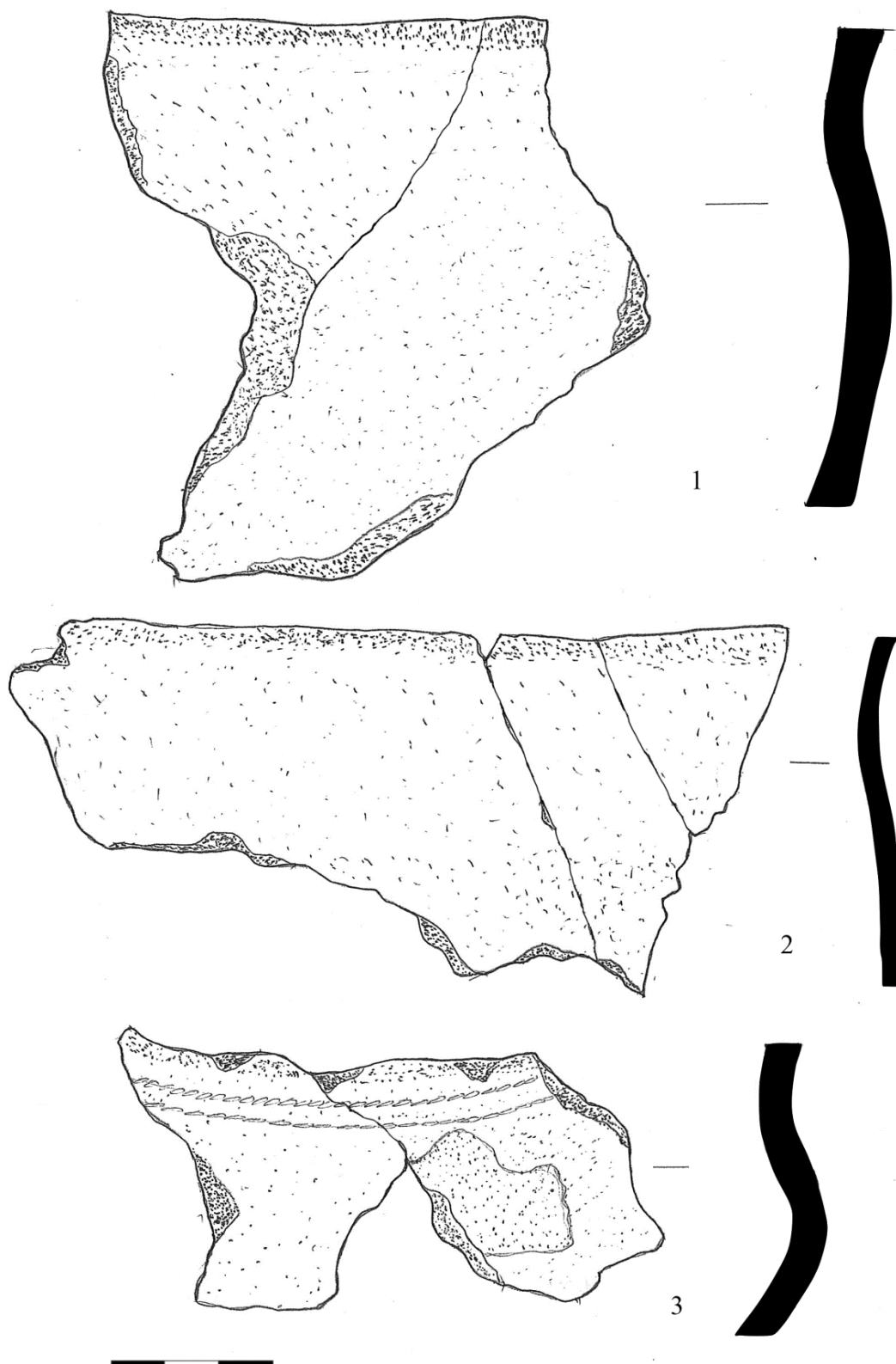

Рис. 6. Селище Болгары IX. 1–3. Керамика.

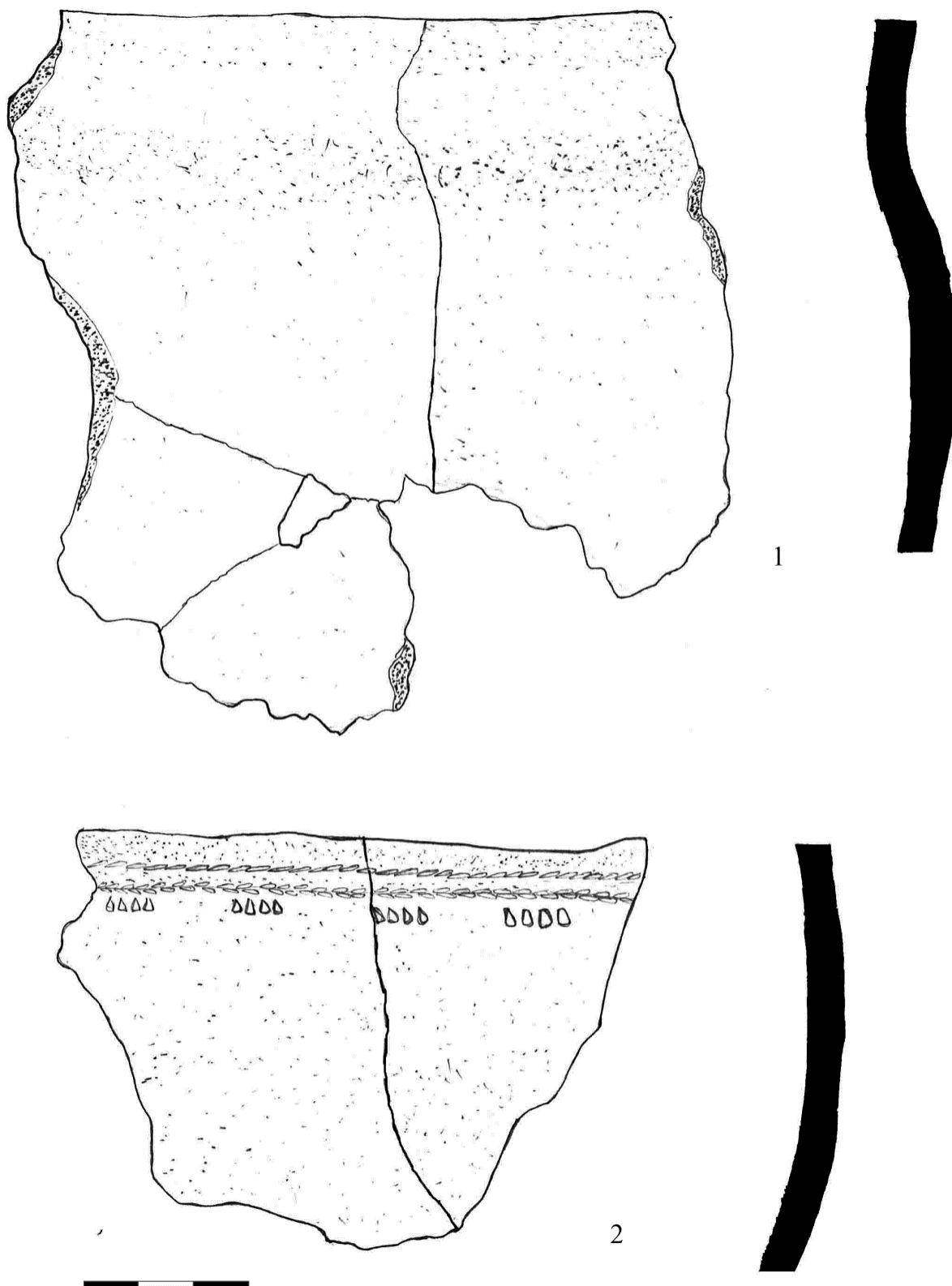

Рис. 7. Селище Болгары IX. 1–2. Керамика.

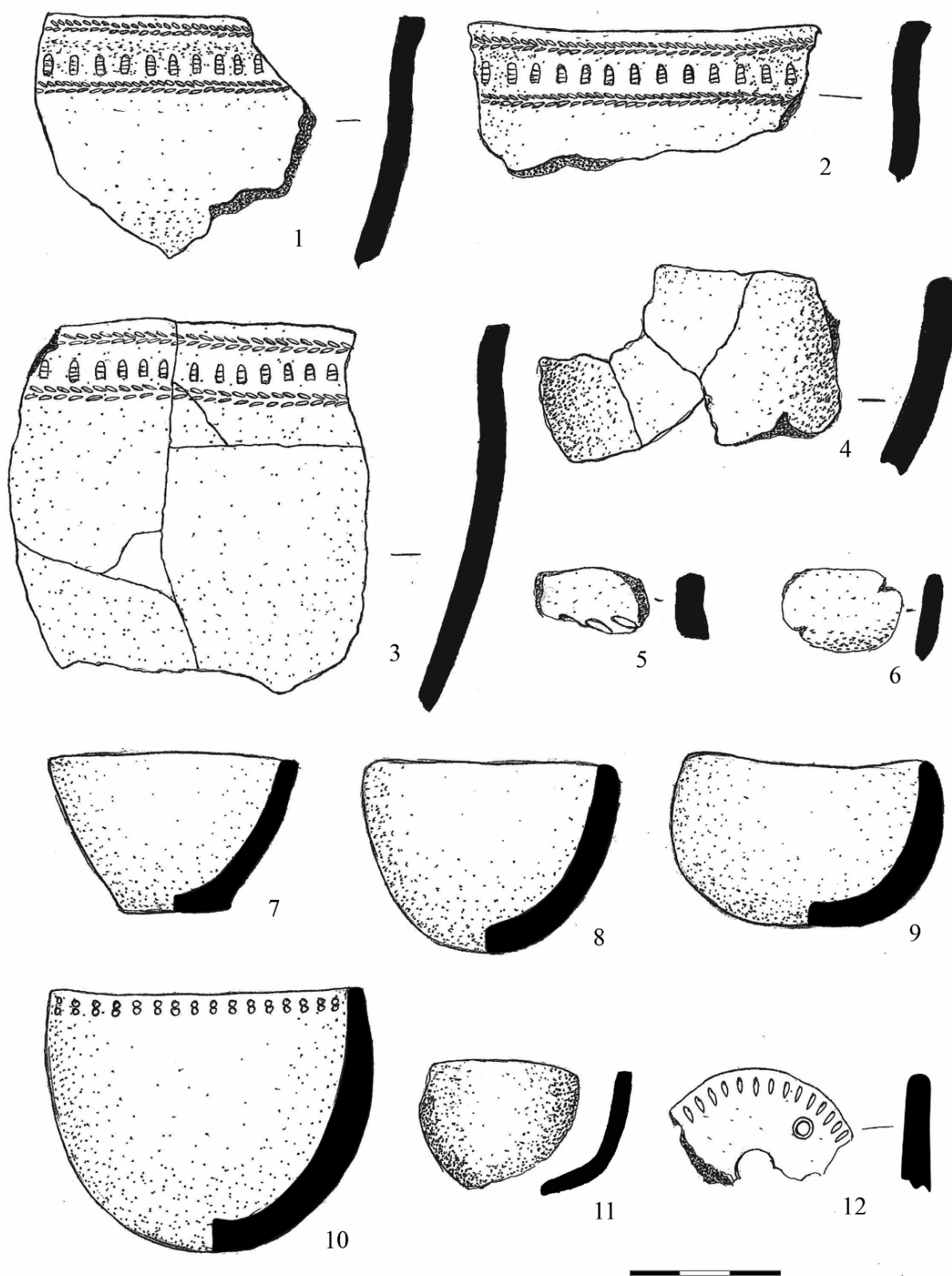

Рис. 8. Селище Болгары IX. 1–11. Керамика; 12. Керамическое пряслице.

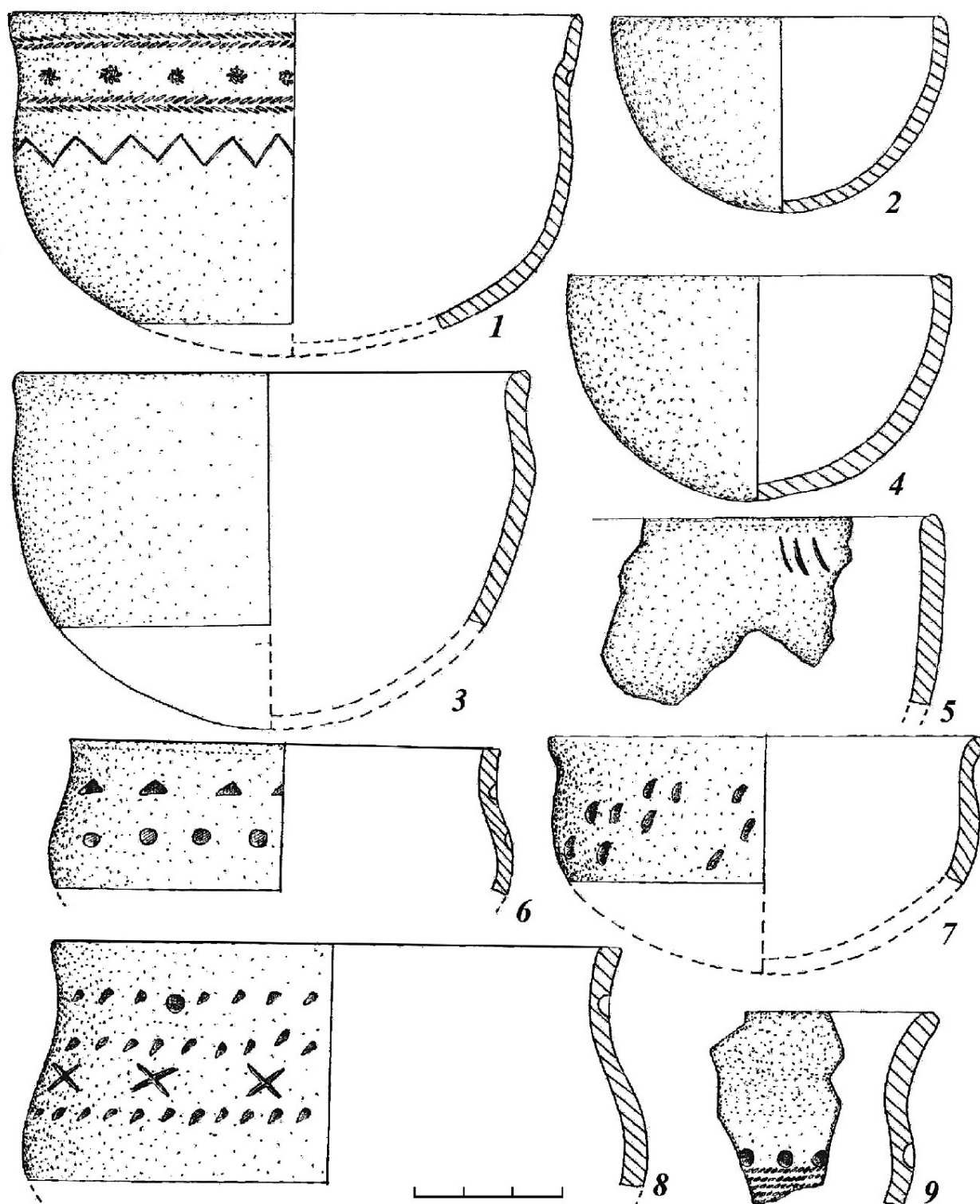

Рис. 9. Могильник Протасы Керамика. 1-4. Яма №3; 5-9. Яма №1.

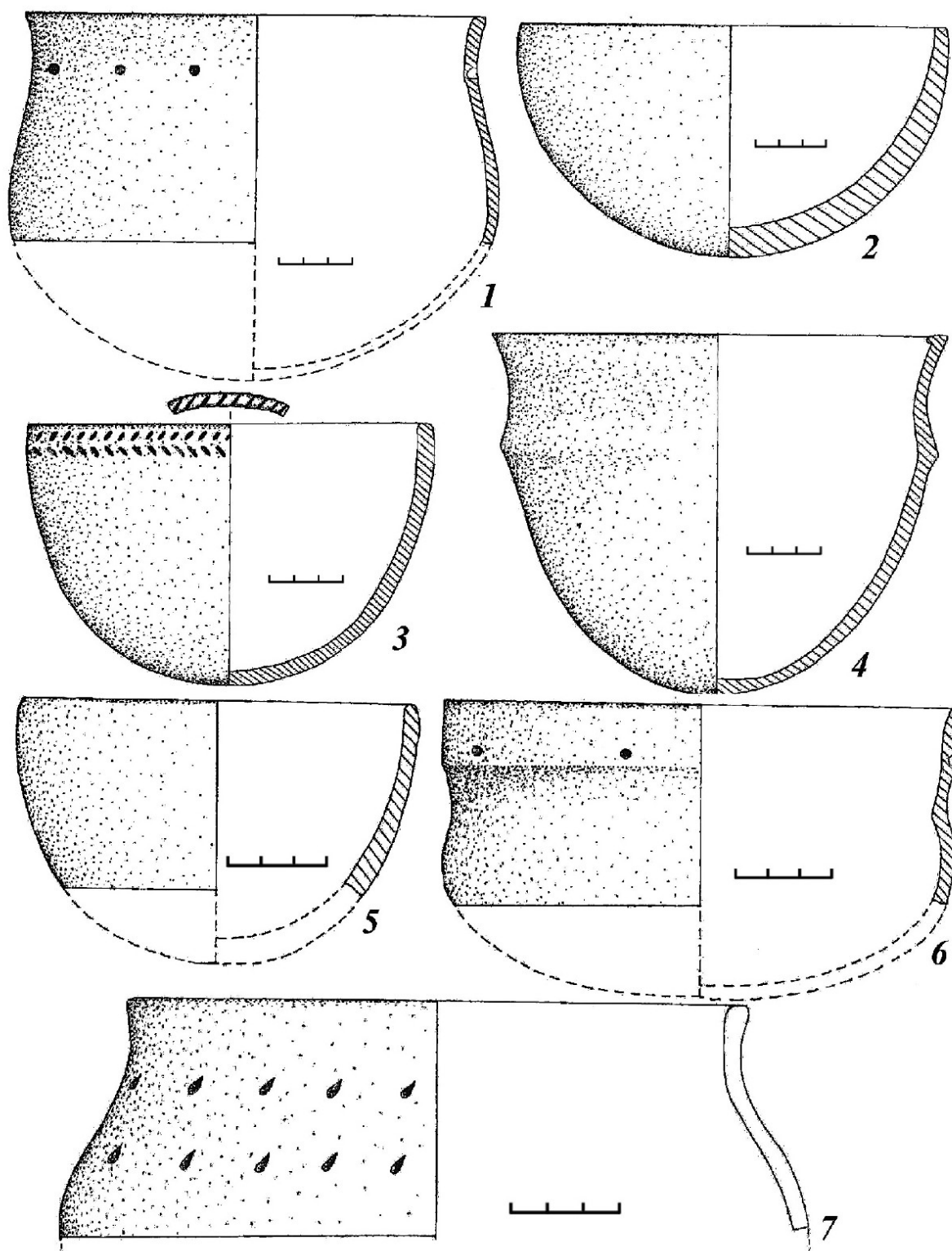

Рис. 10. Могильник Протасы. Керамика. 1. Яма №4; 2-3. Погребение №7; 4,6. Яма №3; 5,7. Яма №1.

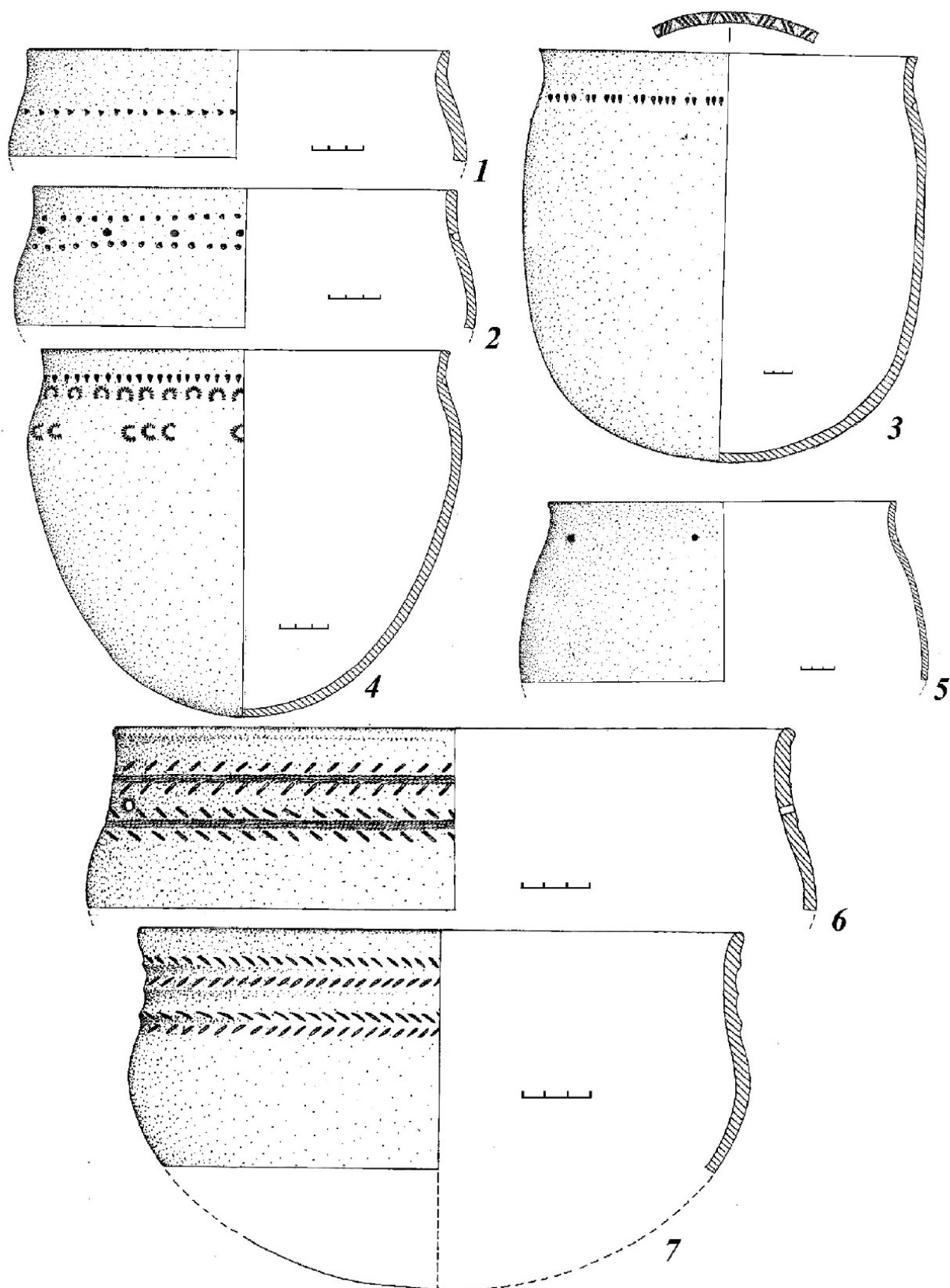

Рис. 11. Могильник Протасы. Керамика. 1. Яма №2; 2. Яма №4; 3-5. Яма №1; 6-7. Яма №3.

ГРУППА ПРЕДМЕТОВ ПОЗДНЕГО ЭТАПА АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ С КОМПЛЕКСА ПАМЯТНИКОВ КАЛА-УРЫН (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2013-2017 гг.).

М.Л. Перескоков

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
pereskoff@yandex.ru

В статье рассматриваются предметы из раскопок комплекса памятников Кала-Урын, относящиеся к позднему этапу ананьинской культуры. Характеризуется керамический комплекс, каменные предметы и бронзовый наконечник стрелы. Приданы типология, морфология и анализ орнамента керамики. Представленный комплекс имеет близкие аналогии в памятниках бассейна р. Нижняя Мулянка и предварительно датируется (IV–III вв. до н.э.).

Ключевые слова: ранний железный век, Пермское Прикамье, городище, могильник комплекс археологических памятников, керамика, ананьинская культура, орнамент, бронзовый наконечник стрелы.

Археологический комплекс Кала-Урын включает могильник, городище и два селища. Памятники открыты и обследованы в разное время. Городище Кала-Урын I было открыто в 50-е гг. сотрудниками КАЭ ПГУ. В 1983–85 гг. В.А. Борзуновым были предприняты раскопки городища в юго-восточной части памятника, во время которых был обследован участок с оборонительными сооружениями – тремя валами и тремя рвами, а также открыто находящееся за валами селище Кала-Урын I [Борзунов, 1987]. Могильник Кала-Урын был открыт Г.Т. Ленц в 1983 г., в дальнейшем обследовался Н.В. Соболевой в 1985 г. В 1991 году в ходе разведки А.Е. Старкова были обследованы все три памятника и открыто селище Кала-Урын II [Старков, 1991]. В ходе исследований городище Кала-Урын I и селище Кала-Урын I было датировано IV в. до н.э. – V вв. н.э. Предварительная датировка могильника установлена в рамках раннего средневековья V–VI вв. н.э., второго селища – I–V вв. н.э.

Городище Кала-Урын I, селища Кала-Урын I и Кала-Урын II расположены на правом берегу р. Н. Мулянка, в 2,4–2,6 км к юго-юго-востоку от д. Баш-Култаево Пермского района Пермского края. Селища вплотную примыкают к городищу – первое с юго-восточной стороны, второе – с северной стороны. Могильник Кала-Урын I расположен на левом берегу р. Н. Мулянка в 2,2 км к юго-юго-востоку от д. Баш-Култаево Пермского района и отделен от группы вышеназванных памятников поймой и течением р. Н. Мулянка (Рис. 1).

В 2013 году на памятниках археологического комплекса Кала-Урын (городище и обоих селищах) были проведены рекогносцировочные работы под руководством К.В. Доткина и М.Л. Перескокова. Было заложено по одному разведочному раскопу 16 кв. м. на каждом памятнике. На первом селище было найдено 46 фрагментов керамики (среди которых один венчик без орнамента округлой формы), на втором – 7 фрагментов без венчиков. Качество керамики (состав теста, наличие «расчесов» на поверхности) позволяет отнести ее к гляденовской культуре. Наиболее богатый материал был собран при раскопках городища – 475 предметов, из которых 472 фрагмента керамики, один каменный пест-терочник, один кусок каменной зернотерки, а также каменный оселок продолговатой, прямоугольной в сечении формы с дыркой на суженном конце [Доткин, Перескоков, 2018].

В 2014 г. М.Л. Перескоковым были проведены небольшие раскопки на могильнике, было исследовано три курганные насыпи, включавшие 6 погребений. Материалы раскопок частично опубликованы [Перескоков, 2017]. Предварительный анализ керамического мате-

риала из раскопок 2013-2014 гг. был представлен в ряде статей [Перескоков, Доткин, 2015; Доткин, Перескоков, 2018].

В 2017 г. работы на комплексе памятников были продолжены под руководством М.Л. Перескокова при участии В.В. Мингалева. Были продолжены исследования могильника, были вскрыты пять погребений под курганными насыпями, а также были продолжены раскопки городища. Раскоп 2017 г. примыкал к раскопу 2013 г., и позволил доисследовать ряд объектов, которые были выделены в 2013 г [Перескоков, 2019]. Всего в ходе работ 2013-2017 гг. на группе памятников было изучено 11 погребений, частично изучены две жилые постройки, с отопительными устройствами в виде примитивных печей типа чувал, и хозяйственными ямами.

Проведенные работы на памятниках позволили скорректировать их хронологию и переодизацию²¹. На городище представлены два хронологических комплекса керамики: сосуды, относящиеся к финальному этапу ананьинской культуры (15) и сосуды, относящиеся к гляденовской культуре (263). Исследованные погребения могильника могут быть датированы не ранее середины IV–V вв. н.э. и отнесены к культурно-хронологическому горизонту Тураево-Кудаш [Перескоков, 2014; 2018]. Оснований считать, что могильник функционировал в более раннее время на сегодняшний момент нет, но в ходе разборки погребений были найдены вещи, которые относятся к позднему этапу ананьинской культуры и вероятно были переложены при сооружении погребальных конструкций. Рекогносцировочные раскопки селищ показали, что поселения могут быть датированы гляденовским временем, и, вероятно, синхронны с поздним этапом функционирования городища, так как являются его своеобразным посадом, а также синхронны с могильником. Хорошо датированных вещей на городище и селищах не найдено.

В данной работе представлен комплекс предметов позднего этапа ананьинской культуры, обнаруженных при раскопках памятника.

Ананьинская посуда характеризуется следующим образом: все сосуды относятся к I типу, выполнены аккуратно, имеют уплощенный венчик, внутренняя и внешняя поверхность хорошо заглажены. 12 из 15 сосудов имеют «воротничок», либо характерную выпуклость на внешней стороне шейки, которая является деградировавшим воротничком, что говорит о переходном времени к гляденовской культуре. Орнаментация прослежена только по шейке (7 сосудов). На трех сосудах имеется вариация шнурового орнамента в виде пояса из последовательных подковообразных вдавлений (все три сосуда воротничковые, на одном из сосудов поясов из подковок два – сверху и снизу воротничка) (рис. 1, 1–2, 9). На пяти сосудах прослежен орнамент в виде гребенчатого штампа, трех, пяти и шестизубого с наклоном вправо (рис. 1, 4–6). Часть ананьинских сосудов с гребенчатым штампом воротничка не имеют.

В целом, эти соотношения имеют сходство с известными материалами близлежащих памятников: высокий процент сосудов I типа, воротничковых сосудов, шнурового и гребенчатого орнамента [Борзунов, 1997, с. 198–199; Коренюк, 2012, с. 154; Васильева, Коренюк, Перескоков, 2018], что несколько отличает керамику от более южных территорий. Так, на Гремячанском святилище орнаментация из ямок и вдавлений доминирует, а шнуровой орнамент имеет более низкий процент [Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2014].

Два фрагмента ананьинских сосудов найдены на могильнике Кала-Урын в 2017 г. Один сосуд (Рис. 2, 14) имеет сильно деградированный воротничек, орнаментирован двумя линиями шнура и пояском круглых ямок поверх шнурового орнамента. Второй сосуд имеет орнамент в виде двух рядов трехзубого гребенчатого штампа, наклоненного вправо, а также поясок вдавлений вдоль среза венчика и по самому срезу (Рис. 2, 15).

²¹ Аналитическая часть работы выполнена за счет гранта РФФИ №19-78-10050 «Ранний железный век и эпоха Великого переселения народов Приуралья: адаптация, миграция и культурная трансформация в изменяющейся природной среде».

Так же в материалах могильника присутствуют предметы, которые можно отнести к ананьинскому времени, найдены они в погребения №2 и №8.

Погребение №2

Погребение расположено на уч. II-IV/17-18. Глубина фиксации погребения составила - 0,99-1,23 м от усл. 0. В плане погребение имело подтрапециевидную форму с закругленными краями, размерами 2,60x1,40 м. Ориентировано по линии 3-В. Заполнение погребения – слой плотной красной глины, с ленточными известковыми прослойками (слой 2а). В погребении фиксируется перекоп, разрушающий центральную часть погребения. Имеет подовальную форму. Размеры перекопа 2,50x0,60 м. Перекоп достигает самого дна погребения. Заполнен перекоп слоем глинистого пестроцвета (слой 5) и слой красной глины с вкраплениями извести, содержащей значительное количество угля (слой 15). Глубина погребения составила - 1,83 м от усл. 0. На дне погребения в центральной части фиксируются остатки деревянного настила, который состоял из рамы, включающей три продольных и две поперечных плахи, на которую крепились более тонкие плахи настила. В погребении найдены разрозненные сломанные кости человека. В заполнении погребения найден втулчатый бронзовый трехлопастной наконечник стрелы и три половинки янтарных бусин, две из которых складываются в одну целую (Рис. 3). Таблеткообразные янтарные бусы характерны для курганных могильников Пермского Прикамья. Малый размер и очень ровная форма бусин говорит о наиболее ранней дате для предметов этого типа – IV-начало V вв. н.э. [Перескоков, 2017, с. 91–92]. Бусы такого типа имеют широкие аналогии в Мокинском могильнике [Мингалева, Мингалева, Перескоков, 2019]. Бронзовый наконечник стрелы очень плохой сохранности, имеет сводчатое перо, и опущенные ниже втулки шипы. Данный наконечник можно отнести к типу С-50 по С.В. Кузьминых [1983, с. 110]. Такие наконечники имеют аналогии в Ананьинском могильнике, позднеананьинских памятниках на Каме от Вятки, до Чусовой и Белой [Кузьминых, 1983, с. 110, Таб. XLVI, 65-85; XLVII, 1-17]. Такие наконечники стрел частая находка и на позднеананьинских памятниках Пермского Прикамья. Ближайшие аналогии наконечников С-50 представлены на памятниках бассейна р. Нижняя Мулянка – городище Альтен Тау [Борзунов, 1997], ананьинском комплексе Мокинского поселения-могильника [Перескоков, 2019], селище Болгары IX [Васильева, Коренюк, Перескоков, 2015] и в материалах Гляденовского костыща [Лепихин, 2007; Лепихин, Мельничук, 1997; 1999]. В VI–V вв. до н.э. фиксируется появление наконечников С-50 у ананьинцев. На V век приходится их пик бытования на Каме, причем употребляются исключительно экземпляры со сводчатым пером. В IV в. до н.э. наряду со сводчатыми появляются наконечники с треугольным пером [Васильева, Коренюк, Перескоков, 2015, с. 144-148]. Наборы, состоящие только из наконечников с треугольным пером, встречаются в сарматских погребениях могильника Старые Киишки (кург. 10, пог р. 8; кург.15, пог р.1,3,6,8; кург. 18, пог р. 16,35); они датируются III – началом II вв. до н.э. [Сыдыкова, Васильев, 2001, рис. 2: 5–8,10–12]. О.И. Куринских такие наконечники с треугольным пером относит к отделу III (трехлопастные), типу 6 (со скрытой втулкой и треугольной головкой), варианту б (19) (с опущенными ниже основания головки концами лопасти и оформлением основания бойка в виде треугольника или арки) своей классификации [Куринских, 2011, с. 46]. Максимальное распространение таких наконечников соответствует хронологической группе IV в пределах начала III – рубежа III–II вв. до н.э. [там же, с. 53]. Таким образом, наиболее вероятная датировка описываемого наконечника V-IV вв. до н.э., до массового распространения наконечников с треугольным пером.

Очевидно, либо вторичное использование данного предмета, либо случайное попадание в погребение. Ранее, я связывал происхождение наконечника с городищем Кала-Урын, где наряду с культурными слоями синхронными могильнику, присутствует и позднеананьинский слой, а наконечник мог иметь сакральную функцию – воткнут в дно могилы, аналогично костяному наконечнику из погребения №3 [Перескоков, 2017, с. 94. Примечание 3]. Данная гипотеза остается актуальной, хотя, предполагая на месте могильника более раннее поселение ананьинского времени, происхождение наконечника из поселенческого слоя более вероятно.

Полученный в ходе работ 2013-2017 гг. комплекс находок ананьинского времени, позволяет прояснить этапы функционирования памятников. Городище Кала-Урын появилось на позднем этапе ананьинской культуры (V-III вв. до н.э.), и, возможно, было основано населением городища Алтен-Тау. В этот же период появляется селище на площадке могильника Кала-Урын. Появление селищ вокруг городища является закономерным процессом освоения долины реки Нижняя Мулянка, и развитием производящего хозяйства на основе скотоводства, выстраивается поселенческая система. Функционировало ли селище на площадке могильника и городище на раннем этапе гляденовской культуры – не ясно. В позднегляденовское время (III-V вв. н.э.) городище вновь заселено. Сооружается фортификационная система из трех валов и рвов, заселяются прилегающие территории (селища I и II), на площадке бывшего ананьинского селища начинает функционировать курганно-грунтовый могильник. Традиция устройства некрополей на площадках бывших поселений характерно для ананьинско-гляденовского населения Пермского Прикамья [Перескоков, 2018, с. 34]. Группа памятников перестает функционировать не позднее VI в. н.э., как и вся Мулянская племенная территория.

Библиографический список

- Борзунов В.А. Новые материалы по раннему железному веку Прикамья (городище Алтен-Тау) // Российская археология. 1997. №2. С 197-210.
- Борзунов В.А. Работы на Урале и в Зауралье // АО. 1985. М., 1987. С. 166-168.
- Васильева А.В., Перескоков М.Л. Керамический комплекс поселения Косогоры I: предварительное сообщение // Труды КАЭЭ. Пермь, 2008. №5. С. 130-133.
- Васильева А.В., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Болгарское IX селище – памятник финала ананьинской культуры в окрестностях г. Перми // Поволжская археология. 2015. №2 (12). С. 136-159.
- Васильева А.В., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Керамические комплексы памятников позднеананьинского времени в районе д. Болгары // История и культура Российского Севера в исследовательском, образовательном и просветительском измерениях. Материалы I съезда историков Республики Коми (31 марта – 4 апреля 2015 г.) Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. Ч.3. С.3-7.
- Доткин К.В. Отчет о проведении археологических полевых работ на территории Пермского муниципального района Пермского края в 2013 г. // Архив КАЭ ПГНИУ. Т.1. С.119–121. Т. 5. Рис. 1115–1130.
- Доткин К.В. Отчет об археологической разведке в Пермском районе Пермского края в 2012 г. // Архив КАЭ ПГНИУ.
- Доткин К.В., Перескоков М.Л. Керамика археологического комплекса Кала-Урын (по материалам исследований 2013 г.) // История и культура Российского Севера в исследовательском, образовательном и просветительском измерениях. Материалы I съезда историков Республики Коми (31 марта – 4 апреля 2015 г.) Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. Ч.3. С.8-11.
- Коренюк С.Н. Могильник «Протасы» // Труды КАЭЭ. Пермь, 2012. №8. С. 143-155.
- Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Динамика эволюции керамических комплексов среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Осинском Прикамье (на примере Гремячанского поселения-святилища) // «Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы». Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 20. Казань: Отечество, 2014. С. 292-302.
- Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Позднегляденовский комплекс Заюрчимского VI поселения // Регионы России: Экономика, культура, история. (Материалы Международной научно-практической конференции). Березники, 2009. С.419-426.
- Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Динамика эволюции керамических комплексов среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Осинском Прикамье (на примере Гремячанского поселения-святилища) // «Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы». Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 20. – Казань: Отечество, 2014. С. 292-302.
- Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. – 257 с.
- Куринских О.И. Наконечники стрел ранних кочевников левобережного Илека VI–I вв. до н.э. (по материалам могильников у с. Покровка) // Российская археология. 2011. № 3. С. 42–54.
- Лепихин А.Н. Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье / А.Н. Лепихин. Березники: ООО «ИД «Типография купца Тарасова», 2007. –224 с.

-
- Летихин А.Н. Мельничук А.Ф.* Гляденовское костыще. Каталог коллекции из собрания Пермского музея. Пермь, 1997. Вып.3. – 65 с.
- Летихин А.Н. Мельничук А.Ф.* Гляденовское костыще. Каталог коллекции из собрания Пермского музея. Пермь, 1999. Вып.4. – 79 с.
- Мингалев В.В., Мингалев М.К., Перескоков М.Л.* Бусы Мокинского могильника III-V/VI вв. в Пермском Прикамье // Поволжская Археология. 2019. № 3 (29). С. 202-221. DOI: 10.24852/ра2019.3.29.202.221
- Перескоков М.Л.* Культурно-хронологический горизонт Тураево-Кудаш: теоретический аспект // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том II Казань: Отечество, 2014. С.378-381.
- Перескоков М.Л.* Курган с воинским погребением V в. на могильнике Кала-Урын // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2017. №1 (36). С.84-97. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2017-1-84-97>.
- Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века: монография / М. Л. Перескоков; под науч. ред. Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2018. – 320 с.: илл.
- Перескоков М.Л.* Ананьинский комплекс Мокинского поселения-могильника // Археология Евразийских степей. 2019. №2. С. 259–267.
- Перескоков М.Л., Доткин К.В.* Керамика погребальных комплексов позднегляденовского времени Мулянской территории (по материалам исследований 2013–2014 гг.) // Изв. археол. лаборатории Башкир. гос. ун-та. / отв. ред. А.Н. Султанова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. Вып. 1. С.49–59.
- Садыкова М.Х., Васильев В.Н.* Поздние прохоровцы в Центральной Башкирии // Уфимский археологический вестник. № 3. 2001. С. 55-80.
- Старков А.Е.* Отчет о разведочных работах в бассейне реки Нижней Мулянки в Пермском районе Пермской области в 1991 г. // Архив КАЭ ПГНИУ.

A GROUP OF OBJECTS OF THE LATE STAGE OF THE ANANINO CULTURE FROM THE COMPLEX SITES KALA-URYN (BASED ON THE EXCAVATIONS 2013-2017).

M.L. Pereskokov

Perm State National Research University, 15 Bukireva str., Perm, 614990

The article deals with the objects from the excavations of the Kala-Uryn sites complex related to the late stage of the Ananyino culture. It is characterized by a ceramic complex, stone objects and a bronze arrowhead. The typology, morphology and analysis of ceramic ornamentation are presented. The presented complex has analogies in the sites of the Lower Mulyanka River basin and is tentatively dated (IV-III centuries BC).

Keywords: Early Iron Age, Perm Kama region, ancient settlement, burial ground, complex of archaeological sites, ceramics, Ananino culture, ornament, bronze arrowhead.

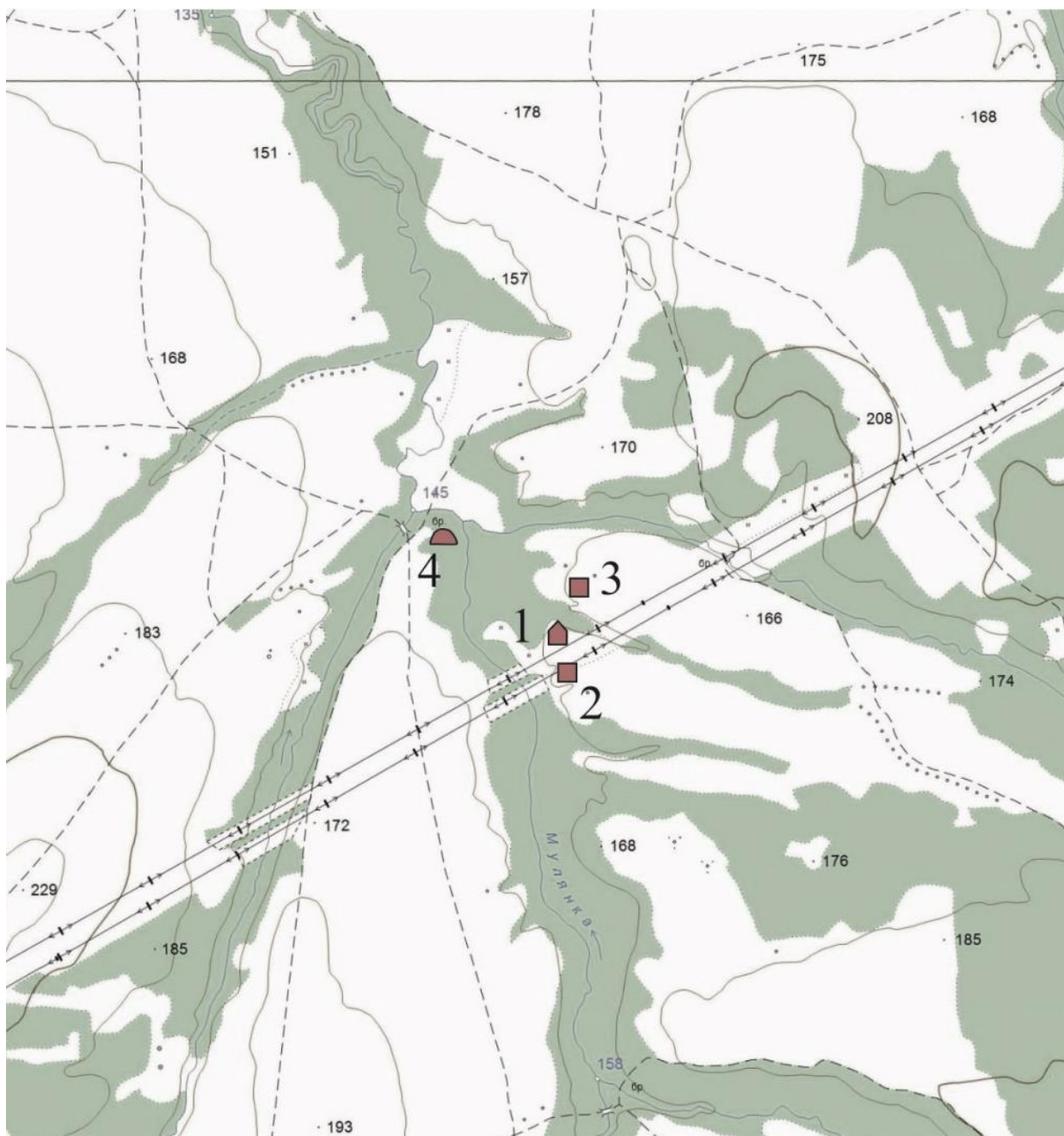

Рис. 1. Комплекс археологических памятников Кала-Урын. 1. Городище Кала-Урын;
2. Кала-Урын I селище; 3. Кала-Урын II селище; 4. Кала-Урын могильник.

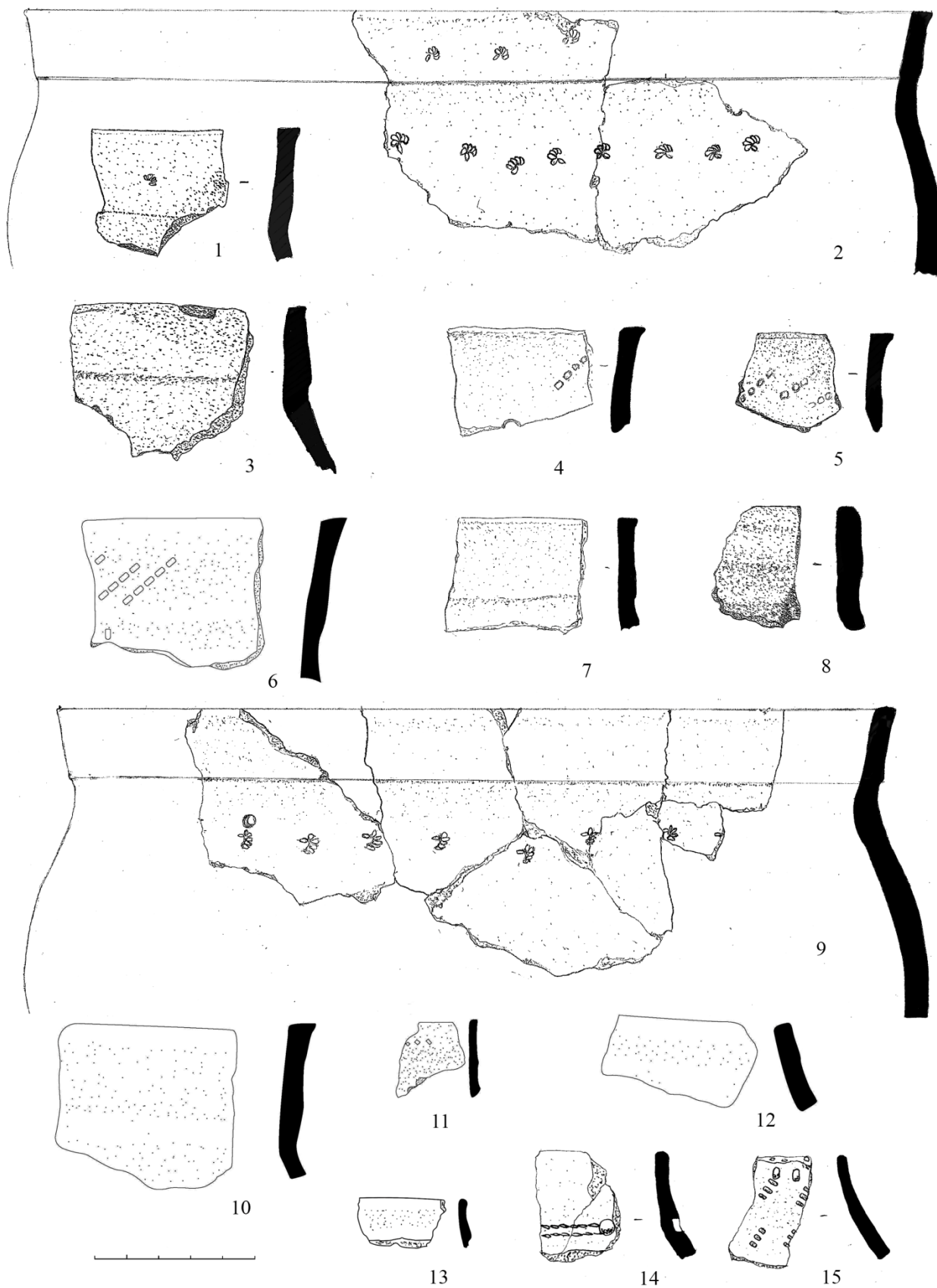

Рис. 2. Позднеананьевская керамика. 1–13. Городище Кала-Урын; 14–15. Могильник Кала-Урын.

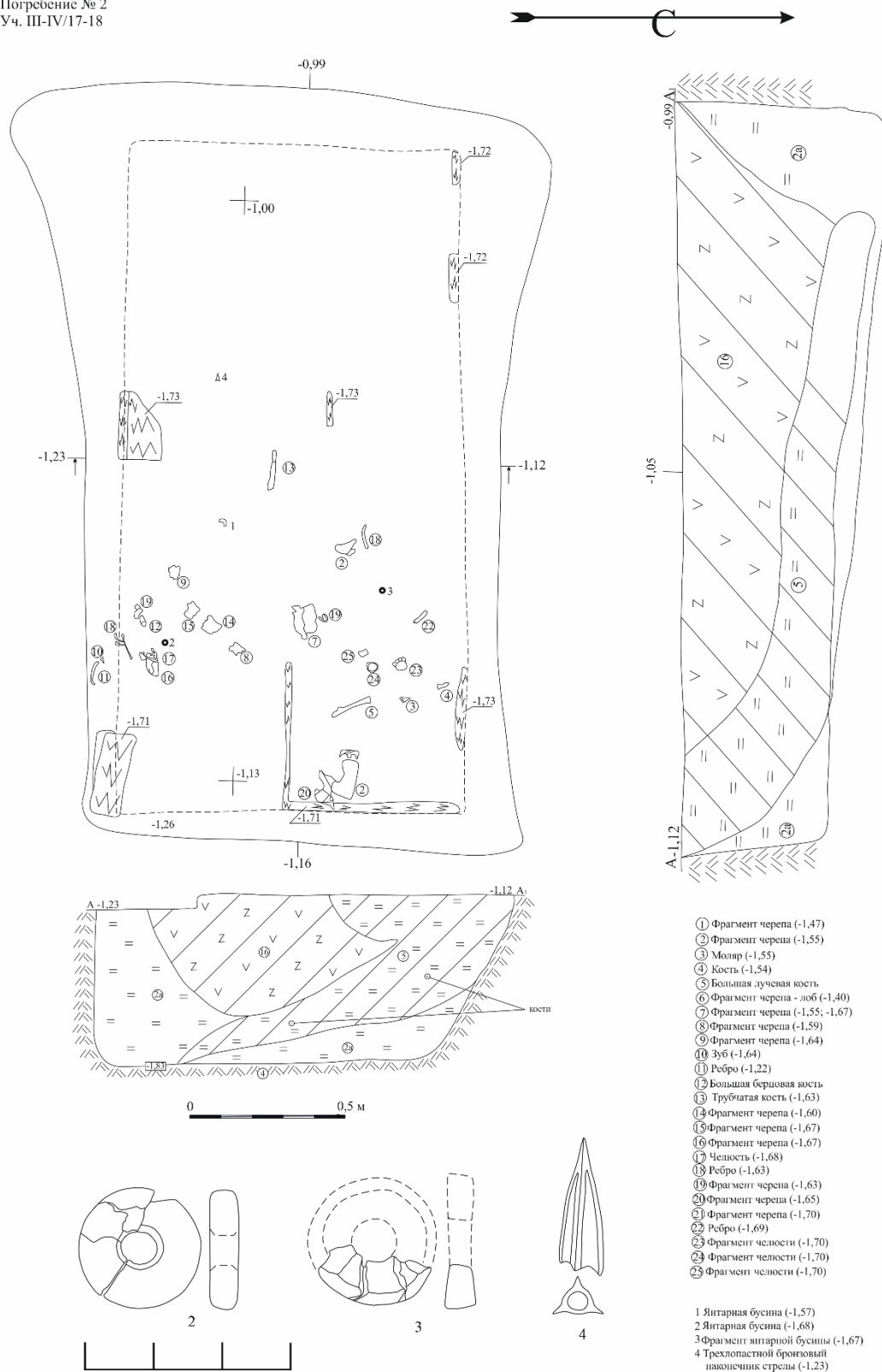

Рис. 3. Могильник Кала-Урын. Погребение №2.

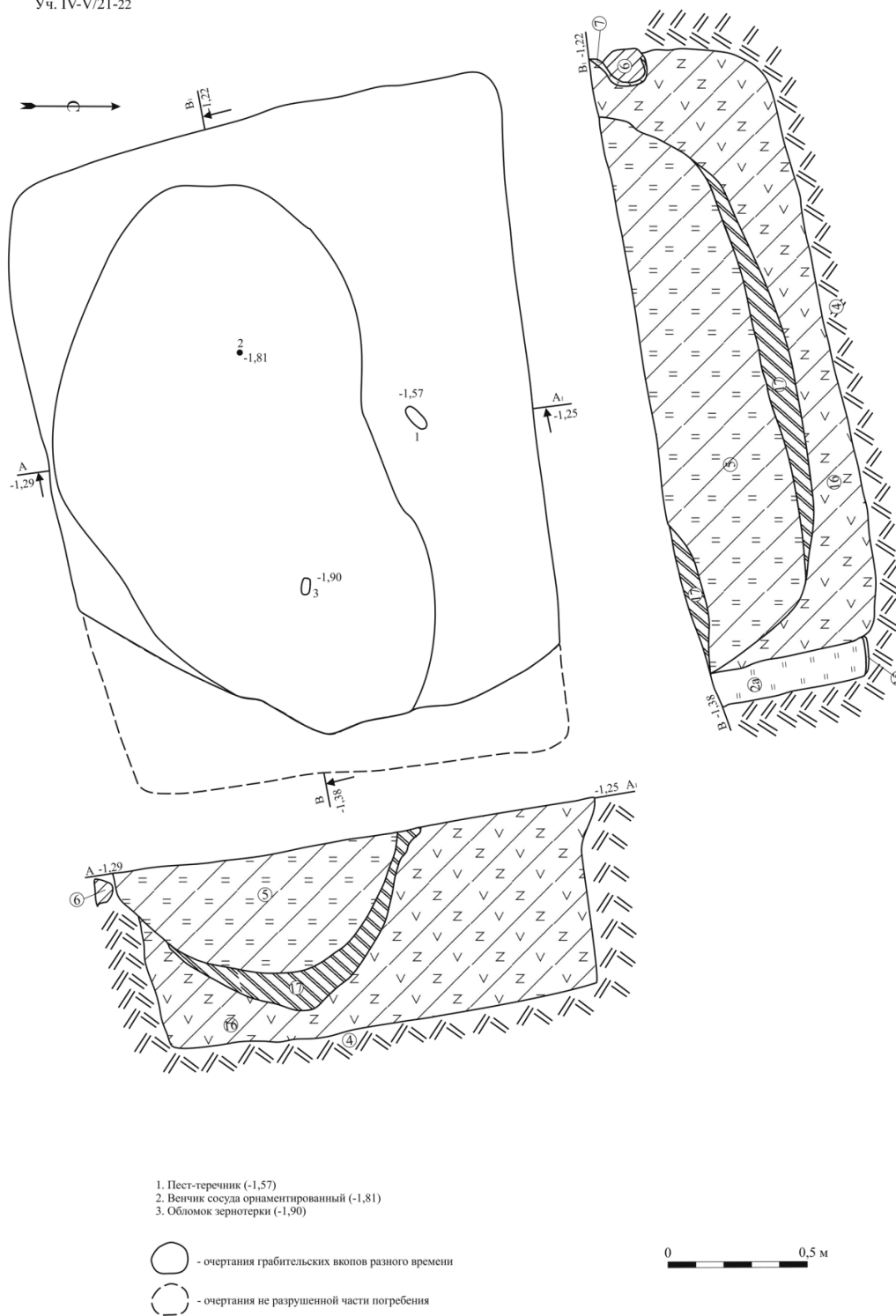

Рис. 4. Могильник Кала-Урын. Погребение №8. План погребения.

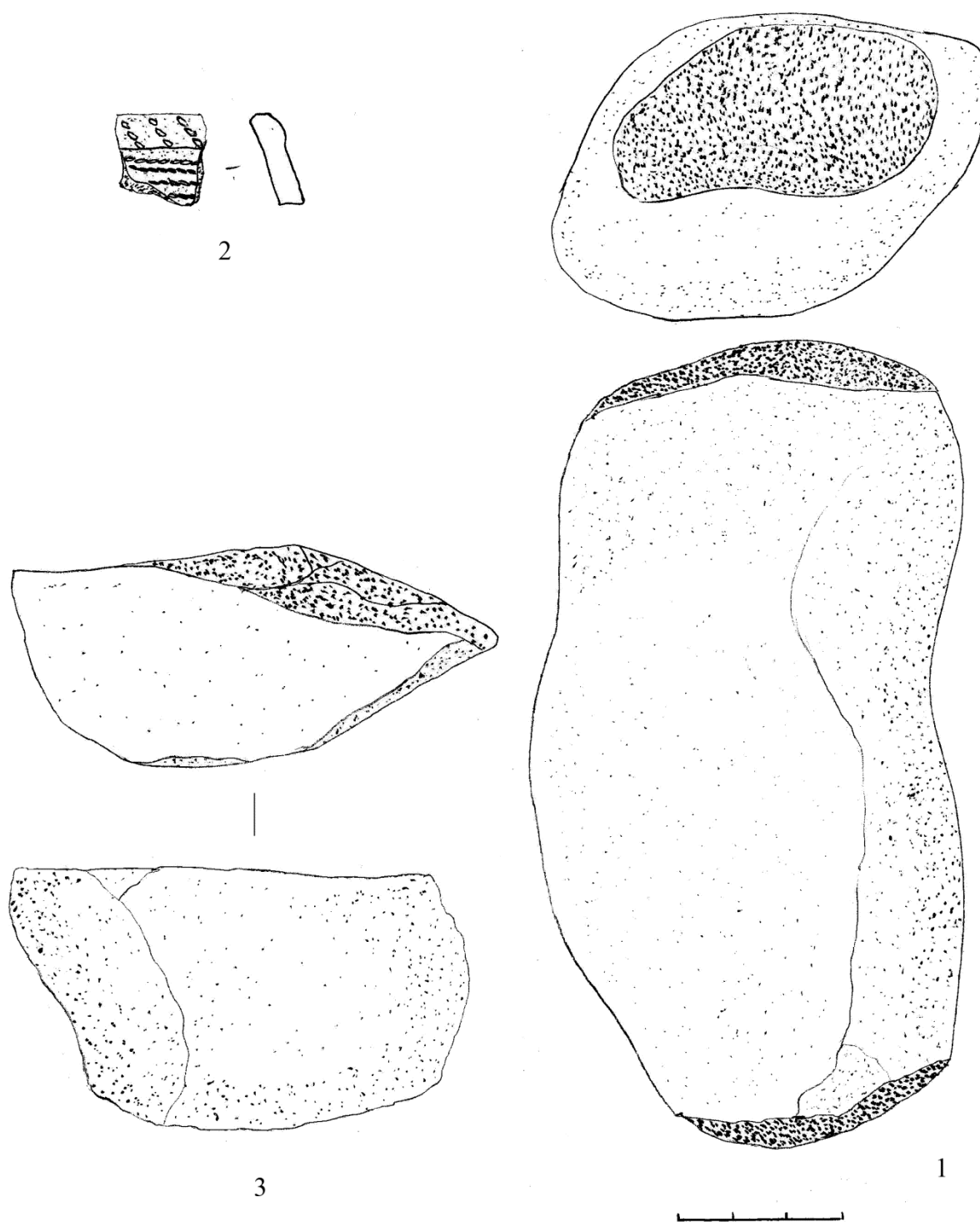

Рис. 5. Могильник Кала-Урын. Погребение №8. 1. Пест-терочник; 2. Венчик керамического сосуда; 3. Обломок зернотерки.

БУСЫ МОГИЛЬНИКА ВЕРХНИЙ ИРЬЯК: РАБОТА НАД ОШИБКАМИ И НОВЫЕ ДАННЫЕ.

С.Н. Коренюк¹, М.К. Мингалева¹, М.Л. Перескоков¹, И.И. Чайковский^{1,2}.

¹Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15

²Горный институт УрО РАН, 614007, Пермь, Сибирская, 78а.

Korenyuk_sn@mail.ru

M.yukova@yandex.ru

Pereskokoff@yandex.ru

Иья@mi-perm.ru

В статье рассматривается комплекс бус из могильника Верхний Ирьяк в Осинском Прикамье. Могильник относится к среднему и позднему этапам гляденовской культуры и датируется II–IV вв. н.э. В коллекции преобладают стеклянные бусы и бисер, также присутствует одна крупная халцедоновая бусина. Предполагается, что набор, в состав которого входят халцедоновая бусина, бисер и металлические предметы, может являться хроноиндикатором III–IV вв. н.э. В статье исправлена ошибка интерпретации материала четырех бусин, ранее описанных как янтарные; представлен химический анализ стекла этих в сравнении со стеклянной вставкой из Мокинского I могильника; добавлено описание расположения бус в погребениях; добавлено описание техники изготовления бус; расширены аналогии; описаны и представлены комплексы погребений с бусами.

Ключевые слова: могильник, бусы, халцедон, жертвенные (подарочные) комплексы, хроноиндикатор.

Вводные замечания

Могильник Верхний Ирьяк (Рис. 1), находящийся в Осинском районе Пермского края был открыт в 2000 г. В 2001–2002 гг. на нем были проведены исследования отрядом КАЭ под руководством С.Н. Коренюка. Памятник предварительно датирован II – IV вв. н.э. [Коренюк, 2004].

Некоторые результаты анализа бус из могильника Верхний Ирьяк уже были представлены ранее [Перескоков, 2006, 2018; Коренюк и др., 2018], но во всех публикациях повторяется ошибка в определении материала четырех бусин. Эти бусы первоначально интерпретировались как янтарные [Коренюк, 2002]. Стоит, однако, отметить, что в работе М.Л. Перескокова в подписи к рисунку материал изготовления правильно обозначен как «прозрачное стекло цвета янтаря», но в тексте описания ошибка сохранилась [Перескоков, 2018, с. 58, 248, рис. 32, 30–33]. Цель данной работы исправление ошибок и пересмотр некоторых аспектов технологии производства бус и хронологии могильника Верхний Ирьяк²².

Общие сведения

Бусы были найдены в 10 из 53 исследованных погребений [Коренюк, 2002]. Количество бус в погребениях варьируется от 1 до 37 шт., располагались они, как правило, скоплениями в разных частях могилы.

В погребении 4 скопление 8 голубых бусин располагалось между правой и левой берцовыми костями. Кроме бус в погребении найдено кольцо из медной проволоки (рис. 4)²³.

В погребении 5 скопление из 37 штук голубого или сине-зеленого бисера было зафиксировано в районе таза слева от правой локтевой кости. Кроме бус там находились: кольцо из медной проволоки, три бляшки из белого металла (оловянистая бронза) и фрагменты височных колец. Бляшки изготовлены из тонкого листа, выпуклые с одной стороны, имеют по

© С.Н. Коренюк, М.К. Мингалева, М.Л. Перескоков, И.И. Чайковский, 2021

²² Работа выполнена за счет гранта РФФИ №19-78-10050 «Ранний железный век и эпоха Великого переселения народов Приуралья: адаптация, миграция и культурная трансформация в изменяющейся природной среде».

²³ Здесь и далее на рисунках комплексов не представлены отмеченные на планах погребений неорнаментированные фрагменты керамики и кости животных. Нумерация вещей соответствует номеру на плане погребения.

два отверстия с противоположных краёв (рис. 4). Височные кольца такого облика, насколько это можно судить по фрагментам, в Прикамье начинают бытовать не ранее III в. н. э. [Иванов, 1999, с. 50, рис. 8]. Бляшки имеют широкую хронологию. Т.И. Останина считает, что при изготовлении таких бляшек господствует техника штамповки, получившая особенно большое распространение в IV – V вв. [Останина, 1997, с. 41]. Принимая во внимание скопление бисера, это погребение можно отнести к IV в., когда в Прикамье начинается «бисерный бум».

В погребении 7 4 бусины (бисер) вместе с 6 фрагментами железной сюльгамы были зафиксированы напротив тлена черепа, еще 24 штуки сине-зеленого бисера вместе со сломанным железным ножом входили в состав жертвенного комплекса, находившегося в северо-восточной части могилы, близ восточной стенки [Коренюк, 2002] (рис. 5). Подобные сюльгамы Н.А. Лещинская относит к предметам хронологического периода IV в. [Лещинская, 2014, табл. 92:11].

В погребении 8 разные бусы (халцедоновая, золотостеклянные, четырёхгранные «янтарного» цвета и бисер), вместе с цепочкой из оловянистой бронзы входили в состав жертвенного комплекса, зафиксированного в юго-восточной части могилы (рис. 5).

В погребении 16 между костей ног в районе колен были обнаружены «три бусины, одна из которых при извлечении развалилась. Шарообразные стеклянные бусины имели диаметр 12 мм, и 14 мм, с внутренним золочением» (рис. 6).

В погребении 18 три бусины (две биконические и одна ребристая) зафиксированы в скоплении между костями правого и левого голеностопа. Вместе с бусами там находились щипчики-пинцет из оловянистой(?) бронзы и железный тлен. Еще одна бусина была обнаружена под черепом. Кроме этого, под локтевой костью были обнаружены две стремявидные пронизки: бронзовая и серебряная (?) (рис. 6).

В погребении 23 на уровне дна обнаружены две бусины с внутренним золочением, одна справа от левой берцовой кости, вторая ниже левой берцовой кости вместе со скоплением голеностопных и кистевых костей. Сохранность бус крайне неудовлетворительная, определить типологическую принадлежность не представляется возможным. Кроме бус в погребении найдены фрагменты керамики и костяной наконечник стрелы.

В погребении 40 найдена одна синяя бусина в районе костей таза и кисти правой руки. Под левой кистью был обнаружен коготь хищника (рис. 7).

В погребении 45 «в районе грудной клетки обнаружены разрознено 5 зеленых бусин». Кроме бус в погребении были найдены фрагменты керамики и железный нож (рис. 8).

В погребении 49 одна бусина, которая была интерпретирована как янтарная, была найдена в районе костей голеностопа правой ноги рядом с железной иглой. Кроме этого, в погребении найдены: фрагмент керамики, фрагмент железного ножа, фрагмент ребра животного; на костях стоп размещался глиняный сосуд, внутри которого находились фрагменты кальцинированных и сырых костей (рис. 8).

Всего на могильнике было найдено 127 бус. Для анализа нам были доступны 89 бус, из которых пять плохой сохранности. Преобладают стеклянные бусы – 88 экз., в особенности бисер – 69 экз., 1 бусина халцедоновая. Стеклянные бусы представлены следующими группами: одноцветные – 83 экз. и бусы с металлической прокладкой – 5 экз. В цветовой гамме представлены синий, голубой, сине-зеленый (морской волны), зеленый, жёлто-коричневый (янтарный), золотистый (бусы с металлической прокладкой), белый. Преобладают бусы синих оттенков (весь найденный бисер).

Одноцветные стеклянные бусы

Округлые бусы из зеленого непрозрачного стекла, выполненные из тянутой трубочки с последующим делением и обработкой краев отверстий. Видна продольная структура стекла, края отверстий хорошо заглажены (п. 18(1) рис. 3,6, п. 45(5) рис. 2,4; 3,1-5). Четыре бусины из пяти из п. 45 имеют относительно одинаковые размеры: D от 6 до 6,5 мм; h от 4 до 5 мм; d – 2 мм; в одном случае при D – 6 мм и d – 2 мм, бусина имеет неправильную округлую фор-

му, неровную высоту h- 2,5-1,5 мм. Высота бус может быть обусловлена особенностями процесса деления стеклянной трубочки. Бусина из п. 18 немного крупнее D – 7 мм, h – 7 мм, d – 3 мм и более удлиненной формы. Эти бусы можно соотнести с типом 9 по Е.М. Алексеевой, разные варианты которого датируются от II в. до н.э. до IV в. н.э. [Алексеева, 1978, таб. 33:1]. Они также схожи типам IA16 и IA65 по Е.В. Голдиной, найденным в грунтовой части Тураевского I могильника, относящегося к эпохе великого переселения народов и расположенного в Среднем Прикамье [Голдина Е.В., 2010, с. 464, 465]. Из общей массы бус этих типов только пять бусин схожи с нашими еще и по размерам, они были найдены в пяти погребениях, два из которых (62, 101) отнесены ко второй половине IV – началу V вв. н. э. [Голдина и др., 2010, рис. 14]. Подобные бусы встречены на пьяноборском могильнике Нырғында I, расположенного также в районе Средней Камы [Красноперов, дата обращения 16.01.2021], датировка которого в широком варианте определяется I – III вв. н.э. Более узкую датировку имеют два погребения, в которых были найдены подобные бусы: п. 264 – II – начало III вв. н.э.; п. 293 – середина II – середина III вв. н.э. [Голдина и др., 2012, с. 78] и на Тойгузинском II, городище II в. до н.э. – II в. н.э., также относящемся к пьяноборской культуре [Бугров, 2007, с. 444, рис. 2].

Шарообразная бусина из синего непрозрачного стекла, сделанная из отрезка тянутой палочки с последующим проколом отверстия. Видна поперечная структура стекла, одно из отверстий подквадратной формы с насечками в уголках, второе отверстие круглое, края отверстий обработаны. D- 10 мм, h- 10 мм, d1- 4 мм, d2- 3,5 мм (п. 40(1) рис. 2, 2; 2,). Наиболее близка типу 29 по Е.М. Алексеевой, комплексы с этим типом бус датированы I–III вв. н.э. [Алексеева, 1978, с. 65-66, таб. 33,4]. Подобные бусы встречаются в пьяноборских могильниках, где сочетаются с бусами I–II вв. н. э., доживают до IV в. н. э. [Агеев, 1992, с. 33,112,121, табл. 2,2]. Похожие бусы были найдены в Нырғындинском I могильнике [Красноперов, дата обращения 16.01.2021] и на Тойгузинском II, городище [Бугров, 2007, с. 444, рис. 2].

Маленькая тонкостенная короткоцилиндрическая бусина из белого полупрозрачного стекла (п. 8 ж.к. (1) рис. 2,5; 3,8) по размерам ее можно отнести к бисеру, D-3 мм, h-2 мм, d-2 мм. Возможно, выполнена из дутой трубочки, структура стекла не прослеживается. Наиболее близка типу 56 по Е.М. Алексеевой, который датируется II в. до н.э. – II в. н.э. [Алексеева, 1978, с. 67, таб. 33, 12].

Шарообразная ребристая бусина плохой сохранности из непрозрачного стекла зеленого цвета. Технику изготовления определить не удалось. D-10 мм, h-7 мм, d-3 мм. (п. 18 (1) рис. 2,9). Из-за плохой сохранности сложно найти более или менее близкие аналогии, но можно предположить, что бусина схожа с типом 148 по Е.М. Алексеевой, который датирован с IV в. до н.э. и до первых веков н.э. [Алексеева, 1978, с. 71, таб. 33,53].

Бусины усеченно-биконической формы плохой сохранности из непрозрачного (?) стекла зеленого цвета, выполненные из отрезка тянутой палочки с последующим проколом отверстия. D-6 мм, h-4 мм, d1- 3 мм, d2- 2 мм (п. 18 (2) рис. 2, 10). Близка типу 93 по Е.М. Алексеевой, который датируется I-II вв. н.э. [Алексеева, 1978, с. 68, таб. 33:27] и I2A66 по Р.Р. Руслановой. Одна бусина этого типа была найдена в Ангасякском могильнике в хронологической группе III – IV вв. н. э. [Русланова, 2014, с. 58, рис. 8, табл. 33]. Наиболее близкие аналогии встречены на памятниках пьяноборской культуры: Тойгузинском II, городище [Бугров, 2007, с. 446, рис. 3] и Камышлы-Тамакском могильнике. Б.Б. Агеев датирует их I вв. н.э. [Агеев, 1992, с. 33,71,121, табл. 2]. Большое количество биконических бус разного цвета (жёлтый, синий, сине-зеленый) найдено в Тарасовском I могильнике, расположенном в Среднем Прикамье, в погребении 806 в составе жертвенного комплекса [Голдина, 2003, т. I, цв. вкл; 2004, т. 2, табл. 352: 1-7], в котором также находилась бусина с шахматным декором, датируемая III в. н. э. [Румянцева, 2009, с. 354] и височные подвески в виде знака вопроса, которые также относятся к III в. н. э. [Иванов, 1999, с. 50, рис. 8].

Стеклянный бисер синего, голубого и сине-зеленого (цвет морской волны) цветов из прозрачного и полупрозрачного стекла (пп. 4,5,7,8, рис. 2,6–7; 3,11–15). Бисер выполнен из тянутой трубочки с последующим делением, на большинстве экземпляров хорошо видна

продольная структура стекла. По форме бисер делится на округлый, так называемый «зонный» с хорошо заглаженными краями отверстий, он как правило крупнее, и короткоцилиндрический с острыми иногда скошенными краями. Размеры самых крупных экземпляров: D – 5 мм; h – 3-3,5 мм; d – ≤ 1 мм; маленькие экземпляры: D – от 3,5 до 2 мм; h – от 2 до 1,5 мм; d – ≤ 1 мм; встречаются цилиндрические трубочки длиной до 4 мм при диаметре 3 мм. Соответствует типам 69 и 166 по Е.М. Алексеевой и датируется довольно широко, но не выходит за рамки IV в. н.э.: I – IV вв. н. э. и III в. до н. э. – IV в. н. э. соответственно [Алексеева, 1978, с. 67,72, таб. 33,12,71]. Также близок типам IA7, IA31 по Е.В. Голдиной [Голдина Е.В., 2010, с. 463-464, рис. 1]. Аналогичный бисер встречается в материалах многих прикамских могильников: в Красноярском могильнике [Казанцева, 2012, с. 31], в могильниках Тураево I, где он входит в состав жертвенных комплексов [Голдина и др., 2010, табл. 118,1-1,133,1-11,174,1-1] или является украшением головного убора [Голдина и др., 2010, табл. 7.10,2,124,1,3]; Тарасово I [Голдина, 2004, т. I, цв. вкл.]; Ныргында I [Красноперов, дата обращения 16.01.2021]; Мокино I [Мингалев и др., 2018, рис. 5], Дубровский [Голдина Е.В. и др., 2017, с. 239, рис. 1]; а также на Тойгузинском II, городище [Бугров, 2007, с. 446,448, рис. 3]. Большое количество аналогичного бисера найдено в Кудашевском I могильнике, входящем в тулвинскую группу памятников, в том числе в составе нагрудных украшений [Казанцева, 2014, с. 83-89] и в жертвенных комплексах [Казанцева, 02.10.2020]. Подобный мелкий синий бисер найден в жертвенных комплексах на костяках гляденовской культуры Слепушка и Гляденовском [Лепихин и др., 1997, с. 20; 1998, с. 65]. Встречается подобный бисер – тип IA1в2 по Р.Р. Руслановой – и в могильниках уфимско-бельского междуречья III – VIII вв. н. э. с наибольшей его концентрацией в хронологической группе III–IV вв. н.э. [Русланова, 2014, с. 40, рис. 6, табл. 33].

Четырехгранные бусы кубической формы из желто-коричневого «янтарного цвета» прозрачного стекла, D – 4-4,5 мм; h – 3-4 мм; d – 2 мм. Выполнены, вероятнее всего, из отрезка тянутой палочки с последующим проколом отверстия. (п. 8 ж.к. (3) рис. 2,12; 3,16-18). Соответствуют типу 106 по Е.М. Алексеевой, который датирован второй половиной II в. н. э. [Алексеева, 1978, с. 69, таб. 33,30]. Аналогий в Прикамских могильниках пока не найдено.

Бусина в форме усеченного параллелепипеда со слабо заметными гранями и сглаженными ребрами из желто-коричневого «янтарного цвета» прозрачного стекла, толщина – 9 мм; ширина – 6,5 мм; h – 16 мм; d – 3 мм. Выполнена из отрезка тянутой палочки с последующим проколом отверстия и прессованием на плоскость. Видна поперечная структура стекла, деформированная у одного из отверстий (п. 49 (1) рис. 2,3; 3,21). Схожая бусина отнесена к типу I2A8a по Р.Р. Руслановой, найдена в Бирском могильнике, в хронологической группе III – IV вв. н. э. [Русланова, 2014, с. 59, рис. 8, табл. 33]. Еще одна похожая бусина найдена в Тарасовском могильнике в п. 116, которое, по сопутствующим вещам, может быть датировано второй половиной III в. н. э. [Голдина, 2004, т. I, цв. вкл., т. II, табл. 41,7]. Также схожие бусы, но чуть меньших размеров и с более обкатанными, почти незаметными ребрами, в одном случае в описании отмечена продольная структура стекла, имеются в коллекциях могильников Ныргында I в п. 264, которое датировано II – III вв. н. э. [Красноперов, дата обращения 16.01.2021; Голдина и др., 2012, табл. 143] и Ныргында II в составе вещевого комплекса погребения 34²⁴, где также имеются предметы, которые позволяют датировать его II–III вв. н. э.: височные подвески «чегандинского типа», застёжка с неподвижным крючком, медные бляшки [Древности..., 1933, с. 19, табл. IX:7]. Из представленных аналогий можно предположить, что бусы такого облика в раннем варианте II–III вв. имели слабо выраженные, почти не заметные грани и ребра. К IV в. форма удлинилась, грани стали чётче, а после IV в. они исчезают, возможно, уступая место широко распространившимся с этого времени синим и сине-фиолетовым полиэдрическим бусам.

²⁴ М.К. Мингалев благодарит Е.А. Шаблаvinу с.н.с. Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, хранителя древностей раннего железного века Приуралья за возможность лично «de visu» ознакомиться с набором бус из коллекции №567.

Бусы с металлической прокладкой

Так называемые «золотостеклянные» бусы выполнены из тянутых трубочек, покрытых тонким слоем фольги жёлтого цвета и внешним слоем стекла.

Шарообразная бусина с бесцветным внешним слоем стекла и очень хорошо обработанными краями отверстий, так что закраинки у отверстий почти не видны и внешний слой стекла как-бы стянут к отверстиям, $D = 14$ мм, $h = 12$ мм, $d = 4$ мм. Еще одна бусина плохой сохранности (кантарель откололась, и позолота почти не сохранилась, лишь небольшие фрагменты около отверстий), вероятно, была аналогичной формы и размеров, на ее внутренней трубочке из бесцветного прозрачного стекла хорошо видна продольная структура, канал отверстия в центре имеет небольшую выпуклость (п.16 (2) рис. 2,8-9; 3,22-23). Такие бусы можно отнести к типу 16 по Е.М. Алексеевой. Они широко распространены в Северном Причерноморье и отмечены только в погребениях первых веков н.э. [Алексеева, 1978, с. 29-30, табл. 26,7]. По типологии Е.В. Голдиной они относятся к типу IB35 [Голдина Е.В. и др., 2015а, с. 568, рис. 1]. «Золотостеклянные» бусы типа IIГ2в по Р.Р. Руслановой встречаются на могильниках III–VIII вв. уфимско-бельского междуречья, 59 % сосредоточено в хронологической группе III–IV вв., 40 % – в V – начала VI вв.²⁵ [Русланова, 2014, с. 48, рис. 7, табл. 33]. Такие бусы распространены на костыщах гляденовской культуры: Гляденовском, Усть-Туйском, Юго-Камском, Гаревском, Ильинском, Панкраши, Слепушка [Летихин, 2007, с. 73]. Также в единичных экземплярах встречаются на пьяноборских, мазунинских и гляденовских могильниках: Мокино I [Мингалева и др., 2018, табл. 2]; Нырғында I [Красноперов, дата обращения 16.01.2021]; Боярский (Арай) I [Голдина Е.В. и др., 2015б, с. 568, рис. 1]; Заборьинский [Голдина Е.В. и др., 2015а, рис. 1]; Красноярский [Казанцева, 2012, с. 30-31, цв. вкл. 1,14,15] и на городище Тойгузино II [Бугров, с. 448, рис. 3Б.209]. В могильнике Тюм-Тюм III–IV вв. аналогичные бусы входят в состав различных ожерелий, в том числе в ожерелье вместе с халцедоновыми бусами [Ошибкина, 2010, с. 48, табл. 19,9; 20,1; 31,9; 57,2; 59,1; 90]. Аналогии крупным «золотостеклянным» бусам находятся в Кошибеевском могильнике в наборах, относящихся к хронологическим группам, датируемым с рубежа I/II по начало IV вв. н.э. [Румянцева, 2007, с. 217,218,221]. Две аналогичных бусины найдены в составе Брянского клада, набор бус из которого был датирован второй половиной II – началом IV вв. н. э. [Румянцева, 2018, с. 119,123, табл. XLVI, 61,62]. Анализируя распространение «золотостеклянных» бус на европейских территориях и в центральной России О.С. Румянцева верхней границей их распространения считает первую половину IV в. н.э. с существованием отдельных находок в эпоху Великого переселения народов [Румянцева, 2018, с. 121–122].

Маленькая бочковидная бусина с валиком у одного края. Бусина плохой сохранности сломанная, поэтому сложно сказать был ли у неё валик с другого края, внешний слой стекла утрачен, фольга частично сохранилась, внутренняя трубочка из жёлто-коричневого прозрачного стекла, на котором хорошо видна поперечная структура. Там же была найдена еще одна сломанная подобная бусина с отколовшимся внешним слоем и фрагментами фольги. По сохранившемуся фрагменту сложно сказать была ли она также с валиками или же они откололись, но структура стекла, цвет, прозрачность и форма соответствуют вышеописанной бусине. (п. 8 ж.к. (2) рис. 2,10,3,19). Вероятно, могут соответствовать типу 22 или 23 (с валиками) по Е.М. Алексеевой, характерным для I–III вв. н. э. или типу 2а (без валиков) с широкой датировкой III в. до н. э. – III в. н. э. [Алексеева, 1978, с. 30,32, табл. 26,12,14,24,27,29]. Варианты бус, отнесенных исследователями к типу 22 по Е.М. Алексеевой встречаются на могильнике Нырғында I [Красноперов, дата обращения 16.01.2021], на городище Тойгузино II [Бугров, с. 448, рис. 3Б].

Двухчастная пронизь с округлыми частями из прозрачного бесцветного стекла. У одного из отверстий видна шейка закраинка, второй край заглажен, видна продольная структура, $D = 3$ мм, $h = 5$ мм, $d = 1$ мм (п.8 ж.к. (1) рис. 2,11,3,20). Соответствует типу 16 по Е.М. Алексеевой. Подобные бусы относятся к наиболее распространенным в Северном Причерноморье

²⁵ Стоит отметить, однако, что к данному типу отнесены бусы с довольно сильным размерным диапазоном.

и отмечены только в погребениях первых веков н. э. [Алексеева, 1978, с. 29-30, табл. 26,8]. Похожа на тип IB29 по Е.В. Голдиной, который встречается в Тураевском I, могильнике [Голдина Е.В., 2010, с. 446, рис. 1], Боярском (Арай) [Голдина Е.В. и др., 2015, рис. 1], Дубровском [Голдина Е.В. и др., 2017, с. 243, рис. 1], Заборьинском [Голдина Е.В. и др., 2015, с. 52, рис. 1], Нырғындынском I, могильниках [Красноперов, дата обращения 16.01.2021], на Гляденовском костыше [Летихин и др., 1997, с. 19; 1999, с. 20]. Подобные пронизи – тип IIГ6а – встречаются в могильниках уфимско-бельского междуречья (Югомашевский, Старокобановский, Бирский, Ангасякский, Каратамакский) с наибольшей концентрацией (91%) в хронологических группах III – IV вв. н. э. [Русланова, 2014, с. 48, рис. 7, табл. 33].

Халцедоновая бусина

Халцедоновая бусина с односторонним сверлением канала отверстия, полупрозрачная, грязно-белого цвета, D – 21 мм, h – 14,5 мм, d1 – 8 мм, d2 – 6 мм. Для обозначения формы мы считаем наиболее подходящим определение А.А. Красноперова: «как переходная от шаровидной к зонной» [Красноперов, дата обращения 16.01.2021] (п. 8 ж.к. (1) рис. 1,1; 2,24). Близка типам 26 по Е.А. Алексеевой, погребения с этим типом украшений датируют II–III вв. н.э. [Алексеева, 1982, с. 11, табл. 37,13] и XIE3 по Е.В. Голдиной [Голдина Е.В., 2010, с. 468, рис. 2]. Т.И. Останина относит халцедоновые зонные бусы к хронологической группе III – начала IV вв. н. э. [Останина, 1997, с. 110]. А.А. Красноперов отмечает, что Прикамье отличается большим по сравнению с другими территориями количеством халцедоновых бус, он насчитал 129 экземпляров [Красноперов, дата обращения 16.01.2021]. Рассматриваемая халцедоновая бусина интересна тем, что она входила в состав жертвенного комплекса из погребения 8 (рис. 2,1; 3,24; 5), в котором кроме неё содержались: три четырехгранные стеклянные бусины кубической формы желто-коричневого «янтарного» цвета, две сломанные «золотостеклянные» маленькие бочковидные бусины, одна маленькая двухчастная «золотостеклянная» бусина, маленькая тонкостенная белая бусина, синий бисер в количестве 26 шт. и бронзовая цепочка. Аналогичная халцедоновая бусина найдена в погребении 106 Мокинского могильника, которое датировано III в. н. э. [Перескоков, 2018, с. 95, рис. 86]. Халцедоновые бусы похожей формы входят в составы жертвенных комплексов, общий облик которых почти идентичен описываемому, в Красноярском I [Казанцева, 2012, с. 31, табл. 19,3; 21,4; 24,3; 33,59,2, цв. вкл. 1,1,3,4,6] и Кудашевском I [Быкова и др., 2012, с. 97-98; Казанцева, 02.10.2020] могильниках. Бусы схожих и близких форм были найдены на Ошкинском могильнике [Лецинская, 2014, с. 219, табл. 38,14]. Материалы Ошкинского могильника не выходят за третью хронологическую группу – III в. н.э. – пьяноборских могильников [Лецинская, 2014, с. 165-176]. В могильнике Тюм-Тюм схожие шарообразные изделия найдены в женских могилах в составе сложных ожерелий. Стоит отметить, что халцедоновые бусы могильника Тюм-Тюм имеют ряд отличий от рассматриваемой нами бусины: более правильная шарообразная форма, голубой или жёлтый оттенок, двустороннее сверление отверстия и прекрасная полировка поверхности [Ошибкина, 2010, с. 48, табл. 1,1,3; 38,3; 46,8; 57,2; 59,1; 90]. В могильнике Нырғында I [Голдина и др., 2012, табл. 6,5; 121,2,3; 155,1; 173,7,8], где они, по мнению А.А. Красноперова: «маркируют начало их поступления в Прикамье» [Красноперов, дата обращения 16.01.2021], два погребения (4,308) с халцедоновыми бусами датированы первой половиной III в. н.э. [Голдина и др., 2012, с. 59, рис. 4]. В Тураевском I могильнике халцедоновая бусина найдена в погребении 85 [Голдина и др., 2010, табл. 63,4], которое по сопутствующему материалу можно отнести к IV в. н.э. [Перескоков, 2018, рис. 94а]. На Тарасовском I могильнике подобные бусы были найдены в шести погребениях [Голдина, 2003, т. II, табл. 23,21; 339,1; 404,3; 430,1041,1-2; 541,1430,1; 543,1433,4], два из которых: пп. 60 и 782 по сопутствующим вещам могут быть датированы серединой IV и III – началом IV вв. соответственно [Перескоков, 2018, рис. 94а].

Химический состав²⁶

Химический анализ стекла был проведен для четырех бус, которые ранее интерпретировались как «янтарные» (рис. 2,3,12; 3,16-18,21) в сравнении со стеклянной вставкой в золотой накладке пряжки из погребения №232 Мокинского могильника [Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 66, рис. 6,7], которое является одним из наиболее поздних на могильнике и датируется второй половиной V – началом VI вв. [Перескоков, 2018, рис. 86]. Анализ химического состава показал следующие результаты:

Таб. 1. Состав стекла бусин кубических (1-3), призматической (4) и стеклянной вставки (5) мас. %

	1	1	1	2	3	4	4	4	5	5
O	50,7	58,7	64,44	58,73	55,22	56,56	56,24	60,29	54,64	53,91
Al	0	0	0	0	0	0	0	0	0,97	1,05
Na	3,96	7,08	5,53	6,61	4,81	0	0	0	0	0
Mg	2,82	0	0	0	0	1,9	0	0	0	0
Si	30,9	25,02	22,88	25,19	27,95	29,9	30,7	28,22	36,92	37,67
Cl	0,93	0,91	0,77	0,93	1,15	1,12	1,19	1,23	1,35	1,31
K	2,89	2,61	1,69	2,73	3,42	2,94	3,31	3,01	0,52	0,45
Ca	3,32	3,14	2,55	3,12	3,84	3,62	4,08	3,68	5,12	5,22
Ti	0,38	0	0	0	0,18	0	0	0	0	0
Fe	4,03	2,55	2,15	2,68	3,43	3,84	4,48	3,56	0,46	0,38

Для производства стекла использовался кварцевый песок (с различной примесью железа, что дало вариации цвета от бесцветного до медово-коричневого), известь, поташ (зола) ± каменная соль.

По составу предварительно выделены три группы стекол:

-безнатриевое низкожелезистое, глиноземистое (бесцветная вставка в золотую накладку);

-натрово-железистое («кубические» бусины «янтарного» цвета);

-безнатриевое железистое («призматическая» бусина «янтарного» цвета).

По валовому составу все они могут быть отнесены к высокотемпературному кристобалитовому стеклу (Таб. 2).

Выводы

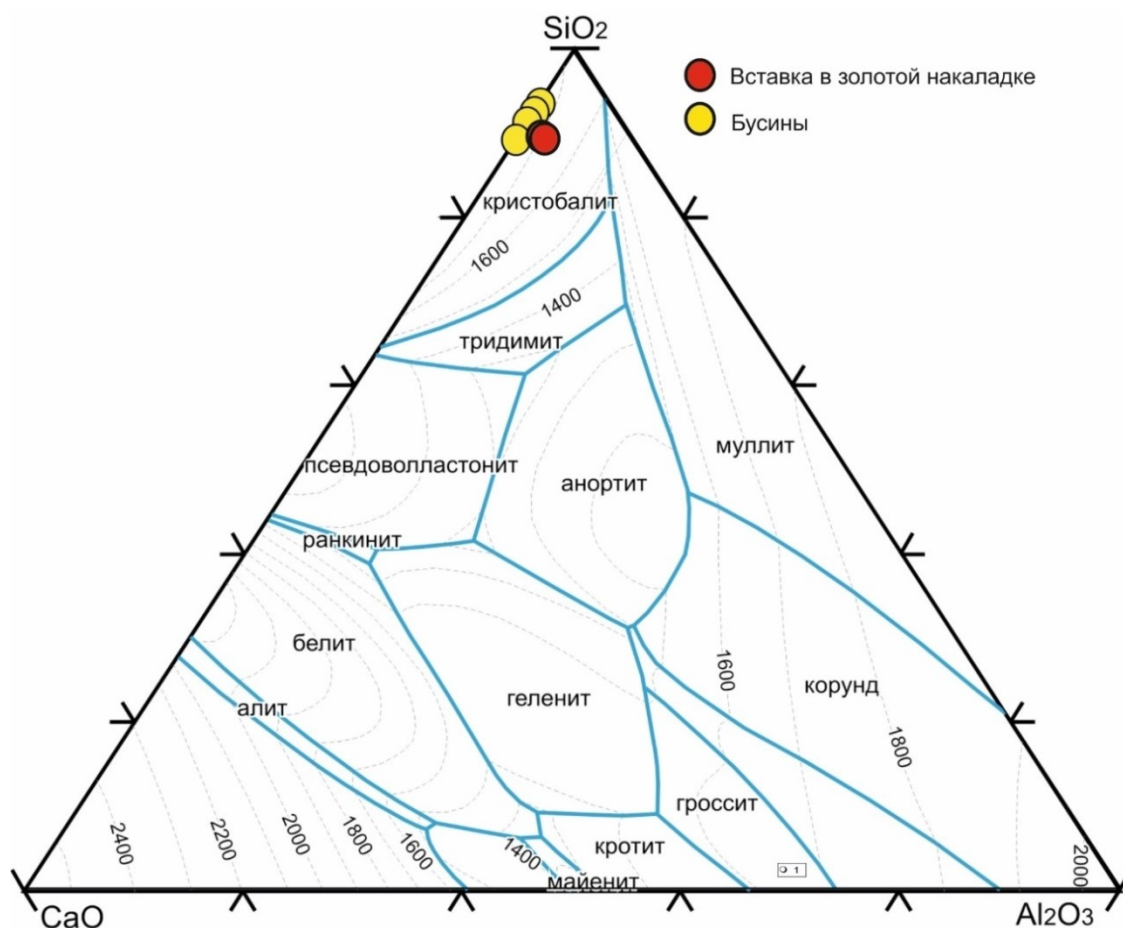
Большинство бус из могильника Верхний Ирряк имеют аналогии в хронологически синхронных памятниках Прикамья, в целом их общий облик – количество, разнообразие и цветовая гамма – выглядит беднее, что может быть связано как с особенностью гляденовских погребальных памятников, так и со степенью исследованности самого могильника²⁷.

Бусинный материал укладывается в хронологические рамки II–IV вв. н.э., что подтверждает предварительную датировку могильника.

Наибольший интерес представляет сочетание бус, в том числе крупной халцедоновой и других вещей в жертвенном комплексе погребения №8 и его близкие аналогии в погребениях Красноярского и Кудашевского могильников, которые так же как и могильник Верхний Ирряк расположены на территории Тулвинского бассейна и относятся к тулвинско-частинскому локальному варианту гляденовской культуры [Перескоков, 2018, с. 110]. Вероятно, такие комплексы могут являться хроноиндикатором III–IV вв. н.э.

²⁶Химический состав изделий был исследован д.г.-м.н., проф. И.И. Чайковским при помощи сканирующего электронного микроскопа VEGA 3 LMN с системой рентгеновского энергодисперсионного микроанализа Oxford Instruments INCA Energy 250/X-max 20 в лаборатории геологии месторождений полезных ископаемых Горного института УрО РАН.

²⁷На сегодняшний момент на могильнике Верхний Ирряк исследованы лишь ряды погребений, прилегающие к краю террасы. Границы могильника с других сторон не известны.

Таб. 2. Положение состава стекла на диаграмме CaO-SiO₂-Al₂O₃.

Библиографический список

- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М: Наука, 1978. 120 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М: Наука, 1982. 105 с.
- Бугров Д.Г. Бусы Тойгузинского II городища // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVII. М; Магнитогорск; Новосибирск, 2007. С. 442-453.
- Быкова Н.В., Казанцева О.А. Ювелирные изделия из минералов в коллекциях могильников I–V вв. н. э. в бассейне р. Камы // Вестник Пермского ун-та. Се р. История. Вып. 1(18). 2012. С. 93-104.
- Голдина Е.В. Характеристика бус Тураевского I могильника (бескурганная часть) / Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем прикамье (бескурганная часть): материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 17. Ижевск: изд-во «Удмуртский университет», 2010. С. 462-474.
- Голдина Е.В. Характеристика и датировка бус Тураевского I могильника (бескурганная часть) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 193-202.
- Голдина Е.В., Бернц В.И. Бусы Заборьинского могильника IV вв. н. э. в Среднем Прикамье: классификация и использование // Вестник Удмуртского университета. 2015а. Т. 25. Вып. 4. С. 47-57.
- Голдина Е.В., Черных Е.М. Бусы Боярского (Арай) могильника IV – V вв. в Среднем Прикамье: классификация и использование // Известия самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. № 3(2). 2015б. С. 567-575.
- Голдина Е.В., Черных Е.М. Бусы Дубровского могильника IV – V вв. в Среднем Прикамье: классификация и использование // Поволжская Археология. Казань, 2017. № 1(19). С. 238-256.
- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I – V вв. на Средней Каме. Т. I, текст – каталог погребений. Ижевск: Удмуртия, 2004. 319 с.

- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I – V вв. на Средней Каме. Т. II, иллюстрации. Ижевск: Удмуртия, 2003. 724 с.
- Голдина Р.Д., Бернц В.И. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем прикамье (бескурганная часть): материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 17. Ижевск: изд-во «Удмуртский университет», 2010. 499 с.
- Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Конструктивная и хронологическая классификация материалов Ныргындинского I могильника II – III вв. // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25. Ижевск: изд-во «Удмуртский университет», 2012. С. 9-104.
- Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II – III вв. н. э. на Средней Каме. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 22. Ижевск: изд-во «Удмуртский университет», 2012. 364 с.
- Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 году // материалы ГАИМК. Вып. 2. Л., 1933.
- Иванов А.Г. Новые материалы по ранней дате полумской культуры: курганная часть Варнинского могильника // Пермский мир в раннем средневековье. Сборник научных статей. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 6-65.
- Казанцева О.А. Бусы как элемент женского костюма населения Кудашевского I могильника в Пермском Прикамье [доклад] // Стекло на путях Евразии в древности и средневековье. Международная конференция. М. ИА РАН; ГИМ. 01.10.2020 11.50-12.10.
- Казанцева О.А. Красноярский могильник I – V вв. н. э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья. Ижевск, 2012. 180 с.
- Казанцева О.А. Наборные изделия из бус могильника Кудашевский III – V веков // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2014. Вып. 1(24). С. 83-89.
- Кореньюк С.Н. Могильник раннего железного века Верхний Ирьяк // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы третьих Халиковских чтений. Казань-Болгар, 27-30 мая 2004. С. 95-98.
- Кореньюк С.Н. Отчет об археологических раскопках могильника Верхний Ирьяк в Осинском районе Пермской области в 2001 г. Пермь, 2002. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф.1. Р.1. №25760.
- Кореньюк С.Н., Перескоков М.Л., Юкова М.К. Бусы могильника Верхний Ирьяк // История и культура Российского Севера в исследовательском, образовательном и просветительском измерениях. Материалы I съезда историков Республики Коми (31 марта – 4 апреля 2015 г. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. Ч. 3. С. 12-15.
- Красноперов А.А. Бусы Ныргынды [Электронный ресурс] // URL: <https://www.academia.edu/3156851> (дата обращения: 16.01.2021)
- Лепихин А.Н. Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Пермь: ООО «Изд. Дом «Типография купца Тарасова», 2007. 224 с.
- Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Гляденовское костище (из собрания Пермского областного краеведческого музея): каталог. Вып. 3. Пермь, 1997. 58 с., ил.
- Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Гляденовское костище (материалы раскопок 1995-1997 гг. из собрания Пермского областного краеведческого музея): каталог. Вып. 4. Пермь, 1999. 64 с.
- Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Костище Слепушка на р. Сылве – жертвенное место поздней стадии развития гляденовской культуры // Исследования по археологии и истории Урала. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1998. С. 48-69.
- Лецинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребельных памятников I-V вв. н.э.). / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск, 2014. 472 с.
- Мингалева В. В., Мингалева М. К., Перескоков М. Л. Бусы Мокинского могильника III – V/VI вв. н. э. в Пермском Прикамье // Поволжская Археология. Казань, 2019. № 3 (29). С. 202-221.
- Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.
- Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм. / Материалы охранных археологических исследований. Т. 13. М.: Институт археологии РАН, 2010. 212 с., илл.
- Перескоков М.Л. Классификация и сравнительный анализ украшений и принадлежностей костюма из погребений Верхне-Ирьякского могильника // История. Право. Образование: мат-лы II региональн. научн. конф. молодых историков. Ч. II. Нижний Тагил: НТГСПА, 2006. С. 44-46.
- Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: Перм. гос. нац.исслед.ун-т, 2018. 320 с.

Румянцева О.С. Бусы Брянского клад / Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 18. Ин-т археологии Рос. Акад. Наук, Гос. исто р. Музей; отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018. С. 115-124.

Румянцева О.С. Бусы могильника Брут 2 2-й половины II – середины III в. // Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа Материалы и исследования по археологии России. М.: ТА-УС, 2009. С. 341–437.

Румянцева О.С. Бусы рязано-окских могильников / Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2007. 431 с. 250 ил. С. 213-245.

Русланова Р.Р. Бусы могильников Уфимско-Бельского междуречья III – VIII вв.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.06. Казань, 2014. 218 с.

BEADS OF THE UPPER IRYAK BURIAL GROUND: WORK ON ERRORS AND NEW DATA

S.N. Korenyuk¹, M.K. Mingaleva¹, M.L. Pereskokov¹, I.I. Chaikovskiy^{1,2}.

¹ Perm State National Research University, 15 Bukireva str., Perm, 614990

² Mining Institute, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, 78a Sibirskaya str., Perm, 614007

Korenyuk_sn@mail.ru

M.yukova@yandex.ru

Pereskokoff@yandex.ru

Ilya@mi-perm.ru

The article considers a complex of beads from the Upper Iryak burial ground in the Middle Kama region. The burial ground belongs to the middle and late stages of the Glyadenovo culture and dates back to the II-IV centuries AD. The collection is dominated by glass beads and beads, there is also one large chalcedony bead. It is assumed that the set, which includes a chalcedony bead, beads and metal objects, can be a chrono-indicator of the III–IV centuries AD. The article corrects an error in the interpretation of the material of four beads previously described as amber; the chemical analysis of these glasses in comparison with the glass insert from the Mokino I burial ground is presented; a description of the location of beads in burials is added; a description of the technique of making beads is added; analogies are expanded; complexes of burials with beads are described and presented.

Keywords: burial ground, beads, chalcedony, sacrificial (gift) complexes, chrono-indicator.

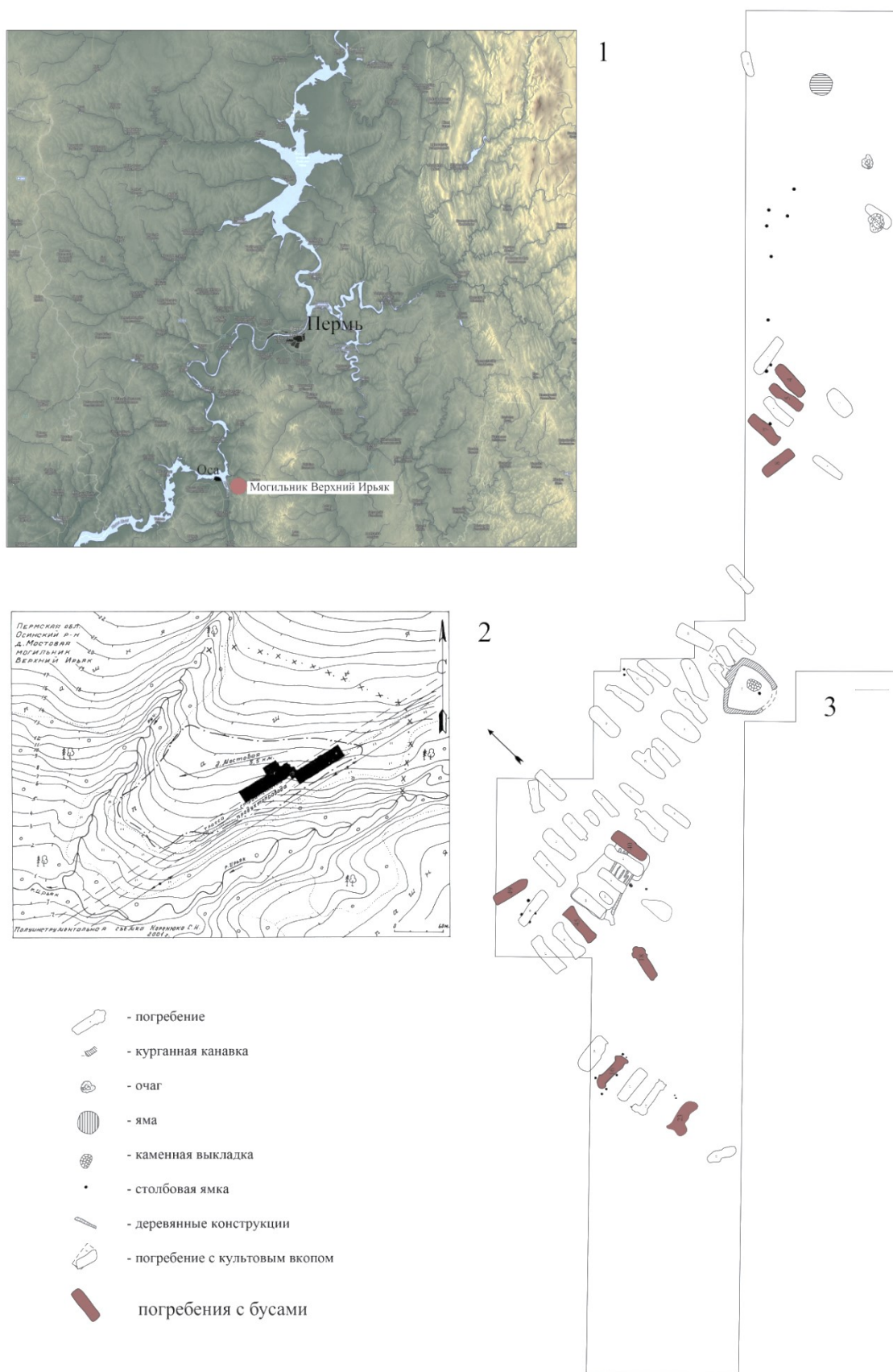

Рис. 1. Могильник Верхний Ирьяк. 1. Схема расположения памятника. 2. Топографический план. 3. Сводный план раскопа.

Рис. 2. Могильник Верхний Ирьяк. Бусы: 1 – халцедон, 2-7,12 – стекло, 8-11 – стекло + металлическая фольга.

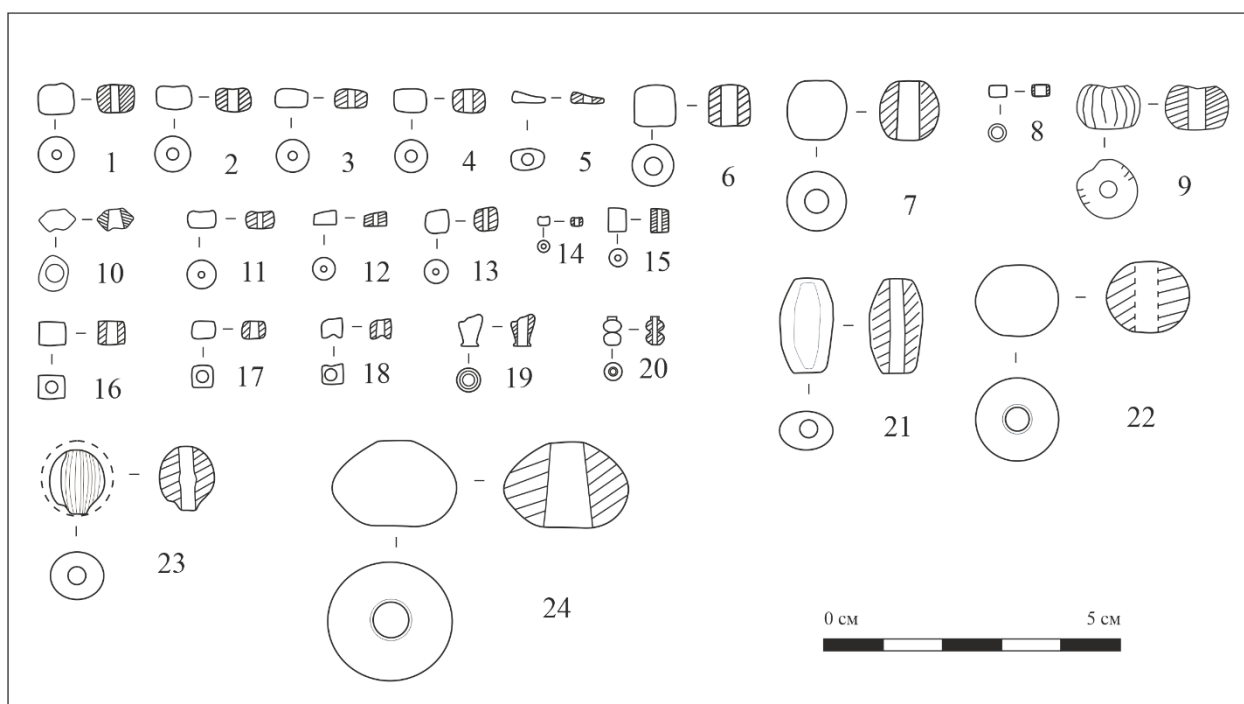

Рис. 3. Могильник Верхний Ирьяк. Бусы. Прорисовка. 1-23 – стекло, 24 – халцедон.

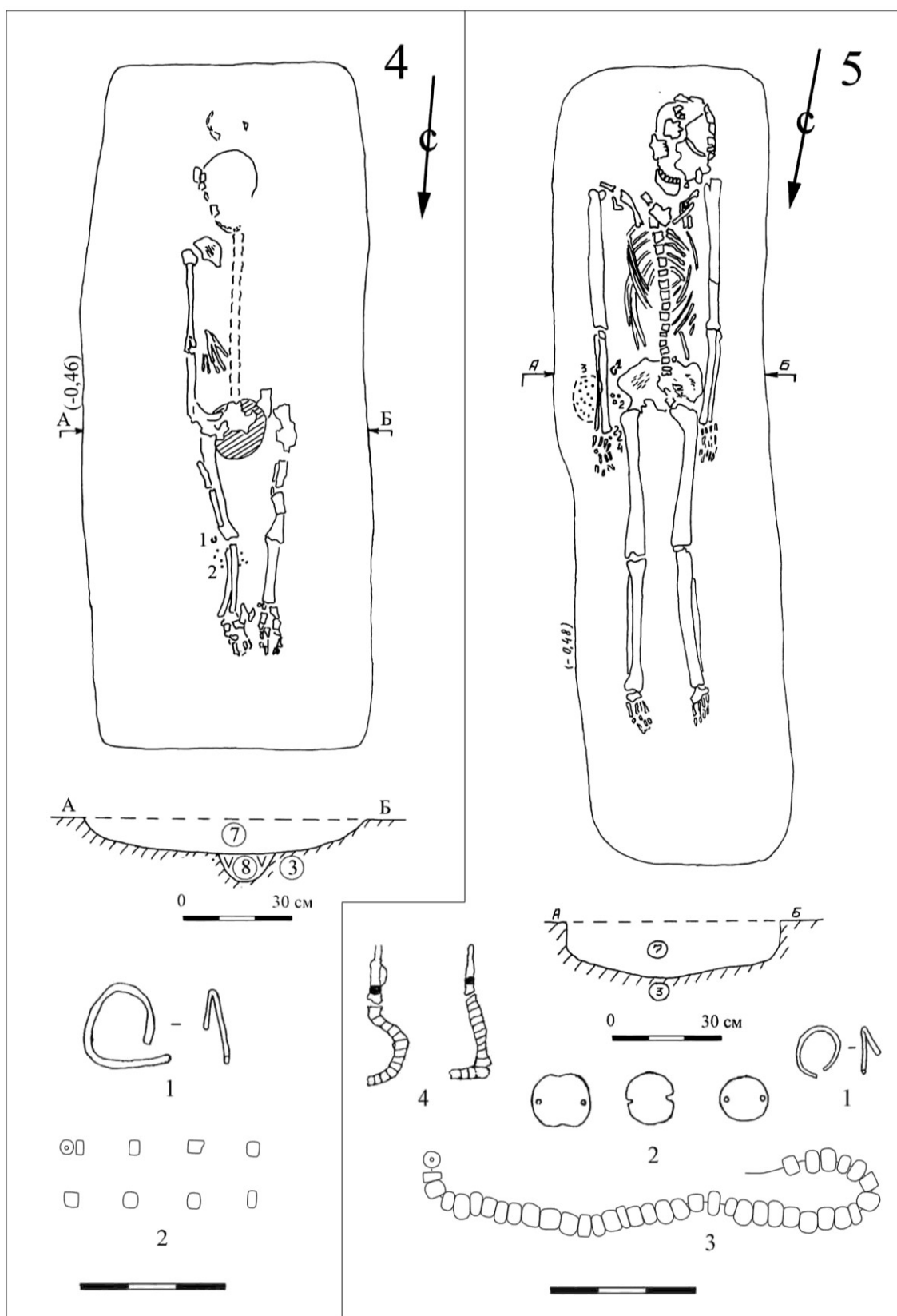

Рис. 4. Могильник Верхний Ирьяк. Пог р. 4: 1 – кольцо височное, 2 – бисер; 1 – бронза, 2 – стекло. Пог р. 5: 1 – кольцо височное, 2 – бляшки, 3 – бисер, 4 – фрагменты височных подвесок; 1-2, бронза, 3 – стекло, 4 – бронза, железо.

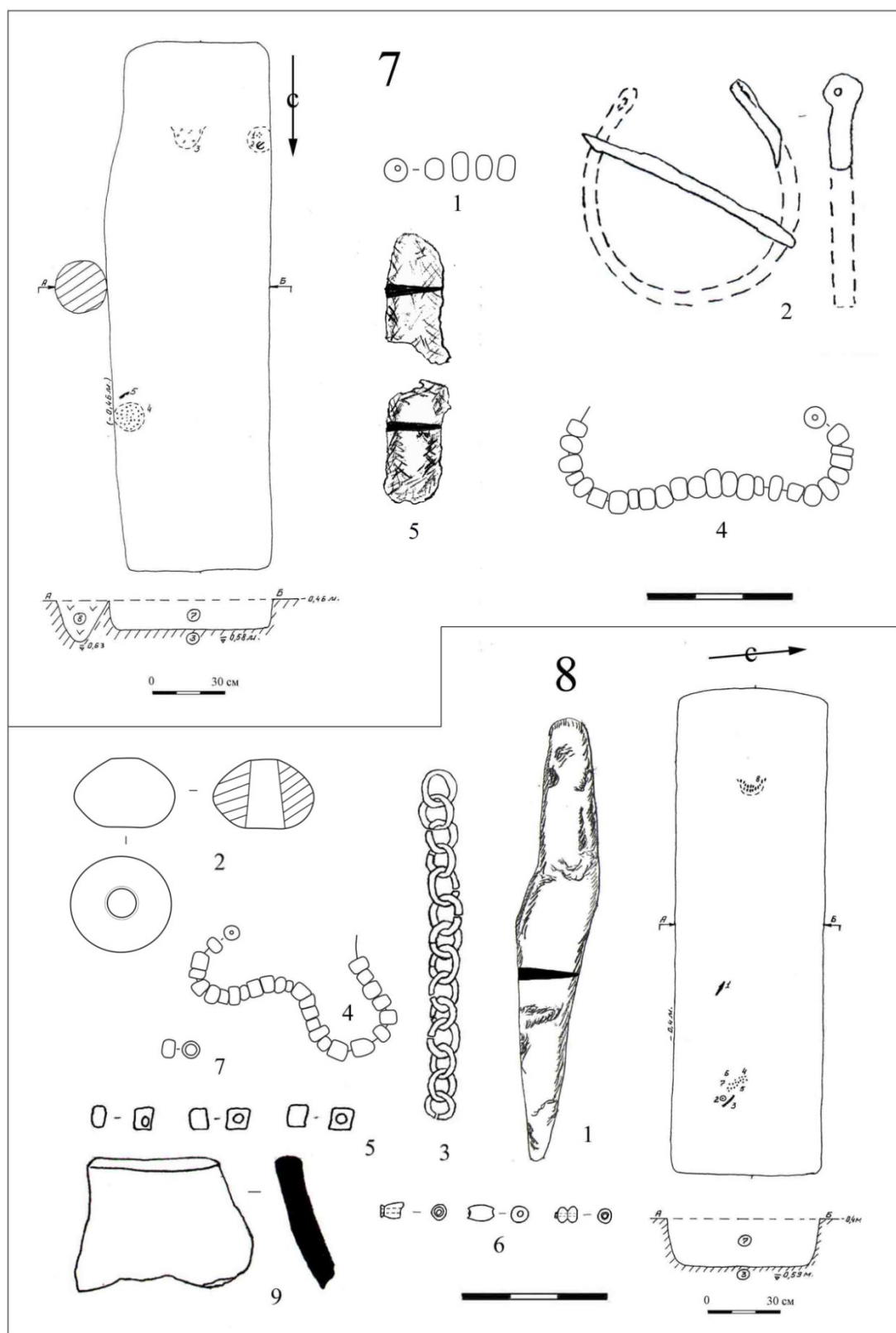

Рис. 5. Могильник Верхний Ирьяк. Пог р. 7: 1,4 – бисер, 2 – сюльгама, 5 – нож; 1,4 – стекло, 2 – железо. Пог р. 8: 2-6 – ж.к.: 2,4-7 – бусы и бисер; 3 – цепочка; 9 – фрагмент керамического сосуда; 1 – железо; 2 – халцедон, 3 – бронза, 4,5,7 – стекло, 6 – стекло + металлическая фольга; 9 – керамика.

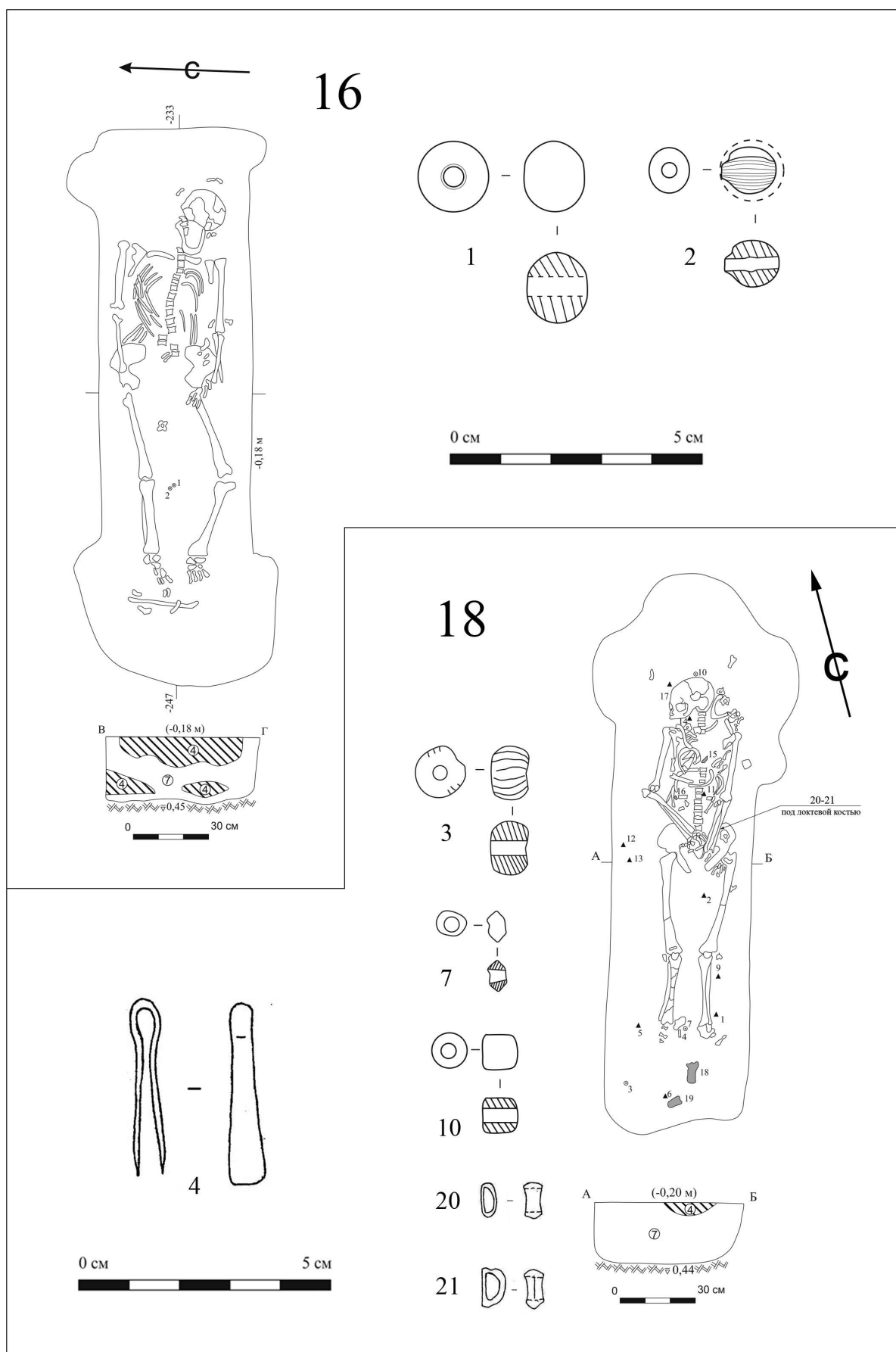

Рис. 6. Могильник Верхний Ирьяк. Пог р. 16: 1-2 – бусы, стекло+металлическая фольга; Пог р. 18: 3,7,10 – бусы, 4 – пинцет, 3,7,10 – стекло, 4 – бронза.

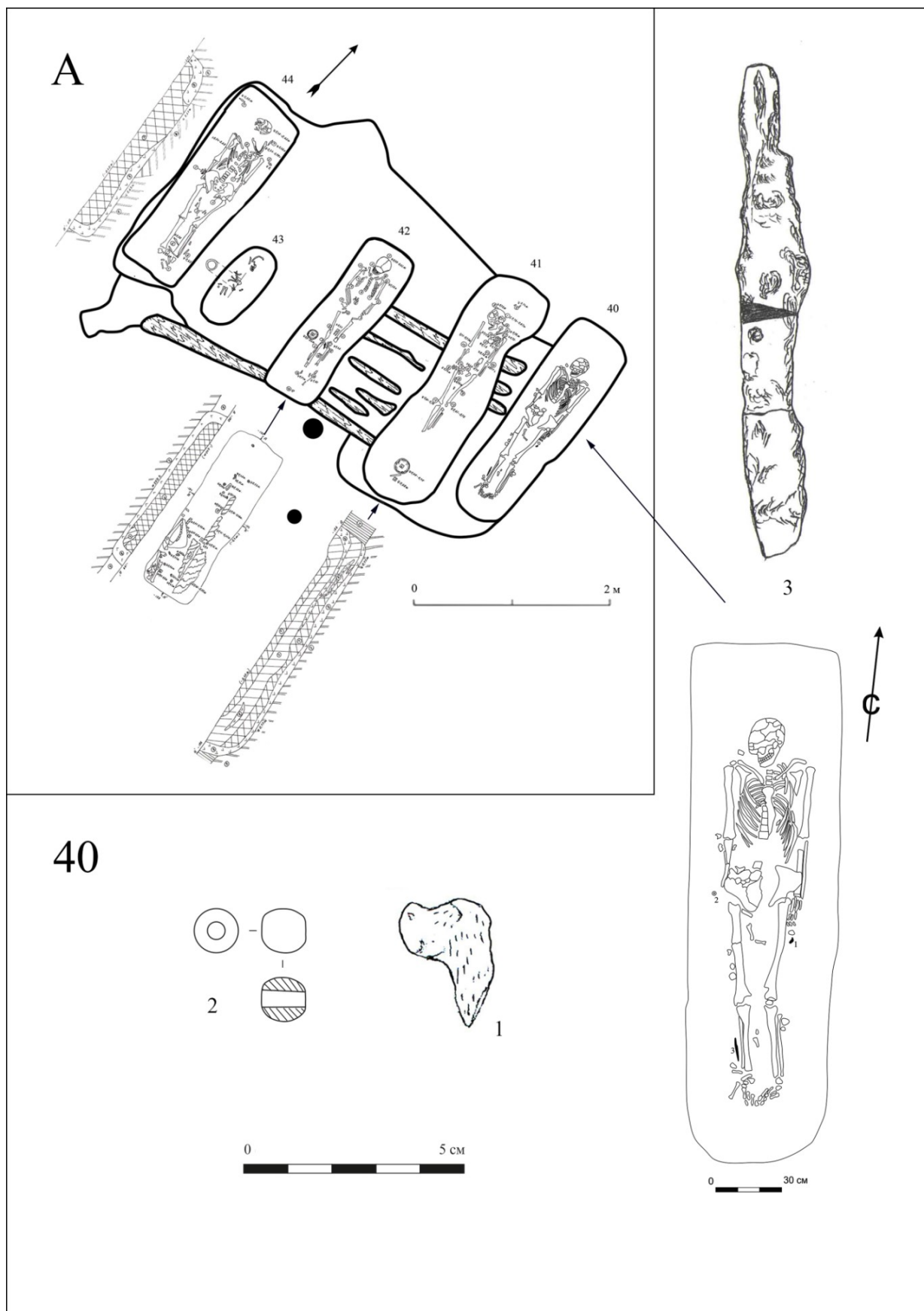

Рис. 7. Могильник Верхний Ирьяк. А. План «Дома мертвых». Пог р. 40: 1 – коготь, 2 – стеклянная бусина.

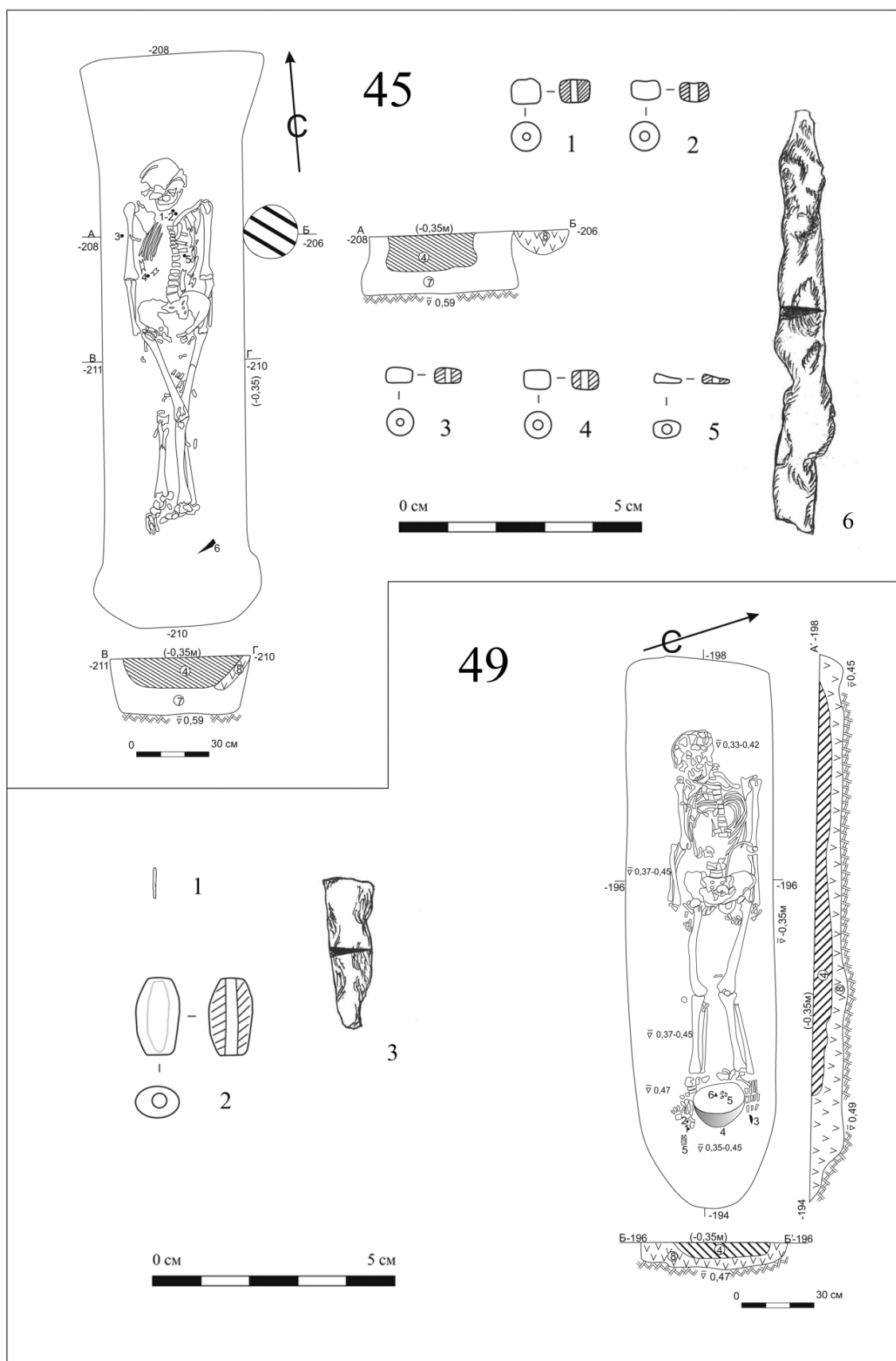

Рис. 8. Могильник Верхний Ирряк. Пог р. 45: 1-5 – бусы, 6 – нож; 1-5 – стекло, 6 – железо. Пог р. 49: 1 – обломок иглы; 2 – бусина, 3 – обломок ножа; 1,3 – железо, 2 –стекло.

КЕРАМИКА ГЛЯДЕНОВСКОГО КОСТИЩА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2017 –2018 гг.)

А.В. Васильева, М.Л. Перескоков, Д.А. Якимова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Anastasia-perm@mail.ru

Pereskoff@yandex.ru

Dollif55@gmail.com

В статье проанализирована керамика Гляденовского костыща по материалам раскопок 2017-2018 гг. Представлена типология форм сосудов и анализ орнаментации. Выделяются наборы орнаментов, которые формируют основные стереотипы характерные для керамики ананьинской и гляденовской культуры на Гляденовском костыще.

Ключевые слова: керамика, Гляденовское костыще, орнаментация, ананьинская культура, гляденовская культура.

Фрагменты керамических сосудов составляют большую часть археологического материала в раскопках. Начало исследованию данной категории находок было положено В.Ф. Генингом [1959а], он впервые системно проанализировал керамику Гляденовского костыща, сравнив ее с другими памятниками. Более широкий контекст гляденовской керамики был показан Ю.А. Поляковым [Поляков, 1967; 1978; 1999; 2001а]. В опубликованной посмертно статье [Поляков, 1999], специально посвященной керамике, им были приведены результаты сравнительного анализа комплексов более 10 памятников гляденовской культуры.

В обобщенной работе, посвященной Гляденовскому костыщу, А.Н. Лепихин проанализировал керамику в контексте других костыщ гляденовской культуры [Лепихин, 2007].

В настоящей работе проанализирована керамика из раскопок 2017 – 2018 гг. Раскоп 2017 имел два сектора. Сектор 1 располагался в северной части площадки костыща и примыкал к раскопу 2001 г. Сектор 2 примыкал с юга к раскопу 2016 г., а с запада и востока ограничивался раскопами 1981–1984 гг.

Керамический материал Гляденовского костыща, полученный в ходе исследований 2017-2018 гг., представлен 328 сосудами гляденовского времени²⁸. Форму сосуда удалось установить у 324 сосудов. Выделенные сосуды были разделены на три типа, каждый из которых делится на 2 подтипа. 1 тип – сосуды с выпуклым туловом и четко выраженной шейкой; у разновидности «А» шейка отогнута наружу, «Б» – прямая, или слегка наклоненная внутрь. Тип 2 включает в себя сосуды с более узкой горловиной. Разновидность «А» имеет слабо выраженный переход от шейки к тулову, сосуды разновидности «Б» имеют очень короткую шейку и раздутое тулово. Тип 3 составляют низкие открытые чаши без шеек, у разновидности «А» они отогнуты наружу, у «Б» прямые или слегка загнутые вовнутрь [Поляков, 2001, с. 13]. Доля сосудов типа 1 составляет – 7,7% (25 сосудов), из них 6,8% (22) подтип А и 0,9% (3) – подтип Б. Тип 2 составляет 29,3 % (95), из них 14,8% (48) подтип А и 14,5% (47) – подтип Б. В количественном отношении преобладают сосуды типа 3–63% (204), из них 49,7% (161) – подтип А и 13,3% (43) – подтип Б.

Визуальный анализ глиняного теста показал, что мелкотолченая раковина встречается в качестве добавки у 79% сосудов. Песок в качестве добавки встречается в 18,2% случаев.

© А.В. Васильева, М.Л. Перескоков, Д.А. Якимова, 2021

²⁸ Анализ керамического материала раскопок 2017-2018 гг. выполнен за счет гранта РНФ №19-78-10050 «Ранний железный век и эпоха Великого переселения народов Приуралья: адаптация, миграция и культурная трансформация в изменяющейся природной среде».

Таблица 1 Виды орнаментации керамики Гляденовского костяща

Орнамент по венчику			
Орнамент	Кол-во	% от орнаментированных сосудов	% от общего кол-ва сосудов
Резной	84	62,2	25,6
Вдавления	20	14,8	6,1
Гребенчатый	5	3,7	1,5
Ямка	3	2,2	0,9
Защип	3	2,2	0,9
Насечка	1	0,7	0,3
Зубчатые вдавления	1	0,7	0,3
Орнамент по шейке			
Орнамент	Кол-во	% от орнаментированных сосудов	% от общего кол-ва сосудов
Резной	12	8,8	3,7
Вдавления	14	10,4	4,3
Шнуровой	7	5,2	2,1
Гребенчатый	3	2,2	0,9
Накол	2	1,5	0,6
Насечка	2	1,5	0,6
Ямка	2	1,5	0,6

Таблица 2 Комбинации декора керамики Гляденовского костяща

Сочетания орнаментов			
Расположение декора	Вариации сочетаний	Кол-во	%
Срез венчика + шейка	резной + вдавления	5	
	вдавления + шнуровой	3	
	резной + шнуровой	2	
	резной + насечка	2	
	резной + накол + насечка	1	
	ямка + гребенчатый	1	
	насечка+ вдавления + шнуровой	1	
Срез венчика + венчик	вдавления + резной	1	
На шейке	вдавления + шнур	1	

По форме венчика сосуды распределяются следующим образом: плоский – 184 (57%), округлый – 71 (22%), утолщенный снаружи – 22 (7%), Г-образный – 22 (7%), сильно утолщенный – 9 (2,8%), заостренный – 3 (0,9%), плоский заостренный – 4 (1,2%), обратно заостренный – 1 (0,3 %), с валиковым выступом внутри – 6 (1,8%).

Большую часть коллекции составила неорнаментированная посуда – 193 сосудов (59%), количество орнаментированных сосудов – 135 (41%).

Орнамент на кромке венчика встречается не часто, всего насчитывается 10 сосудов (7,4%), где декор нанесен только на переднюю часть венчика. Наиболее часто встречается посуда, орнаментированная только по срезу венчика, 75 сосудов (55,5 %). Количество сосудов, где орнаментации подвержена только шейка сосуда – 16 (11,9%). Сосудов с одновременно декорированной шейкой и срезом венчика – 24 (17,8%); венчиком и срезом венчика – 7 (5,2%); венчиком и плечиком – 1 (0,7%). Орнамент на тулове сосуда встречается 2 раза (1,5%). У 6 сосудов (1,8%) отмечены отверстия под венчиком (Рис. 1-7).

Диаметр по венчику установлен у 312 (95,1%) сосудов, он колеблется от 4 до 40 см. Встречаются крупные сосуды, имеющие диаметр по венчику более 30 см., 4 сосуда (1,2%), но преобладают небольшие сосуды диаметром от 0 до 15 см, 277 сосудов (84,4%). Количество сосудов среднего размера с диаметром от 16 до 30 см. – 31 (9,5%).

Результаты, полученные при анализе керамики с раскопок 2017–2018 гг. схожи с данными А.Н. Лепихина [Лепихин, 2007, с. 66], согласно которым, для гляденовской керамики характерно наличие в большей степени резного, в меньшей степени зафиксировано наличие шнурового и ямочного орнамента (Таблица 1).

Исследование наборов орнаментации показало, что наиболее популярной комбинацией орнамента является сочетание резного орнамента и различных вдавлений (Таблица 2).

В процессе исследования, была создана таблица, включающая в себя все элементы декора Гляденовской посуды (Рис 1).

Таким образом, по орнаментальному декору керамический комплекс раскопок 2017–2018 гг. близок керамике Осинского и Пещерского городищ осинского Прикамья [Перескоков, Павлова, 2010, с. 224], а также более близких территориально Турбинского и Култаевского I селищ [Поляков, 2001, с. 13]. Так же это касается выявленных форм сосудов и примесей. По форме сосудов, преобладают сосуды 3 типа, в тесте большинства сосудов содержится примесь толченой раковины. Ведущим элементом декора сосудов Гляденовского костыща является резной орнамент, нанесенный преимущественно на срез венчика.

Библиографический список

- Генинг В.Ф. Могильник Качка // Отчеты К(В)АЭ. М., 1959а. Вып.1. С.196–209.
- Лепихин А.Н. Костыща гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Березники, 2007. 224 с.
- Перескоков М.Л., Павлова А.О. Посуда Бутырского городища в контексте керамических комплексов финала раннего железного века Пермского Прикамья // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения). Ижевск: Удмуртский университет, 2010. С. 224–229.
- Поляков Ю.А. Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники, 2001а. Вып.1. С. 10–19.
- Поляков Ю.А. Гляденовская культура в Верхнем и Среднем Прикамье (III в. до н.э. – середина VI в. н.э.): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1978 // Архив КАЭ Перм. гос. ун-та.
- Поляков Ю.А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // Учен.зап. Перм. гос. ун-та. Вып.148. 1967. С.197–215.
- Поляков Ю.А. Керамика гляденовской культуры // Finno-Ugrica. 1999. №1. С.4–10.

CERAMICS OF THE GLYADENOVO SACRED PLACE (BASED ON THE EXCAVATIONS IN 2017-2018)

A.V. Vasilyeva, M. L. Pereskokov, D.A. Yakimova

Perm State National Research University, 15 Bukireva str., Perm, 614990

Anastasia-perm@mail.ru

Pereskokoff@yandex.ru

Dollif55@gmail.com

The article analyzes the ceramics of the Glyadenovo sanctuary based on the materials of excavations in 2017-2018. The typology of vessel shapes and the analysis of ornamentation are presented. The sets of ornaments that form the main stereotypes characteristic of the ceramics of the Ananino and Glyadenovo cultures on the Glyadenovo sacred place are distinguished.

Keywords: ceramics, Glyadenovo sacred place, ornamentation, Ananino culture, Glyadenovo culture.

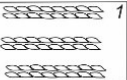

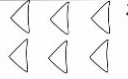

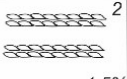

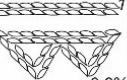

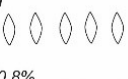
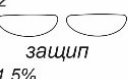

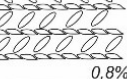

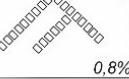
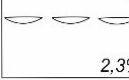
	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З
1	 0,8%	 1,5%	 0,8%	 36%	 2,3%	 0,8%	 0,8%	 0,8%
2	 0,8%	 1,5%	 1,5%	 3,8%	 1,5%	 0,8%	 1,5%	 0,8%
3	 1,5%	 2,3%	 0,8%	 9%	 2,3%	 1,5%	 0,8%	 1,5%
4	 0,8%	 0,8%	 3%	 3,8%		 0,8%		 1,5%
5	 0,8%	 0,8%	 1,5%	 0,8%	 1,5%	 0,8%	 0,8%	
6	 5,3%	 2,3%	 0,8%	 3,8%		 0,8%	 0,8%	
7	 0,8%	 0,8%	 0,8%			 0,8%		
8	 2,3%							

Рис. 1. Сводная таблица орнаментации керамической посуды из раскопок 2017–2018 г. В верхней строке количество орнаментированных сосудов, в нижней – их процентное соотношение. Слева орнаментация по венчику, справа по шейке.

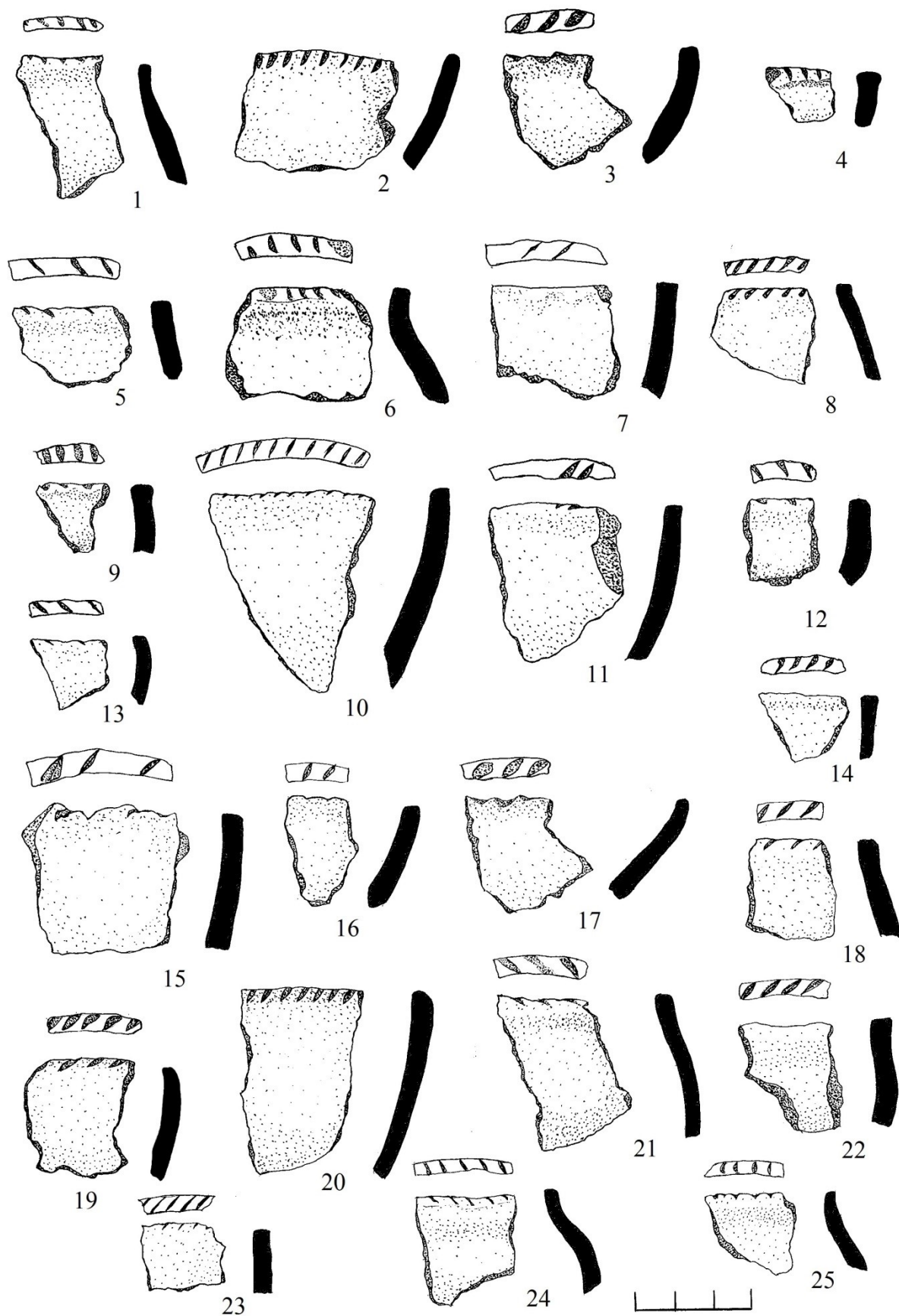

Рис. 2. Гляденовское костеище. Раскопки 2017–2018 гг. Керамика.

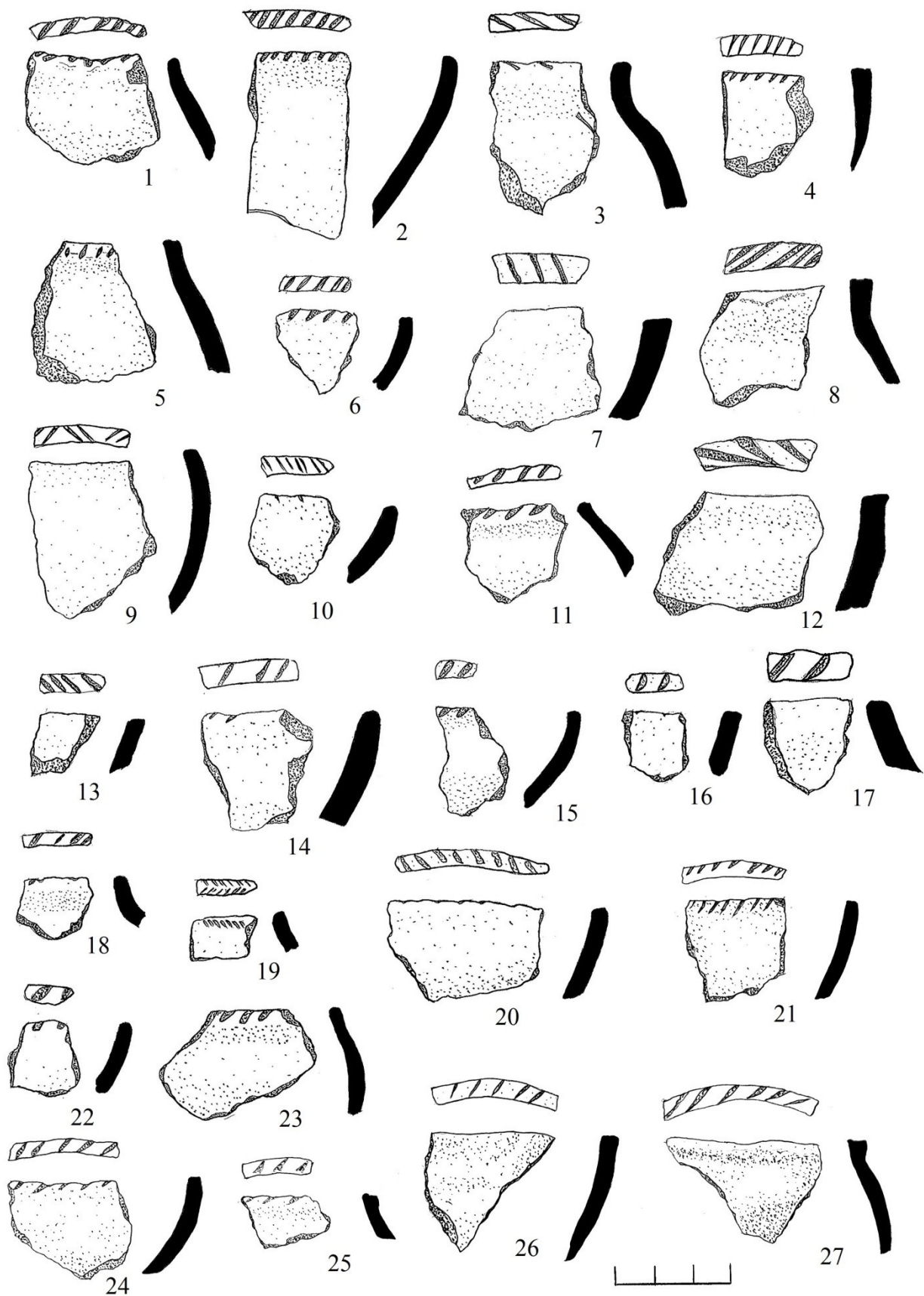

Рис. 3. Гляденовское костище. Раскопки 2017–2018 гг. Керамика.

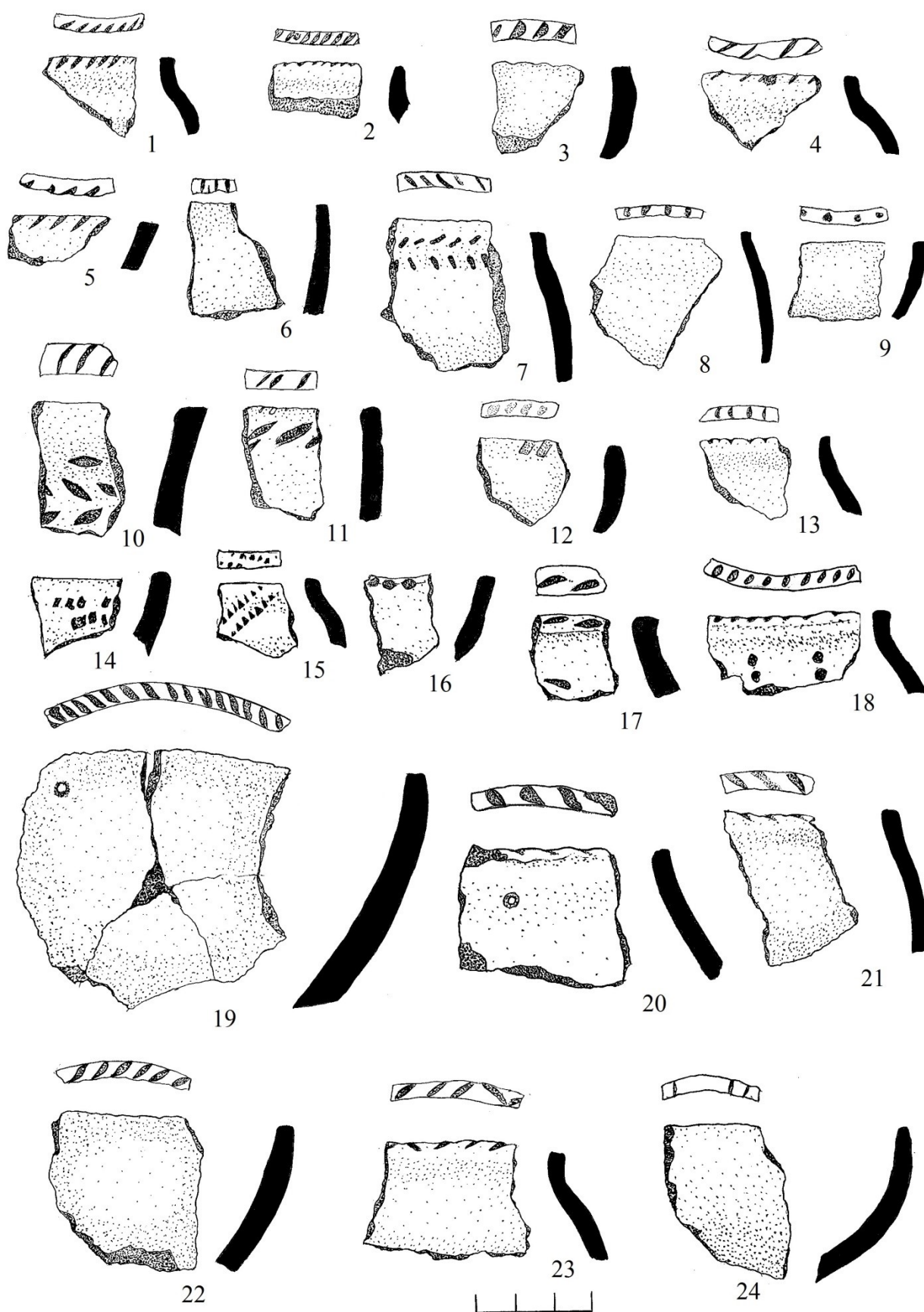

Рис. 4. Гляденовское костеище. Раскопки 2017–2018 гг. Керамика.

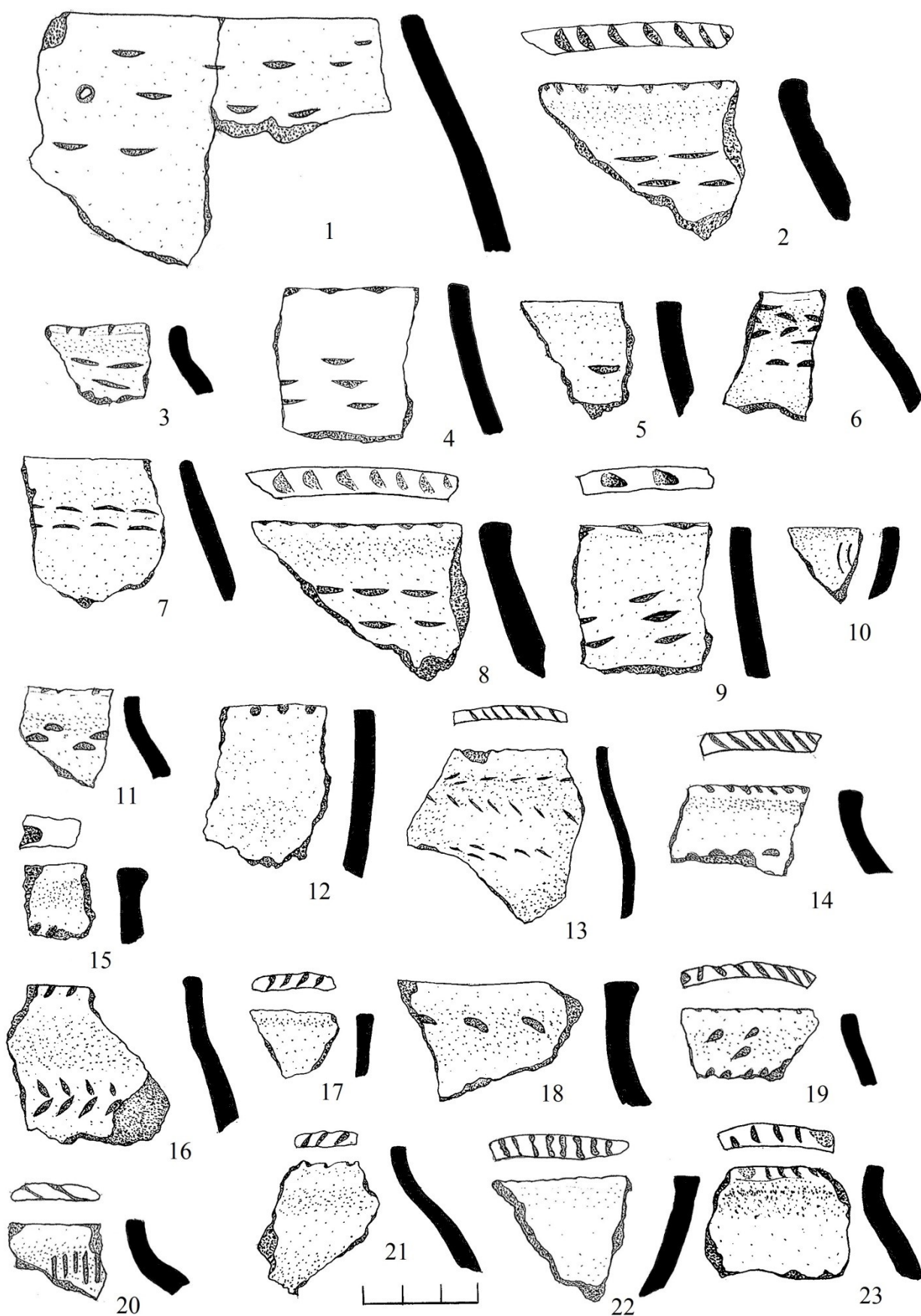

Рис. 5. Гляденовское костыще. Раскопки 2017–2018 гг. Керамика.

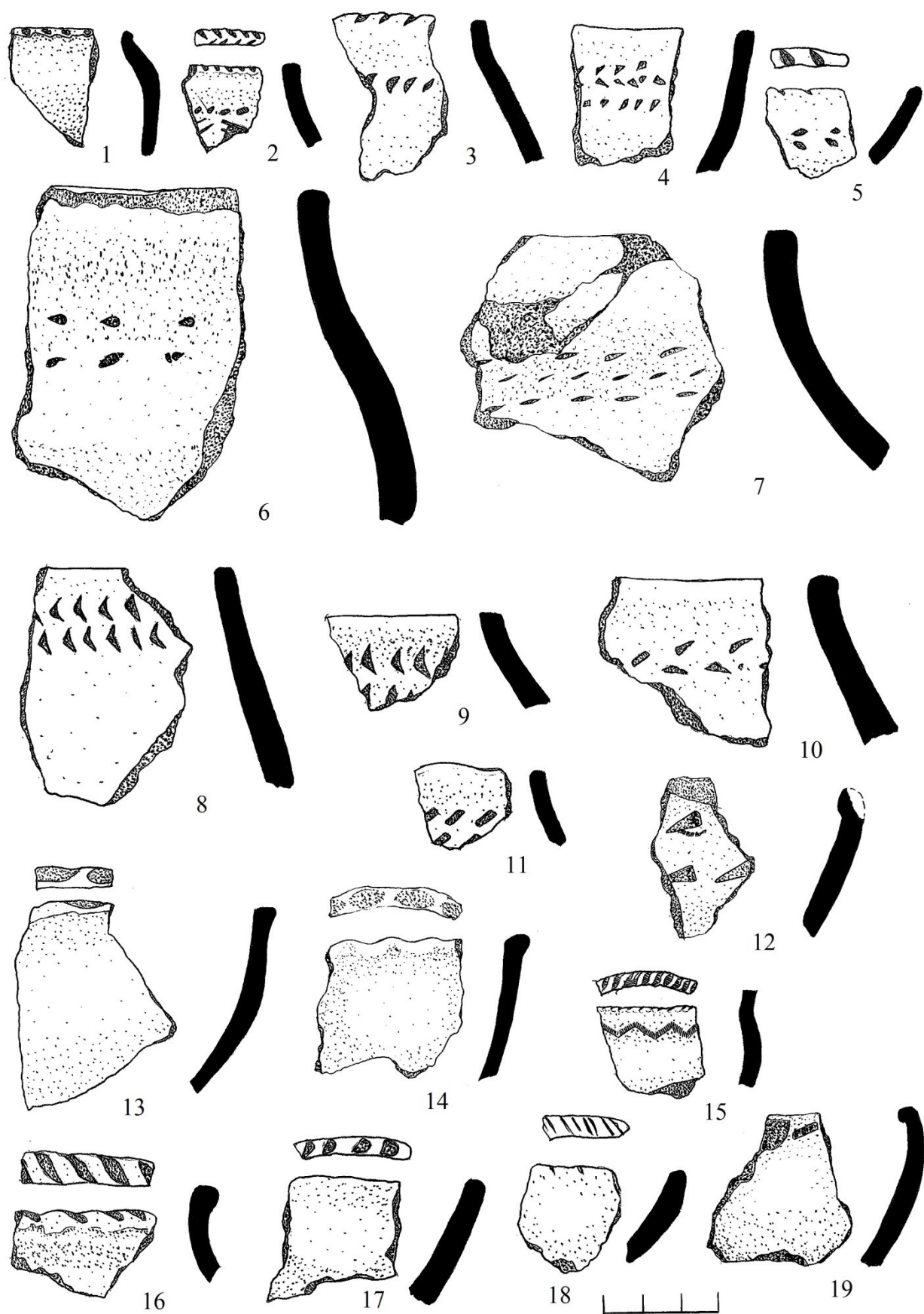

Рис. 6. Гляденовское костище. Раскопки 2017–2018 гг. Керамика.

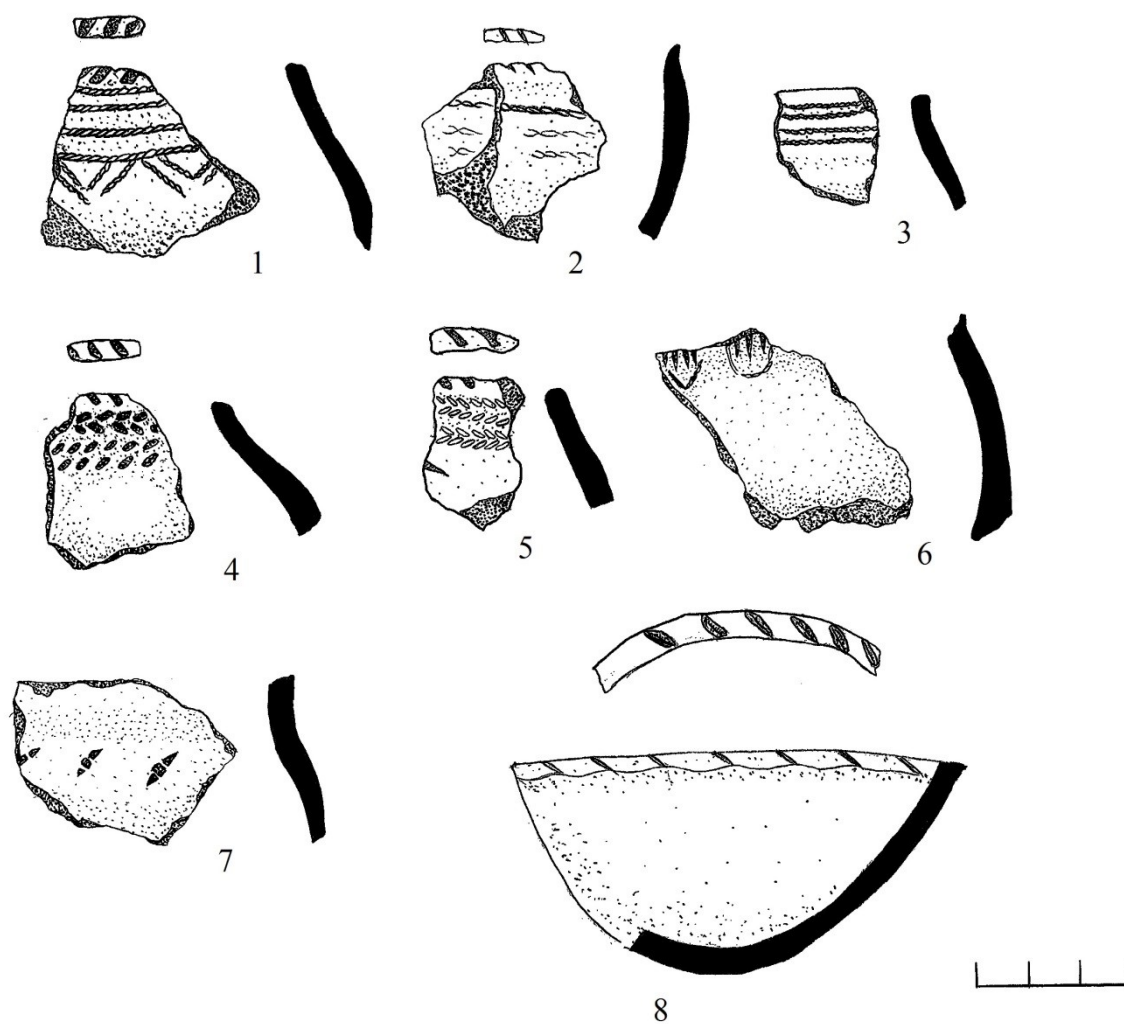

Рис. 8. Гляденовское костеище. Раскопки 2017–2018 гг. Керамика.

КОМПЛЕКС НАХОДОК С ГРЕМЯЧАНСКОГО VII СЕЛИЩА

Е.В. Чуйкина

Пермский национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Katarina-ch@yandex.ru

Описывается комплекс находок, обнаруженных в шурфе на Гремячанском VII селище в 2013 году. Находки (бронзовые бляшки, височные подвески, бляшки на шнуре (ремешке)) нетипичны для селища. Местоположение селища сходно с топографией могильников финала раннего железного века. Раскопками вокруг шурфа очертаний могильных ям, иных объектов не выявлено. Ставится вопрос об изменении типа памятника на могильник и необходимости дальнейших раскопок.

Ключевые слова: ранний железный век, бронзовые украшения, селище, могильник, гляденовская культура.

Гремячанское VII селище расположено в Осинском районе Пермского края, на территории Гремячанского сельского поселения, на южной окраине с. Гремяча (Рис. 1). Памятник был открыт в 1986 г. сотрудником КАЭ ПГУ В.П. Мокрушиным. При осмотре зоны мелиоративных работ, около проектируемых осушительных траншей, были найдены мелкие фрагменты лепной керамики. Впоследствии селище осматривалось сотрудниками КАЭ ПГУ (1999 – В.П. Мокрушин, 2008 – Е.В. Чуйкина) в ходе инвентаризации и мониторинга памятников археологии Осинского района, во время которых проводилась только фотофиксация без земляных работ, сбор подъемного материала был невозможен, т.к. территория была задернована и использовалась под покос.

В 2013 году селище было вновь включено в план мониторинга и обследовалось Е.В. Чуйкиной (Чуйкина, 2013). В задании имелось обязательное требование описания мощности и состава культурных слоев, поэтому была проведена шурфовка памятника. Заложено два шурфа размерами 1х1 м каждый. В одном из шурфов, кроме пахотного слоя серо-коричневого суглинка, не было выявлено признаков культурного слоя, как и не было обнаружено каких-либо археологических предметов. В другом шурфе была выявлена стратиграфия: 1. Дерн 0,05–0,1 м; 2. Серо-коричневый суглинок 0,2–0,25 м; 3. Серый суглинок с вкраплениями красной глины 0,15–0,2 м; 4. Материк – красно-коричневая глина. В слое № 2 был обнаружен один неорнаментированный фрагмент лепной керамики. Неожиданная находка была зафиксирована в нижней части слоя № 3 – «клад» (комплекс) бронзовых вещей. Комплекс вещей состоял из следующих предметов:

1. Две круглые плоские, слегка выпуклые бронзовые бляшки диаметром 3,8 см с отверстием в центре (диаметр отверстия 0,7 см) (Рис. 3–1,2)¹.

2. Три височные подвески кольцеобразной формы диаметром 1,5–2 см из круглого бронзового дрота (диаметром 0,2 см). Одна из подвесок закручена в полтора оборота (Рис. 3–3,4,5).

3. Бронзовые бляшки: восьмерковидные – округлые, выпуклые, диаметр каждой 0,6–0,8 см, с одной планкой на обороте, нанизанные на два кожаных шнура (ремешка). Найдено

14 фрагментов шнура с бляшками, общей длиной около 28 см (Рис. 3–6).

Подобные комплексы находок не типичны для селища, а встречаются преимущественно на могильниках. Для проверки этого предположения вокруг шурфа с «кладом» был заложен раскоп общей площадью 16 кв.м. (Рис. 1). Однако в результате раскопок не было обнаружено каких-либо очертаний сооружений и углублений, напоминающих могильные ямы. На раскопе были найдены фрагменты от двух точильных камней, четыре железных ножа и керамика (Рис. 2).

Все найденные ножи небольших размеров, сохранились фрагментарно (без рукоятей или без кончиков) (Рис. 3–7–10). Длина самого большого ножа составляет 11 см (в т.ч. длина

лезвия 9 см), длина наименьшего сохранившегося фрагмента – 4 см. Ширина лезвий варьируется от 0,5 до 1,7 см. Три ножа имеют прямую спинку, у одного из них спинка слегка «горбатая».

Керамика из раскопа и шурфа лепная, фрагменты небольших и маленьких размеров. Всего собрано 37 фрагментов керамики (без учета мелких сколов). Среди них обнаружено 4 фрагмента венчиков сосудов, три из которых плоские по форме среза. Два фрагмента венчиков полностью неорнаментированы, один из них слегка отогнут наружу, а второй, наоборот, имеет легкий наклон внутрь. Один из венчиков орнаментирован по срезу насечками, а на еще одном фиксируется ямка у основания венчика (Рис. 3–11–14). Поскольку все фрагменты небольших размеров, то более детальное их описание дать невозможно, как невозможно и определить диаметры сосудов.

Кроме описанных выше предметов, в раскопе встречались мелкие фрагменты обожженной глины и кальцинированных костей. Найдена также галька со сколами, напоминающими скребок, но без явно выраженных рабочих сторон.

Датировка описанного комплекса бронзовых предметов совместно с материалами из раскопа может быть дана довольно условно I–II вв. н.э., поскольку четко датирующих предметов не обнаружено. Бронзовые украшения, подобные найденным на Гремячанском VII селище, известны на могильниках гляденовской, пьяноборской и кара-абызской культур и относятся к первым векам нашей эры. Бронзовые бляшки восьмерковидной формы распространены в пьяноборских [Агеев, 1992, с. 43, отдел Е / тип 5, табл. 8–6] и кара-абызских [Пшеничнюк, 1993, рис. 15–19, 20; Овсянников В.В. и др., 2007, рис. 53–28, 70–9, 14] могильниках. Височные подвески, подобные найденным на Гремячанском VII селище, в пьяноборских материалах не встречены, но обычны для кара-абызских памятников [Пшеничнюк, 1976, рис. 6–1, 3; Воробьева, 2013, с. 93–95, отдел А, тип 3, рис. 1–6]. Круглые плоские бляхи разных размеров, с отверстиями и ушками, характерны для всех перечисленных культур.

Заметим, что в Гремячанской округе могильников этого времени неизвестно. Ближайшие могильники (Верхний Ирьяк, Устиново, Кудашевский, Красноярский) расположены на расстоянии 6,5–30 км от описываемого памятника.

Отметим особенности места расположения Гремячанского VII селища. Площадка памятника представляет собой небольшое возвышение первой надпойменной террасы высотой до 1–2 м, расположенной у подножья второй надпойменной террасы. Такая топография в целом характерна для могильников финала раннего железного века Прикамья (в т.ч. тулвинской территории) [Перескоков, 2018, С.33–34]. К югу от площадки селища, на второй террасе расположено известное Гремячанское поселение-святилище, на котором кроме материалов ананьинского святилища встречается и позднегляденовская керамика. Также в окрестностях с. Гремяча известно довольно большое количество селищ эпохи раннего железного века.

Однозначно определить, был ли найденный комплекс бронзовых предметов случайным «кладом» или происходит из разрушенного (невыраженного конструктивно) погребения, невозможно. Вопрос об изменении типа Гремячанского VII селища на могильник целесообразно считать открытым до проведения более масштабных раскопок.

Рис. 1. Расположение Гремячанского VII селища: 1 – на территории Пермского края, 2 – на территории Осинского муниципального района, 3 – на территории с. Гремяча.

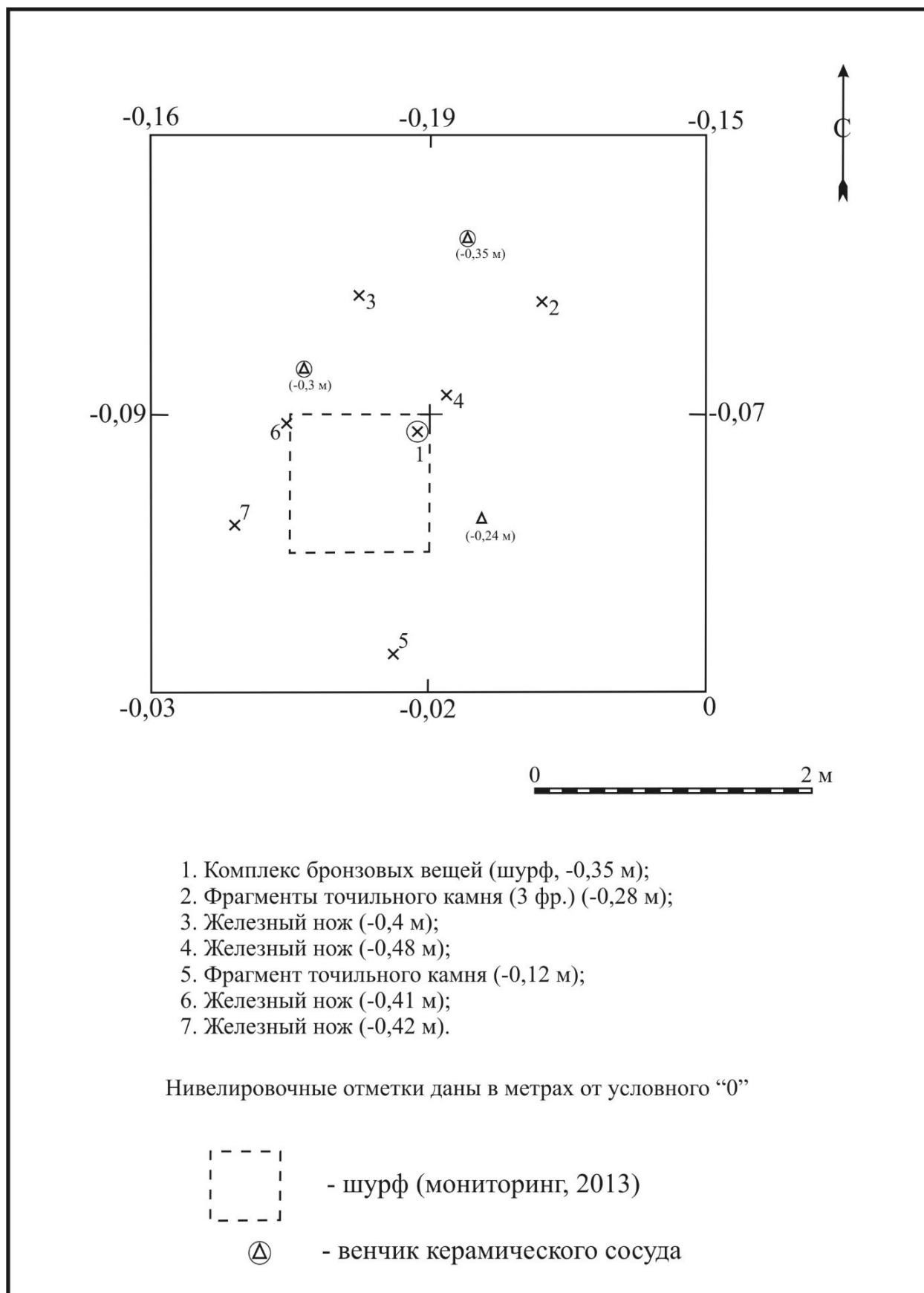

Рис. 2. Гремячанское VII, селище. План шурфа и раскопа.

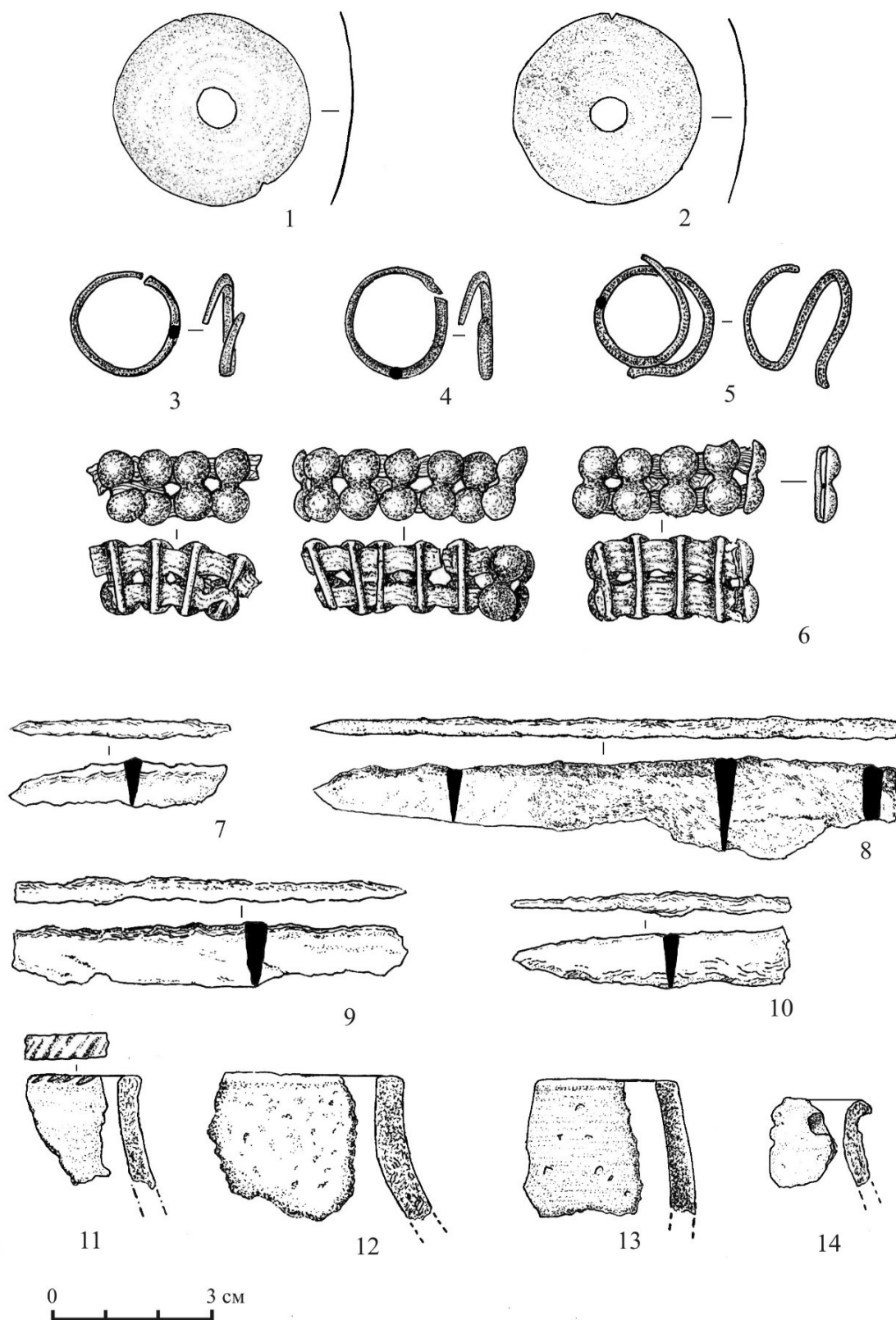

Рис. 3. Гремячанское VII, селище. Находки из шурфа (1–6) и раскопа (7–14). 1–6 – №1 на плане раскопа, 7 – №3, 8 – №4, 9 – №6, 10 – №7. 1–6 – бронза, 7–10 – железо, 11–14 – глина.

Примечания

¹ Автор выражает благодарность О.Г. Гайдашу за выполненные рисунки находок

Список источников

Чуйкина Е.В. Отчет о проведении археологических полевых работ на территории Бардымского и Осинского муниципальных районов Пермского края в 2013 году // Архив КАЭ ПГНИУ. В 3 т.

Библиографический список

- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
Воробьева С.Л. Височные подвески кара-абызской культуры эпохи раннего (к вопросу о типологии и происхождении) // Уфимский археологический вестник. Выпуск 13.2013. С.91–103.
Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: изд-во «Гилем», 2007. 166 с.
Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь, 2018. 320 с.
Пиеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1976. С.35–131.
Пиеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебнинского могильника // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С.32–61.

THE COMPLEX OF THE FINDS FROM THE GREMYACHA VII SETTLEMENT

Chuikina E.V.

Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
Katarina-ch@yandex.ru

The article describes the complex of the finds found in a pit on the Gremyacha VII settlement in 2013. Finds (bronze plaques, temporal pendants, plaques on a cord) are atypical for the settlement. The complex of finds is conditionally dated the 1-2nd centuries AD by analogies to materials of burial grounds of glyadenovo, pyanoborsky, karaabyz cultures. Excavation around a pit hasn't revealed grave contours or other objects. The location of the settlement is similar to a topography of burial grounds of the final Early Iron Age. The article raises the issue of changing the type of the site to the burial ground and the need for further excavation.

Keywords: Early Iron Age, Gremyacha VII settlement, bronze jewelry, settlement, burial ground, glyadenovo culture.

В.П. ДЕНИСОВ В АРХЕОЛОГИИ ПРИКАМЬЯ

Г.П. Головчанский, А.Ф. Мельничук, С.Н. Коренюк, Е.В. Чуйкина

Пермский национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Griggolo@mail.ru
Dmelnichuk@mail.ru
Korenyuk_sn@mail.ru
Katarina-ch@yandex.ru

В статье рассматривается научная деятельность известного археолога Урала В. П. Денисова (1927–2012) в изучении древнего культурного наследия Прикамья. Являясь учеником О.Н. Бадера, В. П. Денисов обратил свой основной интерес к изучению памятников эпохи каменного века и палеометалла Верхнего и Среднего Прикамья. В его исследованиях были затронуты более поздние хронологические пласты. В.П.Денисовым открыты и исследованы археологические памятники в бассейне р. Камы, до сих пор являющиеся основными источниками по археологии Урала и Волго-Камья: стоянка Заозерье (палеолит), поселения Хуторская, Чашкинское озеро VI (неолит), многослойные памятники Васюково II, Заюрчим I, Красное Плотбище, сейминско-турбинские комплексы эпохи бронзы Заосиново и Бор-Лёнва и др.

Ключевые слова: Прикамье, археологические памятники, каменный век, эпоха палеометалла.

В 2017 году исполнилось бы 90 лет известному археологу Пермского края Владимиру Петровичу Денисову (1927 – 2012 гг.). Владимир Петрович Денисов родился 7 февраля 1927 г. в г. Перми в семье служащего Уралмедторга Петра Семёновича Денисова и домохозяйки Полины (Пелагии) Ивановны Денисовой (Лимановской). В 1935-42 гг. учился в школе № 11 (ныне гимназия имени С. П. Дягилева), но окончить её не удалось в связи с уходом отца на фронт. Первоначально 15-летний Володя Денисов попытался поступить в Школу соловецких юнг (Архангельск), но не прошёл по состоянию здоровья медицинскую комиссию. 19 ноября 1942 года стал учеником токаря на эвакуированном из Ленинграда оборонном заводе № 470. Уже в качестве токаря он проработал на заводе до осени 1944 года. Завод выпускал авиационные приборы. После снятия блокады предприятие было возвращено из Перми в Ленинград. В. П. Денисова и других пермяков, которые по различным причинам не смогли уехать из Перми, перевели на оборонный завод №19 (им. Свердлова). Здесь В.П.Денисов проработал шлифовщиком до ноября 1947 года. В этом же году он завершил среднее образование в школе рабочей молодежи №7.

В 1947 г. В. П. Денисов поступил на историко-филологический факультет Пермского государственного университета. Именно здесь его свела судьба с выдающимся советским археологом О. Н. Бадером (1903-1979), который был приглашён из Нижнего Тагила (там он с 1942 г. находился в составе Трудармии на Тагилстрое) ректором Пермского университета А.И. Букиревым для преподавательской деятельности. В декабре 1946 г. О. Н. Бадер создал студенческий археологический кружок, из которого вышла целая плеяда исследователей археологии Урала и других регионов России – В.А. Оборин, В. Ф. Генинг, В.П. Денисов, Ю.А. Поляков, А. Д. Вечтомов, Г.И. Матвеева, Р.В. Козырева, В.И. Неприна, Н.А. Мажитов, Б.Х. Кадиков и др. [Крайнов, 1975, с. 9,11]. В 1947 г. О.Н.Бадер создает Камскую археологическую экспедицию (КАЭ) Пермского (тогда Молотовского) государственного университета.

В. П. Денисов сразу же подключился к научной полевой деятельности КАЭ. Экспедиция вела обширные исследования в приустьевой части р. Чусовой, где изучались позднелеолитическая стоянка имени Талицкого и комплекс поселений эпохи неолита-энеолита близ д. Гари (Бор I-IV, Боровое озеро I-VI).

В 1949 году у д. Бартым Берёзовского района Пермской области на поле, бригадиром колхоза Калиуллиным был найден массивный серебряный кубок с оторванной ножкой, а в 1950 году колхозником Файзыхановым – большая серебряная чаша, содержащая 264 серебряные восточно-римские монеты первой четверти VII в. Находки были переданы в кабинет археологии Пермского (тогда Молотовского) университета, а затем поступили в фонды Государственного исторического музея (г. Москва). Ранней весной 1950 г. обследовать местоположение Бартымского клада вызвались студенты В.П. Денисов и В.А. Оборин.

В с. Берёзовке в то время работал Н. Н. Счастный, друг П. С. Денисова. Он оказал содействие молодым исследователям, организовал транспорт до д. Бартым, жильё. Именно на Бартыме впервые проявилась удачливость В.П. Денисова как археолога-полевика. В заложенном пробном шурфе в 1 кв.м. была обнаружена ножка серебряного кубка – того самого, найденного еще в 1949 г.; части серебряной застёжки; восемь серебряных восточно-римских монет.

В августе 1950 г. О. Н. Бадером на месте шурфа В. П. Денисова были проведены раскопки (до 100 кв. м.), но никаких следов драгоценной утвари и монет обнаружено не было [Бадер, Смирнов, 1954, с. 4; Бадер, 1966а, с. 97].

В июле 1949 г. под руководством О. Н. Бадера и своего сокурсника В.Ф. Генинга В.П. Денисов участвовал в исследовании уникального жертвенного места с наскальными неолитическими изображениями – Писаного камня на р. Вишере [Бадер, 1954, с. 242; Генинг, 1954]. По заданию О.Н. Бадера он, совместно с В. А. Обориным, в августе этого же года проводил разведочный осмотр памятников по берегам р. Камы от г. Соликамска до г. Перми [Бадер, 1951, с. 94; Оборин, 1951, с. 200]. Передвижение по маршруту осуществлялось на обычной вёсельной деревянной лодке. Молодые исследователи осмотрели уже известные памятники: городища Эсперево, Плёхово, Пыскор, Таман, Острая Грива, Майкор, Роданово, Анюшкар, поселение Орёл-городок. Было выявлено два новых памятника – Лёминское селище (раннее средневековье) и поселение Огурдино. Впоследствии в 1951 – 1952 гг. Огурдинскую стоянку исследовал О.Н. Бадер, открывший здесь выразительные материалы камского мезолита. В.П.Денисов был главным помощником О.Н.Бадера на этих раскопках.

Удачливость В.П. Денисова как археолога-полевика проявилась на городище Острая Грива, где им в небольшом шурфе (1х1 м) были найдены две бронзовых шумящих биконьковых подвески.

По воспоминаниям В.Ф. Генинга, осенью 1950 г., после второго курса, вся группа старшекурсников (В.А. Оборин, Т.А. Медведева, В.П. Денисов и др.) в течение месяца вела раскопки большого жилища на стоянке Бор I на Чусовой. Уже в следующем 1951 г. каждому из них были поручены самостоятельные работы в качестве начальников раскопов новоострочной Камской археологической экспедиции ПГУ.

После окончания университета жизнь накрепко связана В. П. Денисова с музейной деятельностью в Пермском крае. С 14 августа 1952 г. по 25 апреля 1953 г. он работал научным сотрудником в Соликамском краеведческом музее, а с 25 июля 1953 г. по 11 апреля 1954 г. исполнял обязанности старшего инструктора Пермского областного управления культуры. С 1954 по 2012 гг. В. П. Денисов, работал в Пермском областном краеведческом музее. Результатом его деятельности являются археологические материалы, хранящиеся в фондах музея и насчитывающие свыше 220 тыс. единиц хранения (более 200 коллекций).

В различные годы В.П. Денисов проводил полевые исследования в составе Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета (1949–2006 гг.), Удмуртской археологической экспедиции Удмуртского научно-исследовательского института (1955, 1979–1980 гг.), Камско-Воткинской экспедиции Института археологии АН СССР (1959–1960 гг.), Нижне-Камской экспедиции ИА АН СССР (1969–1972 гг.). Им были исследованы разнообразные в хронологическом отношении памятники древней истории Прикамья [Бадер, 1953; 1957, с. 62; 1959, с. 4; 1960, с. 90, 92, 93; 1961, с. 3, 4; 1968, с. 4; 1972 с. 23, 24; Бадер, Оборин, 1960, с. 7, 19; Оборин, 1964, с. 201, 202; 1968, с. 15, 16, 18 – 21; 1981, с. 6, 7; Денисов, 1958; 1981, с. 131].

О.Н. Бадер ориентировал В.П.Денисова на изучение ранних пластов древней истории Прикамья (каменный век, эпоха раннего металла). Однако в процессе исследовательской деятельности В.П.Денисову удалось также изучать археологические памятники раннего железного века и раннего средневековья. Рассмотрим результаты исследовательской деятельности В.П. Денисова в хронологическом порядке.

Палеолит. В.П. Денисов, будучи студентом, в ходе раскопок известной Островской стоянки (имени М.В. Талицкого) на р. Чусовой, впервые познакомился с палеолитическими материалами.

Этапным событием в истории полевых исследований палеолита Урала стали разведочные работы, проведение им в 1965 г. по берегам созданного в середине 50-х гг. Камского водохранилища [Оборин, 1968, с. 15]. Самый первый разведочный маршрут привёл к открытию новых палеолитических местонахождений в низовьях р. Чусовой. Эти местонахождения вскоре были обследованы В.П.Денисовым совместно с О.Н. Бадером [Бадер, 1966б, с. 44].

Пионерные работы доказали большую перспективность поисков палеолитических стоянок по берегам водохранилищ, где в результате волновой абразии разрушению подвергаются речные террасы плейстоценового возраста. Разведочные работы В.П.Денисова на Камском водохранилище, наряду с исследованиями Е.П.Казакова на Куйбышевском водохранилище и Н.Д.Праслова на Цимлянском водохранилище, были одним из первых опытов археологического обследования берегов уже наполненных водоемов. Ранее разведки в зонах водохранилищ проводились только до их создания и практически всегда с незначительными результатами.

В 1973–75 гг. В.П. Денисов продолжил работы на разрушающихся берегах Камского водохранилища, благодаря чему было открыто 16 новых местонахождений эпохи палеолита. Наиболее яркие памятники были представлены нижнепалеолитическими (местонахождение Слудка на р. Каме), позднепалеолитическими (Заозерье на р. Чусовой) и финальнопалеолитическими (Пеньки на р. Чусовой) комплексами каменных изделий [Денисов, 1976]. Впоследствии были опубликованы материалы раннепалеолитического местонахождения Слудка [Павлов, Денисов, Мельничук, 1995]. Важное значение для изучения становления культуры современного человечества имеют материалы открытой В.П. Денисовым и исследованной П.Ю.Павловым уникальной стоянки Заозерье [Денисов, Павлов 1993; Павлов, 2004; Pavlov et al., 2004].

Мезолит. В 1949 г. при осмотре по заданию О.Н. Бадера высокой боровой террасы на правом берегу р. Камы близ пос. Орёл Усольского района, В.П. Денисов и В.А. Оборин выявили известную мезолитическую Огурдинскую стоянку. Как писалось выше, именно здесь молодой исследователь в 1951–52 гг. под руководством О.Н. Бадера постигал полевую методику исследований памятников каменного века.

Самостоятельные раскопки мезолитических памятников началась с работ 1960 г. В этом году В.П. Денисов исследовал поселение Кама-Жуланово III (правый берег р. Камы, Осинский район) с пятью жилищами гаринской энеолитической культуры. За пределами энеолитических сооружений, вдоль края террасы В.П.Денисовым был отмечен горизонт находок с немногочисленными мезолитическими кремнёвыми изделиями – нуклеусами параллельного принципа скалывания и микропластинами. Исследователем было установлено, что «на изученной площади террасы люди не имели постоянного поселения, а приходили сюда лишь для того, чтобы заготовить кремень из галечниковых месторождений, залегающих в основании террасы» [Денисов, 1961а, с. 59].

В 1962 г. в бассейне р. Косы на территории Коми-Пермяцкого округа В.П. Денисовым была обнаружена группа памятников с бескерамическими кремнёвыми комплексами – стоянки Косинская I–IV, Лёльская [Мельничук, Чурилов, 2011, с. 186]. На стоянке Косинская I были проведены раскопки, в ходе которых были изучены остатки небольшой (4,8 x 2,4 м) углублённой постройки и собран представительный материал позднего мезолита, среди которого выделялось тесло с частичной шлифовкой рабочего края. Для того времени это

был самый яркий памятник эпохи позднего мезолита в Верхнем Прикамье [Денисов, Мельничук, 1987].

В этом же году В. П. Денисов выявил и исследовал ряд мезолитических памятников с микролитическим инвентарём на правом берегу и левобережье верхнего течения р. Камы в пределах Чердынского района Пермского края. Следует отметить комплексы стоянок у д. Казанцево (Казанцево I–V, Гашково), Лёкмортово (Лёкмортово III – IV) и поселение Усть-Урол I [Вильданов, Коренюк, Кулябина и др., 1996, с. 212 – 214, 218, 226].

В 1967 г. В.П. Денисов исследовал многослойное поселение Шумково на р. Сылве, где, после раскопок В.Ю. Лещенко 1966 г., помимо слоёв неволинской раннесредневековой культуры и ерзовской культуры эпохи поздней бронзы, изучил раннемезолитический комплекс огурдинского типа, содержащий наряду с микролитическими кремнёвыми изделиями симметричные трапеции с боковыми выемками, ретушными резцами и пластинами [Денисов, Оборин, 1968, с. 105; Оборин, Вечтомов и др., 1976, с. 26; Мельничук, 2009]. В этом же году В.П. Денисов полностью исследовал кратковременную мезолитическую стоянку Кукуштан (лев. берег р. Бабки, лев. приток р. Сылвы), располагающуюся на Змеиной горе. Весь материал памятника состоял из десятка кремнёвых изделий, включавших фрагмент нуклеуса, концевые скребки, ножевидные пластины [Денисов, Оборин, 1968, с. 105; Оборин, Вечтомов и др., 1976, с. 33].

В 1968 г. В.П. Денисов изучил самую северную в Прикамье стоянку эпохи мезолита, открытую И.Ю. Кривоноговым и Г.Н. Чагиным. По характеру материальной культуры исследователь относил памятник к позднему этапу камского мезолита и сближал его с одновременными стоянками Верхнего Прикамья и Печоро-Вычегодского края [Денисов, 1969, с. 314–316; Чагин, 2017, с. 45].

В 1975 г. В. П. Денисов выявил на берегах озера Чашкино близ г. Березники первый мезолитический памятник с микролитическим инвентарём – поселение Чашкинское озеро V. В 1984 и 1991 гг. этот памятник изучался А.Ф. Мельничуком., в ходе работ которого были открыты остатки слабоуглублённого сооружения эпохи мезолита [Мельничук, Соколова, Цыпуштанов и др., 1994.С. 23–24].

В начале 80-х гг. XX в. в ходе исследований территории известного Бор-Лёнвенского местонахождения бронзовых изделий сейминско-турбинского типа В. П. Денисов выявил небольшой, но выразительный комплекс кремнёвых предметов эпохи мезолита типа поселения Огурдино [Денисов, Кузьминых, Черных, 1988, с. 49].

Неолит. О.Н. Бадер в своей обобщающей работе, посвящённой древнейшей истории Прикамья, отмечал, что «в области неолита автором и В.П. Денисовым исследовано до 20-ти новых стоянок на Средней Каме и в низовьях Белой. Тем самым выяснено распространение на огромной территории Прикамья населения со своеобразной неолитической культурой...» [Бадер, 1963, с. 5]. Среди них весомое значение имеют материалы Хуторской I стоянки, расположенной близ г. Березники на восточном берегу Чашкинского озера в левобережной пойме р. Камы. Памятник открыт в 1953 г. В.П. Денисовым и им же исследовался в 1954, 1975–78 гг. В 1960 г. исследователь детально опубликовал материалы первого жилища Хуторской стоянки, сопоставляя их с верхнекамскими поздне-неолитическими комплексами стоянок Базов Бор и Бор I [Денисов, 1960а]. Позднее в научной печати был освещён комплекс материалов жилища №2, свидетельствующие о том, что обе постройки, выявленные на памятнике «оставлены единой в культурном отношении группой населения» камской неолитической культуры и «хронологический разрыв между ними невелик» [Денисов, Мельничук, 1991]. Этот вывод подтвердили современные радиоуглеродные датировки: жилище № 1 – 5950 ± 90 л. н., 5750 ± 90 л.н.; жилище № 2 – 5920 ± 90 л. н. [Выборнов, Габышев, Денисов и др., 2008, с. 42].

Хуторская стоянка заняла прочное место среди других памятников неолита Волго-Камья, стала своеобразным эталоном, характеризующим основные черты материальной культуры камского неолита с гребенчатой керамикой [Крижевская, 1996, с. 243]. Многие исследователи Урала в своих обобщающих работах неоднократно использовали материалы

этого выразительного неолитического памятника для различных хронологических построений и исторических выводов [Халиков, 1969; Бадер, 1973; Калинина, 1979; Матюшин, 1987; Выборнов, 2008 и др.]. В своё время Л. А. Наговицын высказал мысль, что этот памятник должен быть эпонимным для хуторской культуры, выделяемой в рамках камского неолита, но эта точка зрения не получила дальнейшего развития [Наговицын, 1988, с. 71–74].

В 1955 В. П. Денисов, работавший в составе Удмуртской археологической экспедиции, выявил первые памятники эпохи неолита в бассейне р. Вятки (стоянки Наживинская, Буй I и др.), которые по вещевому комплексу были сопоставлены с материалами поздних неолитических памятников Прикамья. По мнению исследователя, комплекс вятской неолитической посуды отличался от верхнекамской керамики в системе орнаментации «значительно меньшим процентом «шагающей гребенки» и широким применением конических и овальных ямок...» [Денисов, 1958, с. 114, 115, 119]. Материалы стоянки Буй I в своё время использовал Г.М. Буров для выделения вычегодско-вятской неолитической культуры [Буров, 1973]. Однако последующие исследования памятников эпохи неолита в бассейне р. Вятки не дали веских оснований для подтверждения этой точки зрения [Гусенцова, 1993, с. 6].

В 1956 г. В.П. Денисов исследовал Кряжскую неолитическую стоянку (Осинский район, лев. берег р. Камы), выявленную сотрудником КАЭ ПГУ А.Н. Кокоревым. Материалы памятника, характеризовавшие неолит Среднего Прикамья, на основании типологического и статистического анализа соотнесены с близкими комплексами классических стоянок камского неолита Боровое Озеро I и Хуторская [Денисов, 1961б]. По современной радиоуглеродной датировке возраст памятника определён в пределах 5620 ± 90 л. н [Выборнов, Габяшев, Денисови др., 2008, с. 42].

Выразительные неолитические материалы выявлены В.П. Денисовым в 1956–1960 гг. в ходе изучения многослойного поселения Заюрчим I близ г. Перми в левобережной пойме р. Камы «Красава». Здесь получены различные в культурном отношении керамические комплексы: поздненеолитическая гребенчатая керамика типа поселения Лёвшино [Бадер, 1973, с. 103], накольчатая посуда волго-камской культуры типа Тат-Азизбейской стоянки, сосуды с гребенчато-ямочным декором, аналогичные материалам поселения Чернашка. С гребенчато-ямочной посудой, очевидно, связана самая северная в Прикамье находка фрагментов воротничкового сосуда, близкого к керамике раннеэнеолитической самарской (сьезжинской) культуры Среднего Поволжья [Денисов, Мельничук и др., 2013, с. 59].

В 1958–59 гг. В.П. Денисов исследовал стоянку Чернашку, содержащую позднеэнеолитические комплексы с гребенчато-ямочной керамикой, материалы которой послужили О.Н. Бадеру основанием для выделения позднего чернашкинского этапа в неолите Среднего Прикамья [Бадер, 1970, с. 167]. Появление в Среднем Прикамье гребенчато-ямочных керамических комплексов типа стоянки Чернашки, очевидно, свидетельствует об их формировании в результате заимствования балахнинских и камских неолитических традиций [Денисов, Мельничук, др., 2013, с. 58].

В 1963 г. В.П. Денисов исследовал открытое им, поселение Лёкмартово III (Чердынский район, лев. берег р. Камы). в то время считающееся самым северным неолитическим памятником в Верхнем Прикамье. В ходе раскопок, как и на стоянке Лёкмартово IV, В.П. Денисовым выявлены представительные материалы с микролитическим пластинчатым инвентарём мезолитического облика, но с находками небольших фрагментов керамики – венчика, декорированного горизонтальными рядами треугольных наколов и двух фрагментов сосудов с редкими узкими («пунктирными») гребенчатыми отпечатками [Денисов, Мельничуки др., 2013, с. 69]. Но, из-за малочисленности материала, неолитический комплекс Лёкмартово III не подвергся должному анализу. Лишь с открытием поселения Чашкинское озеро VI, содержащего выразительные комплексы накольчато-прочерченной керамики, была определена культурно-хронологическая позиция этого памятника [Мельничук, Пономарева, 1984, с. 49].

Наибольшая концентрация неолитических памятников в Северном Прикамье отмечена в районе Чусовского озера близ границ с республикой Коми. Здесь в 1963 – 1966, 1973–1974

гг. В.П. Денисовым и В. А. Обориным выявлено и изучено 10 памятников эпохи неолита – Еловый Носок, Васюково I–II, Долгое озеро, Чирва I–II, Ларевка I–II, Лисья Курья I, Позднеевское озеро I–II, Туманское озеро, Бани [Денисов, 1969, с. 318–319; Денисов, Мельничук, Бурмасов и др., 2013, с. 66–67; Чагин, 2017, с. 46]. Горизонты неолитических находок на поселениях этого археологического микрорайона перекрыты более поздними культурными наслоениями – начиная с эпохи энеолита и заканчивая раннесредневековым временем.

Основной пласт керамики составляет гребенчатая посуда камской неолитической культуры, аналогичная материалам известных верхнекамских поселений Хуторская и Боровое озеро I. Однако В.П. Денисов отмечал, что на поселениях в районе Чусовского озера также выявлена «неолитическая керамика ямочно-гребенчатого типа... с примесью дресвы и кварца в глиняном тесте и глубокими ямочными вдавлениями», которая свидетельствовала «о культурных связях... между племенами Печоро-Вычегодского края и Верхнего Прикамья» [Денисов, 1969, с. 319]. В настоящее время подобная посуда определяется как сосуды льяловской культуры или керамика висского «гибридного типа», в которой сочетались признаки ямочно-гребенчатой западной льяловской орнаментальной традиции с обычным декором посуды камского неолита. [Карманов, 2008, с. 66–72]. Это явление напоминает процесс формирования поздненеолитической гребенчато-ямочной керамики Среднего Прикамья, выявленной В. П. Денисовым на поселениях Заюрчим I, Чернашка, Непряха VI [Денисов, Мельничук, Бурмасов и др., 2013, с. 70].

Значительная группа неолитических памятников исследована В.П. Денисовым в 70 – начале 80-х гг. XX вв. на самом юге Пермского края (Красное Плотбище, Чернушка) и в Удмуртском Прикамье – Заборное озеро I–II, Симониха II, Непряха IV, VI, VII, X [Денисов, 1972, с. 76; 1981; Денисов, Мельничук, 2013, с. 5–8; Денисов, Мельничук, Балыбердина и др., 2013]. К сожалению, ни одного «чистого» памятника эпохи неолита здесь не обнаружено: исследователю не удалось выявить ни одного явного жилого сооружения этой эпохи. Их предположительные остатки, очевидно использовались вторично в более поздние эпохи энеолита – раннего железного века, что прослежено при стратиграфическом и планиграфическом анализах материалов поселения Заборное озеро I [Балыбердина, 2013].

Неолитическая посуда, выявленная В.П. Денисовым на памятниках Удмуртского Прикамья и Чайковского района Пермского края, подразделена на несколько культурно-хронологических типов: гребенчатая керамика камского неолита хуторской и лёвшинской стадий его развития, гребенчато-ямочная типа поселения Чернашка, гребенчатая группы «II» (с насечками), гребенчатая воротничковая, накольчатая и «гладкостенная» [Денисов, Мельничук, Балыбердина и др., 2013, с. 57]. Мозаичность материалов показал, что исследованный регион, относящийся к зонам южной тайги и смешанных лесов, в различные периоды неолита являлся контактной зоной между аборигенными лесными общинами и населением южных лесостепных и степных пространств Поволжья и Приуралья [Денисов, Мельничук, Балыбердина и др., 2013, с. 60].

Последние полевые археологические исследования неолитических материалов проведены В.П. Денисовым в 1988–87 гг. на поселении Чашкинское озеро VI. Вместе с работами А.Ф. Мельничука, эти исследования дали возможность по-новому осмыслить сложные вопросы соотношения комплексов камской культуры с гребенчатой керамикой и с накольчато-прочерченной волго-камской посудой в культурно-хронологической системе таёжного Приуралья [Денисов, Мельничук, 1986; Голдобин, Денисов, Мельничук и др. 1991, с. 39]. В.П. Денисовым и его учениками было высказано мнение, ртакже освещенное в научной печати Р. С. Габяшевым [Габяшев, 2003, с. 55], о том, что накольчатые поздненеолитические комплексы Волго-Камья типа II Татарско-Азизбейской стоянки имеют определённую близость с материалами боборыкинской культуры Среднего Зауралья (IV тыс. до н. э.). Об этом свидетельствуют явные боборыкинские маркеры в оформлении и декоре сосудов на памятниках Среднего и Верхнего Прикамья, содержащих накольчато-прочерченную посуду с разделёнными валиками и плоскими днищами с наплывами – поселения Непряха VI, Чашкинское VI, Лёвшино, Бор I. [Денисов, Мельничук, Балыбердина и др., 2013, с. 60]. По современным дан-

ным, комплексы с накольчато-прочерченной керамикой в Прикамье типологически разнообразны и датированы в очень широких хронологических пределах от последней трети V – до первой четверти III тыс. до н. э. [Выборнов, Габяшев, Денисови др., 2008, с. 45]. Однако хроностратиграфически различные комплексы накольчато-прочерченной посуды Прикамья до сих пор чётко не расчленены.

Памятники новоильинского (гагарского) типа. Памятники новоильинского типа как особое культурное явление в археологии Среднего Приуралья выделены О.Н. Бадером в 50-е гг. XX в. [Бадер, 1954]. Первоначально их материалы рассматривались как поздненеолитические (лэвшинские), а затем были датированы эпохой бронзы. Период существования памятников новоильинского типа, по мнению О.Н. Бадера, совпадал с существованием поселений энеолитической гаринской культуры. Учитывая технико-типологическую связь новоильинских керамических комплексов с посудой камского неолита, исследователь определял их носителей родственными гаринскому населению, но пришлыми из более южных районов Волго-Камья [Бадер, 1961, с. 190 – 191].

Впервые в своей полевой практике В.П. Денисов столкнулся с новоильинскими материалами в 1956 гг. при исследовании поселений Заюрчим I и Усть-Паль [Бадер, 1961, с. 190]. В 1959 гг. он изучал поселения Гагары II – III, где был выявлен наиболее выразительный для того времени комплекс новоильинской посуды, отчего эти материалы О.Н. Бадером первоначально были наименованы гагарскими [Денисов, Мельничук, 2014, с. 44].

В 1967 г. В.П. Денисовым выявлена и изучена стоянка Корепино I на р. Колве, для того времени самый северный памятник в Прикамье, содержащий новоильинский комплекс. Материалы показали, что памятники новоильинского круга, как культурное явление свойственно всему бассейну р. Камы. Это позволило сделать вывод об их формировании именно в этом обширном регионе, однако ответить на вопрос какие районы Прикамья стали исходными в процессе создания новоильинской культуры до сих пор не удалось [Денисов, Мельничук, 2012, с. 70].

В 70-х гг. XX в. небольшие новоильинские материалы получены В.П. Денисовым в южных районах Прикамья (Красное Плотбище, Непряха VI) и на самом севере региона (Поздеевское озеро II) [Денисов, Мельничук, 2014, с. 48–49]. В последние годы В.П. Денисовым совместно с А.Ф. Мельничуком был проведён историко-географический и стратиграфический анализ всех новоильинских древностей Среднего Приуралья. Анализ показал, что достоверных данных о наличии у новоильинского населения примитивной цветной металлургии или металлообработки не существует. С учетом современных калиброванных радиоуглеродных дат новоильинских комплексов [Жукова, Лычагина, 2012, с. 80], исследователи склонились к их датировке финалом эпохи неолита (конец V – первая половина IV тыс. до н. э.) [Денисов, Мельничук, 2014, с. 48–50].

Эпоха палеометалла. В. П. Денисов, в ходе своих полевых исследований накопил огромный фонд источников по археологии энеолита и бронзы Прикамья.

Энеолит Верхнего и Среднего Прикамья характеризуется памятниками обширной гаринской культуры (последняя четверть IV – первой четверть II тыс. до н. э.), поздние комплексы которой уходят в период бронзы, а также близкими к ним, но достаточно своеобразными, поселениями борского типа.

Во второй половине 50-х гг. XX в. В.П. Денисов активно вёл полевые исследования памятников, содержавших материалы гаринской культуры – Усть-Паль (1956 г.), Лесной Кордон I (1958–59 гг.), Чернашка, Гагары I–III (1959 г.), Елово I (1957–58), Старушка I–II (1958–57 гг.), которые к сожалению, не получили детального освещения в научной литературы [Бадер, 1961, с. 13–14]. Среди них выделялись поселения Усть-Паль и Старушка I–II, обладавших представительной коллекцией медных изделий [Бадер 1964, с. 166, рис. 122].

В 1960 г. В.П. Денисов исследовал позднегаринское поселение Кама-Жуланово IIIс 5 одиночными жилищами, содержащими незначительное число керамики и каменных изделий, что, по мнению исследователя, свидетельствовало о сезонном характере памятника [Денисов, 1961а]. В 60 – начале 70-х гг. XX вв. им в бассейне р. Колвы изучен пласт самых се-

---

верных памятников гаринской культуры в Прикамье – Корепино I, Молог I, Васюково II, Поздеевское озеро II, Чирва II, Лисья Курья, Ларевка. По мнению исследователя, северные гаринские комплексы обладали близостью к однокультурным материалам Чусовского и Среднего Прикамья, но имели и черты, свойственные для энеолитических чойновтинских поселений бассейна р. Вычегды [Денисов, 1969, с. 320–321; Денисов, Мельничук, 2013, с. 68–69, 71].

В конце 60-х – начале 70-х гг, а также в начале 80-х гг. XX в. В.П. Денисовым выявлен огромный фонд материалов, характеризующий гаринские древности южных районов Пермского края и Удмуртского Прикамья – поселения Красное Плотбище, Заборное озеро I–II, Рычино II–III, Симониха II, Непряха VI–VII, X, Чернушка, на территории которых изучено 18 жилищ (7 многокамерных и 11 однокамерных) [Денисов, 1972; 1977; 1981; Денисов, Мельничук, 2013, с. 10–13]. Центральным памятником среди них является поселение Красное Плотбище, где выявлены объекты гаринской цветной металлургии и собрана коллекция медных изделий, свидетельствующих о высокой квалификации древних кузнецов-литейщиков Среднем и Верхнем Прикамье [Кузьминых, Дегтярева, Денисов, 2013].

Именно благодаря полевым наблюдениям В.П. Денисова (в первую очередь на поселениях Красное Плотбище и Симониха II) было установлено, что пористость в структуре керамики Среднего Приуралья образовалась в результате выщелачивания раковинной примеси из глиняного теста энеолитических сосудов под воздействием биохимического состояния песчаных почв боровых камских террас. Сама традиция использования примеси мелкотолчённой раковины в технологии изготовления древней керамической тары проникла в Верхнее и Среднее Прикамье на грани неолита и энеолита из южных областей Приуралья [Денисов, Мельничук, 1986, с. 53; 2014, с. 50].

Особое положение в энеолите Среднего Прикамья занимают памятники борского типа, материалы которых в значительной степени отличаются от гаринских древностей и представляются достаточно более архаичными по отношению к ним [Мельничук, 1990]. В.П. Денисов под руководством О.Н. Бадера проводил исследования классических борских древностей в приустьевой части р. Чусовой – поселения Бор II (1951, 1955 гг.), Бор III (1953, 1954 гг.), где были изучены длинные жилища [Бадер, 1961, с. 12]. Им же выявлен представительный борский комплекс в ходе исследований многослойного поселения Заюрчим I [Мельничук, 1990, с. 98, 101].

Эпоха бронзы. В ходе полевых исследований В.П. Денисовым получены яркие материалы, характеризующие поздний этап развития гаринской культуры (конец III – первая четверть II тыс. до н. э.), уходящий в эпоху бронзы [Мельничук, 2013, с. 158–159]. В пределах гаринских жилищ (Старушка, Красное Плотбище) им выявлена коллекция медных изделий абашевского облика (очковидные, розетковидные и спиралевидные украшения), свидетельствующих о тесных связях древних общин Среднего и Верхнего Прикамья с населением лесостепной и степной полосы Волго-Камья и Приуралья [Денисов, Мельничук, 1997, с. 55]. Эти маркирующие находки в гаринской культурной среде подтверждали вывод В.С. Бочкарёва о тесной связи знаменитого Турбинского некрополя с абашевскими и петровскими древностями при ярко выраженном сибирском компоненте в его материалах [Бочкарёв, 1986]. В ареале обитания позднегаринского населения В.П. Денисовым выявлены предметы вооружения срубно-абашевского облика – бронзовые втульчатые копья и кинжалы [Денисов, 1972, с. 75; Денисов, Мельничук, 1999].

В.П. Денисовым изучен ряд памятников, которые, наравне с традиционной позднегаринской посудой, содержали плоскодонные сосуды с гофрированными валиками по шейке – Поздеевское озеро II, Гагары I, Симониха II и особенно Рычино III [Денисов, Мельничук, Тресков, 2012, с. 115–116]. Анализ материалов этих памятников показал, что «появление керамики с гофрированными валиками с однородной мелкозубчатой орнаментацией на позднегаринских памятниках Среднего Приуралья явно имеет взаимосвязь с формирующимися сейминско-турбинскими древностями этого региона, определенно обладающими восточной или юго-восточной культурной подосновой» [Денисов, Мельничук, Тресков, 2012, с. 120]. Это

позволило В.П. Денисову и А.Ф. Мельничуку обосновать точку зрения о том, что позднегаринское или постгаринское население Среднего Прикамья продолжало осуществлять свою жизнедеятельность в период функционирования некрополей, созданных носителями турбинско-сейминского культурного феномена [Денисов, Мельничук, Митряков, 2011, с. 113].

В.П. Денисовым изучались памятники, непосредственно связанные с проблемой сейминско-турбинского транскультурного феномена в Прикамье. Среди них выделяются разрушенные могильники эпохи бронзы Бор-Лёнва и Заосиново IV. На местонахождении Бор-Лёнва найдены самые древние из ныне известных культовые антропоморфные изображения из цветного металла в Прикамье [Денисов, 1980; 1982; 1988, с. 47–51].

В.П. Денисова привлекали и балановские древности Среднего Прикамья. В ходе разведочных работ в бассейне р. Вятки на поселении Буй Им были выявлены следы появления здесь балановского населения, отражённые в находках керамики [Денисов 1958, с. 116, 119]. На территории Пермского края В.П. Денисовым и А.Ф. Мельничуком отмечено десять находок сверлённых каменных балановских топоров. Это, по мнению исследователей, свидетельствовало о том, что небольшие балановские общины, обходя стороной массив позднегаринских поселений на Средней Каме, могли проникать в южные (течение р. Буй, Куединский район) и юго-западные (верхнее течение р. Очёр) районы Пермского края. Находки сверлённых топоров в ареале распространения гаринской культуры по течению р. Камы в Пермском, Добрянском и Соликамском районах Пермского края, по взглядам В.П. Денисова и А.Ф. Мельничука, свидетельствовали о непосредственных контактах местного населения с балановскими пришельцами [Денисов, Мельничук 1997, с. 55, 56; 2002; Бординских, Денисов, Мельничук, 2000].

В 1991 г. В.П. Денисовым и А.Ф. Мельничуком опубликованы материалы поселения Заосиново VII, исследованного близ г. Перми в 1983, 1984, 1988 гг. Вещественный комплекс этого памятника характеризовал «совершенно не известную для территории лесного Прикамья культуру эпохи развитой бронзы, заполняющую хронологический разрыв между позднегаринскими и ерзовскими древностями» [Денисов, Мельничук 1991, с. 106]. Комплекс сосудов, близких к материалам поселения Заосиново VII, был выявлен В.П. Денисовым в ходе исследования многослойного поселения Непряха VII в Удмуртском Прикамье (1972 г.). По мнению В.П. Денисова, А.Ф. Мельничука и А.Е. Митрякова «процесс культурогенеза древностей типа Заосиново VII – Непряха VII – Партизаны IV был чрезвычайно близок генезису коптяковских памятников таежного Зауралья и явно носил синкретический характер, связанный с влиянием на позднегаринские общины как абашевского, так и андроновского культурных миров, возможно, в виде небольших инфильтраций чужеродного населения». Исследователи, проанализировав материалы, пришли к выводу, что «появление сейминско-турбинских древностей в Среднем Приуралье знаменует своеобразный культурно-хронологический горизонт или этап в процессе перехода культуры местного позднеэнеолитического гаринского населения в культуру эпохи бронзы, которые и отражают памятники типа Заосиново VII – Непряха VII – Партизаны IV» [Денисов, Мельничук, Митряков, 2011, с. 115].

Исследования В.П. Денисова в Северном Прикамье показали, что в начале сейминско-турбинской эпохи памятники гаринской культуры исчезают с археологической карты региона. Данная территория входит в ареал жизнедеятельности населения лебяжской культуры, основные памятники которой выявлены в бассейнах рек Вычегды и Печоры. На поселении Васюково II В.П. Денисовым отмечен небольшой комплекс посуды эпохи поздней бронзы, которую он соотнёс с памятниками лебяжского типа на р. Печоре [Денисов, 1969, с. 321–322]. Несколько ранее (1962 г.) исследователь изучил стоянку Подбобыку на р. Колве, которая представляла кратковременный сезонный памятник охотников и рыболовов эпохи бронзы, материалы которого содержали кремнёвые наконечники турбинско-сейминского типа. Однако каменному инвентарю сопутствовали только три мелких фрагменты лепной посуды, отчего В.П. Денисову не удалось провести культурную атрибуцию вещественного комплекса [Денисов, 1960]. В настоящее время этот памятник культурно-хронологически соотнесён с

лебяжскими древностями и датирован как минимум финалом турбинско-сейминской эпохи [Мельничук, Изосимов и др., 2016, с. 104–107].

Яркий памятник эпохи бронзы – поселение Симониха I- изучен В.П. Денисовым в Удмуртском Прикамье. Исследователь соотнёс материалы поселения с межовским этапом черкаскульской культуры (последняя четверть II тыс. до н. э.) [Денисов, 1972, с. 77]. В настоящее время хронологически «чистый» комплекс этого археологического объекта, с учетом наличия среднекамских луговских традиций в орнаментике сосудов в сочетании с прочерченными геометрическими узорами, свидетельствовавших об адаптации андроновидного (черкаскульского) декора в местном керамическом производстве, датируется в пределах XV–XIV вв. до н. э. [Митряков, 2015].

Значительное внимание В.П. Денисов уделял изучению памятников эпохи *поздней бронзы* Прикамья, которые сыграли ведущую роль в формировании ананьинских древностей региона. В конце 50-х гг. XX в. О.Н. Бадер и В.П. Денисов выявили на территории Среднего Прикамья самостоятельную ерзовскую культуру [Бадер, Оборин др. 1958, с. 91; Денисов, 1960 в; 1961б]. В.П. Денисов на основе обширных материалов, происходящих из жилищ (поселения Ерзовка, Заюрчим I, Елово, Васюково II, Старушка III), определил три этапа хронологического развития ерзовской культуры (XII–VIII вв. до н. э.), выделил её основную роль в генезисе памятников ананьинской культуры Среднего и Верхнего Прикамья. Первые два этапа исследователь синхронизировал с поздними стадиями приказанской культуры и с периодом существования луговской и курмантауской культур Нижнего Прикамья, а третий был им соотнесён с самым началом ананьинской культуры [Денисов, 1967, с. 48]. Генезис ерзовских древностей в Среднем Прикамье В.П. Денисов первоначально определял как результат проникновения в этот регион южных этнических групп в виде общин фатьяновского (балановского), абашевского и срубного населения [Денисов, 1961б, с. 74]. Позднее исследователь, указывая на влияние нижекамских племён (в особенности срубных) на формирование ерзовской культуры, полагал участие в её генезисе «черкаскульских племён, вступивших в контакт с турбинскими племенами» [Денисов, 1967, с. 48].

С открытием в Среднем Прикамье памятников культурно-хронологического горизонта Заосиново VII – Непряха VII, временная лакуна между гаринскими и раннеерзовскими древностями была окончательно заполнена и процесс становления культуры эпохи поздней бронзы в регионе получил более ясную логику развития [Денисов, Мельничук, Митряков. 2011]. На памятниках ерзовской культуры (Васюково II, Заюрчим I) В.П. Денисовым отмечен пласт талькированной керамики зауральской гамаюнской культуры с крестово-струйчатым декором, под влиянием которой в предананьинское время шло изменение облика ерзовской посуды. В.П. Денисов делает вывод о том, что «пришельцы были быстро ассимилированы местными племенами, которые, однако, восприняли от них некоторые орнаментальные узоры» [Денисов, 1967, с. 48; 1969, с. 324]. Исследования В.П. Денисова показали, что в эпоху поздней бронзы Среднем Прикамье окончательно и бесповоротно в жизнедеятельности древних обществ утверждается производящая экономика [Денисов, 1967, с. 49].

В.П. Денисов первым выявил памятники эпохи поздней в бассейне р. Вятки (Малмыж, Буй I-II, Медведок), которые он соотносил с приказанскими древностями [Денисов, 1958, с. 118]. Впоследствии он предложил рассматривать материалы этих поселений в рамках средневятской культуры, но не представил её детальную характеристику [Денисов, 1961б, с. 74; Сенникова, 2006, с. 10].

Ранний железный век. В ходе полевых исследования В.П. Денисовым в Верхнем и Среднем Прикамье накоплены обширные материалы, характеризующие поселения ананьинской и гляденовской культур региона.

Ананьинская культура (нач. I тыс. – III в. до н. э.). В ходе исследований памятников раннего этапа ананьинской культуры В.П. Денисовым изучено 17 жилых сооружений (поселения Васюково II–12; Заюрчим I–3; Заюрчим VI–2). Объекты, исследованные в конце 50-х – начале 60-х XX в. на поселениях Заюрчим I, VI были «одними из первых жилых построек раннего железного века, раскопанных в Прикамье и относящихся ко времени становления

ананьинской культуры» [Денисов, 1968, с. 54]. Материалы раннеананьинских жилищ, изученные В.П. Денисовым, нашли отражение в обобщающей работе Е.М. Черных [Черных, 2008, с. 130,131,133,208–212]. На поселении Васюково II исследователем открыт пока единственный в Северном Прикамье укрепленный раннеананьинский посёлок, состоящий из двенадцати жилых построек [Денисов, 1969, с. 322–323; Коренюк, Майстренко, 2013]. В.П. Денисовым опубликован чистый в хронологическом отношении раннеананьинский вещественный комплекс поселения Заюрчим VI, который до сих пор является наиболее информативным для древностей этого периода в Верхнем и Среднем Прикамье [Денисов, 1968]. Исследователем, совместно с коллегами, опубликованы отдельные металлические находки, относящиеся к ананьинскому хронологическому горизонту – кельты из с. Верхних Муллов, высокохудожественный чекан из Сарабаихи, мечи савроматского типа из Юга и Усть-Качки [Денисов, Черных 1969; Коренюк, Денисов, 2000; Денисов, Коренюк, 2001].

Гляденовская культура (II в. до н. э. – IV в. н. э.). С именем В.П. Денисова в конце 50 – начале 60-х гг. XX в. связано открытие первых могильников гляденовской культуры в Среднем Прикамье. До этого исследователи, считали, что гляденовское население совершало погребальный обряд на костыщах- культовых памятниках раннего железного века [Генинг, Оборин, 1960, с. 167–171]. Близ г. Перми, в непосредственной близости от знаменитого Гляденовского костыща, В.П.Денисовым на могильниках Городок (1960), Заосиново I (1982) и Заосиново IV (1960,1961,1981) изучено около ста захоронений раннего железного века. Могильник Заосиново I, судя по керамическому материалу, возник в финале ананьинской эпохи, а некрополи Городок и Заосиново IV по редким находкам височных колец пьяноборского облика датированы концом I тыс. до н. – нач. I тыс. н. э. [Поляков, 1967, с. 211–212; Оборин, Вечтомов и др., 1976, с. 36–37; Денисов, 1982]. В.П. Денисовым в ходе раскопок на поселении Поздеевское озеро II (1973 г.) открыто самое северное к настоящему времени в Прикамье захоронение воина раннего железного века с железными втульчатый листовидным копьем и сарматским мечом с кольцевым навершием, которые датировано концом ананьинской – началом гляденовской эпох (последняя четверть I тыс. до н. э.).

Эпоха раннего средневековья. В 1959 г. В.П. Денисовым проводились охранные исследования Висимского могильника в Добрянском районе, разрушаемого водами Камского водохранилища. Здесь собран яркий представительный материал ломоватовской культуры (V – VIII вв.), включающий декоративные изделия, исполненные в пермском зверином стиле, обильные монетные находки переднеазиатских раннесредневековых государств [Голдина, 1970, с. 102; Генинг, Голдина, 1973; Харитонов, 1964].

Следует отметить значительную роль В.П. Денисова в деле охраны и популяризации древнего культурного наследия Пермского края. Подавляющее большинство памятников Верхнего и Среднего Прикамья, изученные исследователем, требовали охранных спасательных раскопок, так как стремительно разрушались под воздействием различных факторов [Белавин, Денисов, Мельничук, 1998]. Как профессиональный фотограф В.П. Денисов участвовал в оформлении первого каталога, посвященного образам пермского звериного стиля, созданного В.А. Обориным [Оборин, 1976].

Полевую археологическую школу в разведках и раскопках В.П. Денисова прошло не одно поколение археологов, этнографов и историков, среди которых следует отметить д. и. н. И.В. Калинин, д. и. н. Кирьянова, д. и. н. П.Ю. Павлова, д. и. н. Чагина, к. и. н. А.Ф. Мельничука, к. и. н. Л.А. Обухова, к. и. н. В.А. Шмырова, С.Н. Коренюка, В.П. Мокрушина, Э.Ю. Макарова, А.В. Рублёва, А.Г. Полякова, Г.Т. Самодурову (Ленц), С.В.Скорнякову и других.

Наследие В.П. Денисова столь объёмно, что потребует достаточно длительного научного осмысления этих материалов в рамках современных взглядов археологической науки на древние этнокультурные процессы в Прикамье.

Библиографический список

- Бадер О.Н.* Камская археологическая экспедиция в 1949 г. //Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М. – Л.: Изд-во АН СССР.1951. Вып. XXXIX. С. 89 – 95.
- Бадер О.Н.* Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947 – 1952) // Учёные записки Молотовского государственного университета. Харьков, 1953а. Т. IX. Вып. 3. С. 3 – 88.
- Бадер О.Н.* Камская археологическая экспедиция в 1952 //Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М. – Л.: Изд-во АН СССР.1953б. Вып. 55. С. 117 – 128.
- Бадер О.Н.* Жертвенное место под Писанным камнем на р. Вишере // Советская археология, 1954. XXI. С. 241 – 248.
- Бадер О. Н.* Камская археологическая экспедиция. (Работы 1953 – 1954 гг.) //Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М. – Л.: Изд-во АН СССР.1957. Вып.70. С. 49 – 71.
- Бадер О.Н.* К изучению археологических памятников зоны строительства Воткинской ГЭС. (Вместо предисловия) //Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции Института археологии АН СССР. М. Вып. 1. 1959. С. 3 – 5.
- Бадер О.Н.* Камская археологическая экспедиция в 1957 году //Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М. – Л.: Изд-во АН СССР.1960. Вып.78. С. 90 – 98.
- Бадер О.Н.* Воткинская археологическая экспедиция. (Вместо предисловия) // Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции Института археологии АН СССР. М., 1961а. Вып. 2. С. 3 – 5.
- Бадер О.Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // Материалы и исследования по археологии СССР М: Наука. 1961б. № 99. 196 с.
- Бадер О.Н.* Древнейшая история Прикамья: Доклад по опубликованным работам, представленный на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1963. 42 с.
- Бадер О.Н.* Древнейшие металлурги Приуралья.М.: Наука, 1964.176 с.
- Бадер О.Н.* Тайны седого Урала // Наука и человечество. М.: Знание. 1966а. С. 94 – 117.
- Бадер О.Н.* Изучение палеолита на Среднем и Южном Урале // Археологические открытия 1965 года. М.: Наука. 1966б. С. 44 – 46.
- Бадер О.Н.* Основные итоги работ Камской археологической экспедиции в 1947 – 1960 гг. // Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь, 1968. № 191. С. 3 – 6.
- Бадер О.Н.* Уральский неолит //Каменный век на территории СССР: (МИА № 166). М: Наука 1970. С. 157 – 171.
- Бадер О.Н.* Археологическое изучение зоны строительства Нижнекамской гидроэлектростанции и работы Нижнекамской экспедиции в 1968 и 1969 г. // Отчеты Нижнекамской экспедиции. М.; Изд-во «Знание». 1972. Вып. I. С. 7 – 26.
- Бадер О.Н.* Волго-Камская этнокультурная область эпохи неолита //Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита: (МИА №172). М.; Л.; Наука, 1973. С. 99 – 106.
- Бадер О.Н., Оборин В.А.* На заре истории Прикамья. Пермь: Перм. кн. изд-во. 1958. 244 с.
- Бадер О.Н., Оборин В.А.* Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1955 и 1960 годах // Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь: Пермское книжное изд-во. 1960. Т. XII. Вып. I. С. 3 – 33.
- Бадер О.Н., Смирнов А.М.* «Серебро закамское» первых веков нашей эры. Бардымское местонахождение // Труды Государственного исторического музея. М.: Госкультпросветиздат, 1954. 26 с.
- Балыбердина П.А.* Нео-энеолитический комплекс поселения Заборное озеро I //XLV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных: тез.докл. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет». 2013. С. 13 – 15,
- Белавин А.М., Денисов В.П., Мельничук А.Ф.* Проблемы охраны археологического наследия Пермской области // Сохранение, восстановление, использование исторического, культурного, природного наследия народов России. Березники, 1998. С. 124-128
- Бординских Г.А., Денисов В.П., Мельничук А.Ф.* Каменный сверленный топор из Григорово – уникальная для Северного Прикамья находка эпохи бронзы //Пермское Прикамье в истории Урала и России: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Березники, 2000. С. 27 – 28.
- Бочкарёв В.С.* К вопросу об археологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1986. Вып. 3. С. 78-111.
- Буров Г.М.* Племена Вычегодского края в эпоху неолита и ранней бронзы // //Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита: (МИА №172). М.; Л.; Наука, 1973. С. 83 – 94.

- Вильданов Р.Ф., Кореньков С.Н., Кулябина Н.В., Мельничук А.Ф., Мокрушин В.П. Памятники истории и культуры Пермской области: Материалы к археологической карте Пермской области. Пермь: «Арабеск», 1976. 299 с.
- Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья: Самара: Сам. Гос. Пед. Ун-т, 2008. 490 с.
- Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Галимова М.Ш., Денисов В.П., Ковалюх Н.Н., Лычагина Е.Н., Мельничук А.Ф., Скрипкин В.В. Новые данные по абсолютной хронологии неолита Прикамья // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Пермь, 2008. Вып. 2. С. 36 – 45.
- Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V – III тысячелетия до нашей эры. Казань: «Фэн», 226 с.
- Генинг В.Ф. Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере // Советская археология, 1954. XXI. С. 258 – 280.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1973. Вып. 12. С. 30 – 56.
- Генинг В.Ф., Оборин В.А. К вопросу о гляденовской культуре // УЗ ПГУ. Пермь: Перм. Кн. изд-во, 1960а. Т. XII. Вып. I. С. 160 – 174.
- Голдина Р.Д. Могильники VII – IX вв. на Верхней Каме // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1970. Вып. 9. С. 57 – 118.
- Голдобин А.В., Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Мокрушин В.П. Исследование памятников каменного века в Пермском Приуралье // Археологические открытия Урала и Поволжья: Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. С. 37 – 39.
- Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та. 240 с.
- Денисов В.П. Новые археологические памятники на р. Вятке // Советская археология. 1958. № 3. С. 111 – 119.
- Денисов В.П. Хуторская неолитическая стоянка // УЗ ПГУ. Пермь: Перм. Кн. изд-во, 1960а. Т. XII. Вып. I. С. 34 – 71.
- Денисов В.П. Самый северный памятник эпохи бронзы // На Западном Урале. Пермь: Перм. Кн. изд-во. 1960б. Вып. 2. С. 60 – 63.
- Денисов В.П. К истории населения Среднего Прикамья в эпоху поздней бронзы // Из истории Урала. Свердловск. 1960в. С. 28-37.
- Денисов В.П. Кама-Жулановское III поселение // Отчёты К(В) АЭ ИА АН СССР. М., 1961а. Вып. 2. С. 39 – 59.
- Денисов В.П. Кряжская неолитическая стоянка // Отчёты К(В) АЭ ИА АН СССР. М., 1961б. Вып. 2. С. 6 – 21.
- Денисов В.П. Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье // Вопросы археологии. Свердловск. 1961в. С. 66-75.
- Денисов В.П. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // Труды IV Уральского археологического совещания Учёные записки ПГУ. Пермь, 1967. № 149. С. 29 – 50.
- Денисов В.П. Заюрчимское VI поселение – памятник раннего железного века в Среднем Прикамье // Учёные записки ПГУ. Пермь, 1968. № 191. С. 49 – 71.
- Денисов В.П. Свидетели древности – камень, бронза, железо // На Западном Урале. Пермь, 1969. Вып. пятый. С. 312 – 327.
- Денисов В.П. Раскопки поселений эпохи бронзы на Нижней Камы // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. М.: Изд-во «Знание». 1972. Вып. I. С. 75 – 77.
- Денисов В.П. Новые палеолитические местонахождения и памятники на Камском водохранилище // Археологические открытия 1975 года. М.: Наука. 1976. С. 174 – 175.
- Денисов В.П. Раскопки Краснопоблищенского поселения // Археологические открытия 1976 года. М.: Наука. 1977. С. 144 – 145.
- Денисов В.П. Стоянка в Бор-Лёнве // Уральский следопыт. 1980. № 2. С. 2.
- Денисов В.П. Раскопки Непряхинских стоянок // Археологические открытия 1980 года. М.: Наука. 1981. С. 131.
- Денисов В.П. Работы Заосиновского отряда // Археологические открытия 1981 года. М.: Наука. 1982. С. 144 – 145.
- Денисов В.П., Кореньков С.Н. Чекан с Сарабаихи // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники, 2001. Вып. I. С. 137 – 142.

- Денисов В.П., Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Могильники сейминско-турбинского типа в Волго-Камье //Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1988. С. 46 – 69.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Памятники с накольчато-прочерченной керамикой в неолите Среднего и Верхнего Прикамья и их роль в формировании гаринско-борской культуры //Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы (Тезисы докладов предстоящей областной конференции). Оренбург, 1986. С. 52 – 53.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Косинская I стоянка – памятник позднего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987. С. 19 – 25.
- Денисов В.П. Мельничук А.Ф. Второе жилище Хуторской стоянки //Неолитические памятники Урал: Сб. науч. Трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1991а. С. 21 – 31.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Заосиновское VII поселение и проблема формирования культуры эпохи бронзы в Среднем Прикамье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР: Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1991б. Вып. 19. С. 102 – 113.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Южные культуры и население таежной зоны Среднего Прикамья в эпоху бронзы (первая половина II тыс. до н. э.) // Конференция «Проблемы межкультурных взаимодействий в сопредельных национальных и административных образованиях (на примере Среднего Прикамья)» Тезисы докладов. Сарапул, 1997. С. 54 – 56.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Новые находки предметов вооружения эпохи бронзы в Пермском Приуралье //Историко-культурное наследие: новые открытия, сохранение, преемственность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Березники, 1999. С. 34 – 35.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Местонахождения сверлённых балановских топоров на территории Пермской области //Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы Вторых Халиковских чтений. Казань, 2002. С. 59 – 63.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Поселение Рычино III в Удмуртском Прикамье и валиковая керамика в позднегаринском культурном пространстве //Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь, 2012. Вып. VIII/ С/ 115 – 120/
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Стоянка Корепино I – первый энеолитический памятник на реке Колве в Северном Прикамье // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2012. Вып. 1 (18). С. 67 – 79.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Комплекс памятников эпохи неолита и палеометалла у деревни Рычино в Сарапульском районе Удмуртской республики //Научные труды национального парка «Нечкинский». Ижевск: Парадигма, 2013а. Вып. 2. С. 3 – 26.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Поселение Гагарское III в системе новоильинских древностей Пермского Приуралья //Вестник Пермского университета. Сер. История. 2014. Вып. 1 (24). С. 44 – 59.
- Денисов В.П., Черных Е.Н. Верхнемуллинская находка топоров-кельтов //СА.1969. № 3. С. 239–243.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Балыбердина П.А., Чурилов Э.В. Неолит Удмуртского Прикамья. Итоги изучения. // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV-е Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. С. 57 – 65.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Бурмасов М.С., Чурилов Э.В. Неолит Северного Прикамья. Итоги изучения // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV-е Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. С. 66 – 71.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Митряков А.Е. Малоизученный хронологический горизонт Заосиново VII – Непряха VII – ПартизаныIV эпохи бронзы Среднего Прикамья // Шестые Берсовские чтения: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург; Изд-во Квадрат, 2011. С. 107 – 116.
- Денисов В.П., Оборин В.А. Исследования в Пермской и на севере Свердловской области // Археологические открытия 1967 года. М.: Наука. 1968. С. 105 – 106.
- Денисов В.П., Павлов П.Ю. Заозерье новый верхнепалеолитический памятник в низовьях р. Чусовой // Взаимодействие культур в древности и средневековье: Материалы по археологии Европейского Севера- Востока. Сыктывкар, 1993. Вып. 12. С.5-16.
- Жукова О.В., Лычагина Е.Л. Сравнительная характеристика позднеэнеолитических и новоильинских комплексов керамики Верхнего и Среднего Прикамья // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2012. Вып. 1 (18). С. 80 – 86.

- Калинина И.В. Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья //Арх. Сб. Гос. Эрмитажа. Л., 1979. № 20. С. 5 – 27.
- Карманов В.Н. Неолит европейского Северо-Востока. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН. 2008. 226 с.
- Кореньюк С.Н., Денисов В.П. Находки мечей ананьинского времени в Пермском Прикамье //Пермское Прикамье в истории Урала и России: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Березники, 2000. С. 39 – 42.
- Кореньюк С.Н., Майстренко Д.А. Жилища и фортификации раннеананьинского укрепленного посёлка на поселении Васюковское Пв Северном Прикамье //Вестник Пермского университета. Се р. История. 2013. Вып. 1 (21). С. 67 – 76.
- Крайнов Д. А. К 70-летию Отто Николаевича Бадера // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука. С. 5 – 12.
- Крижевская Л.Я. Среднее Поволжье, Волго-Камье, Приуралье // Археология. Неолит Северной Евразии. М.: Наука. 1996. С. 243 – 252.
- Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д., Денисов В.П. Металлообработка гаринской культуры Верхнего и Среднего Прикамья // Вопросы археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 13 – 21.
- Матюшин Г.Н. Каменный век Южного Урала // Автореф. дисс. ... ист. наук. Киев, 1987. 33 с.
- Мельничук А.Ф. О памятниках борского типа в Прикамье //Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990. С. 97 – 104.
- Мельничук А.Ф. Каменный и бронзовый век Сылвенско-Иренского поречья //Музей в пространстве и времени: Грибушинские чтения-2009. Кунгур, 2009. С. 31 – 32.
- Мельничук А.Ф. Хронология гаринской культуры в Среднем Приуралье // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции. СПб: «Скифия-принт», 2013. С. 157 – 160.
- Мельничук А.Ф., Изосимов Д.А., Майстренко Д. А., Ракшин А. А., Чурилов Э. В. Природно-исторический комплекс северного Прикамья «Камень-Дивий» и его окрестности на р. Колве в археологических исследованиях // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: материалы Всерос. научно-практ. конф. (г. Пермь 9 – 12 фев р. 2016 г.). Пермь, 2016. С. 102 – 109.
- Мельничук А.Ф., Пономарева Л.В. Неолитическая стоянка Чашкинское озеро VI // Проблемы изучения каменного века. Ижевск, 1984. С. 44 – 57.
- Мельничук А.Ф., Соколова Н.Е., Цыпуштанов В.А., Шилов В.В. Памятники археологии и архитектуры Березниковско-Усольского района: Каталог. Усолье, 1994. 72 с.
- Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В. Памятники эпохи камня Коми-Пермяцкого округа в историко-культурном наследии региона //Музей: новые возможности развития: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 90-летию Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка и 125-летию П. И. Субботина-Пермяка. Кудымкар, 2011. С. 184 – 189.
- Митряков А.Е. Поселение Симониха I – памятник эпохи бронзы в Удмуртском Прикамье //Вестник Пермского университета. Се р. История. 2015. Вып. 1 (28). С. 31 – 36.
- Оборин В.А. Плеховский могильник на Каме //Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М. – Л.: Изд-во АН СССР.1957. Вып. XXXVI. С. 200 – 202.
- Оборин В.А. Камская археологическая экспедиция //Археология и этнография Башкирии. Уфа: Башкирское кн. изд-во. 1964. С. 198 – 206.
- Оборин В.А. Краткий очерк работ Камской археологической экспедиции ПГУ в 1961 – 1966 гг. // Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь, 1968. № 191. С. 7 – 27.
- Оборин В. А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь: Перм. кн. изд-во., 1976. 192 с.
- Оборин В.А. Работы Камской археологической экспедиции ПГУ в 1967 – 1976 гг. // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981. С. 6 – 10.
- Оборин В.А., Вечтомов А.Д., Голдина Р.Д., Поляков Ю.А. Археологические памятники Пермской области // Памятники истории и культуры Пермской области. Пермь, 1976. С. 22 – 42.
- Наговицин Л.А. Проблемы изучения раннего неолита Волго-Камья //Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988. С. 67 – 77.
- Павлов П.Ю. Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы (по материалам стоянки Заозерье // Научные доклады Коми НЦ УрО РАН.. Сыктывкар, 2004. Вып. 467. 36 с.
- Павлов П.Ю., Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Палеолитические местонахождения с кварцитовым инвентарем в Верхнем Прикамье // // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего желез-

-
- ного века и средневековья в северном Приуралье.: Материалы по археологии Европейского Северо-Востока., Сыктывкар, 1995. Вып.13. С.4-17.
- Поляков Ю.А.* Итоги изучения памятников гляденовской в Верхнем и Среднем Прикамье // Труды IV Уральского археологического совещания Учёные записки ПГУ. Пермь, 1967. № 149. С. 197 – 215.
- Сенникова Л.А.* Поселения эпохи бронзы в бассейне р. Вятки // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 24 с.
- Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., : Наука. 1969. 396 с.
- Харитонов Д.Е.* Находки восточных монет V – VIII вв. в Прикамье // На Западном Урале. Пермь, 1964. Вып. 4. С. 170 – 176.
- Чагин Г.Н.* Колва. Чусовское. Печора: история, культура, быт от древности до 1917 года. Пермь:Изд-во «Пушка», 2017. :617 с.
- Черных Е.М.* Жилища Прикамья (эпоха железа). //Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск. 2008. 272 с.
- Pavlov P., Roebroeks W. & Svendsen J-I.* The Pleistocene Colonization of Northeastern Europe: A Report on Recent Research // Journal of Human Evolution.Vol.47. 2004 .№1-2,PP.3-17.

1

2

3

4

Рис. 1. В.П. Денисов в археологических экспедициях 1940-1960-х гг.:
 1 – раскопки стоянки им. Талицкого, 1948 (на переднем плане с В.А. Обориным);
 2 – в разведке с В.А. Обориным по Верхнекамью, 1949;
 3 – на городище Острая Грива, 1949; 4 – на раскопках Васюковских стоянок, сер. 1960-х гг.

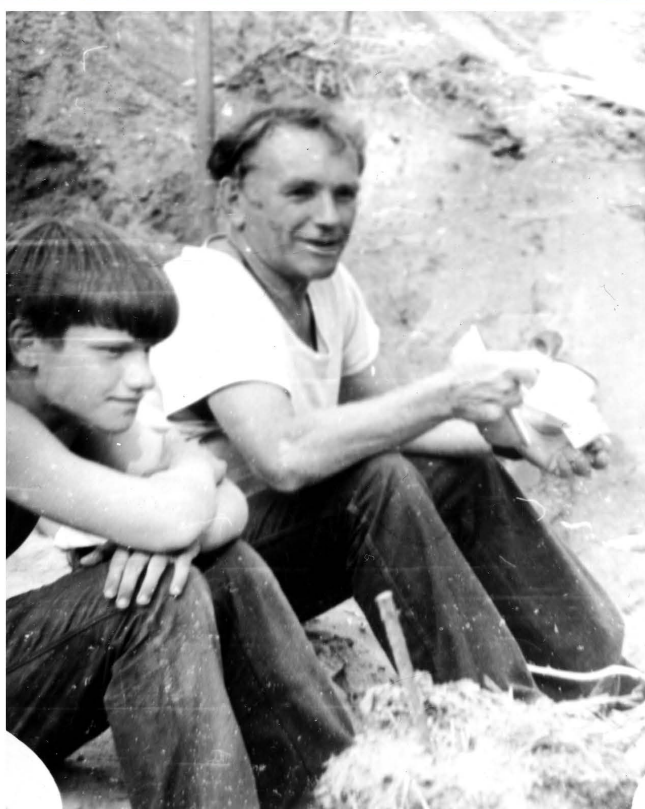
1

2

3

4

Рис. 2. 1 – В.П. Денисов с В.Ф. Генингом около корпуса университета, 1950-е гг.;
 2 – на кружке археологии Урала в университете, 1952;
 3 – на демонстрации с В.А. Обориным, 1970-е гг.;
 4 – со школьником Анатолием Лепихиным на раскопках Непряхинской Х стоянки, 1979

1

2

3

4

Рис. 3. 1 – отряд КАЭ на раскопках Заосиновских поселений, 1981 (В.П. Денисов крайний справа); 2 – участники полевого симпозиума на Половинном селище, 1991 (В.П. Денисов крайний слева); 3 – на инвентаризации памятников в Добрянском районе, конец 1990-е гг.; 4 – С.Н. Кореньюк, И.К. Кириянов, В.П. Денисов на берегу “атомного” озера в Чердынском районе, 2003

1

2

3

4

Рис. 4. В.П. Денисов и Пермский краеведческий музей:

1 – с сотрудниками отдела археологии А.Н. Лепихиным и Н.Е. Соколовой, 1990-е гг.;
2 – участники “Оборинских чтений” около отдела археологии ПКМ на ул. Тбилисская, 2001; 3 – 75-летие В.П. Денисова в музее, 2002; 4 – на открытии выставки к юбилею О.Н. Бадера, 2005

V.P. DENISOV'S SCIENTIFIC CONTRIBUTION TO THE STUDY OF THE ARCHEOLOGY OF THE KAMA REGION

G.P.Golovchansky, A.F. Melnichuk, S.N.Korenuk, E.V.Chuiykina

The Perm state National Research University, Perm, Bukireva st., 15

Griggolo@mail.ru

Dmelnichuk@mail.ru

Korenyuk_sn@mail.ru

Katarina-ch@yandex.ru

The article examines the scientific activities of the famous archaeologist of the Urals V.P.Denisov (1927–2012) in the study of the ancient cultural heritage of the Kama region. As a student of O.N. Bader, V.P.Denisov turned his main interest to the study of the monuments of the Stone Age and paleometal of the Upper and Middle Kama regions. Later chronological layers were touched upon in his research. V.P. Denisov discovered and investigated archaeological sites in the river basin. The Kams, which are still the main sources for the archeology of the Urals and the Volga-Kama: Zaozerye site (Paleolithic), Khutorskaya settlements, Chashkinskoe Lake VI (Neolithic), multilayer monuments Vasyukovo II, Zayurchim I, Krasnoe Plotbishche, Seima-Turbino complexes of the Bronze Age Zaosinovo and Bor-Lenva et al.

Key words: Perm region, archaeological sites, the Stone Age, eneolithic.

Научное издание

**Гляденовское городище-костище в контексте культур
раннего железного века и эпохи великого переселения народов
лесной полосы Евразии**

Сборник научных статей

Издается в авторской редакции
Компьютерная вёрстка: *М. Л. Перескоков*

Подписано в печать 08.10.2021. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 24,18. Тираж 100 экз. Заказ № 305

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография "Здравствуй",
г. Пермь, ул. Данщина, 7Д
Тел. (342) 270-14-05
hellobook@mail.ru